Г-395.

ПРИЧИТАНЬЯ

СѢВЕРНАГО КРАЯ

СОБРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

2.

29/117

ЧАСТЬ II.

ПЛАЧИ ЗАВОЕННЫЕ, РЕКРУТСКІЕ И СОЛДАЦКІЕ.

ИЗДАНЫ

при содѣйствіи Общества Любителей Россійской Словесности.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.П БУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

В И

Гос. Публ. Библ. имени Салтыкова-Щедрина

МОСКВА.

1882.

В. Ильинскій
Сент. 10 дня 1886 г

ПРИЧИТАНЬЯ

СѢВЕРНАГО КРАЯ

СОБРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ II.

ПЛАЧИ ЗАВОЕННЫЕ, РЕКРУТСКІЕ И СОЛДАЦКІЕ.

ИЗДАНЫ

при содѣйствіи Общества Любителей Россійской Словесности.

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОС. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

БЕЗСМЕРТНОЙ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II,

ОСВОБОДИТЕЛЯ НАРОДА ОТЪ РЕКРУТСКИХЪ ТЯГОСТЕЙ

и

ВОИНСКОЙ СТРАДЫ,

Благоговѣйно посвящается.

Не обычный вѣнокъ возлагаемъ мы на гробницу русскаго Царя-Освободителя и Мученика Александра Николаевича. Не изъ цвѣтовъ сплетенъ этотъ вѣнокъ; не изъ серебра и не изъ золота онъ скованъ: есть нѣчто крѣпче рѣдкихъ металловъ и есть нѣчто прекраснѣе живыхъ цвѣтовъ.

Нашъ вѣнокъ сплетенъ Ему изъ чувствъ народныхъ и скованъ изъ думъ народнаго духа.

Цѣлые почти вѣка народъ цѣпенѣлъ въ тяжелыхъ свинцовыхъ путахъ рекрутской и воинской страды. Стонъ стоялъ по русской землѣ при каждомъ наборѣ. Грудь народная раздиралась на части предъ рекрутскими присутствіями.

„Цѣлыя поля кручиной изнасіяно!
„Цѣлыя озера горючихъ слезъ наронено“!

Но что всего ужаснѣе, никто не могъ внимать этимъ стонамъ; никто не въ состояніи былъ жалѣть раздирающейся народной груди. И бывали даже такіе жестокіе люди, кои, не снося народныхъ воплей, силою разгоняли рыдавшихъ женщинъ отъ рекрутскаго Присутствія.

Да, скудна наша Исторія соучастіемъ въ народномъ сознаніи, но еще скуднѣе она разумѣніемъ народной жизни.

Народъ ушелъ въ самого себя; онъ плакалъ, онъ стоналъ, но свое горе повѣдалъ онъ лишь своимъ небеснымъ ходатаямъ и свои чувства открывалъ лишь своей хатѣ да могилѣ и колодѣ бѣлодубовой.

Царь-Освободитель и Мученикъ своей мягкой душой и своимъ добрымъ сердцемъ внялъ народнымъ тягостямъ. Смягчивъ воинскую страду, Онъ облегчилъ народную грудь, утеръ народныя слезы, прекратилъ и этотъ стонъ вѣковой, вызывавшійся наборами.

Какой геній, какой поэтъ, какая ода могутъ выразить все историческое величіе Александра II-го настолько, насколько даютъ разумѣть его эти вѣковые стоны, раздиравшіе до Него воздухъ, и эти слезы, лившіяся до Него потоками изъ очей народныхъ!

Причеть рекрутская и завоенная отнынѣ прекратилась вмѣстѣ съ рекрутскимъ обрядомъ.

Чѣмъ дальше будетъ жить народъ, тѣмъ чаще будетъ обращаться къ своему минувшему; и чѣмъ яснѣе и шире будетъ развиваться въ немъ историческое самосознаніе, тѣмъ больше и больше будетъ возрастать предъ нимъ въ своемъ значеніи и причетъ завоенная— и тѣмъ ярче и ярче будетъ предноситься его сознанію великій образъ Царя-Освободителя, тѣмъ осязательнѣе будетъ выступать предъ нимъ Его ликъ благодатный,—и роды родовъ будутъ превосходить другъ друга въ своемъ къ Нему благоговѣніи.

Память вѣчная Императору Александру II. Безсмертенъ Онъ и на семъ свѣтѣ, пока будетъ „живъ человѣкъ“ на святой Руси.

Елпидифоръ Барсовъ.

Москва, 1-го марта,
1882 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I— II
Введеніе	III—LV
Плачи по холостомъ рекрутѣ	1
Плачи по рекрутѣ женатомъ	87
Плачи при проводахъ солдата съ побывки	181
Плачи при побывкѣ солдата на смерть своего отца. .	248
Рекрутскій обрядъ	262
Свѣденія о вопленицахъ, отъ которыхъ записаны Причитанія	276
Разсказы про бѣглыхъ рекрутъ	286
Сказка о солдатѣ и смерти	295
Замѣчанія о языкѣ Причитаній	303
Сѣверноруссκій словарь	315

Издаваемая книга есть новая лѣтопись плачущей народной поэзіи. Ею открывается научному и общественному сознанію еще свѣжее народное горе, еще не осохшая слеза на его ланитахъ, еще недавній вѣковой вопль въ его крестоносной исторической жизни.

Книга эта является въ свѣтъ, благодаря лишь извѣстнымъ патріотамъ А. И. Кошелеву и И. А. Вахрамѣеву. Издаваемый матеріалъ былъ записанъ еще въ 1868 году; но быть можетъ, долго еще оставался бы онъ подъ спудомъ; быть можетъ, изчезъ бы на всегда безслѣдно, какъ много изчезаетъ драгоцѣннаго на святой Руси, если бы эти патріоты своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ не побудили насъ поспѣшить изданіемъ его въ свѣтъ.

Еще Шлёцеръ горько жаловался на равнодушіе русскихъ къ наукѣ. Онъ, именуемый отцемъ русской исторіи, не выдержалъ борьбы съ этимъ равнодушіемъ, оставилъ Россію и уѣхалъ въ края, гдѣ, по собственнымъ словамъ его, умѣютъ достойно цѣнить науку.

Да; еще слишкомъ слабо у насъ сознаніе, что лишь наука движетъ благомъ и счастіемъ народовъ; еще мало у насъ избранниковъ, рѣшающихся стать на тернистый ученый путь; мало анахоретовъ, посвящающихъ съ самоотверженіемъ жизнь свою служенію святой истинѣ. Едва ли десятки ихъ приходятся на милліоны народа! Но и тѣ, въ борьбѣ съ общественнымъ равнодушіемъ, заѣдаемые часто нуждой, таютъ, какъ

воскъ изнемогаютъ и падаютъ, какъ воины на полѣ брани, за счастіе и славу своей отчизны.

Но что всего безотраднѣе, они уносятъ съ собою въ могилу и все то, что добыто подвигомъ ихъ жизни или создано ихъ творящей силой: скудное русское знаніе лишается часто и того, что совершается не многими его служителями.

При такомъ положеніи русской науки — всякое нравственное и матеріальное соучастіе въ ней становится дѣломъ весьма знаменательнымъ.

Да помянутся же имена «нашихъ патріотовъ» въ исторіи русской науки и жизни!

Настоящій томъ «Причтаній» какъ и первый издается согласно правиламъ, выработаннымъ для нашего изданія «Обществомъ любителей россійской словесности» состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Собиратель.

Завоенные плачи имѣютъ ближайшее отношеніе къ изданнымъ нами плачамъ погребальнымъ, надгробнымъ и надмогильнымъ. Онѣ зиждутся на тѣхъ же эпическихъ основахъ, отражаютъ въ себѣ тотъ же эпическій складъ и связаны отчасти съ тѣми же вѣрованіями и преданіями, относящимися къ смерти и загробному существованію. Провожая сыновей своихъ въ военную службу, которая по идеѣ своей связана съ пролитіемъ крови и рѣшеніемъ самой жизни за вѣру и отчизну, отцы и матери оплакиваютъ сыновей своихъ—новобранцовъ, какъ живыхъ мертвецовъ, съ которыми свиданіе, быть можетъ, предстоитъ въ будущей жизни. Тяжкія страды этой службы, созданныя историческимъ ходомъ жизни, дѣлали эту службу тяжелѣе самой смерти. И вотъ чувство разставанія родныхъ съ этими новобранцами выразилось въ народныхъ плачахъ словами, что «живá эта разлука пуще мертвой.»

Если съ одной стороны завоенные плачи выражаютъ предъ нами тягости военнаго быта не столь отдаленнаго времени, то съ другой они отражаютъ въ себѣ слѣды этого уклада самыхъ древнихъ историческихъ эпохъ.

Завоенные плачи не новое явленіе. Ихъ мы встрѣчаемъ въ глубокой древности—въ такомъ или другомъ видѣ. Все разнообразіе ихъ—вызывалось уже историческими формами воинскаго быта.

Первые завоенные плачи связаны были, безъ сомнѣнія, съ миѳологическими возрѣніями на природу. Война и борьба въ

первобытныя времена народовъ носятъ по преимуществу священный религіозный характеръ.

Славянская миѳологія не представляетъ намъ, конечно, цѣлой и законченной картины вопіскихъ похожденій и подвиговъ боговъ, но изучая наличное міросозерцаніе русскаго народа особенно въ сѣверныхъ окраинахъ нашего отечества, нельзя не видѣть, что даже и теперь въ народномъ сознаніи живутъ еще слѣды подобныхъ вѣрованій. Въ этотъ доисторическій періодъ своей жизни, олицетворяя грозныя силы и явленія природы въ высшихъ живыхъ существахъ, народъ видѣлъ въ ихъ непрестанной борьбѣ борьбу самыхъ боговъ. И теперь еще раскаты грома и блистанія молніи во многихъ мѣстахъ народъ объясняетъ погоней Архистратига Михаила за темной силой, который ѣздитъ по желѣзному мосту въ колесницѣ съ мѣдными колесами и то бросаетъ изъ лука огненныя стрѣлы, то стучитъ молотомъ о каменныя скалы и сыплетъ изъ нихъ искры. Точно такая же неустанная борьба, по миѳологическимъ вѣрованіямъ народа, ведется и между богами земными. И теперь еще въ сѣверныхъ губерніяхъ можно слышать изъ устъ простолюдина, разсказы, полныя вѣры, какъ борются между собою цари водяные и лѣсные, боги воздушные и подземные, рѣки и озера, олицетворяемыя въ образахъ живыхъ существъ. Вотъ предъ нами напримѣръ Водопадъ-Кивачь на р. Сунѣ, воспѣтый Державинымъ. Огромныя скалы, возвышающіяся надъ водою, столпы водяной пыли и ревъ водопада поражаютъ народъ величіемъ. Звѣри бѣгутъ отъ него прочь, а человѣкъ предъ нимъ благоговѣетъ: въ его глазахъ—здѣсь живетъ царь водяной и ведетъ вѣчную неустанную борьбу съ врагомъ своимъ величавымъ Горыномъ Горыновичемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху, когда властвуютъ надъ народомъ такія миѳологическія представленія, и самая человѣческая борьба одного племени съ другимъ велась съ тѣмъ же остервенѣніемъ, какое только можетъ внушить борьба за самихъ боговъ, защита боговъ, мщеніе за боговъ. Нѣтъ сомнѣ-

ніи, что въ эту эпоху и завоенная причеть могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ плачами не столько о своей землѣ и своихъ-ладахъ, сколько плачами о богахъ своихъ. *)

Въ собранныхъ нами плачахъ этотъ народный религіозный мотивъ борьбы за вѣру крестьянскую одинъ изъ глубочайшихъ мотивовъ народнаго пѣснотворчества.

Народныя религіозныя чувства самыя изначальныя, самыя глубокія и могучія чувства человѣческой натуры. Ни чѣмъ такъ нельзя подвигнуть народъ къ самоотверженнымъ воинскимъ подвигамъ, какъ призваніемъ его къ борьбѣ за вѣру крестьянскую, за вѣру отцевъ и предковъ своихъ. Ни чѣмъ такъ нельзя возбудить въ немъ геройства и храбрости, ничто не можетъ внушить ему такой вѣры въ свою собственную мощь и силу, какъ голосъ о помощи свыше, о сверхъестественномъ содѣйствіи великаго Бога земли русской.

Главныя стихіи, съ которыми борется сѣверный русскій человѣкъ, это бушующіе вѣтры и синее море. Военные люди, собираемые изъ этого края, большею частію назначаются въ матросы и моряки.

---

*) У Грековъ завоенные плачи извѣстны были подъ именемъ Λινὸς; они употреблялись еще во времена Гомера и Гезіода (Iliad. XXIV, 720, 722). Геродотъ сближаетъ этотъ родъ плачей съ Египетскою пѣснію, которую онъ называетъ *maenos* (11, 79). Въ Малой Азіи — подобныя пѣсни встрѣчаемъ нерѣдко; такова напр. пѣснь Делійцевъ (Shol. Appolon. arg. 1133). Таковы же плачи въ честь Гиласа и Бормоса у Маріандиніенцевъ (Mariendyniens) въ честь Литіерзеса у Фригійцевъ, Нарцисса—у Віотійцевъ, Гіацинта—у Лелеговъ Лакедемонскихъ. (Muller, Die Dorier t. II, p. 351). Большая часть лицъ, воспѣваемыхъ въ этихъ пѣсняхъ являются убитыми Аполлономъ; такъ, Линъ убитъ былъ имъ по ревности за превосходство въ искусствѣ, которое онъ считалъ исключительнымъ своимъ достояніемъ. Само собою разумѣется, что подъ этими именами скрываются миѳическіе факты. Выраженіе αἰλινὸς замѣчаетъ А. Мори, (Hist. de relig. de la Grece Antique. 1857 p. 243) было лишь скорбнымъ возгласомъ и составляло родъ припѣвки, что указываетъ прямо, что Линъ не былъ лицемъ историческимъ (см. Aesch. Agamemn. v. 121, Sophocl. Ajax v. 627, Evrip.. Phoen. v. 1535. Orest. v. 1380).

И вотъ почему въ собранныхъ нами завоенныхъ плачахъ главнымъ покровителемъ воинныхъ людей въ христіанскомъ сознаніи народа является Святитель Николай Чудотворецъ. Онъ—этотъ Угодникъ изображается въ житіи, какъ усмиритель вѣтровъ и побѣдитель моря. Исторія Новгорода и Пскова говоритъ, что самое имя Николая было символомъ смѣлости, безстрашія и безнаказанности. Его считали защитникомъ удалаго Новгородскаго молодечества и онъ же Патронъ—Новгородской Общины—Братовщины Никольщины.

Вотъ почему мать, отправляя своего сына въ грозную службу Государеву благословляетъ его иконой Святителя Николая и вручаетъ его покровительству этого Угодника—на всѣхъ его путяхъ, во всѣхъ входахъ и сходахъ и, благословляя, причитаетъ:

«Дахранитъ тебя Микола многомилосливой,
«И отъ бури да хранитъ тебя отъ на́дары,
«Отъ хо́лода тебя да онъ отъ голода,
«Отъ тычковъ—пиковъ вѣдь Онъ да отъ затыльниковъ!
«Во бою да сохранитъ Онъ съ непріятелемъ,
«Отъ оружьица вѣдь Онъ да завоеннаго,
«Отъ искры сохранитъ тобя трескучей,
«Отъ этого огня да Онъ отъ плящаго.
«Впереди да Онъ Микола щитомъ берё,
«Позади да Онъ Микола мечемъ сѣкё,
«Посторонь да Онъ Микола огнемъ палитъ.
«Тучи нѣтъ, а бывъ какъ громъ гремитъ,
«Грому нѣтъ, а искры сыплются.

Но вотъ наступаетъ для народа періодъ эпическій. Боги низводятся народомъ на землю и воспѣваются подъ образами великановъ, могутовъ, богатырей; сквозь ихъ божескія черты виднѣются въ нихъ уже и черты чисто человѣческія. Это полу-боги, или какъ прекрасно назвалъ ихъ лѣтописецъ, это Божіи человѣки, въ которыхъ сказывается та же борьба силъ и явленій природы.

Вотъ богатырь чуетъ въ себѣ силу—и грузно, тяжело ему отъ силушки богатырской: сила изъ жилы въ жилу—такъ вотъ живчикомъ въ немъ переливается. Подобнымъ образомъ воспѣвать силу можетъ только тотъ, кто самъ ее извѣдалъ и въ себѣ ее чуетъ. Въ этомъ переливаніи силы изъ жилы въ жилу—сказывается мощь и сила народа русскаго, сила не устрашимая, не побѣдимая, не сокрушимая. И какую страду въ борьбѣ съ страхованіями природы не выдержало мощное плечо его! Какихъ невзгодъ, какихъ бѣдъ отъ дальныхъ и ближнихъ, отъ своихъ и чужихъ не разразилось надъ главой его и не сказалось на хребтѣ его! И пилой его пилили, какъ гласитъ одна былина, и пила его не-йметъ; и топоромъ рубили и топоръ не-йметъ; и въ смолѣ варили и смола не-йметъ; и живаго въ землю зарывали изъ мертвыхъ возсталъ. Какая-то невѣдомая богиня неба, почерпая живую воду изъ небесныхъ источниковъ, вливаетъ въ его жилы, къ силѣ набавляетъ силы и крѣпитъ его хрустящіе кости, словно чарующая дѣва и пламенитъ и живитъ и поддерживаетъ надломленныя силы своего милаго друга! Онъ преспокойно тянетъ вѣковую лямку своей страдной исторической жизни, идетъ впередъ тихими мѣрными шагами, заунывно напѣвая свою русскую пѣсню.

Въ собранныхъ нами завоенныхъ плачахъ прозвучитъ для васъ и эта величавая, богатырская натура народа русскаго.

Вотъ русскіе солдаты идутъ спасать Руссію подселенную, Царя бѣлаго и Царицу благовѣрную.

«На плечѣхъ у насъ мондеры суконъ сѣрыихъ,
«На головушкахъ-то кивера пудовыи,
«Опоясьемъ у насъ сердце обрестовано...
«Тутъ оружье да мы держимъ на правóмъ плечѣ
«И саблю вострую-то держимъ во лѣвóй рукѣ.

Но подъ этимъ сѣрымъ сукномъ, подъ этимъ опоясьемъ, сковывавшимъ грудь—какая могучая богатырская сила:

«И тутъ мы брякнемъ-то оружьемъ завоеннымъ,
«И да мы топнемъ этой правой бѣлой ножкой:
«Шаги дѣлаемъ вѣдь мы да по звѣринному,
«Ужъ мы хоботы даемъ да по лисицыному;
«И гдѣ нѣтъ пути дороги, тутъ протариваемъ,
«И гдѣ мхи да болота, тутъ орломъ летимъ.

Читая эти строки, такъ и хочется спросить, какой военный историкъ, писавшій о русскихъ походахъ, могъ почуять и такъ кратко и сильно выразить богатырство сѣраго сукпа и арестованнаго сердца, не разъ удивлявшаго Западъ Европы своею мощію?

Но вотъ русскіе солдаты на бою: стражепіе было превеликое и кроволитье преужасное: отъ дыму не видно было свѣту бѣлаго:

«И мы ходили-то, солдаты, по колѣнъ въ крови;
«И мы плавали, солдаты на плотахъ—тѣлахъ;
«И ручьямъ кровь да тудыі—сюды разливается,
«И наше храброе сердчё да разгорается;
«Тутъ одна рука не можс, другая пали;
«Тутъ одна нога упала, другая стои;
«И раззудилося плечо, да расходилося,
«И бурлацкое вѣдь сердче не устерпчиво·
«И гдѣ вѣдь пулей не-ймемъ, тамъ грудью беремъ,
«А гдѣ грудь не берё, душу Богу отдаемъ.

Читая этѣ строки, невольно вспоминаемъ знаменитое изреченіе Фридриха II: «не достаточно убить русскаго солдата; пѣтъ, послѣ этого еще нужно его повалить.»

Въ періодъ эпической войны ведутся уже не такъ грубо и безпорядочно, какъ въ болѣе первобытную эпоху. Богатыри дѣйствуютъ уже на заставахъ съ своей дружинушкой хороброю и ограждаютъ землю русскую отъ дикихъ, степныхъ варваровъ. Въ это время воспныя ополченія составляютъ уже особенную организованную силу, управляемую княземъ или предводителемъ. Точно такъ и плачи завоенные въ это вре-

мя носятъ на себѣ особенной характеръ: это или мольба къ богамъ о помощи, или плачь о добычѣ—золотѣ или серебрѣ. Образцы тѣхъ и другихъ плачей мы читаемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ—этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи дружиннаго эпоса XII в.

Съ развитіемъ исторической жизни народа, когда организуются отдѣльныя области, когда нараждается въ нихъ рядъ историческихъ преданій, когда они становятся—отчизною извѣстныхъ племенъ, созданною цѣною крови, лишеній и трудовъ цѣлыхъ поколѣній, въ ряду завоенныхъ плачей—являются плачи о разворенныхъ городахъ Эти плачи встрѣчаются еще у древнихъ народовъ и притомъ какъ Семитическаго, такъ и Арійскаго племени. Таковы плачи о раззореніи Трои о раззореніи Іерусалима, о раззореніи Царяграда и т. п. *)

*) Кромѣ извѣстныхъ библейскихъ плачей о раззореніи Іерусалима—достойны вниманія плачи о немъ средневѣковые. По прекращеніи гоненій на Іудеевъ со стороны тогдашнихъ христіанъ, сыны Іеговы—толпами устремлялись въ Палестину, чтобы оплакать свой Сіонъ. Еврейскіе плачи этого времени проникнуты такимъ одушевленіемъ и скорбію, что представляютъ высокіе образцы плачущей Еврейской поэзіи.

Приведемъ здѣсь хоть нѣкоторые отрывки изъ плача напр. Раббі Іегуда Галеви, путешествовавшаго въ Палестину въ 1140 году.

Или забылъ Ты, о Сіонъ, твоихъ плѣненныхъ дѣтей? Не слышишь ты привѣта, который посылаетъ тебѣ остатокъ твоего стада, изъ всѣхъ уголковъ земли съ Востока и Запада, Сѣвера и Юга! Невольникъ простираетъ къ Тебѣ свои упованія и несетъ Тебѣ дань своихъ слезъ! Онѣ падаютъ подобно росѣ Гермона. Увы! уже не могутъ онѣ оросить Твоихъ безплодныхъ холмовъ!. . . . . .

Дай мнѣ крылья и я принесу на Твои развалины остатокъ моего сердца; я облобызаю Твои нѣмыя камни и мое чело коснется Твоего священнаго праха. Моя нога наступитъ на гробъ нашихъ предковъ. И буду созерцать при Гевронѣ священную могилу: я насмотрюсь на гору Абаримъ, на гору Оръ, что покрываютъ прахъ Твоихъ божественныхъ учителей, двухъ свѣтилъ Израиля. Въ твоемъ винѣ я почерпну дыханіе жизни; въ твоемъ прахѣ благоуханіе мирры; въ водѣ Твоихъ рѣкъ я буду наслаждаться медомъ. Какъ отрадно было бы мнѣ ходить босыми ногами по развалинамъ Твоего святилища, гдѣ разверзлась земля, чтобы принять Ковчегъ Завѣта съ его Херувимами...

— X —

Мы остановимся лишь на плачахъ о раззореніи русскихъ городовъ: Великаго Новгорода и Пскова, Москвы, Ростова и Углича.

Древнѣйшій и самый замѣчательный плачъ—это плачъ князя Юрія Всеволодовича, по полученіи имъ извѣстія о взятіи

Могу ли чувствовать наслажденіе жизни, когда вижу, что псы таящать Твоихъ львятъ? Мои очи смѣжаются отъ дневнаго свѣта, при коемъ я вижу, что вороны уносятъ на воздухъ трупы Твоихъ орловъ. Остановись чаша страданій! Дай мнѣ одну минуту облегченья, ибо всѣ жилы мои наполнены горечью. Дай мнѣ вспомнить о Самаріи и я допью твое горькое питье; еще одно кратное воспоминаніе о Іерусалимѣ, и я выпью ее до дна!

О, Сіонъ—вѣнецъ красоты! Вспомни нѣжную любовь сыновъ твоихъ. Изъ глубины своего изгнанія они открываютъ тебѣ сердца свои и въ своихъ молитвахъ склоняются предъ твоими вратами. Стада твои, разсѣянныя по горамъ, не забыли дорогаго отечества; они стремятся къ Твоимъ высотамъ подъ тѣнь твоихъ пальмъ!...

Гдѣ тотъ смертный, который бы могъ сравняться съ твоими князьями, Левитами и небесными пѣвцами!

Въ Сиріи—до нынѣ существуетъ обрядовый плачъ о Іерусалимѣ—который ежегодно справляется въ Синагогѣ въ драмматической формѣ. Раввинъ возглашаетъ вопросы о запустѣніи Іерусалима; народъ произноситъ соотвѣтствующіе отвѣты (см. F. Charmes. Voyge en Syrie въ Revue des Deux Mondes. 1881, 15 juil. p. 306).

Любопытные плачи Евреевъ—приведены также у преосв. Порфирія въ его сочиненіи „*Востокъ*“ (кн. V, стр. 257—259. Кіевъ 1877 года).

Изъ плачей о взятіи Константинополя укажемъ 1. Плачъ номофилака Іоанна діакона Евгеника (Του νομοφύλακου Ιωαννου διακονου τοῦ Εὐγενικοῦ Μονωδια επι τῇ αλωσ της Μεγαλοπολεος).

2. Плачъ святѣйшаго Фотія, Патріарха Цареградскаго, когда Россы осаждали Константинополь въ 864 году.

3. Плачъ Никиты Хоніата—на взятіе Константинополя Латинами въ 1204 году.

4. Два плача на взятіе Солуня Турками въ 1431 году. Одинъ изъ нихъ дьякона Іоанна Евгеника; другой неизвѣстнаго поэта.

5. Два плача—на взятіе Константинополя Турками въ 1453; одинъ Патріарха Геннадія Схоларія, другой неизвѣстнаго поэта.

Всѣ этѣ плачи переведены на русской языкъ и изданы въ той же книгѣ преосвящ. Порфирія (см. стр. 247—273).

Москвы Татарами, сохранившійся съ историческомъ сборникѣ Погодина и помѣщенный здѣсь подъ 1237 годомъ. *) Татары пришедъ и скоро взяша Москву и воеводу убиша и Князя Володиміра руками яша, а люди все избиша. Слышавъ сіе великій Князь Юрій Всеволодовичъ, плакася горько, ревый яко струя изъ быстрины.... Отъ великаго кричанія лежа, яко мертвъ на земли, и едва отліявше его, посяще по вѣтру: едва отдохну душа его: Солнце мое драгое, мѣсяцъ мой прекрасный! Почто рано зашли есте? Гдѣ, Господина, честь и слава ваша! Многимъ землямъ Государи были есте, а нынѣ лежите на земли пустѣ! Не слышите ли, Господіе, словесъ моихъ? О, земле, земле! О, дубравы, дубравы! Вси плачите со мною! Како нареку день тотъ и воспишу, въ онь же толико погибе Государей и великихъ храбрыхъ удальцевъ—и ни единъ же возвратися: вси умроша и едину чашу смертную пиша. Бысть же убо тогда во всей землѣ Русстѣй многія тучи, скорби, слезы, воздыханія страха и трепета.

Подобный же плачъ дошелъ до насъ о раззореніи великаго Новгорода.

И ту конечнѣ приложиша Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, къ слезамъ слезы и къ воплю вопль: вся земля Новгородская грозою великаго князя Ивана Васильевича вызжена и вытравлена. Отъ вѣка надъ нами того не бывало! И та земская бѣда и людская кровь да будетъ изыскана отъ Бога Вседержителя на лукавыхъ людяхъ! Господи зачинающихъ рать погуби и то на тѣхъ головахъ на измѣнныхъ и на ихъ душахъ!

Или вотъ плачъ Псковскаго лѣтописца:

---

*) Въ книгохранилище Погодина сборникъ этотъ поступилъ изъ собранія Строева; нынѣ принадлежитъ Императорской публичной библіотекѣ. См. Описан. Славян. и Русс. Рукописныхъ Сборниковъ И. И. Б. А. О. Бычкова. Вып. 1 стр. 154. Плачъ этотъ выписанъ и обязательно сообщенъ намъ П. А. Плянкинымъ, которому и выражаемъ здѣсь искреннюю за то благодарность.

А Псковичи тутo горько заплакали: ка́ко не унали имъ зѣницы со слезами вкупѣ? Како имъ не урвалось сердце отъ корени?

Наста наслованіе, говоритъ біографъ Сергія Радонежскаго, сирѣчь досталось княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы, тогда граду Ростову, взываетъ онъ, паче же князем ихъ! Отъяся отъ нихъ власть, имѣніе и честь и слава! И вся прочая потягну къ Москвѣ! И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ и видящихъ сія не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ предѣлѣхъ его. О, преименитый граде Угличе, взываетъ лѣтописецъ Углицкій! О, граде многонародный, вѣрою и благочестіемъ цвѣтущій! како раззорися! Како осязаша нечестивыхъ руцѣ! Бысть многочаденъ, нынѣ же, яко вдовица и т. п.

Образцы такихъ политическихъ плачей мы встрѣчаемъ и въ собранной нами завосенной причети. Таковъ напр. въ высшей степени любопытный плачь о томъ времени, когда «Новгородъ вѣдь былъ нераззореной и ко суду были крестьяна не приведены.»

«Были людушки тогды да не штукавыи,
«Не штукавы оны были,—запростѣйшіи;
«Какъ судьи́ да въ тую пору не моло́дыи,
«Пожитьи́ да мужики были почётныи,
«Настойсливы оны да правосудливы.»

Самый судъ происходилъ здѣсь «на церковномъ крыльцѣ» и дѣла рѣшались «передъ образомъ»:

«Буде што да въ прежни вре́мена случалося,
«Соберется три крестьянина хоть стоющихъ,
«Промежъ ду-другомъ оны да разсовѣтуютъ,
«Какъ спасти да человѣка-то помиловать,
«По суду́ ли-то теперечко по Божьему,
«По этымъ ли законамъ праведливымъ.
«Тыи времечка прошли да невидаютца,
«Тыи годы скоротались, неслыхаютца.

Но вотъ «наступили бусурманы превеликіи, разорили оны славный Новгородъ», и съ того времени быстро пошло заселеніе Обонежскаго края. Всѣ тутъ прйдались въ подсиверну сторонушку, па зва́пы острова да эты *Кижскіи*, во славное во обчество *во Толвую*. Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и разбогатѣли:

«Были добры у ихъ кони иноходныи,
«Были славны корабли да мореходныи».

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть своей родины:

«Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную,
«О Владычномъ оны да этомъ праздничкѣ,
«И прослужатъ тамъ обидепку воскресную,
«И какъ выйдутъ па крылечико церковное,
«И какъ сглянутъ во подлѣтную сторонушку,
«Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко,
«Сговорятъ оны вѣдь есть да таково слово̀:
«Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекае,
«Тамъ вѣдь прежняя, родима наша сто́рона,
«Наша сла́вна сторона̀ Новогородская».

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и и какъ глубоки симпатіи Заонежанъ къ былому, древне-русскому быту; здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ коимъ продолжаютъ оцѣнивать свое настоящее. Старики старо-древніи говорятъ недорослькамъ моло́дымъ:

«Послыха́йте словеса наши старинныи,
«Запримѣтьте того, малы недоросточки!
«Ужъ какъ это сине морюшко сбушуется,
«На синёмъ морѣ волна да порасходится,
«Будутъ земскіи вси избы испражнятися,
«Скрозеко́зныи судьѝ да присыла̀тися;
«Вси измѣнятся пустыни богомольныи,
«Разорятся вси часовенки спасеныи.

«Кругомъ-около робята обстолпилися,
«Какъ на этыхъ стариковъ да оглядилися,
«Ихнихъ рѣчей недоростки, пріослухались,
«Кои умны недорасточки, примѣтныи,
«Оны этыи слова тутъ принимали,
— «Объ досюльныихъ законахъ обстоятельныхъ,
— «Объ досюльноемъ житьѣ Новогородскоемъ.
«Сволповалось сине славное Онегушко,
«Какъ вода съ пескомъ помутилася.
«Тутъ воспомнятъ-то вѣдь малы недорасточки:
«Теперь-ноньда времена-то тѣ сбываются,
«Какъ у старыхъ стариковъ было разсказано.

По главнымъ образомъ завоепные плачи развились со времени рекрутскихъ наборовъ, заведенныхъ Петромъ Великимъ. Главными причинами педовольства народа были при этомъ неопредѣленность въ наборахъ, несправедливости при этомъ *), дурное обращеніе и худое пропитаніе солдатъ. (Воепн. Коллег. 1719). Множество Петровскихъ указовъ, направленныхъ противъ этихъ злоупотребленій, открываютъ намъ картину тогдашняго воепнаго быта. Рекрутъ новобранцевъ сковывали и въ кандалахъ отводили по городамъ и размѣщали по тюрьмамъ; пищей кормили пзпурительной; развивались болѣзни и, что всего было тяжелѣе, приходилось умирать безъ покаяпія. «Со многихъ сильниковъ, доносилъ одинъ фискалъ Государю, солдатъ не брапо, а только берутъ съ тѣхъ, который безотвѣтенъ и богобоязливъ; взятые отъ сильниковъ годные распущены, будто негодные дьяками и подъ-

*) Эти несправедливости сопровождали всякій наборъ до послѣдняго времени. Онѣ послужили мотивомъ для драмы, подъ заглавіемъ: Великодушіе или рекрутскій пародъ, играпной на С.-Петербургскомъ театрѣ 13-го ноября 1803 года: Достойно замѣчанія, что критика, осуждая эту драму между прочимъ порочила ее за то, что въ пей всѣ дѣйствующіе лица—одни крестьяне. Отъ Мольера до Коцебу не бывало де писателя, который бы строилъ драму изъ крестьянскаго быта.

ячими, а другихъ съ нихъ не взято, то изъ взятокъ, то придабриваясь. Брали увѣчныхъ и къ службѣ негодныхъ».

Но что всего тяжелѣе было для народа, такъ это, что эти наборы связывались съ такими условіями, которыя не мирились съ религіознымъ народнымъ сознаніемъ. Приказано было новобранцамъ рекрутамъ *обстригать и брить бороду*.

Русская борода—этотъ естественный амулетъ, эта охрана дыханія противъ сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ—получила глубокое значеніе въ нашей исторіи: она стала предметомъ почитанія и гоненій; она стала предметомъ законодательства и создала много мучениковъ. Нѣтъ прямыхъ указаній, чтобы когда-нибудь русскій человѣкъ сочувственно относился къ стриженію и бритью бороды. Напротивъ встрѣчаемъ очень ранніе свидѣтельства обратнаго.

Такъ уже изъ Псковской грамоты мы знаемъ, что за вырванье бороды, назначена была весьма большая по тому времени пѣня въ 2 рубля.

Далѣе Кіевская лѣтопись, говоря о гордомъ льстецѣ Владимірѣ Ѳеодорцѣ, мучителѣ другихъ человѣковъ, замѣчаетъ, что онъ «головы порѣзывалъ и бороды.» Точно также говоря о Владимірѣ Васильковичѣ (подъ 1288 г.), она прибавляетъ, что онъ «бороду стригъ.» Но еще опредѣленнѣе взгляды на нее сказались въ XV и XVI вв. Царь Василій Ивановичъ, вступивши во второй бракъ, чтобы больше нравиться своей супругѣ и казаться моложавымъ, выбрилъ себѣ бороду, по какъ видно, очень смущался этимъ обстоятельствомъ. Встрѣтивъ Герберштейна съ бородою на аудіенціи въ 1527 г., онъ спросилъ его: брилъ ли онъ когда-нибудь бороду? Баронъ понялъ и, какъ тонкій дипломатъ, тотчасъ отвѣтилъ: брилъ. «*Это по нашему*» сказалъ царь и былъ доволенъ отвѣтомъ.

Въ письменности XVI в. не рѣдко встрѣчаются уже горячія запрещенія постриганія бороды. *) Максимъ Грекъ пи-

*) См. напр. Сборникъ Синодальной библ. №. 204. л. 368.

салъ даже особое посланіе къ самодержавному царю Ивану Васильевичу, «о еже не брити брады». *)

Но вотъ Стоглавый Соборъ порѣшилъ, что не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити, ни бородъ брити, ни усовъ подстригати и Грозный особымъ наказомъ приказалъ по торгомъ кликати, чтобы всѣ христіане, отъ мала до велика, бородъ не брили и не обсѣкали. Черезъ годъ послѣ этого собора послапъ былъ въ Свіяжскъ Архангельскій протопопъ Тимоеей остановить тамошнее войско отъ не обузданнаго разгула. Увѣряютъ, говорилъ проповѣдникъ между прочимъ, что забывъ страхъ Божій.... и угождая женамъ, вы *кладете бритву на брады своя* и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужьями. Богъ, Іоаннъ и церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтесь или увидите гнѣвъ царя и услышите клятву церковную!

Далѣе Каллингвортъ пишетъ, что въ 1555 г. послѣ обѣда, на который онъ приглашенъ былъ Грознымъ, царь любовался его прекрасной, густой и окладистой бородой, которая была въ 2 фута и въ 2 дюйма длиною и указалъ на нее Митрополиту Макарію; тотъ поглядѣлъ и замѣтилъ: Да, это по истинѣ *даръ Божій*.

Въ 1580 г. тотъ же Грозный, встрѣтившись съ Пассевинымъ и сыпля противъ него супротивныя слова, въ рѣзкихъ формахъ бранилъ латынниковъ за стриженіе брады и усовъ. Такимъ образомъ въ XVI в. русская борода сдѣлалась символомъ національности и православія.

Палицынъ Бориса Годунова называетъ потаковникомъ ересей Армянской и Латинской за то, что старые мужи брады при немъ постригали и въ юношей премѣнялись.

Въ 1675 г. Великій Государь Алексѣй Михайловичъ приказалъ князя Андрея Кольцева изъ стряпчихъ написать по жилецкому списку, за то, что тотъ волосы на бородѣ пост-

*) См. Сборникъ той же библ. № 338, л. 56

ригалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указомъ повелѣлъ, чтобы стольники и стряпчіе и московскіе дворяне и жильцы волосъ на себѣ подстригать не смѣли—иначе будутъ въ опалѣ и изъ высшихъ чиновъ будутъ написаны въ низшіе. Патріархи писали посланія въ защиту бороды. «Воззрите, православные на икону страшнаго суда и видите: праведные-одесную Христа стоящіе — вси брады имутъ; на шуей же стоящіе бесермены и еретики брадобритники, имущіе единые усы, яко кошки и псы.» Раздалось наконецъ и поучительное слово словеснѣйшихъ учителей Лихудовъ, о еже не брити брады по закономъ *). Но вотъ Петръ 1-й начинаетъ гоненіе противъ бороды. Въ 1700 г. онъ предписалъ всѣмъ служилымъ людямъ обрить свои бороды и носить иноземное платье; образцовые кафтаны нѣмецкаго покроя вывѣшаны были при всѣхъ воротахъ въ Москвѣ. Но упорство въ бритьѣ бородъ заставило Петра издать новый указъ (10 января 1706 г.) коимъ право носить бороду должно было окупаться *); вмѣсто квитанціи выдавали металлическіе знаки въ видѣ монеты, на которой съ одной стороны изображенъ былъ гербъ Россійскій, а на другой посъ съ усомъ и борода съ надписью *«дань заплачена.»*

Не однихъ только простыхъ людей смущалъ тогда этотъ нововводный обычай. Вотъ Патріархъ Андріанъ издастъ свою грамоту противъ брадобрійцевъ.

Но что же онъ долженъ былъ подумать о царѣ, который сряду послѣ этой грамоты обстригалъ усы боярамъ и требовалъ отъ нихъ, чтобы они брили свои бороды? Какимъ смущеніемъ, какой нравственной борьбой должны были раз-

---

*) См. Сбори. Синод. библіот. №338, л. 60.

**) Царедворцы и другіе чиновники должны были платить по 60, гости 1-й статьи по 100, средней и меньшей статьи гостиныя сотни, торговые и посацкіе 1-й статьи по 60; средней и меньшей статьи боярскіе люди, ямщики, извощики, церковники, кромѣ поповъ и дьяконовъ и прочіе всѣ, кромѣ деревенскихъ, по 30 руб. въ годъ.

рѣшиться думы Патріарха, съ одной стороны о священномъ значеніи бороды, а съ другой о новой бусурманской затѣѣ царя, царя боговѣнчаннаго, православнаго!

Не трудно по этому понять народное смущеніе, которое вызвано было между прочимъ и этимъ пововводнымъ обычаемъ.

Начались повсюду толки о явленіи въ міръ антихриста, которые скоро проникли и въ воинскіе полки.

«Страшно рещи о немъ—говорили народные проповѣдники; и воинство его будетъ не парицатися воинами, но названіе нѣкое страшное будетъ—солдаты, и брады будутъ бриты имуща—яко жены; одѣяніе будутъ носити короткое выше колѣна, и на главахъ хвостъ имутъ и орла носити, о немъ же писа Ездра пророкъ. И нынѣ вся сія сбысться. Главы и брады обрили и персоны ругательно обезчестили.»

«Послушайте, христіане, послушайте! проповѣдывалъ нѣкто Левинъ въ Пензѣ. Много лѣтъ служилъ я въ арміи у генералъ маіора Гаврила Семеновича Кропотова въ командѣ. Меня зовутъ Левинъ.... Жилъ я въ Петербургѣ и тамъ всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли. А въ Москву пріѣхалъ Царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ. А въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать. На которыхъ печатей не будетъ, тѣмъ и хлѣба давать не станутъ. Бойтесь этихъ печатей православные.... бѣгите, скройтесь куда-нибудь.... послѣднее время.... антихристъ пришелъ.... антихристъ....

Эти страстныя мысли, вырванныя изъ воинской жизни, даютъ намъ понять, какъ тяжки были условія завоеннаго Петровскаго быта.

Съ какимъ неистовымъ попраніемъ души народа происходило тогда гоненіе русской бороды, это всего лучше показываетъ намъ Углецкая лѣтопись. Раскроемъ и прочита-

семъ изъ нея нѣсколько страницъ *) и тогда для насъ понятенъ будетъ и тотъ жесткій и безсердечный мотивъ, который мы встрѣчаемъ въ народномъ воплѣ, направленномъ противъ брадобрійцевъ.

29 апрѣля 1714 года Царь Петръ Алексѣевичъ прислалъ въ Угличъ указъ, коимъ требовалъ съ посаду и съ уѣзду съ 20 дворовъ по человѣку, въ первой солдатской наборъ, въ шведскую службу; жители по обыкновенію своему, говоритъ лѣтописецъ, тотчасъ же собрались въ Церковь Св. Дмитрія, что внутри города надъ кровію Его, и молили Господа Бога и Пречистую Богородицу «о помощи Божьей Царской державѣ на враги». Въ то же самое время пришелъ другой царскій указъ о запрещеніи русскаго платья, о ношеніи новаго нѣмецкаго, не по обычаю русскимъ людемъ, «и чтобъ всякъ въ городѣ посадской человѣкъ носилъ таковое чужевѣрныхъ обычаевъ нѣмецкое платье; а вмѣстѣ тѣмъ же указомъ предписывалось, подъ великою строгостію, чтобы никто изъ посадскихъ жителей бородъ не ростилъ и не носилъ по старорусскому обычаю, а непремѣнно выстригалъ или выбривалъ на-чисто «по тому же нѣмецкому суэмысленному мудрованію»; а если усмотрятъ на комъ русское платье, или кто въ бородѣ, и съ того велѣно брать пошлинъ за платье по 40 копѣекъ съ человѣка за каждые сутки, а кто еще съ бородой, брать противъ того вдвое. По совѣту, всѣхъ городскихъ жителей бурмистры обратились съ усерднымъ моленіемъ къ выборнымъ дворянамъ, Стефану Яковлевичу Опочинину и Аѳанасію Семенову Пустобоярову, которымъ городъ былъ приказанъ -воевода же самъ посланъ былъ въ Польскіе города—дабы они явили Божескую милость надъ жителями града и дозволили бы ходить въ русскомъ платьѣ хотя гражданамъ маломощнымъ и убогимъ, коимъ указнаго платья управити

*) Въ Углецкомъ Лѣтописцѣ, намъ принадлежащемъ есть глава подъ заглавіемъ: „Списокъ о бывшемъ смятеніи въ городѣ Угличѣ сроускомъ платьѣ и о бородахъ (№ 34, л. 170).

было нечѣмъ, и штрафы платить нечѣмъ же; и чтобы попустили ходить въ бородахъ тѣмъ изъ нихъ, кои брить или стричь бороды, боялись запрещенія прежнихъ царей и патріарховъ и чтобы они всѣмъ гражданамъ, разрѣшили по крайней мѣрѣ пройти въ городскіе ворота для богомолія «безвозбранно и безповинно «прежде исполненія Царскаго указа». Усердна была молитва граждань о помощи свыше въ постигшей бѣдѣ. Съ любовію лѣтопись вспоминаетъ боярина Стефана Опочинина: «теплъ онъ былъ вѣрою Господу Богу и Пречистой Богоматери: онъ «разжегся любовію и горѣлъ молитвой за народъ. Не таковъ былъ товарищъ его Аоанасій Пустобояровъ; онъ пріѣхалъ въ городъ лишь на отпустѣ молебнаго пѣнія» и, изыде съ воинскими людми на горожанъ. аки на нѣкую брань со врагами; онъ приказалъ затворить и крѣпко запереть за собою городскія ворота, а самъ съ своими воинами пошелъ «до церкви». Граждане же, наполнявшіе не только церковь, но и паперть, и выходы и площади церковные, видя того Аоанасія «аки волка къ нимъ приседша и зубы своими скрегчуща, и узнавъ о затворѣ городскихъ воротъ, поняли его недобрую мысль, уразумѣли его прелесть: по словамъ лѣтописца, они «окружены были воины» словно рыбы, уловленныя въ сѣти или какъ худыя птицы, укрученныя въ паутинѣ гордаго паука». Онъ приказалъ пищикамъ, обходя по народу въ церкви», переписывать всѣхъ, бывшихъ въ неисправленномъ платьѣ и съ бородами. «Веліе смущеніе» произошло въ церкви. Одни возстенали ко Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и призывали въ помощь царевича Дмитрія о избавленіи отъ таковой напасти; другіе же «убогіе и немощные люди», разумѣя свою скудость и боясь штрафовъ, бросились вонъ изъ церкви «гонзнуша на бѣгство» и прибѣжавъ къ городскимъ воротамъ и найдя ихъ запертыми, возстали противъ сторожей; и бысть тогда отъ воинъ, говоритъ лѣтописецъ, нападеніе на гражданы и гонка велика, и терзаніе одежды и брадъ; начаша бо бѣгущихъ ловити съ богомолія и одежды ихъ рвати и драти

и ножами урѣзывати бороды; не дающихъ же безчестія того творити начаша бити и за брады по земли влачити—и власы брадъ руками изрываху; и бысть бой и смятеніе и воины ранили многихъ гражданъ у врать сущихъ. Самъ же Аоанасій Пустобояровъ на отпустѣ нѣнія вошелъ безстудно въ церковь; не воздалъ чести иконамъ, ни поклоненія гробу Царевича; съ великою гордостію, по слову лѣтописца, скочилъ въ людской соборъ, смутилъ окаянный церковныя пѣсни плищемъ многимъ, поставилъ пищиковъ у дверей церковныхъ и велѣлъ переписывать всѣхъ исходящихъ изъ церкви въ рускомъ платьѣ и съ бородами. Напрасно жаловались на него граждане Стефану Опочинину: Пустобоярова бо власть больши бысть, нежс Опочинина. Правовѣрные выходили вонъ изъ церкви, а пищики и приставленные воины стояли у врать церковныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ надъ врагами нѣкими ярость свою показующе; всѣхъ по единому удерживали у врать церковныхъ и пищики начинали писать бывшихъ не въ указномъ платьѣ и въ бородахъ. Здѣсь, при сознаніи своей безпомощности, спасающей силой является вѣра, и вотъ лѣтописецъ изображаетъ предъ нами факты сверхъестественной Божьей помощи, явленной Угличу въ постигшей его напасти. О, дивныхъ чудесъ, восклицаетъ онъ, и заступленія Царевича Дмитрія о людѣхъ своихъ! Три писца переписывали Угличскихъ гражданъ, ходившихъ не въ указномъ платьѣ и съ бородами, и тутъ же надъ всѣми совершался судъ Божій.

Первый подьячій Леонтій Писаревъ—озлоблялъ гражданъ «ради безпорочныхъ обычаевъ» и онъ же первый пострадалъ: «обья его духъ нечистый, и демонъ вниде въ него, и сотрясе его и поверже на землю и начатъ бити его главою о помостъ». Назначенъ былъ новый писецъ—тѣмъ же Аоанасіемъ, невѣдущимъ крѣпкой руки Божьей надъ людми Его неповинными: но вотъ лишь взялъ онъ перо, «рука его изсше и недѣйственна бысть ко описке. Третьяго же писца, о, дивнаго наказанія Божія—страшнѣйшій судъ по-

стиже: взя власть на немъ демонъ и приразися ему сатана, и, вшедъ въ небо духъ нечистый, удари его о землю крѣпко, и разби его и безгласна сотвори и полумертва отнесоша его съ того смятенія.

Кипя гнѣвомъ и дыша лютостію, волшвеніемъ и чарованіемъ граждан объяснялъ Пустобояровъ эти явленія помощи Божьей. Наконецъ самъ онъ взялъ перо, коснулся бумагъ и «начать его рука борзо писати», попусти бо ему на зло Богъ и посади при себѣ многія писчики и повелѣ писати. Донось былъ готовъ и отправленъ царю. И разгнѣвался на градъ Угличь Царь Петръ Алексѣевичъ и отправилъ туда думнаго своего дьяка Ивана Петровича сына Ушакова и велѣлъ ему розыскать тотъ градской мятежъ. Во время этого розыска постиже судъ Божій и самого окаяннаго Аѳанасія: руда пустилась изъ него, и весьма изнеможе; и два дни едва могъ дыхати; въ 3-й же день злѣ изверже свою душу окаянный.

Церковъ съ своей стороны вынуждалась также на преслѣдованіе бороды *); такъ въ инструкціи, выданной въ 1722 г.

---

*) Соучаствуя въ Петровскихъ гоненіяхъ на русскую бороду, св. Синодъ однакожъ очень горячо отнесся къ стихотворнымъ пасквилямъ Ломоносова, направленнымъ противъ бороды самихъ синодаловъ. Въ 1757 году отъ 6-го марта Св. Синодъ—въ своемъ докладѣ жаловался Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что проявились въ народѣ пасквильные стихи, надписанные *Гимнъ бородѣ*, въ которыхъ недовольно того, что тотъ пасквилянтъ... крайне сквернымъ и совѣсти и честности христіанской противными, ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ, но и таину св. крещенія, къ зазрительнымъ частямъ человѣческаго тѣла наводя, богопротивно обругалъ и черезъ названіе бороды—завѣсою ложныхъ мнѣній, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ; и когда по случаю бывшаго съ профессоромъ академіи наукъ Михаломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора о таковомъ непотребномъ сочиненіи отъ синодальныхъ членовъ разсуждаемо было, что оной пасквиль по слогу признательно, чуть ли не отъ него самого произошелъ, и что такому сочинителю, если въ чувство не пріидетъ и не раскается, надлежитъ казни Божьей, и церковной клятвы ожидать; означенный Ломоносовъ, услышавъ сіе

отъ закащика Вологодской эпархіи Зякуйской волости попа Ѳедора Алексѣева духовному фискалу или инквизитору попу Тимоѳею Комоневской волости, въ числѣ разныхъ пунктовъ между прочимъ предписывалось «дабы посланные сыскивали брады имущихъ и приводили къ духовнымъ управителемъ, которымъ у духовныхъ дѣлъ допрашивать, чего ради они брады отращиваютъ и не ставятъ ли того брадобритія въ грѣхъ, понеже изъ того признается, кто раскольникъ или не раскольникъ». (пунктъ д̈).

Понятно, что такая исторія русской бороды, не могла не отразить своихъ слѣдовъ и въ завоенной причети. Бритье

сперва началъ оный пасквиль шпынскій защищать; а потомъ сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пасквильному сочиненію авторомъ оказалъ; убо въ глаза предъ синодальными членами таковыя ругательства и укоризны всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь невозможно; и не удовольствуясь тѣмъ, еще послѣ того вскорѣ таковой же другой пасквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими явными уже духовному чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшихъ нежели поповъ ставитъ, а при концѣ точно ихъ назвавши козлами, упомяненную ему при розсужденіи церковную клятву за едину тщету вмѣняетъ; изъ каковыхъ не христіанскихъ, да еще отъ профессора академическаго пасквилевъ, не иное что какъ противникамъ православныя вѣры и таковымъ продерзателямъ къ безстрашному кощунству духовнаго чина, явной поводъ происходить можетъ; а понеже между прочими вашего Импер. Величества родителя блаж. и вѣчной славы достойные памяти Государя Императора Петра Великаго правами, жестокія казни хулителямъ закона и вѣры, чинить повелѣвающими: военнаго артикула гм. 18-й 149 пунк., таковыхъ пасквилей сочинителей наказывать, а пасквильныя писма чрезъ палача подъ висилицею жечь, узаконено; того ради со оныхъ пасквилей всеподаннѣйше Вашему Импер. Велич—ву подноситъ синодъ копіи и всенижайше просить, чтобы Ваше Импер. Велич—во, яко Богомъ данная и истинная церкви и св. вѣры и духовному чину защитница, Высочайшимъ своимъ своимъ указомъ, таковые соблазнительныя и ругательныя пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означенаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ синодъ отослать, Всемилостивѣйше, указать соизволили.

новобранцевъ—особенно въ самомъ началѣ—казалось надругательствомъ надъ русской душей.

И вотъ въ записанныхъ нами завоенныхъ плачахъ, мы слышимъ прежде всего надсмѣшку надъ брадобрѣями.

Быдьте прокляты, злодіи супостаты,
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая,
Сѣките вы кудри поскоряя,
Точите вы бритвы повостряя,
Ужъ вы брѣйте его да побѣляя.

Но рядомъ съ этой ироніей—сказывается и глубокое возмущеніе всѣми силами души. Мать рекрута неистово вопитъ:

Охти мни да мнѣ тошнёшенько!
Кабы мнѣ да эта бритва навостреная,
Не дала бы я злодійной этой некрести,
Надъ моимъ поньку рожденіемъ надрыгатися;
Разпорола бы я груди этой некрести,
Ужъ я выняла бы сердце тутъ со печенью,
Разпластала бы я сердце на мелкій куски,
Я нарыла бы корыто свиньямъ въ мѣсиво,
А и печень я свиньямъ на уѣданьице....

Эту вѣковую борьбу народа противъ брадобрѣтія, стоявшую ему безконечныхъ тяжкихъ воздыханій и горючихъ слезъ, тюремныхъ заточеній, ссылокъ на галеры, пролитой крови и головъ, сложенныхъ на дыбахъ или рукою палача—прекратилъ покойный Государь—Императоръ Александръ Николаевичъ! Всѣмъ извѣстно знаменитое дѣло Карташева, который заявилъ, что съ него могутъ снять одно изъ двухъ или бороду или голову. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе; но Царь-Освободитель помиловалъ его отъ этой казни, разрѣшилъ всѣмъ желающимъ носить бороду и чрезъ то освободилъ Русскій народъ отъ вѣковаго внутренняго смущенія и поруганія.

Со временъ Петровской реформы начались особенно частые побѣги отъ военной службы. Указъ за указомъ, начиная съ

1713 г., слѣдовали противъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Бѣглыхъ велѣно было клеймить, наколя имъ крестъ на лѣвой рукѣ и натирать порохомъ, Въ 1716 г. данъ былъ годичный строкъ на возвращеніе бѣглыхъ: если же кто не воспользуется этой льготой, того велѣно казнить смертью, а держащихъ бѣглыхъ лишать чиновъ и имущества. Въ 1717 году бѣглыхъ рекрутъ не прослужившихъ года велѣно было наказывать спицрутенами чрезъ весь полкъ три дня сряду, а у прослужившихъ годъ и бѣжавшихъ вырѣзывать ноздри и послѣ наказанья кнутомъ ссылать на галеры. Эти строгіе законы дѣйствовали въ теченіи всего XVIII вѣка. Разсказываютъ, что не менѣе ужасныя истязанія производились и надъ тѣми родителями, дѣти которыхъ убѣгали. Ихъ приковывали къ стулу, а стулъ въ ширину былъ аршинъ, а въ долготу полтора аршина и въ этомъ стулѣ былъ забитой пробой и цѣпь желѣзная съ сажень и кладаваютъ эту цѣпь на шею съ замкомъ. Заставляли голыми ногами по цѣлымъ часамъ стоять на льду или снѣгу, или же изобрѣтали новыя пытки. Вотъ нѣкоторые разсказы: Выпѣшаютъ пролубу и отъ той выпѣшаютъ другую, растояніемъ отъ пролубы до пролубы 5 саженъ; за тѣмъ кладутъ веревку на шею родителямъ, угнетаютъ ихъ за ду—другомъ въ пролубу—перетягиваютъ веревку—и тащатъ родителей изъ пролубы въ пролубу. Мало того, морили скотъ голодомъ, раскрывали въ домахъ крыши и даже разворачивали самые домы... Въ слѣдствіе этого и родители бросались на убѣгъ—и дома оставались пустыми.

Не смотря на всѣ эти ужасы, были такіе добрые и отважные люди, которые все-таки принимали бѣглыхъ и спасали ихъ.

Въ Кижахъ до нынѣ помнятъ еще священника Василья—который сохранялъ отъ поисковъ 2-хъ бѣглыхъ. Заслышавъ, что къ нему идутъ съ обыскомъ и уже не далеко отъ его дома; онъ велѣлъ работнику класть ихъ на навозныя дровни завалить ихъ навозомъ—и вывести въ лѣсъ, что бы они могли скрыться и убѣжать. Поимщики это видѣли, но ни кому

изъ нихъ не пришло въ голову, чтобы на дровняхъ подъ навозомъ лежалъ человѣкъ.

Въ виду такихъ явленій, нисколько не странно встрѣтить въ народной завоенной причети—со стороны матери или жены рекрута—совѣтъ» убѣжать со службы.

Вотъ что напр. причитывала жена своему мужу—рекруту:

На убѣгъ бѣги безчастная головушка,
Ты отай текѝ къ кокошѣ горегорькоей,
Не убоюсь я, горюша, не сполохаюсь,
Ужъ я сдію съ тобой доброс здоровьице;
Схичу—спрячу я надежную головушку.
Свою милую любимую сдержавушку,
Отъ этыихъ властей да страховитыихъ
Отъ этыихъ злодѣевъ супостатыихъ.

Въ теченіи всего XVIII вѣка главнымъ убѣжищемъ для бѣглыхъ солдатъ служили раскольническія общежитія и скиты. Сюда вносили они духъ враждебный Государству и поддерживали фанатическое отношеніе къ нему раскола. Здѣсь—стояли они «по часовенкамъ спасеныимъ» и, перебирая свою лѣствовку, хлопотали о спасеніи души своей. Любопытно, что и это мелкое явленіе въ завоенной исторіи XVIII вѣка отразилось въ народной причети:

Такъ сестра, соболѣзнуя о своемъ братѣ—солдатѣ, между прочимъ выражаетъ, что если бы да ей крылышка гусиные, а полёты бы лебединые, она поднялась бы выше лѣсушку дремучаго, облетѣла бы всю Русію подселенную и по взыскала бы скачоную жемчужинку.

«И на пути да во солдатушкахъ походныихъ,
«И по этымъ бы казармамъ по казеннымъ
«И по часовенкамъ искала бы на-спа́сеньѣ.

Далѣе, издаваемыя «Причитанія» знакомятъ насъ съ нѣкоторыми народными взглядами на Царя, на барство и церковь.

Царь—въ «причети» всего чаще называется «*богомъ Русійскимъ*». Это существенная и глубочайшая черта въ народномъ представленіи Верховной власти. Народъ олицетворяетъ и мыслитъ себя въ Царѣ, точно такъ, какъ олицетворялъ онъ свои нравственныя качества въ разныхъ богатыряхъ въ эпическій періодъ своей жизни. Сознавъ свою нравственную цѣлостность, какъ народа единаго по вѣрѣ и языку, почувствовавъ себя собраннымъ во единомъ Государствѣ, онъ—разсѣянный въ степяхъ и лѣсахъ на пространствѣ Восточной Европы, естественно, въ силу психическаго закона, долженъ былъ почувствовать и сознать себя въ единомъ лицѣ Государя. Великъ и могучъ народъ Русскій; таковъ же долженъ быть и тотъ образъ, въ которомъ онъ себя мыслитъ и сознаетъ. Власть Царя должна стать выше всякой власти обыкновенной и выше всякихъ личныхъ ограниченій. Кто знакомъ съ характеромъ и направленіемъ народной мысли, для того ясно, что народъ не можетъ иначе понимать ни самого себя, какъ націю, ни своего Государя, какъ представителя великаго народа.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о тѣхъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ совершилось въ народномъ сознаніи рожденіе такого образа Верховной власти. Это прямо не относится къ уясненію издаваемой нами «причети». Ограничимся лишь самыми существенными замѣчаніями.

Царь—*богъ Русійскій*. Образъ этотъ не то только выражаетъ, что Царь воленъ надъ животомъ и смертію каждаго своего подданнаго; онъ говоритъ намъ главнымъ образомъ о томъ, что лице Русскаго Царя народъ мыслитъ съ самыми святѣйшими движеніями добра и правды, что Царь, какъ богъ земной, поставленный волею Царя небеснаго, стоя на высотѣ Божественнаго намѣстничества и, такъ сказать, внѣ людскихъ отношеній, непрерывно бодрствуетъ днемъ и ночью, ревнуя о благѣ своего народа, по Божіимъ законамъ добра и правды, и въ то же время, ради того же народа, ведетъ

неустанную борьбу за свою жизнь съ боярствомъ, преслѣдующимъ свое, а не народное благо. При такомъ идеалѣ Царь является для народа лицемъ священнымъ—и власть Его—властію непререкаемою. Древняя Русская Исторія свидѣтельствуетъ, что самодержавіе Русскаго Царя—всегда имѣло крѣпкую опору въ народномъ сознаніи. Всѣ попытки старой аристократіи возобладать верховенствомъ надъ народною жизнію разбивались объ этотъ несокрушимый образъ Русскаго царя, какъ «бога Русійскаго». Подъ его свѣточемъ было ясно, какъ у престола, такъ и въ темныхъ лѣсахъ, что у русскаго народа существуетъ только одна Верховная власть, это власть Царя земнаго бога. Благодаря этому искоиному народному возврѣнію, у насъ не создалось преобладанія классовъ и разныхъ тормазовъ—на историческомъ пути свободнаго развитія народной жизни. Въ данный моментъ исторіи —на ступени къ будущему—существуетъ только народъ съ своимъ Царемъ, какъ представителемъ лица народа.

Древняя русская исторія представляетъ великіе и торжественные моменты такого внутренняго единенія Царя и народа. Народъ обращался къ Самодержавной Власти съ челобитьемъ, чтобы для всѣхъ Царскихъ приказовъ уставлены были законы *всей землей*; съ другой стороны и Верховная власть, въ годину тяжкихъ испытаній Государственной жизни обращалась за совѣтомъ къ *Земль* и дѣйствовала по ея голосу.

Въ новой исторіи канцелярія отдѣлила Царя отъ народа и державовенно взяла на себя руководство народною жизнію. Оторванная отъ *земли*, она оказалась несостоятельною; заражепная дешевымъ либерализмомъ, падкая до государственной казны, она пошатнула свою собственную власть и заразила своимъ зловреднымъ духомъ—всѣ слои имѣвшіе къ ней отношеніе. Лишь въ наши дни вновь начинается обращеніе Верховной власти къ народу—и на помощь Государственнымъ канцеляріямъ. для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, приглашаются свѣдущіе «*Земскіе люди*».

Другая существенная черта, которая соединяется въ народной причети съ образомъ Царя—это благовѣріе. Царь всегда именуется здѣсь Царемъ *благовѣрнымъ* и все его наслѣдство *правовѣрнымъ*.

Какъ представитель лица народа—Онъ естественно вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель и его совѣсти и его вѣры. Съ царскимъ вѣнцемъ и скипетромъ народъ вручаетъ Ему и свой животъ и свое православіе; но не иначе цѣлуетъ крестъ, какъ за Царя благовѣрнаго и правовѣрнаго и не иначе жертвуетъ своей головой и жизнію, какъ за Царя Русскаго—православнаго. Въ эпоху «народнаго смущенія и церковнаго колебанія, народная масса, отлученная отъ церкви, долго надѣялась видѣть для себя опору въ «Царѣ православномъ»: она взывала къ его благовѣрію, она молила его, она угрожала ему, и наконецъ убѣдившись, что Царь неуклонно стоитъ на сторонѣ Греко-Кіевскаго книжнаго исправленія, разорвала связь съ Государствомъ, исключивъ Царя изъ своей молитвы. Исторія старовѣрческой догмы о немоленіи за Царей любопытна въ высшей степени; къ сожалѣнію здѣсь не мѣсто о ней распространяться. Укажемъ лишь главные ея моменты. Она находится въ самой внутренней связи съ исторіей безпоповства и представляетъ три періода въ своемъ развитіи; въ первый періодъ (1654—1695 г.) въ раскольническомъ сознаніи постепенно вырабатывается мысль объ отрицаніи правовѣрія Царя и въ Поморьѣ получаетъ значеніе догмы о немоленіи за царей; за тѣмъ эта догма—(1695—1738) входитъ въ религіозную практику и осуществляется въ религіозной жизни, хотя уже въ этотъ промежутокъ времени, съ ослабленіемъ мѣръ противъ раскола, начались попытки къ примиренію его съ Государственною властію. Наконецъ въ 3-й періодъ (1738—1800) указанная догма подвергнута критикѣ, обсужена и теоретически весьма основательно отвергнута, хотя въ религіозной практикѣ не многихъ сектъ продолжаетъ жить и до нынѣ. Книга *о моленіи Царстѣмъ*, примирившая расколъ съ государствомъ—

принадлежитъ знаменитому поморцу Даніилу Матвееву: это ученѣйшій и замѣчательнѣйшій опытъ изслѣдованія, основанный на Библіи, твореніяхъ Отцевъ Церкви, Византійскихъ Историкахъ, Лѣтописяхъ, Хроникахъ и т. п. Но если Поморяне, равно какъ и поповцы, примирились съ моленіемъ за Царя, то ихъ молитва считается позволительною лишь за Царей живыхъ; помнятъ же царей неблаговѣрныхъ, т.-е. не раздѣляющихъ старовѣрческихъ вѣрованій, претитъ имъ ихъ совѣсть и ихъ канонъ. Эти наши замѣчанія достаточно показываютъ, какое глубокое значеніе имѣетъ «*благовѣріе*» въ народномъ представленіи Русскаго Царя.

Взглядъ «Причети» на барство весьма выразителенъ и близокъ къ исторической правдѣ. Бояре древней Руси, какъ представители сельско-хозяйственнаго ея устройства, въ дѣйствительности были такіе же хозяева, какъ и крестьяне. Жена старо-русскаго боярина была «хозяйка» по преимуществу, какъ и донынѣ «хозяйственность» считается первымъ достоинствомъ—жены крестьянской. Домострой, во многомъ несправедливо осмѣянный нашими историками, представляетъ драгоцѣнный идеалъ этой *хозяйственности* древней-боярской Руси.

Но вотъ въ новой исторіи въ семейное начало входятъ новыя стихіи; выступаютъ въ сознаніе и начинаютъ дѣйствовать въ жизни новыя понятія, понятіе *дамы*, *кавалера*, *ассамблей*, *баловъ* и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ культурномъ отношеніи эти понятія стоятъ выше воззрѣній, обусловливаемыхъ лишь хозяйствомъ дома. Нѣтъ сомнѣнья, что требованія красоты, граціозныхъ движеній, такта, эстетическихъ ощущеній представляютъ уже высшую степень общественнаго развитія сравнительно съ старорусской точкой зрѣнія на семейную жизнь. Но подъ воздѣйствіемъ крѣпостнаго права эти новыя понятія получили слишкомъ узкое значеніе; женщина стала лишь бѣлоручкой и ея воспитаніе направлялось лишь къ тому, сдѣлать ее «красой гостиной» и предметомъ, интереснымъ для кавалеровъ—рыцарей. Древне-рус-

ское понятіе «Хозяйки» совѣмъ исчезло изъ сознанія и быта боярства новой Исторіи. Забыли, что живутъ въ странѣ, гдѣ для пасущаго пропитанія «нужна сила звѣриная и потягі надо держать лошадиныи».

Пока владычествовало крѣпостное право, можно было жить съ этими новыми узкими понятіями; но какъ скоро это право исчезло, хозяйство оказалось не по силамъ нашему боярству, усвоившему лишь внѣшній лоскъ высшаго западнаго общества и отставшему отъ Домостроевскихъ сельско-хозяйственныхъ правилъ.

Вотъ какъ выражается этотъ взглядъ въ издаваемой «*Причети*».

И судьи—влáсти-то пошли да скрозекозныи.
И начальнички пошли да все бездѣльныи.
У ихъ женушки пошли да бѣлорукіи,
У ихъ дочушки пошли да нечевухи:
И не ткіюшки оны да не прядѣюшки,
И одно у ихъ въ умы, да одно въ разумѣ,
И все бѣлила-то у ихъ да со румянами,
И какъ хвостомъ вертѣть, да какъ ногой трясчуть:
И не знаютъ-то, безсчастныи, не вѣдаютъ,
И што вѣдь домъ вести, не головой трясти.

Еще осязательнѣе сказывается въ народныхъ плачахъ значеніе церкви въ народной жизни. Хотя Христосъ приходилъ основать именно церковь, хотя весь смыслъ его евангелія въ церкви, хотя все существо православія въ идеалѣ церкви, однако понятіе о ней такъ чуждо нашему общественному сознанію, что даже при объясненіи «Причети» требуется замѣчать о томъ, что такое церковь. Церковь Христова есть общество людей, стремящихся воплотить въ своей личной и общественной жизни идеалъ жизни Божественной, вдохновляемыхъ на этомъ пути евангельскою вѣрою и упованіемъ, подкрѣпляемыхъ общею молитвою и таинодѣйствіями и связанныхъ вселенскимъ канономъ, какъ выраженіемъ церков-

ной правды. Не касаясь всѣхъ признаковъ даннаго понятія, мы остановимъ свое вниманіе лишь на идеалѣ церковной жизни. Христосъ предъ своими страданіями въ предсмертной своей молитвѣ такъ взывалъ къ Отцу Своему: *да будутъ и сіи едино* (т. е. всѣ его послѣдователи), *якоже Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ*. Вотъ идеалъ истинной церкви Христовой! Взаимобытіе въ глубокомъ значеніи этого слова, самоощущеніе себя въ личности своихъ ближнихъ —вотъ существо жизни церковной. Истинный сынъ ея не о себѣ живетъ, онъ живетъ въ другихъ и для другихъ; свою дѣятельность направляетъ къ облегченію страданій человѣчества, своимъ достояніемъ призрѣваетъ убожество и нищету, свои силы и дарованія посвящаетъ возвышенію и облагороженію человѣческихъ чувствъ или же смягченію труда человѣческаго. Только такимъ посильнымъ направленіемъ своей жизни къ благу общему каждый членъ церкви приближается къ Божественному идеалу и воплощаетъ въ себѣ то внутреннее единеніе, о которомъ молился Христосъ Своему Отцу. Только такой подъемъ нравственнаго сознанія и лишь подобное направленіе жизни человѣчества служатъ отображеніемъ истинной церкви Христовой.

Народъ нашъ не имѣетъ, конечно, понятія о церкви, но онъ живетъ въ ней и не головой только, но всѣмъ своимъ существомъ непосредственно. Онъ не возвысился до сознанія нравственнаго ея идеала, но жалость къ бѣдствующимъ, страждущимъ, по соучастіе въ горѣ ближняго, по посильная помощь нуждающимся несомнѣнно ему присущи. «Въ мірѣ калика-волокида, въ мірѣ калика не погине.»

Соучастіе другъ въ другѣ, обмѣнъ внутреннихъ движеній, взаимная помощь, сожалѣніе, соутѣшеніе въ народныхъ плачахъ сказываются поразительно. То и дѣло вопитъ вопленица: «Вы послушайте народъ да люди добрыи и да што я скажу печальная головушка». На голосъ несчастной жены или матери отзываются сосѣдки; каждая разсказываетъ свое горе, раскрываетъ свою душу и взаимно утѣшаютъ другъ друга.

Въ безвыходномъ несчастіи одна надежда на Бога. Жалѣя плачущую мать, сосѣдки уговариваютъ ее съѣздить въ церковь и помолиться.

И може, Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвятая мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилосливой,
Ужъ какъ милое рожоно твое дитятко
И отъ злодійной этой службы Государевой.

Но особенно нравственное соучастіе этотъ—истинный духъ церковный, сказывается въ молитвѣ другъ за друга. Утѣшая несчастнаго рекрута, сосѣдки говорятъ ему:

«И за тебя да вси Владыкѣ мы помолимся,
«Далъ бы Господи вѣдь добраго здоровьица,
«И ума разума во буйну бы головушку.

Или вотъ мать, упрекая свою дочь за то, что не пришла въ церковь помолиться за брата, разсказываетъ, что народъ да люди добрыи остановили всю крестьянскую работушку, посѣтились ко обѣдни богомольноей:

И на солдацки они слезушки смотрили,
И на солдацкое моленьице глядили,
И за походнаго солдатушка молились.

Литургія есть, такъ сказать, священная драма христіанскаго братотворенія. Воспроизводя жизнь Христа и Его новый завѣтъ, она есть осязательная проповѣдь объ идеалѣ церковной жизни: «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы». Народъ распозналъ глубокой смыслъ и духъ этого священнодѣйствія. Въ народныхъ плачахъ литургія не иначе называется, какъ *общей обѣдней богомольноей*.

Отсюда понятно и то, почему скорбящее народное сердце лишь здѣсь находитъ себѣ единственное утѣшеніе и облегченіе. Тяжело читать тѣ потрясающія мѣста, гдѣ выражается народная скорбь:

Какъ спамячу да я надежную головушку (вопитъ солдатка,)
И рвучи рветъ мое безсчастное сердечушко,
И трескомъ трескае безсчастная утробушка.

Она, бѣдная, кидается туда и сюда, подходитъ къ ларцамъ окованымъ, береть и цѣлуетъ оставшуюся покруту своего мужа, покланяется его натрету, возьметъ въ руки его желтые забритые кудерышки, или прижимаетъ дѣтей къ своей материнской груди, но ни что не весслитъ ея сердца, и лишь пуще въ ней обида разгорается.

Мнѣ куда съ горя, горюшѣ, подѣватися, говоритъ она? Прикоротать ли жизнь свою безсчастную? Но тутъ раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ: воспокинуть вѣдь сердечныхъ надо дѣтушекъ: и тутъ сама того, побѣдна, я сполохаюсь: материнское вѣдь сердце не звѣриное и дѣтиная тоска не угасимая. Нейти ли лучше во темны лѣса дремучіи, и со обидушки во мхи да вѣдь дыбучіи? И уже тутъ моя кручина не уходится, и уже тутъ мое сердечко не утѣшится, и во мхахъ да вѣдь всѣ звѣри поразвоются, оны Господу Владыкѣ поразжалятся. Ужъ не стать ли мнѣ на горы на высокіи и выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью. И уже тутъ мое сердечко не утѣшится и краснымъ солнышкомъ оно да не согрѣется. И мнѣ пойти съ горя ко синему ко морюшку, и мнѣ ко славному ко синему Онегушку? И на синемъ морѣ вода да сколыбается, и со желтымъ пескомъ вода да помутилася; и круто бьетъ теперь волна да непомѣрная—и по камешкамъ вода да разсыпается. И уже тутъ моя кручина не уходится и уже тутъ мое сердечко не утѣшится. Ужъ какъ зла эта великая обидушка и кругъ меня она, злодій, да обвивается, и за сердечушко, злодій, она хватается и съ того умъ разумъ въ головушкѣ мѣшается.

«И пойду да въ Божью церковь посвященную,
«И помолюсь да я Богу отъ желаньица,
«Штобы Господи Владыко Свѣтъ помиловалъ,

«И пресвята мать Богородица застýпилась.
«И утолили бы печаль неутолимую,
«И угасили бы тоску неугасимую,
«И на моемъ да на безсчастномъ ретливомъ сердчѣ.
«И тутъ головушка моя да взвеселяется,
«И кручинушка моя да утишается,
«И тутъ злодій эта обида поуходится.

Вотъ гдѣ источникъ нравственныхъ утѣшеній для скорбящей души народа. Вотъ гдѣ спокойное пристанище въ его страдомой—крестопосной жизни! Каковы же должны быть люди которые хотѣли бы отнять у народа церковь и закрыть храмы, созданные его кровавымъ трудомъ для своей нравственной человѣческой потребы!

Не даромъ въ «Причети» отразилось даже закрытіе монастырей въ XVIII вѣкѣ:

Наступили бусурманы превеликіе,
Раззорили вси часовенки спасеныи
Раззорили вси пустыни богомольныи.

Трогательны нѣкоторыя солдацкія молитвы. Такъ напр. они просятъ Владыку милосердаго сохранить ихъ отъ удара отъ тяжолаго и отъ досадушки несносной; и Богородицу умоляютъ пріучить ихъ ко оружью завосному:

И поворотунки держать да поскорёшеньку
И во ширинчкахъ ходить да поровнешеньку,
И оружьице кидать да полегошеньку.

Еще трогательнѣе ихъ молитвы во время войны, когда они прежде всего взываютъ:

И спаси Господи Русію подселенную,
И благовѣрнаго царя да ты Русійскаго.

И за тѣмъ уже просятъ сохранить ихъ самихъ отъ напрасной смерти.

И сраженьице война да уходилась бы,
И порóзнесло бы дымъ да по чистымъ полямъ,
И горесть-чадъ да по лугамъ бы по зеленымъ.

Само собою разумѣется, что воинскій бытъ въ народныхъ плачахъ изображается съ поражающими подробностями.

Восемнадцатый вѣкъ есть вѣкъ самый мрачный и безотрадный для народной жизни. Гуманизмъ французскихъ философовъ, охватившій, такъ называемое, наше передовое общество, оставался лишь въ одной головѣ и не палъ на сердце. Не мало сказалось тогда краснорѣчія *о человѣкѣ*: забыть лишь былъ одинъ человѣкъ—это человѣкъ въ лицѣ «русскаго народа». Гуманизмъ и крѣпостное право во всей своей силѣ властвовали у насъ въ одни и тѣ же историческіе дни. Французскій языкъ, воспринятый передовымъ обществомъ, не дѣлалъ его однако мягче и нѣжнѣе: презрѣніе же къ языку своего народа, дѣлало его напротивъ жесточе и грубѣе. Подъ внѣшнимъ блескомъ гуманнаго образованія таилась та же нравственная грубость и тотъ же дикій эгоизмъ, которые создали крѣпостное право.

До насъ дошла одна рукопись, подъ заглавіемъ: «Разговоры двухъ солдатовъ россійскихъ между собою, случившихся на Галерномъ флотѣ въ бывшей компаніи 1743 году». Прочитавъ эти разговоры, преосвященный Нилъ Архіепископъ Иркутскій, въ 1849 году, декабря 14 дня, собственноручно написалъ на нихъ:

Сердце содрогается при чтеніи нѣкоторыхъ страницъ и, прочитавъ ихъ, о тогдашнихъ властяхъ нашихъ. мы можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ:

Ecce vultures! Sed illud
Inter hos tamen interest et illos.
Quod cadavera vultures moventur,
Hi vivis quoque dethahant cruorem *).

Фельдфебельскій строй воинскаго быта, заведенный Императрицей Екатериной II въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи до-

*) Вотъ коршуны! Но то впрочемъ различіе между ними и сими (сущностатами), что тогда какъ коршуны устремляются къ трупамъ, сіи рвутся на терзаніе живыхъ существъ.

шелъ до крайнихъ предѣловъ. Фронтъ, а не бой выступилъ на первомъ планѣ. Защита отечества, какъ главная цѣль военной силы, была забыта; казарма стала институтомъ, который долженъ былъ выучить солдата выправкѣ и ружистикѣ. Умѣть держать руки по швамъ, умѣть ловко подымать и опускать ногу, умѣть прилаживать свое плечо къ другому вотъ качества, которыми опредѣлялось достоинство солдата. Онъ трактовался, какъ автоматъ; онъ сталъ предметомъ забавы, и вотъ создалось наконецъ знаменитое изреченіе, что «война портитъ солдата.»

Теперь страшно даже подумать, какова была солдатская жизнь въ былое время. Звѣрскіе потребности ротныхъ командировъ, фельдфебелей пресыщались ранами и кровію солдатъ. Розги, палки, фухтели, скрозь-строй, вотъ педагогическія средства для поддержанія и развитія дисциплины, выправки и ружистики.

Не говоримъ уже о томъ, что не было никакого вниманія къ человѣческому достоинству солдата, никакой заботы о возвышеніи его нравственныхъ чувствъ. Солдаты были отпѣтыми, отверженными существами—мучениками, и за всѣ страданія черезъ 25 лѣтъ, просили милостыню въ лохмотьяхъ, иногда оставшеюся одною рукою.

Народная причеть знала всѣ эти ужасы и воспроизводила ихъ въ своихъ картинахъ, клеймя ихъ словомъ проклятія и осужденія. Нѣкоторыхъ завоенныхъ плачей невозможно читать безъ содроганія. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе могли производить они, когда разыгрывалась жизненная драма, ихъ создававшая.

Солдацкая служба называется здѣсь не иначе, «какъ грозной службой Государевой». Командеры, супостатами, злодіями, свирѣпыми, скрозекозными. Безъ креста и безъ души они; не жалѣютъ безсчастныхъ солдатъ;

«За пропащу ихъ собаку почитаютъ,
«И бьютъ да ихъ безсчастныхъ до умертвія.»

Солдацкое житье не иначе величается, какъ «великимъ безгаланьицемъ и горегорькимъ живлесьицемъ».

Вотъ повобранымъ солдатамъ повыдали солдацкое платье.

«Не по ноженькамъ сапоженьки козловыи,
«Не по плечушкамъ мондеры сукопъ сѣрыихъ,
«И на головушку имъ кивера иудовыи.

Грудь у ихъ на́-плотно подтянута, и сердце обрестовано.

Въ казармахъ живутъ они, словно тюремники:

Крѣпко на́-крѣпко воротушка призаперты,
И плотнёшенько рѣшоточки задвинуты.

Безъ спросу не выйдешь на улицу и безъ докладу не взглянешь во косѣвчато окошечко.

Трудно было ихъ видѣть. Сестра повобранаго солдата, навѣщавшая его, разсказываетъ:

«Я ходила какъ ко братцу ко родимому,
«У дверей да я дарила все придверничковъ,
«И угощала его крѣпкихъ караульщиковъ
«И придержала золоту казну безсчотную.

Выпустятъ ли ихъ на улицу, впереди идутъ провожатели, и позади даютъ солдата-караульщика.

Каждую минуту приходилось дрожать, чтобы въ чемъ-нибудь не сдѣлать провинки, чтобъ мундеры были наглажены; ружья начищены и сабли вострыя насвѣтлѣны; каждую минуту бьется у ихъ сердце, какъ волна да на синёмъ морѣ и оно кровью вѣдь сердечко обливается, словно вода въ крутой берегъ ударяется.

Хо́лодно было и го́лодно. Ядепье было точно скотиное и питье было лошадиное; лакомствомъ были мякипные сухарики и сладкимъ питьемъ ржавая вода. Часто они голодали и съ жадности посыхали. Отъ царя они не обижены: «отъ царя пища хорошая составлена и отъ царицы добры питьица наряжены и то межу собой начальники съѣдаютъ.»

Не было имъ ни отдыху, ни покою — ни о Владычномъ праздникѣ, ни о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ.

«И на отдо́хъ да вѣдь солдатушкамъ—ученьице,
«И на утѣхушку солдатамъ—сабли выстры,
И имъ на праздничекъ—оружья завосны.

Вотъ они маршемъ идутъ на ученье — мимо славной палаты генеральской; имъ приказываютъ пѣть пѣсню «*весе-лёшенько*»—а имъ пѣсенки запѣть да не хотѣлось бы: щемитъ ихъ ретивое, замираетъ сердце; по волей - неволей по городу идутъ они тихошенько, и скрозь слезы поютъ они пѣсенку и скрозь обиду слова да выговариваютъ.

Въ студёную зиму, въ плящіе морозы, въ буйные вѣтры выходятъ они на чистое поле. Отъ стужи здрагиваетъ тѣло бѣлое; отъ оружья зябнутъ руки; отъ снѣгу стынутъ ноги: отъ морозу сердце трескаетъ; но ишкуда тутъ не увёрнешься и изъ шириночки не выскочишь.

Въ чемъ же состояло самое ученье?

«Стоятъ они день до вечера,
«И съ руки на́-руку оружье перекладываютъ,
«И съ ноги на́-ногу они да переступываютъ,
«И выше го́ловы оружье подымаютъ,
«И скорёшенько оружье заряжаютъ.

Когда стоятъ они въ ширинкахъ, ужъ такъ-то командиры надрыгаются: «чтобъ у всѣхъ голова было прямёшенька и плечо съ плечомъ у всѣхъ было ровнёшенько и въ одну струну были бъ ноженьки наставлены.» Отойдутъ командеры и отдали́ глядятъ—впрямь по плечушкамъ могучимъ и вточь по буйной по головушкѣ:

Солдатушки стоятъ да не шатаются ли,
Оружьица у ихъ да не мѣшаются ли?

Но молодые новобраные солдаты въ вытяжку стоять не навыкли, поворотовъ держать не умѣютъ, къ ружью не приминились и вотъ открывался просторъ для свирѣпыхъ порывовъ ротныхъ командировъ. Лишь замѣтятъ они, что

«Оружьице у ихъ да все промáхнется,
«Аль плечо съ плечомъ у ихъ да все не со́йдется,

«Аль ступня съ ступней у ихъ да не сровняется».
Закричатъ они, злодѣи, по звѣриному
«И по бѣлу лицу даютъ да имъ затрещенье,
«Аль по го́ловѣ даютъ да имъ зау́шенье,
«Аль подъ бѣлую-то грудь да имъ подтычину.

Хорошо еще, если скажутъ, за что именно бьютъ, а то невзначай приходилось получать «побои превеликіе».

Въ темномъ лѣсѣ звѣря устрашился бы; въ чистомъ полѣ змѣя убоялся бы. Не то въ грозной службѣ Государевой: «не начаешься горя накачаешься; не надѣешься — обидушки навидишься.»

Не великую вину часто провинятся, по нѣтъ милости безсчастнымъ, нѣтъ прощеньица: подъ бока стапутъ подтыкивать, подобьютъ ясны очушки, разбиваютъ буйну голову, даютъ розги по плечушкамъ, бьютъ безсчастну спинушку палками великими, страшно—у́жасно, и не сто даютъ разомъ цѣлу тысячу; кровь ручьями разливается и тѣло съ мясомъ у безсчастныхъ тутъ мѣшается. И надо повытерпѣть всю эту обиду преужасную такъ, чтобы «голова не клонилась, сердце не корилось и слезы изъ глазъ не протекали: «при обиды быть безсчастнымъ—не розплакаться».

А вотъ и *«зеленая солдацкая улица:»* глубоко затрогиваетъ душу описаніе, такъ называемаго, *сквозь-строя*, который такъ часто практиковался въ былое время. Прошедшіе его безсчастные солдаты, падали на сыру землю—и не слышали рубахи на своемъ тѣлѣ; безъ сознанія, безъ чувствъ и движенія, отъ ранъ и побоевъ, лежатъ они полумертвые. Со слезами подымаютъ ихъ товарищи и спрашиваютъ:

«Есь ли душенька у васъ да во бѣлыхъ грудя́хъ?
«Есь ли зрѣньице у васъ да во ясны́хъ очахъ?

Но вотъ солдатъ стоитъ, по зарямъ вечернимъ и на часахъ полуночныхъ, у замковъ казенныхъ. У буточки, безсчастной, по снѣжку неристому похаживаетъ; отъ плящаго мороза съ ноги на ногу переступываетъ и сапогъ о сапогъ

покалачиваетъ. Но что же онъ думаетъ въ это время? Онъ смотритъ на свѣтёлъ мѣсяцъ и на часты звѣзды поднебесныя. Онъ ждетъ—не дождется, скоро ли закатится свѣтелъ мѣсяцъ и стеряются часты звѣзды:

«И скоро ль свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится,
«И ростечетъ ли это красное вѣдь солнышко,
«И обогрѣетъ ли солдацкое сердечушко?

Вотъ солдатъ на синемъ морѣ, по чорному караблю похаживаетъ; прилетаютъ птицы и садятся на мачты. Онъ печальную птиченьку выспрашиваетъ: «ты откуль летишь птича, куды путь держишь и на мою ль летишь родиму на сторопушку?» Онъ заказываетъ съ ней низкос—поклонно челобитьице своимъ желанным родителямъ и всѣмъ сусѣдямъ спорядовымъ.

Превосходно изображеніе воинской страды во время похода на войну.

И да мы трудъ бѣдны солдаты принимали
И мы трудились за Русію подселенную.
. . . . . .
И день и ночъ да на страженьицѣ стояли
И хлѣба соли мы пять сутокъ не ѣдали,
И десять денъ воды безсчастны не пивали;
И не видли мы въ дыму да красна солнышка,
И во туманѣ-то не видли свѣту бѣлаго
И съ огня—съ пламени буйна го́лова разтрескалась,
И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки.

Но вотъ наступила «про́ща Государева» и солдатъ- на побывкѣ.

Разсказы его про солдацкое житье потрясающіе: голова его исколочена, костьица изломалы и спинушка распластана Вся утробушка моя да перержавѣла, говоритъ онъ;

Отъ подтычинъ я не вижу свѣту бѣлаго,
Отъ поушенья не слышу вѣтра буйнаго.

При каждой смѣнѣ погоды, такіе побои давали себя знать. Солдатъ жалуется, что

«Тоскуютъ-то солдацки бѣдны плечушка,
«И стонутъ бѣдны эты костьица изломаны;
И какъ въ чистомъ полѣ погода заподóймется,
«И у меня да тутъ — солдатушка походнаго
«И разболится да тутъ спинушка безсчастная,
«И сталетъ синь да все подъ ясны подъ очушки,
«И печаль—гóре на ретливоемъ сердечушкѣ.

Одно напоминаніе ему о военной службѣ производило на него подавляющее дѣйствіе: «свивалось его ретивое сердце и замирала его безсчастная утроба». Онъ желалъ лучше итти во матушку сыру землю и лечь къ Пречистой Пресвятой Богородицѣ, чѣмъ снова возвращаться на службу и тамъ принять смерть напрасную «отъ этыихъ властей неправосудныхъ, отъ этыихъ судей да скрозскозныихъ.»

Мать, взволнованная разсказами о подобныхъ жестокостяхъ, между прочимъ говоритъ ему:

Пасть бы вамъ въ ноги командерамъ и просить бы: «не бейте понапрасну—не терзайте-тко»; Но тутъ же сама соображаетъ: пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:

«Оны бéзъ-души судьи не правосудныи,
«Оны бéзъ-креста злодіи супостатыи!

Дастъ еще и другой совѣтъ: найти писаречка хитромудраго, съ своей стóроны,—съ Новгорода, и съ обидой бить челомъ на нихъ Царю благовѣрному и Царицѣ милосердой. Но также потомъ разсуждаетъ, что нѣтъ у злодѣевъ ни страху, ни совѣсти:

«И не допустятъ-то прошеньица безсчастнаго
«И какъ до этого царя да до великаго;
«И тутъ обыщутъ *) вѣдь солдатушковъ безсчастныихъ
«И все предъ этыимъ Царемъ-богомъ Русійскіимъ.

---

*) Т. е. обнесутъ, оклевещутъ.

Въ виду указанныхъ фактовъ становится весьма понятнымъ, почему въ прежнее время тѣ счастливцы—рекруты которымъ брили затылокъ, нагіе выбѣгали изъ рекрутскаго присутствія, нагіе бѣжали по городу — нагіе прибѣгали домой. И никого это не удивляло, никто этого не осуждалъ и не останавливалъ; даже и тогда казалось понятнымъ: какъ въ самомъ дѣлѣ, на такой радости не бѣжать нагому—хотя бы то пришлось по цѣлому городу?

Такова была нѣкогда грозная служба Государева! Таковы были неправды, жестокости и мучительства — сопровождавшія страду солдацкую. Мы указали ихъ лишь въ общихъ чертахъ, далеко не исчерпывая всего содержанія народныхъ плачей. Да благословится же въ родъ и родъ имя Государя Императора Александра II, освободившаго свой народъ — и своихъ героевъ—отъ всѣхъ подобныхъ тягостей воинскаго быта и отъ всей этой ужасной страды солдацкой!

Но едва ли не самая важная сторона издавасмыхъ плачей—это сторона народно - бытовая. Мы встрѣчаемся здѣсь съ такого рода явленіями въ народной жизни, которыя невѣдомы нашей исторіи, не записаны въ дѣловыхъ бумагахъ и не значатся въ архивныхъ актахъ.

Заглянемъ въ крестьянскую избу, гдѣ раздавались эти «Плачи»; раскроемъ завѣсу семейной жизни, которая въ нихъ отражалась и посмотримъ, какое разлагающее дѣйствіе производила здѣсь старая рекрутская система.

Древне-русская семья сновалась на историческомъ преданіи и отличалась необыкновенною крѣпостію своего строя. Въ сѣверномъ краѣ—это была семейная община, которая численностію своей доходила до того, что безъ нарушенія церковныхъ законовъ родства, бывшіе здѣсь женихи могли брать себѣ невѣсть у себя дома. Еще живы и теперь старики, которые помнятъ, что нѣкоторые дома въ Заонежьѣ состояли изъ 40 и 50 душъ.

Домашній бытъ имѣлъ древне-монастырскій общежительный характеръ и глава дома назывался потому *«настоятелемъ*

крестьянской жиры». Всѣ члены дома были люди *свои* и слушались наряда большака *настоятеля*. Братья бурлаки молодые составляли одну силу, опору семьи и державу старости родителей. Сѣверный крестьянинъ жилъ всегда по преимуществу своими сыновьями.

Но вотъ съ развитіемъ рекрутчины — въ народной семьѣ появился, такъ называемый въ «Плачахъ», небывалый дотолѣ *«казенный человѣкъ»*.

Не вдругъ, конечно, могло привиться къ крестьянской избѣ понятіе *«казеннаго человѣка»*. Не вдругъ могли народиться непріязненныя чувства къ своимъ собственнымъ дѣтищамъ, обреченнымъ въ *«казенные люди»*.

Былая солдацкая служба, продолжавшая двадцать пять лѣтъ, отрывая удалыхъ добрыхъ молодцевъ отъ сохи и бороны, совершенно разъѣдиняла ихъ съ народомъ, и, по окончаніи службы, дѣлала ихъ неспособными для крестьянской жизни. Чуждый преданій семьи, сдѣлавшись автоматомъ, благодаря фельдфебельской системѣ, онъ переставалъ быть «человѣкомъ» въ нравственномъ смыслѣ этого слова Нѣтъ, кажется, надобности распространяться здѣсь о грубости и низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія стараго солдата, о чемъ уже много и не разъ было говорено въ нашей военной литературѣ. Мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя народныя пословицы, созданныя былымъ воинскимъ строемъ:

«Съ солдатомъ дружи, а топоръ за поясомъ держи.
«Онъ Христова родня, только бойся какъ огня.
«Онъ самъ и честенъ, да шишель на немъ воръ.

Таковъ взглядъ на былаго солдата образовался въ народныхъ преданіяхъ!

Какъ скоро въ народной семьѣ нарождался сынъ, обреченный на солдацкую службу, онъ естественно считался уже не *своимъ*, онъ считался уже *«казеннымъ человѣкомъ»*, — и изъ этихъ представленій возникала цѣлая исторія борьбы родительскихъ чувствъ, семейнаго разлада, нравственнаго огру-

бѣнія. Для родителей не всѣ стали равны сердечные ихъ дѣтушки.

Не милъ былъ сердцу матери этотъ *«казенный человѣкъ»*, когда она носила его во чревѣ; она нерадовалась, когда его роди́ла; она и не ласкала его, когда ростила. Мысль, что это будущій солдатъ, отравляла всѣ ея радости и ожесточала ея сердце въ ея отношеніяхъ къ рожоному дитятку. Лишь когда наступалъ часъ послѣдней разлуки, когда приходилось отправлять его въ горегорькое солдацкое житье, сердце ея вступало въ свои материнскія права и начинало убиваться горемъ. Но это истинное ея гореванье казалось уже *лицемѣріемъ* и лишь обижало удалаго добраго мо́лодца. Онъ съ горечью обращалъ къ ней свои упреки и отрицалъ ея позднія ласки: «што подрачиваешь меня да по головушкѣ?» говорилъ онъ ей.—

«Я не дитятко тебѣ да не сердечное:
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь засіяла,
«И ты солдатушкомъ меня да вѣдь споро́дила;
«И не на красномъ да я солнышкѣ повырощенъ,
«И ужъ я росъ да на катучемъ синемъ ка́мешкѣ:
«И не дитятко ты ростила измѣнушку.

И сродники и сусѣди упрекали мать за ея прежнее холодное и жесткое отношеніе къ сыну, какъ *«казенному человѣку:»* Такъ, тетка коритъ ее:

«Ты не матушка была да ему мачиха.
«И быдто у́-сердца его ты не носила:
«И знае-вѣдае ретливое сердечушко,
«И што вы ростили уда́ла добра мо́лодца.
«И во людушки вы ростили казенныи,
«И на убойну эту службу Государеву.

Отецъ и мать все ладили на милыхъ своихъ дѣтушекъ, а онъ, безсчастной, не нашивалъ сапоженьковъ козловыхъ, не держивалъ бурлацка цвѣтна платьица и была не́-дана ступистая лошадушка ѣздить по Владычнымъ Божіимъ празднич-

камъ. Его не баловали кушаньемъ, не наважали питьями, а держали-то его словно подворничка, и почитали-то его да какъ работничка. Всю тяжолую работу старались взвалить на него. Вотъ встанетъ онъ по-утру ранехонько, обуется скорёхонько, накинетъ шубёнку, подпояшется веревчонкой и отправляется на крестьянскую работу въ темны лѣса дремучіи; а братья его дома остаются и на пуховой перинѣ прохлаждаются. Вотъ пріѣзжаетъ онъ домой, выпрягаетъ ступистую лошадушку, ставитъ на стойлы конинные, приходитъ въ хоромное строеньице, а у матушки ужъ произве́дены обѣды полуденные и накормлены всѣ милы ея дѣтушки. Станетъ онъ просить *«ядения со питемьицемъ»*, и по избѣ станетъ родитель тутъ похаживать и не съ ве́села на мо́лодца поглядывать и не ласково вѣдь съ имъ да разговаривать.

И такъ изо-дня въ день не видалъ онъ, безсчастной, великаго желаньица отъ родимой своей матушки.

Не больше встрѣчалъ онъ расположенія и отъ своихъ братьевъ:

«И ненавидли свѣты братьица родимыи
«И за столомъ его сидѣть да за дубовымъ.

Гляди на него они радовались только тому, что есть у ихъ *«замьна»*—на службу Государеву.

А когда наступало время отправлять его на службу, они пзживали его:

«И быдто лютаго звири да изъ темна лѣса,
«И быдто лютую змію да изъ чиста поля.

Не съ пріязнію смотрѣли и сосѣди на удалаго добра мо́лодца, обреченнаго *«въ казенные людишки»*. Съ пренебреженіемъ о немъ говорили:

«Не участникъ онъ участковъ деревенскіихъ,
«И не дольщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
«И не косецъ да на луговыхъ буде поженкахъ.

Удалы добры мо́лодцы — поровечники—не были ему *подружье*:

Вотъ онъ, бывало, подойдетъ къ нимъ: во глаза они прилещаются, позаглазью спроговариваютъ:

«Вонъ казенной-то солдатушко пахаживае,
«И горемыка-та удалая погуливае.

Красны дѣвушки также не доставляли ему веселыца. Подойдетъ онъ къ нимъ:

«И красны дѣвушки его да сторонилися,
«И бывъ чужанина его да полошилися.

При такихъ тяжкихъ условіяхъ и отношеніяхъ воспитывался и росъ *«казенный человѣкъ»* въ крестьянской семьѣ! Заклейменный позорнымъ именемъ «солдата», ненавидимый дома, презираемый въ сосѣдствѣ, отвергаемый ровнею и молодостью, онъ жилъ словно птиченька въ лѣсахъ да заблудящая.

«Отъ бладости во радости не бывано,
«И отъ рожденьица веселыхъ дней невидано!

Удивительно ли послѣ этого, что рекруты, не видя ничего отраднаго ни впереди, ни позади себя, ни предъ собою, ни за собою, принимая присягу, посылали проклятія своимъ родителямъ.

«И выше го́ловы кресты они здымали
«И отца съ матерью они тутъ проклинали!

Подобное же нравственное разложеніе крестьянской семьи производила былая рекрутская система, отнимая весьма часто мужа у жены и отца у малыхъ дѣтей. Положеніе послѣднихъ было ужасно. Печать отверженія и клеймо позорнаго имени всею тяжестію ложились на этихъ несчастныхъ и нравственно угнетали ихъ на каждомъ шагу.

Бѣда, постигавшая была такъ велика, что жена предчувствовала грозившую ей кручину. Сердце ея все ныло, красно солнышко ее не грѣло: теплое лѣтушко ее не веселяло. Она, какъ и другія жены мужнія ходила въ церковь и все не понимала «отчего жъ ея головушка кручинится и передъ чимъ ея сердечко разгоряется?» Замѣтили даже сосѣд-

ки ея тоску и стали судить и рядить объ ея причинахъ. Одна изъ нихъ побойчѣе другихъ, рѣшилась подойти и спросить:

«И ты скажи въ потай, спорядная сусѣдушка,
«И што вѣдь грубая стоишь да не веселая,
«И ты во добромъ ли теперь да во здоровьицѣ,
«И по согласью ли ты съ надёжноей головушкой?
«И по совѣту ль во любимой семеюшкѣ?
Што поблёкло твое бѣло это личушко,
И цвѣтно платье на тебѣ не розцвѣтаетъ?

Она усмѣхнулась и отвѣтила, что въ любй живетъ съ надеженькой и, кажись, все въ домѣ по согласьицу, но не знаетъ, передъ чимъ ноетъ ея ретливое сердечушко.

Предчувствіе ея оправдалось: мужа ея отдали въ солдаты.

И стала слыть она не вдовой—женой не мужней, а бѣдной солдаткой горегорькою: ея дѣти стали дѣти солдацкіе и вольные и безунёмные.

Положеніе ея въ семьѣ отнынѣ беззащитное и безнадежное. Ее постоянно корятъ, что нѣтъ у ней пахаря на чистомъ полѣ, нѣтъ сѣнокосца на луговыхъ пожняхъ и воскормителя нѣтъ въ домѣ родителя. Не видитъ она почоту отъ братьевъ богоданыхъ и не слышитъ краснословья отъ невѣстушекъ голубушекъ. Боячи ходитъ она по хоромному строеньицу и со страхомъ по дубовыимъ мостиночкамъ.

Выходитъ ли на улицу, надо итти тихошенько, съ поклонной головой и покорнымъ сердцемъ, «штобы буйны эты вѣтры не навіялись и понапрасну добры люди не набаялись.» Того и бойся; пойдетъ слава:

«Што вольная солдатка самовольная,
«И што лѣнивая она да не станливая,
«И свѣтамъ братцамъ богоданымъ непокорная.

Жалкое положеніе дѣтей ея усиливало ея нравственныя страданія. Она не знала, что съ ними дѣлать:

«Въ работнички ль отдать—дѣти малёшеньки,
«И въ пастухи ли-то отдать—дѣти глупёшеньки.

Въ родственной семьѣ дѣти ея, какъ будто чужіе:

«И хоть желанны живутъ дядюшки—не батюшки,
«И хоть спацливыи вѣдь дяденьки—не матушки.

Вотъ побѣгутъ дѣти «по мостиночкамъ дубовымъ» и дядюшки станутъ на нихъ йскоса поглядывать и станутъ йзрыхла-то дяйны поговаривать, што солдацкіе вѣдь дѣти «хлопотливые».

Вотъ подойдутъ они къ столу и «къ хлѣбу соли — дару Божьему»

Ихъ подернутъ-то за бѣлые за рученьки,
Ихъ отпёхнутъ отъ стола да отъ дубоваго,
И глупыхъ щелкутъ ихъ во буйну головушку,
Ихъ подернутъ-то за жолтыи волосушки.

Дѣти, конечно, заобидятся; съ горючими слезами идутъ къ матери и жалуются. Она беретъ ихъ за руки и уговариваетъ:

«Ужъ вы глупы мои дѣти неразумныи,
«И вы сидили бы, безсчастны, въ дверномъ ўголку,
«И вы бы на грѣхъ-отъ къ столу не подходили бы.

А у самой, какъ огнемъ горитъ ретливое сердечушко и какъ смолой кипитъ безсчастная утробушка; и на три рядъ ея сердечко приострескало и на четыре рядъ утроба перелопала».

Кручину приходилось высказывать ей катучу бѣлу камешку и рутить слезы во сине море, штобы не спровѣдали братцы богоданые,

«Гдѣ была бѣдна горюша—съ дѣтми плакала
«И разсказала гдѣ велікую кручинушку.

Илп вотъ приходитъ она съ улицы, малы дѣтушки кругомъ ея обхаживаютъ и воскликаютъ:

«Гди была наша родитель—родна матушка.
Што заплакала вѣдь ясны свои очушки?

Еще больше разгорится въ ней обида и она съ досадой отгонитъ ихъ отъ бѣлыхъ своихъ ручекъ.

Иногда ея материнское сердце возчувствуетъ потребность раздѣлить свои ощущенія съ дѣтской душой: возьметъ она ихъ на руки, но малы дѣтушки, точно бѣлочки, въ глаза да ей поглядываютъ, и не толкуютъ-то, безсчастну разговаривать.

Вотъ она на работѣ, не жалѣетъ себя, и желаетъ добиться одного, чтобы хотя въ семьѣ и ненавидѣли ее, но лишь бы дѣтушекъ не обидили:

«Отъ дубоваго стола да не отдернули,
«И въ обидную головушку не щолкули.

Но работой трудно этого добиться. Вотъ приходитъ она съ работы поздно вечеромъ и видитъ:

«Спятъ да малы дити голодны̀ёшеньки,
«Оны спятъ бѣдны безсчастны на голыхъ доскахъ,
«И бѣлы рученьки у ихъ да пораскиданы,
«И бѣлы ноженьки у ихъ да порозметаны:
«И малы дѣтушки вѣдь спятъ да призаплакавши.

Хоть усталая придетъ она да опрысталая, не посмѣетъ сѣсть на удохъ на брусовую лавочку и устлать дѣтушкамъ пуховую перинушку. Она спросить у невѣстокъ: ладить ли ужина вечорная? Искоса взглянуть и съ досадой ей скажуть: «видно голодна пришла, да и холодна, што спѣшишь ты ко столу ко дубовому». Пойдетъ прочь она, заобидится, приклонитъ буйну голову, утунитъ очи во дубовой полъ; сойдетъ въ мелкорубленую клѣточку, сядетъ на кроваточку, подожметъ свое сердечушко и начнетъ причитать.

Любопытны тѣ воззванія, кои обращала она къ своей надежной головушкѣ—къ солдатушку походному.

«И прилети хоть перелётной малой птиченькой,
«И хоть съ чиста́ поля лети да чорнымъ ворономъ,
«И со сиза моря лети да бѣлымъ лебедемъ;
«И бѣлой лебедь ты садись да на крылечушко.
«И чорный воронъ ты садись да на окошечко.

«И стану спрашивать, горюшица, вывѣдывать;
«И не чорной воронъ—не солдатъ ли ты походной?
«И бѣлой лебедь—не надежна ль ты головушка?

Она высказывала ему свое горе и указывала на положеніе дѣтей его:

«И часто спятъ да малы дѣтушки безъ ужина,
«И не обутыи они да не одѣтыи;
«И у стола да слывуть дѣтушки ѣдучіи,
«И въ избы они, безсчастны, хлопотливыи.

Случалось иногда, что дяди и тетки сдобрятся надъ солдацкими дѣтушками; пріѣзжаютъ изъ гостей и даютъ имъ по пряничку. Дѣти бѣгутъ къ матери и на радостяхъ хвастаютъ гостинцемъ. Она беретъ ихъ на-руки, прижимаетъ къ сердцу и возноситъ спасибо съ благодарностію—свѣтамъ братцамъ богоданымъ, што не-обошли сердечныхъ ейныхъ дѣтушекъ, а сама еще больше ростоскуется, и ростоскуется побѣдна, порасплачется.

Вотъ дѣти выбѣгаютъ на улицу, но и здѣсь не много встрѣчаютъ радостей: не посмѣютъ подойти къ малымъ поровечникамъ: отдали постаиваютъ да поглядываютъ; а тѣ надъ ними ругаются: «што солдацкіи вы дѣти самовольныи».

«И обижаютъ ихъ ребята все отецкіи
«И въ пай играть съ собой не привѣчаютъ.

Порасплачутся, безсчастны, поразжалятся. Мать успокоитъ ихъ и велитъ имъ играть у своего крыльца, подъ своими косѣвчатыми окошечками.

И такимъ образомъ каждый день у ней кровью сердечко обливается и столько глядячи на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.

Въ безъисходномъ горѣ, чувствуя тяжесть своего отверженія въ семьѣ, солдатка идетъ наконецъ за совѣтомъ къ «*вдовѣ благочестивой*» и проситъ придать ей ума-разума въ головушку, какъ ей жить и какъ ростить сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ. Та учитъ ее, что

«Безъ краснаго мяженька тебѣ солнышка,
«И отложить да набъ Владычны Божіи празднички,
«И набъ забросить вся любимая покрутушка:
«И у своихъ да свѣтовъ братцевъ богоданыихъ
«И безотвѣтной набъ горюшѣ быть работницей,
«И набъ на лавочкѣ горюшѣ не посѣкивать
«И надо по-часту въ окошко не поглядывать;
«И какъ ростить-то сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
«И надо плеточкой, горюшѣ, обвиватися,
«И надо ласково, горюшѣ, обходитися,
«И все ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданыимъ.

Таково было положеніе солдацкой семьи въ крестьянскомъ домѣ! Оно продолжалось до тѣхъ поръ, пока Царь-Освободитель Александръ II не измѣнилъ воинской системы и не излилъ на свой народъ благость своего сердца введеніемъ всеобщей повинности для защиты роднаго отечества. Теперь нѣтъ уже въ крестьянской семьѣ былаго *«казеннаго человѣка»*, обреченнаго на царскую службу со дня своего рожденія; теперь солдацкая семья не можетъ отчаяваться въ своей беззащитности, такъ какъ скоро кончается срокъ службы, и «надежная державушка» скоро снова возвращается въ свой домъ со всѣми правами на крестьянскую жиру и крестьянское хозяйство. Измѣнился воинскій порядокъ, измѣнились народныя понятія—измѣнились и семейныя отношенія въ крестьянской избѣ. Да будетъ же благословенно имя Царя-Освободителя Александра II въ роды родовъ!

Наконецъ, настоящій томъ «Причитаній», какъ и первый, имѣетъ немаловажное значеніе и въ исторіи русскаго языка. Особенности, относящіяся къ говору, словообразованію, словоизмѣненію и синтаксису, указаны нами въ «Замѣчаніяхъ», приложенныхъ къ концу книги. Здѣсь считаемъ нелишнимъ указать только на нѣкоторыя слова и обороты, служащія къ уясненію слова о полку Игорева, этого драгоцѣннаго наслѣдія кіевскаго дружиннаго эпоса.

Въ «Словѣ:» *заря—свѣтъ*. Здѣсь встрѣчаемъ: *И скоро-ль свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится* (76, 58).

Въ «Словѣ:» *свычай—и обычай*. Здѣсь встрѣчаемъ аналогію: *и по согласью ли съ надежной ты головушкой и по совѣту ль во любимоей семеюшкѣ*. (148, 128—129).

Въ «Словѣ:» *Половецкую землю цвѣлити*. Здѣсь: *И не кливилъ да ты вѣдь малыхъ этыхъ дѣтушекъ*. (52, 21).

Выше приведено нами мѣсто, которое живо рисуетъ *трудъ*, какъ воинскую страду, и можетъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ выраженію *«трудными словесы»* пѣсни Игоревой.

Наконецъ здѣсь встрѣчаемъ цѣлый завоенный плачъ, весьма близко подходящій къ Причитанью Ярославны. Жена, оплакивая свою умоленую ладу милую, также дѣлаетъ обращенье къ вѣтрамъ —скорымъ ходателямъ, къ умолёному красну солнышку и и ко матушкѣ быстрой рѣкѣ. (11, 1 стр. 87—94). Плачъ этотъ мы считаемъ настолько драгоцѣннымъ, по его внутреннему отношенію къ плачу Ярославны, что не можемъ воздержаться отъ того, чтобы не привести здѣсь изъ него хотя нѣкоторыхъ характерныхъ мѣстъ.

Такъ ты послушай, лада милая.
Напишу я писмо грамотку,
Я отъ себя, горюха бѣдная,
Не перомъ я не чернилами,
Напишу я горючимъ слезамъ,
Такъ я пошлю—то писмо-грамотку,
Я со старыимъ ходателямъ,
Со вѣтрами я со буйныимъ.
Умолёные вѣтры буйные,
Ужъ вы скорые ходатели!
Вы снесите писмо-грамотку,
Во города-те вы во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкіе;

Такъ отыщите ладу милую,
Гдѣ моя да лада милая;
Такъ вы отдайте письмо-грамотку,
Такъ вы скажите ладѣ милоей,
Што у мня нѣту золотой казны.
. . . . . .
. . . . . .
Еще слушай, лада, милая,
Закажу тебѣ, горюшица,
Я тебѣ да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Со краснымъ да солнцемъ праведнымъ:
Умолёно красно солнышко,
Ужъ ты солнце мое праведное!
Ужъ ты свитишь, ты на весь бѣлой свѣтъ;
Такъ освѣти-тко ладу милую,
На чужой на дальной сторонѣ,
Въ грозной службѣ Государевой.
Умолёное красно солнышко,
Ты красишь да солнцѣ красное,
Ты на всю да подселенную,
И на всѣхъ народъ-да людей добрыихъ;
И ты окрась да красно солнышко,
И ты мою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Во полкахъ да солдацкіихъ,
Въ городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ.
Ты скажи-тко, красно солнышко.
Отъ меня да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненьиче,
Отъ меня да отъ горюшицы,
Отъ вдовы да горегорькія.
Какъ я живу-то же, горюшица,
Безъ тебя мой лада милая,

Я потише воды быстрыя,
Пониже травоньки шелковыя:
. . . . . .
. . . . . .
Я пошлю тебѣ, да лада милая,
И еще да челобитьиче.
Низкой да поклоненьиче,
Я по матушкѣ быстрой рѣки,
Я къ своей да ладѣ милоей;
Въ города-те да во дальные,
Во дальные да во солдацкïе,
Я къ своей ладѣ любимоей.
Ты рѣка ли—моя рученька,
Ты рѣка ли моя быстрая:
Ты скажи-тко челобитьице,
Ты моей ли ладѣ милоей,
Ладѣ милоей любимоей:
Ужъ какъ подходитъ Господней Праздничекъ,
На родимой на сторонушкѣ,
И твои-те соколы-братья милые.
На веселѣ и на радостяхъ,
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Вдова солдатка горегорькая,
Надѣваю я, горюшица,
Трурà на себя черные.
Черные да не ражïе.

Собиратель.

Москва. 1-го марта.
1882 года.

I.

ПЛАЧИ О ХОЛОСТОМЪ РЕКРУТѢ.

I. Ирины Ѳедосовой.

Въ избѣ много народу. Мать воетъ.

Я чего да сижу, мать бѣдна безсчастная,
Спрота теперь сижу да безпріютная,
И на брусовой сижу да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальнымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И подъ тумановой стекольчатой околенкой;
Я сижу, бѣдна горюша, призадумавши,
И чужихъ бѣсѣпокъ, горюша, пріослухавши;
Подивуютъ мнѣ-ка добры эти людушки
И посрѣкаются спорядныи сусѣдушки:
И, знать, на радости сидитъ да на весельицѣ
И на великой, знать, Господней Божіей милости:
У ей вси вкупѣ сердечны, видно, дѣтушки.
Я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И што вѣдь прибрались народъ да люди добрыи:
И не весельице у насъ, да не забавушки,
И не тихіи смиренныи бесѣдушки,
И не честное у насъ да пированьице.
Ноиь какъ этымъ учётнымъ долгимъ годышкомъ
И сочинилась грозна служба Государева,

И сволновался непріятель земли русской,
И присылать стали указы Государевы,
И собирать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ
Какъ на сходку вѣдь теперь да на обчественну,
И тутъ писать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ
Да на эготъ на гербовой листъ-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И все ко этымъ ко жеребьямъ дубовымъ.
Ужъ какъ эты уда́лы добры мо́лодцы
И передъ Го́спода глаза да вѣдь крестили
И Богородицѣ молитовку творили;
И они брали жеребій да тутъ дубовыи:
И пойти надо тутъ во службу Государеву.
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ
И хоть не скованы да ре́звы у ихъ но́женьки,
Только скована ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бѣлы ру́ченьки,
И обрестованы указомъ Государевымъ.
Вотъ похаживать сердечно мое дитятко,
И опъ по доброму хоромому строеньицу,
И да опъ буйной то головушкой пока́чивать,
Опъ жолтыма кудеркама потряхивать,
И молодецкима — то ручкама помахивать,
И опъ на намять то словечка спроговаривать,
И говорить столько скачоная жемчужника:
«Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
«Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
«Сустигае грозна служба Государева;
«И на роду́, да видно, служба мнѣ уписана,
«И, видно на́-дѣлу бурлаку доставалася.
Тутъ опъ сма́хне свои бѣлы эты ученьки
И на бурлацку молоде́цкую головушку
И на завивныи на жолтыи кудёрышка;
И не жалѣе молодецкихъ кудерь жолтыихъ
И съ горя рветъ да свои жолты куде́рышка.

Тутъ онъ смáхнетъ молодéцки бѣлы рученьки,
Онъ на этую на грудь да молодецкую,
И подожметъ свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй да молодецкое сердечушко.
«Не унывай да молодецкая утробушка.
И онъ пройдетъ да по хоромному строенью,
И онъ спроговоритъ единое словечушко,
Всимъ приближнимъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
Всимъ дружьямъ да молодцáмъ своимъ пріятелямъ,
Въ собшу́ да душамъ краснымъ, скажетъ, дѣвушкамъ:
«Поглядите-тко народъ да люди добрыи,
«И на печальнаго бурлáка на молóдаго!
«И какъ хожу я по хоромному строенью,
«И по свѣтлоей хожу да я по свѣтлицѣ:
«И я не пьянъ, да съ горя, мóлодецъ, шатаюся;
«Безъ воды да рѣзвы ножки подмываетъ,
«Безъ огня мое сердечко розгоряется,
«Безъ смолы моя утроба роскипляется,
«Дума думушку бурлака пошибаетъ,
«И умъ за разумъ у бурлака забѣгаетъ.
«Вы простите-тко души да красны дѣвушки!
«Какъ што сдѣтся надъ добрымъ надъ мóлодцемъ,
«Какъ возмутъ да въ грозну службу Государеву.
«И вы воспомните душй да красны дѣвушки,
«И спамятите-тко бурлáка розмолодаго,
«Вы на этыихъ горахъ да на искатныихъ,
«И вы на тихихъ на смиренныихъ бесѣдушкахъ!
«Помолитесь-ко старушки стародревнїи,
«Вы Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
Штобы Господи Владыко Свѣтъ помиловалъ,
«Какъ отъ этой бы отъ службы Государевой,
И возратилъ бы на судиму Богъ сторонушку.
«И рыболовушкомъ на сине бы Онегушко,
И меня пахаремъ на чисто бы на полюшко,
И воскормителемъ желаннымъ бы родителямъ.

«И не тоскуй моя родитель, родна́ матушка,
«И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
«И ты не дай тоски къ ретливому сердечушку.
«И ты обидушки ко зяблосй утробушкѣ.
Я гляжу, смотрю, побѣдпая головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И какъ не бѣлая березка нагибается,
И не шатучая осина разшумѣлася;
Добрый мо́лодецъ кручиной убивается;
Не дай, Боже, вѣдь того, да Боже Господи,
Розставаться со сердечнымъ со дитяткомъ.
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку:
Какъ дѣтиная тоска—не угасимая,
И какъ жива эта разлука пуще мертвой.

Пріѣзжаютъ за рекрутами земскіе власти; мать вопитъ:

И пропелъ де́печикъ теперь да не видаютца,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечику судьи да подъѣзжаютъ:
И тутъ подогнаны ступистыи лошадушки.
И не по разуму любимы хоть извощички,
И про сердечное рожено мое дитятко.
И по фатерушки судьи да все похаживаютъ,
И добра мо́лодца они все попаряживаютъ:
«И ты справляйся молодѐцъ да поскорешенько.
«И одѣвайся-тко, бурлакъ, да суровѐшенько.
«И у крильца стоитъ ступистыи лошадушки.
«И отправляйся въ путь—широкую дороженьку.
«Ты ко славному ко городу Петровскому,
«Ко приемной полатѣ бѣлокаменной.
И какъ у мо́его сердечнаго у дитятка
И подломились да тутъ рѣзвы его ноженьки,
И подрожали молодецки бѣлы ру́ченьки,

И поблекло его бѣлое тутъ личушко,
И пріужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота съ лича у свѣтушка стерялася,
И съ горя жолтыи кудерки развѣваются;
И хоть одѣть да онъ во цвѣтное во платьице,
Хоть надѣты вѣдь тулупы одиицовыи,
И не цвѣтетъ да теперь цвѣтно на немъ платьице
И не красúтъ да добра мóлодца покрутушка,
Не согрѣватъ да купья шубка соболиная.
Сдай-волю-те-тко народъ да люди добрыи,
И смилосердуйтесь судьи да милосердыи!
Вы возмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на тёмну эту ноченьку,
Вы рожоное сердечно мое дитятко.
Я удумаю, побѣдпая головушка:
Схичу-спрячу я скачоную жемчужинку
Я отъ этыхъ властей немилосердыихъ,
Я отъ этыхъ судей не правосудныихъ.
Я запру да вѣдь во свѣтлу его свѣтлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Прикакрою соболиным одѣялышкомъ,
Призадвшу я ситцѣвы занавѣсочки;
И отвѣчать буду судьямъ да я обманывать:
«Пріотиравила сердечно мое дитятко.
«Онъ ко городу уѣхалъ ко Петровскому,
«И онъ не ждалъ да васъ властей вѣдь милосердыихъ,
«Онъ казеннаго не ждалъ да все извощичка.
И пороздумаюсь побѣдным умомъ разумомъ:
Ныиь не скросишь—то сердечнаго вѣдь дитятка:
Времена теперь пошли да все бѣдовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи.
И дай-волю-те-тко судьи вы правосудныи
Ужъ какъ мóему сердечному то дитятку,
И съ горя систь ему на саночки дубовыи,

И попроѣхать на ступистоей лошадушкѣ,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушкѣ по ши́рокой по у́личкѣ
И со малыма ему да поровечникамъ:
Какъ споютъ они солдацку ему писенку
И воспотѣшатъ-то уда́ла добра мо́лодца.
И взвеселятъ его ушлую утробушку.
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко,
И укатись, да мое красное ты на́ золотѣ,
И укатись да отъ родимой ноль отъ родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на уречныи недѣлюшки;
И въ города да удались ты незнакомыи,
И ты за крѣпости уйди новогородскіи;
И не знали бы судьи не правосудныи,
И не довѣдались бы власти страховитыи;
И тоей порушкой теперь да тымъ времечкомъ,
И припаполятся наборы Государевы;
И ты останешься сердечно мое дитятко
И во своей да молодецкой вольной волюшкѣ.
И поразду́маюсь побѣдным своимъ разумомъ:
«Никуда нынь не удешь да не упрячешься»
Времена теперь пошли да все бѣдовыи,
Хитроумны стали власти скрозековыи.

Рекрутъ къ судьямъ:

И какъ у нашего хоромнаго строенъица,
Какъ у этого крылечика перёнаго,
Какъ у этого столба да у точенаго,
Есть подогнаны ступистыи лошадушки,
И подъ меня да подъ безсчастна добра мо́лодца;
И все извощички крестьяна полномочныи,
И челомъ бьютъ да мнѣ-ка судьи покланяются,

II со мной дѣютъ они до́брое здоровьице.
II какъ до сегодняшна учётна долга го́дынка,
II въ моемъ по́росту да было въ возрастаньицѣ,
II не знали меня до́бры эты людушки,
II по изотчинкѣ меня не нарекали,
II не били-то челомъ, низко не кланялись;
II столько знать да стали до́бры эты людушки,
II примичать стали судьи́ да правосудныи,
II какъ брать надо во службу Государеву.
II охти мни да добру мо́лодцу тошнешенько!
II дай-волю-те-тко судьи вы правосудныи,
II спаровите-тко вы власти милосердыи,
II мнѣ пройти да похоромному строеньицу,
II по двору пройти, бурлаку, колесистому,
II по сараю-то пройти да хоботистому,
II мни проститься со хоромнымъ строеньицемъ,
II во двори да со любимоей скотинушкой,
II во конюшенькѣ проститься съ конемъ до́брымъ.

Мать къ мо́лодцамъ:

II вы послушайте уда́лы добры мо́лодцы
II ужъ вы милыи любимы поровечинки:
II да вы спойте хоть унылу ему писеньку,
II взвеселите вы скачоную жемчужинку.
II ты пройди да вѣдь уда́лоей доброй мо́лодецъ,
II по прогулушкѣ по широкоей по уличкѣ,
II ты мѣняй свою кручину на веселыце,
II ты обидушку свою на доброумыце;
II да мы по́глядимъ, печальныи головушки,
II какъ ведутъ да дружьё-братыца прія́тели,
II какъ тобя, нашу скачоную жемчужинку,
II подъ безсчастны молодецки бѣлы рученьки,
II воспѣваютъ-то солдацку жалку писеньку

И уласкаютъ-то скачоную жемчужинку.
И съ деревенскімъ селомъ, да свѣтъ, прощается
И сговоритъ паша скачопая жемчужинка:
«И ты прости прости село да деревенское,
«И прости уличка бурлакушка рядовая,
«И вси сусѣдушки простите спорядовыи,
«И вы простите вси старушки стародревніи,
«Меня малыи бладенцы недоросточки,
«И да вы вдовушки простите-тко побѣдныи,
«И меня горькіи безсчастны вы сироточки;
«И какъ ходилъ я по прогульной этой у́личкѣ
«Я не впервое прошолъ, бурлакъ, послѣднее,
«И проторилъ да эту малую тропиночку,
«Я до матушки теперь да до сырой земли;
И отъ меня да отъ доро́дня добра мо́лодца,
И отъ злодѣйской отъ великой отъ кручинушки,
И мать сыра земля теперечко шатается,
И отъ горючихъ слёзъ слѣдочки заплываются.

Рекрута̀ ѣдутъ кататься по деревнѣ; мать вопитъ:

И пойду—выйду я на ши́року на у́личку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Какъ онъ йде [1]) по прогульной этой у́личкѣ,
И на ступистоей удалой на лошадушкѣ,
И опъ на саночкахъ, мой свѣтъ, да самокатныихъ,
И какъ подвязаны звонъ-унылы колокольчики;
И спотѣшатъ себя сердечно мое дитятко,
И взвеселятъ да молодецкую утробушку.
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
Вы приближни спорядовыи сусѣдушки.
И вы смотрите-тко, вѣдь родъ-племя любимое,

[1]) Йде, т.-е. ѣдетъ.

Вы добротушки—желанны родны тётушки,
И вы отданыи сестрицы сдвуродимыи,
Вы—па милую скачопую жемчужнику.
И хоть гулять столько скачопая жемчужника,
И онъ не съ радости, нашъ свѣтъ, да не съ весельица,
И со злодѣйиоей великой со кручинушки,
И съ проклятоей теперь да со досадушки;
И по пути, да по широкои по дороженькѣ,
И добрый конь поиь-ко идетъ да спотыкается,
И лошадина голова да припаклопена;
Какъ на санкахъ добрый мо́лодецъ шатается;
И не вёшный этотъ ручей разливается,
И бѣдный мо́лодецъ слезами умывается;
Онъ снимаетъ-то съ головушки тутъ шапочку,
И на всѣ на три, четыре на сторонки покланяется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И съ горя молвитъ-то, нашъ свѣтъ, да таково слово:
«И ты прости, прости село да деревенское,
«И ты усадьба-то прости да красовитая,
«И вы деревеики простите садовитыи,
«И вы простите тёмиы лѣсушки дремучіи,
«И вси сахарніи садовы деревиночки,
«И вы простите-тко луга да сѣнокосныи,
«И добра мо́лодца поля да хлѣбородныи,
«И сине славное прости да ты Онегушко,
«И ты родимая прости меня сторонушка,
«И прости волость-то меня да красовитая,
«И ты сторонушка прости меня гульливая,
«И ты гульливая сторонка щегольливая;
«И ты прости да молодецка вольна волюшка,
«И ты прости да Божья Церковь посвященная,
«И Пресвятая Мать прости да Богородица.

Съ гулянья зазжаютъ въ церковь; мать вопитъ:

II говоритъ еще скачопая жемчужинка:
II теперь съѣзжу въ Божью Церковь посвященную,
II попрошу да я попа отца духовпаго,
II воспокаюся служителю церковпому,
II помолюсь да я Богу отъ желаньица,
II прослужу да я молебенъ Богородицѣ,
II я поставлю Ей свѣщи да воску ярова,
II положу—то пелены да Ей шелковыи;
II помолюсь да со слезами со горючима
Ужъ я этому Владыкѣ все небесному:
II сохранилъ бы меня Господи помиловалъ,
II отъ приемпоей полаты бѣлокаменной,
II какъ отъ этой бы отъ службы Государевой.
II ты спаси да Пресвята мать Богородица,
Ты отъ этыихъ властей немплосердыихъ,
Ты отъ этыихъ судей да все безбожныихъ!
II вы простите-тко попы отцы духовныи,
II благодѣтели служители церковныи!
II на духовныихъ молитвахъ вспомяните-тко
Вы меня да все удáла добра мóлодца!
II буде вóзращусь на родимую сторопушку,
Я со этого со города Петровскаго,
Розсчитаюсь я за ваше утруженьице;
II за молитовки-то ваши вѣдь церковныи
Ужъ я сдáю вамъ духовно угощеньице.

Но пріѣздъ изъ церкви родные зовутъ рекрута въ гости. Про вожая, въ дверяхъ мать вопитъ:

Я гляжу—смотрю, кокоша горегорькая,
II на сердечное глажу да я на дитятко,
II какъ идё да опъ по шúрокой по уличкѣ
II во любимое идё да во гостябище
II ко добротушкѣ къ желапной идё тётупкѣ.

Тетка, встрѣчая, вопитъ:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико переное,
Да я стричю то любимо свое племятко,
И подхвачу его подъ праву бѣлу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку.
Я гляжу—смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть съ дружьёмъ идё, мой свѣтъ, да со пріятелямъ
И съ холостьбой идё, желанье, пежнатой,
И опъ не княземъ-то идё ко мнѣ молодымъ
И опъ не славнымъ женихомъ да наряженымъ,
И хоть не первое идё, можже, послѣднее,
И со злодійпосй идё да со кручинушкой,
Опъ ко мни да во любимое гостибище;
И ты поди, мое сердечно мило племятко,
И ты по прежнему поди да по досюльному,
И какъ ходилъ да ты къ печальноей головушкѣ,
И ты во радости ходилъ да во весельицѣ;
Какъ про тебя, мое сердечно мило племятко,
Нонь дубовыи столы да поразставлены,
И тонки бѣлы скатерти да поразосланы;
И сахарни тебѣ ѣствы приналажены,
И съ Новагорода питья тебѣ доставаны.
И ты пройди, мое любимо мило племятко,
Ты въ мое пройди хоромное строеньице,
Ты во свѣтлую пройди да мою свѣтлицу,
И ты роздѣнь да молодецко цвѣтно платьице;
И положу да я на стопочку точёцую,
И посажу тебя на стулъ да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учёстую;
И ты садись, да нашъ сдовольной бѣлой свѣтупко,
И ты гости, гости любимо мое племятко,

Пока во́ своей бурлацкой вольной волюшкѣ.
И я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И на сердечнаго любимаго племянничка:
И ужъ онъ ѣствушекъ, горюнъ, не искушаетъ,
И медвянаго питья не испиваетъ;
Онъ горючима слезама обливается,
Онъ великоей кручиной утирается.
Жаль тошнёшенько побѣдныимъ головушкамъ,
Намъ сердечнаго любимаго племянничка.
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитятко съ сусѣдами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидать нашу скочопую жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племятко:
Какъ нто сдѣется, скачопая жемчужинка,
Какъ соймуть да молодецку вольну волюшку,
Какъ приведуть да во полату бѣлокаменну,
И по раздѣнуть у васъ цвѣтно это платьицо,
И васъ поставять-то подъ мѣру Государеву,
Какъ подъ эту подъ линѣечку дубовую,
И у тебя, наша скачопая жемчужинка,
И тутъ подломятся бурлацки рѣзвы ноженьки,
И подрожать да молодецки бѣлы рученьки,
И пріужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны бчушки.
И тутъ повыстануть судьи неправосудныи
Со этыихъ съ стульицевъ кленовыихъ,
Оны на́-свои на рѣзвыи на ноженьки,
Какъ отъ этыихъ столовъ да отъ дубовыихъ;
Въ бѣлокаменной полатушкѣ похаживаютъ,
И козловы сапоги у ихъ поскрипываютъ,
И оны въ точь глядятъ во ясны вамъ во бчушки,
И по головушки начальники подрачиваютъ,

«И всимъ здоровъ да молоде́цъ-то этотъ бравой».
И столько слушайте народъ да люди добрыи:
И не радили бы побѣдны мы головушки,
И отпустить нашу скачоную жемчужнику,
И во злодійную полату во приемную.
И буде Господи Владыко не помилуетъ
И какъ во этой во полатѣ бѣлокаменной,
И буде «*лобъ*» скричать жандáры Государевы,
И тутъ подхвáтя вершалà да все молóдыи
Какъ тобя, нашу скачоную жемчужнику,
И посáдя какъ на стульица кленовыи,
И во рукѝ оны берутъ да бритвы вострыи,
И оны брить да будуть жолтыи кудёрышка,
И у тобя да у скачоной у жемчужнки,
И волоса падуть, напъ свѣть, да на дубовой полъ:
И тутъ ты сдынешь свои бѣлы эты рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки съ очей да проливаются:
«И куды волюшка моя да подѣвалася.
«И молодецкіи кудёрка истерялися».
И прибери свои завивны кудри жóлтыи,
Ты со этого полу́ да со дубоваго,
И ты клади да во гербовой листъ бумаженьку,
И отошли да на родиму свою родинку,
И на погляженьице желанныимъ родителямъ,
И на утѣхушку намъ срóдчамъ—милымъ сродничкамъ.
И не поставь въ гнѣвъ, скачоная жемчужнка,
И хоть я у́ныло, горюша, причитала,
И во слезахъ тобѣ, побѣдна, розсказала
Про злодійную палату бѣлокаменну.
И ты гости, да тепло-красное наше солнышко.
И пока на́—своей родимой ты сторошушкѣ,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милымъ спорядовымъ сусѣдушкамъ.
Какъ тебя, да тепло-красно наше солнышко,
Сожалѣютъ вси спорядны сусѣдушки!

Рекрутъ къ подружью.

II спасетъ Богъ да вамъ дружьѐ братья-пріятели,
II што спѣвали вы унылы жа́лки писенки,
II воспотѣшили уда́ла добра мо́лодца,
II молодецку мою зябдую утробушку:
II нынь сердечунко мое не утѣшается,
II молодецкая головушка кручинится;
II поскоренько на—бъ бурлаку распростится,
II миѣ-ка со́-своей родимой со сторонушкой,
II суровёшенько мни на-бъ да отправлятися
II во злодійну эту службу Г'осудареву.
II жаль тошнешенько уда́лу добру мо́лодцу,
II поразстаться со родимой миѣ-ка родинкой,
II миѣ съ дружье́мъ-братьемъ теперичко съ пріятелямъ.

Проводы, угощенье и прощанье.

Поглядите-тко народъ да люди добрыи,
II вси приближни спорядовыи сусѣдушки:
И какъ во этомъ во поче́стномъ во большомъ углу,
Уже вси вкупѣ уда́лы добры мо́лодцы—
Вси сидятъ тутъ рекрута́ да очередныи.
II не уяданьице—имъ ѣствушка сахарніи,
II не въ сласть да имъ сладка попьку водочка;
За столо́мъ да ихъ головки приклонены,
II о сыру землю—ихъ очюшки утуплены;
II тутъ великоей обидой забавляются.
II оны горькима слезама обливаются;
II говорятъ да имъ тутъ вла́сти поставленыи:
II съ родомъ съ племенемъ, бурлакушки, прощайтесь-ко
И въ путь дороженьку, рекру́ты, отправляйтесь-ко;
II отвѣтъ держать имъ рекрутика моло́дыи:
Дай-волю-тетко судьи вы милосердыи,

«И хоть едйной часъ вы дайте-тко минуточку,
Намъ потѣшить свое сердче молодецкое»;
И, знать, пришла да вѣдь пора да тое времечко,
Изъ за стола пойти бурлакушкамъ молодымъ,
И отъ купаньевъ пойти да отъ сахарныихъ,
И отъ питьицевъ пойти да отъ медвяныихъ;
И нынь долить да ихъ великая кручинушка,
И ушибать да ихъ великая тоскичушка.
И оны крестъ кладуть, бурлаки, по писаному,
И передъ Господомъ вѣдь славу сотворяютъ.
И затоплялн тутъ свѣщи да воску ярова,
И на бурлацкіи колѣна становилися;
И сговорятъ да тутъ рекрутика молодыи,
«Ужъ ты Спасъ да нашъ Владыко многомилосливой!
И Ты спаси да насъ безсчастныхъ добрыхъ молодцевъ
«И Ты отъ этоей отъ мѣры Государевой!
«И Ты Покровъ Мать Пресвятая Богородица!
«И Ты покрой да насъ рекрутиковъ молодыихъ
«И отъ злодѣйской ты отъ службы Государевой».
И тутъ повыстали на рѣзвы оны ноженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со бладой вышины да до сырой земли;
И на всѣ на три четыре на сторонушки,
Всимъ окольнымъ сусѣдамъ покланялися.
И въ собину поклонъ желанныимъ родителямъ,
И во пристарніи да держать оны ноженки.
«И вы простите-тко, желанныи родители,
«И во всей глупости простите насъ—во дурости,
«И благословите-тко, желанныи родители,
«И намъ поѣхать во путь шйроку дороженьку,
И надѣлите-тко таланомъ вы насъ участью.
«И всей великоей Господней Божьей милостью».
И вы смотрите-тко, народъ да люди добрыи:
И какъ не бѣлыи березки пагибаются.
И съ отцемъ съ матерью рекрутики прощаются,

И оны червышкомъ, безсчастныи, свиваются,
И оны клубышкомъ, побѣдныи, катаются,
И въ безъизвѣстную сторонку снаряжаются;
И не ясенъ соколъ съ тепла гнѣзда слетастъ,
И добрый мо́лодецъ изъ дому выѣзжаетъ.
И пыль по позднему теперечко по вечеру,
И по закату тепло-красного вѣдь солнышка,
Тутъ повыстали бурлакушки сердешныи,
И какъ повышли со хоромнаго строенъица,
И у крылечика оны обстановилися,
И какъ взглянули на хоромное строенъице,
И на свѣтлую взглянули оны свѣтлицу,
И сняли шапочки со бладыхъ со головушекъ,
И на три сто́роны бурлаки покланялися
И со строенъицемъ оны да распростилися:
«И ты прости, прости хоромное строенъеце,
«Прости свѣтлая тёсова пова горенка,
«И не бывать да на родимой буде родинкѣ,
«И не хаживать по хоромному строенъицу,
«И намъ не сиживать во свѣтлой буде свѣтлицѣ
И поклонилися безсчастныи рекрутики,
И печальныи уда́лы добры мо́лодцы,
И своимъ да все ступистымъ лошадушкамъ:
«И спаси Господи ступистыихъ лошадушекъ,
«И што возили насъ печальныхъ добрыхъ мо́лодцевъ
«Все по этымъ Владычнымъ по праздничкамъ,
«И по тихимъ по смиренымъ бесѣдушкамъ,
И по унылымъ слезливымъ по свадебкамъ;
«И знае—вѣдае безсчастно ретливо сердче:
«И намъ не ѣзживать на ступистыихъ лошадушкахъ,
«И намъ не сиживать на сашкахъ самокатныихъ.
И ужъ какъ тутъ эты рекрутики печальныи
И оны по́джали ретливое сердечушко,
И сговорили тутъ, безсчастны, таково слово:
«И ты не пой наше сердечко молодецкое,

«II не тоскуй папа утробушка бурлацкая,
«II жаль розстаться со родимой со сторонушкой.
II со тоски да тутъ пали рекрута о сыру землю;
II подхватили да ихъ су́дьи поставленыи,
II взяли мо́лодцевъ подъ правую подъ рученьку.
II посадили во печальны дубовы́ сани,
II пріукрыли соболинымъ одѣялышкомъ;
II пріотто́лкнули желанныихъ родителей,
Отъ своихъ они сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ,
II отпѣхнули сродчевъ сродничковъ любимыихъ;
II тутъ извощички добрыхъ коней понудили,
II добры ко́ношки пошли да суровёшенько:
II быдто сѣрый волкъ подъ кустышкомъ поукивать,
II такъ бурлаки путь-дороженькой тоскуютъ,
II въ дубовыхъ саняхъ—они да горекуютъ
II не дали́ то имъ судьи немилосердыи
II со старыма старушкамъ имъ простится,
II на всѣ сто́роны рекрутамъ поклонится;
Какъ везутъ да ихъ извощички не милыи,
II не по разуму ступистыи лошадушки;
II далѣ далѣ отъ родимоей сторонушки,
II ускоряются ко городу Петровкому.
Какъ ко этому припёму Государеву.

Къ матери—двоюродная сестра:

II ты послушай, бѣдна мать да горегорькая:
Хоть снаряжашь свою скачопую жемчужнику,
II ты не въ славны города да понизовыи,
II не въ извощички, горюша, ты въ охотныи,
II не въ бурлакушки, горюша, ты во вольныи,
II не по эту золоту казну довольную;
II погляди, бѣдна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла лспа-со́кола:

БИТИРЕЛИГИОЗН[illegible]
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

II по мостиночкамъ, пашъ свѣтъ, да онъ похаживать,
II онъ во цвѣтносмъ бурлацкосмъ во платьицѣ;
II не красйть на немъ да цвѣтно это платьице,
II со кручинушки головушка не гладится,
II со обиды волосъ къ волосу не ладится,
II со печали желты кудри рострепалися;
II не темны лѣса ко зени приклонилися,
II не камышки нонь съ горъ да поскатилися,
II добры людушки бурлаку сдивовалися:
II до сегодняшня Господня Божья дéнечка,
II какъ до этой до студёной холодно́й зимы,
II бывъ свѣща у насъ была да нетоплёная,
II какъ верба́, да былъ, пашъ свѣтъ-то, золочона,
II бывъ сахарная онъ былъ да деревиночка,
II какъ палимная изюмна ягодиночка;
II ужъ какъ этоей студёной холодно́й зимой,
II наша милая скачопая жемчужника,
II быдто деревцо, пашъ свѣтъ, да подсѣченое,
II во сыромъ бору береза подсушона,
II недозрѣвна какъ теперь да ягодиночка,
II быдто вёшная земля да воронона,
II на лугахъ трава, пашъ свѣтъ, да подкошона,
II быдто рыбинка во сѣтку изловлёная,
II какъ ясèнь соко̀лъ во клѣтку посажо̀ной;
II какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ дéнечкомъ
II скрозь туманъ да нечё красно это солнышко,
II Скрозь-то темный лѣсъ свѣтлѣетъ младъ свѣтёлъ мѣсяцъ
II скрозь облакъ-то течетъ да наша милая звѣзда да подвосточная.
II ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
II на сердечное рожоно свое дитятко;
II нынь не годышекъ вѣдь съ нимъ да годовать,
II не урочная недѣля красоватися;
II прошла зимушка студёна --не видаютца,
II вдругъ недѣли миновались--не слыхаютца:

II на часу́ наши бурлаки одѣваются,
II во злодѣйную палату снаряжаются.
II ты послушай, свѣтъ—сестрица сдвуродимая:
II какъ почесь да было тёмной этой ночепькой.
II у тебя да про сердечно мило дитятко,
II было у́брано хоть складнее зголовьице,
II хоть ложился спать по поздпему по вечеру,
II сговорилъ да тутъ, скачопая жемчужпика:
II я послѣдпюю-то сплю да тёмпу ночепьку
II я на этой на пуховой перинушкѣ,
II на у́браномъ я на складнемъ на зголовьицѣ:
II ты послушай же, родитель—родна матушка,
II не клони да въ сонъ побѣдной буйной го́ловы.
II подлѣ сядь да па тесовую кроваточку
II супротивъ да ты обидпаго сердечушка;
II ты гляди—смотри, родитель, во бѣло́ лицо,
II ты погладь да по безчастной буйной го́ловы,
II подрочи́ ты по безчастнымъ по бѣлымъ грудя́мъ,
II не жалѣй, зажги свѣщи да воску ярова;
II темной почепькой свѣщи горятъ—туманятся,
II какъ безчастной добрый мо́лодецъ печалится;
II не спокойна была тёмна ему почепька;
II знать, што—вѣдае ретливое сердечушко,
II нынь надъ мо́лодцемъ великую незгодушку;
II онъ не спомъ да тёмпу́ почку коротаетъ,
II онъ горючима слезама обливается;
II отъ побѣдпихъ молодецкихъ его слёзушекъ,
II потопувши круто-складнее зголовьице,
II полѣпявши наволочечки шолковы;
II съ тоски смахне молодецки свои ручепьки
II на печальную молодецкую головушку,
II съ горя рветъ да свои жолты кудёрышки,
II подаетъ да опъ родимой своей матушкѣ:
«II ты возьми, моя родитель жалосливая,
«II мои жолты завивны кудерышки,

«И ты клади да во гербовый листъ бумаженьку,
«И положи кудри во правую во пазушку,
«И прижимай да ты къ ретливому сердечушку;
«И знаю—вѣдаю, горюнъ, да я печальной:
«И што забудешь ты, родитель—родна матушка,
«И ты меня—свое сердечно мило дитятко;
«И ты вѣдь по́ясокъ носить будешь слабёшенько,
«И ты обро́нишь мои жолтыи кудерышки,
«И подойму́тъ—да свѣты братьица родимыи
«И мои жолтыи завивны тамъ кудерышки,
«И повыкинутъ съ хоромнаго строеньица,
«Иль сожгутъ оны въ огни да въ этомъ плящеемъ
Еще слушай же сестрица сдвуродимая:
Ужъ какъ этую скачоную жемчужинку
И ты въ безсчастный день во середу засїяла,
И въ безталанный день во пятницу вспоро́дила;
И, знать, не въ ту пору на свѣтъ ты попустила,
И когда Божїи были церкви пріотворены,
И во церквахъ да Божіи книги пріотомкнуты,
И двери Царскіи въ церквахъ были пріотперты;
И въ безталанный часъ по вечеру родила,
И когды ку́знецы во ку́знецахъ стояли,
И какъ булатъ—это желѣзо розжигали,
И ко оружьицамъ замки да прилагали;
И на—роду́ служба ему, свѣту, уписана,
И на—дѣлу́ ему отъ братьевъ придѣлялася.
Еще слушай же сестрица сдвуродимая:
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя дѣтушки,
И то гордливы, тыи дѣтушки спѣсивыи.
И попеняю при всѣхъ добрыихъ я людушкахъ,
И посрекаюсь при спорядныихъ сусѣдушкахъ;
И ты не матушка была да ему—мачиха,
И быдто у́—сердча его ты не носила;
И не слыхалъ да онъ, любимо наше племнятко,

II какъ отъ васъ своихъ желанныхъ родителей,
II онъ не ласкова прелестнаго словечушка,
II не видалъ да онъ, скачопая жемчужинка,
II отъ васъ да онъ великаго желанъица,
II ненавидли свѣты-братьица родимыи,
II за столомъ его сидѣть да за дубовымъ,
II на стульицахъ его да на кленовыихъ.
II возрасталъ какъ онъ, любимо наше племятко,
II онъ не нашивалъ сапоженьковъ козловыихъ,
II онъ не держивалъ бурлацка цвѣтна платьица,
II была не́—дана ступистая лошадушка
II ходить—ездить по Владычнымъ по праздничкамъ;
II его купаньемъ вѣдь вы не наважали,
II все крестьянскоей работой утружали;
II вы держали—то его вмѣсто подворничка,
II почитали-то его да какъ работничка.
II говорить тебѣ, сердечно мило дитятко,
Онъ испялъ жалословой тебѣ матушкѣ:
«II попустила што великое желанъице,
«II по головушкѣ, родитель, поль подрачиваешь:
«Я не дитятко тебѣ да не сердечное,
«II ты солдатушкомъ меня да вѣдь засіяла,
«II ты солдатушкомъ меня да вѣдь спороди́ла;
«II не на красномъ да я солнышкѣ повырощенъ,
«II ужъ я росъ да на катучемъ синемъ камешкѣ;
«II не дитятко ты ростила, измѣнушку;
«II надсмѣхались свѣты братьица родимыи,
«II надрыгалися желанныи родители;
«II удивляюсь я удалый добрый мо́лодецъ,
«Ужь какъ этоей студёной но́ньку зимушкой,
«II стали свѣтушки вѣдь братьица ласко́выи,
«II родима моя матушка спацля́вая;
«II кругомъ около, родитель то подхаживать,
«II хоть во я́сны мин—ка очушки поглядывать,
«II уласкаютъ свѣты братьица родимыи,

И всѣ милыма прелестныма словечушкамъ,
И утѣшаютъ то безсчастна добра мо́лодца.
И я того, бѣдный бурлакъ, да обижаюся:
И при послѣди я скажу да поры – времечки:
«И мнѣ-ка не было, бурлаку, пребсрёгушки,
«И отъ родителей великаго желаньица;
«И ужъ какъ мнѣ-кова безчастну до́бру мо́лодцу
«И мнѣ-ка не́—было вѣдь сладка уяданьица;
«И мнѣ медвянаго бурлаку упиваньица;
«И не пастроено да мнѣ-ка цвѣтно платьица,
«И все вы ладили на милыхъ другихъ дѣтушекъ.
«И я повы́стану по утрышку ранёшенько,
«Я обуюсь въ сапожепка поскорёшенько,
«Я одѣну хоть шубёнку стозаплатпую,
«И подпояшусь я, побѣдной, хоть веревчонкой,
«И спаряжусь да па крестьянскую роботушку,
«Я во эты́ во темны лѣса дремучїи,
«Я за этыма травама за зелепыма;
«И мои братьица въ домы́ да оставаются,
«И на пуховоей перинкѣ проклаждаются;
«И хоть пріиду [1]) со темныхъ лѣсовъ дремучіихъ,
«И я повыпрягу ступистую лошадушку,
«И приведу да я на стойлы на конины,
«И задамъ ло́падямъ ядепья со питемьицемъ,
«И я приду да во хоромпос строспьице;
«И у моей да у родителя у матушки
«И произведены обѣды полудепны;
«И отдыхаютъ-то сердечны у пей дѣтушки,
«Какъ мои да милы братьица родимыи;
«И по избы́ стану, безсчастной, я похаживать,
«И говорить стану родителю я матушкѣ:
«И вы пакройте-тко на столъ да на дубовой,
«И вы дайте мпѣ ядепья со питемьицемъ;

---

[1]) Пріиду см. пріѣду.

«И по избы́ станешь, родитель, ты похаживать,
«И ты не съ ве́села на мо́лодца поглядывать,
«И ты не ла̀сково со мной да разговаривать.
«И ужъ какъ этой студёной холодной зимой,
«И сдивовался вѣдь до́бры эты людушки;
«И хоть стала нонь близёшенько подхаживать,
«И въ устахъ де́ржишь хоть прелестны словечушка,
«И во сердцѣ нѣту великаго желаньица,
«И лицемѣришь нонь при до́брыхъ столько людушкахъ,
«И обижаешь столько уда́ла добра мо́лодца;
«И миѣ-ка и́зъ—роду вѣдь было да изъ племени,
«И все желанная родитель была—тётушка,
«И на любимое была да краснословьице,
«И на сердечное великое желаньице,
«И на заступушку была на приберёгушку;
«И у меня нонь у безсчастна до̀бра мо́лодца,
«И такъ побѣдное сердечко розгорѣлося,
«И такъ обидушка съ досадой росходилася:
«И не ласкайте, свѣты-братьица родимыи;
«И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
«И не диви да многихъ до́брыхъ столько людушекъ:
«И я не дитятко тебѣ да не рожоное;
«И, знать, не трудничекъ я вамъ да не роботничекъ,
«И не старатель былъ крестьянской, видно, жирушки,
«И не рачитель до участковъ деревенскіихъ;
«И знае - вѣдае ретливое сердечушко,
«И што вы ро́стили уда́ла добра мо́лодца,
«И во людушки вы ростили казенныи,
«И на убойну эту службу Государеву,
«И на измѣну свѣтамъ братьицамъ родимыимъ.
«И высоки́, да знать, вы те́рема постройте,
«И знать, зелёныи сады́ да принасіете,
«И винограду, видно, въ садику наростите;
«И какъ поси́ меня безсчастна добра̀ мо́лодца,
«И приналскопите казну да вы безсчотную,

«И бу́дутъ дѣ́тушки стоять ваши любимыи.
«И во у́личкахъ стоять оны рядовыихъ,
«И во лавочкахъ стоять оны торговыихъ:
«И ужъ какъ я да горегорькой с дѣтипушка.
«И единёшенекъ уда́лой доброй мо́лодецъ,
«И отрѣшонъ да отъ крестьянской я отъ жирушки.
«И прїотказанъ отъ хоромнаго строенъица,
«И быдто птичпька въ лѣсахъ да заблудящая.
«И также я бѣдной безсчастный добрый мо́лодецъ!
«И прости — и́звини, родитель родна матушка,
«Што попенялъ да я при до́брыхъ тебѣ людушкахъ,
«И посудьячилъ при спорядныихъ сусѣдышкахъ.
«И я клоню тебѣ безсчастну буйну го́лову
«И молодецко безталаппое сердечушко.
И я скажу тебѣ, сестрица сдвуродимая,
И гля людей—зря — рушишь го́рьки свои слезушки,
Какъ вѣстимо всѣмъ спорядпымъ сусѣдушкамъ
И про его да молодецко возростаньице,
И какова была отъ васъ да приберёгушка;
И онъ гнѣвёнъ да нашъ сдово́льной бѣлой свѣ́тушко,
Што гогорятъ да его братьица родимыи:
«И мы возро́стили себѣ да все измѣнушку»
И оны хо́дя свѣты братья—взвеселяются
И слава Богу то теперь да слава Господу!
«Е замѣна въ грозной службѣ Государевой»

Рекрутъ къ тёткѣ.

И спасетъ Богъ да сдвуродима мила тётушка
И на твоемъ складне-умильномъ причитаньицѣ,
И на твоихъ да на розсказахъ правосущихъ.
Ужъ какъ я да розбесчастной доброй мо́лодецъ,
И безталанная побѣдная головушка,
И я въ безсчастный день во середу засѣянъ,

II въ безталанной день во пятницу вепорожень.
II я солдатушкомъ въ купели вѣдь окунань,
II во казенны во людушки возро́щень;
II меня въ зыбонькѣ солдатушка качали;
II вдвое-втрое тутъ мни горя накачали;
II ужь я взросъ да на катучемъ синемъ каменкѣ,
II къ завосному оружьицу, воскормлень,
II на измѣну свѣтамъ-братьицамъ родимымъ;
II отъ бла̀дости во радости не бывано,
II отъ рожденьица веселыхъ дней не видано;
II не видалъ да я великаго желанья
II отъ родителя—родимой своей матушки;
II не слыхалъ да я прелестныхъ словечушекъ
II отъ своихъ да свѣтовъ братьицевъ родимыхъ:
II поровечники вѣдь мни были не по́дружьё:
II подойду я къ нимъ удалон доброй мо́лодець
II во глаза-то мни опы да прилещаются,
II по-сторонь опы «*служивымъ*» нарекаютъ:
II говорятъ да тамъ сусѣди спорядовыи:
«Не участникъ онъ участковъ деревенскїихъ,
«И не до́льщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
«И не косець да на луговыхъ буде по́женкахъ;
II во глаза лестя́тъ дружьё-братья прїятели,
II по заглазью-то опы да споговарпваютъ:
«И воинъ казенный-то солдатушко похаживас,
«И горемыка-та уда́лая погулнвае.
II подойду да я ко краснымъ ко дѣвушкамъ,
II вѣдь тутъ да мни, безсчастну, не весельице:
II красны дѣвушки мнпя да сторонилнся,
II бывъ чужанина мнпя да полошилнся
II вдругъ подрѣже тутъ побѣдно ретли́во сердце,
II пустылая родима каже родишка!
II еще слушай же, родитель—мила тётушка:
II ты пойди́ со мной ко городу Петровскому,
II да ты по́гляди родитель—мила тётушка,

II какъ въ злодѣйной вѣдь палатѣ бѣлокаменной,
II насъ до́—гола побѣдныхъ роздѣвать будутъ,
II становить станутъ подъ мѣру Государеву,
II принимать станутъ безсчастныхъ добрыхъ мо́лодцевъ
II во злодѣйную во службу Государеву;
II станутъ брить да наши желты кудёрышки,
II приберёшь моя родитель—мила тётушка,
II мои желты молодецкіи кудёрышки,
II На доброумьице себѣ—на погляженьице,
II на роздій себи великосй кручинушки;
II ты увидишь тутъ, родитель мила-тётушка,
II какъ насъ сводятъ въ Божью церковь посвященную
II принимать да насъ присягу уреченную,
II служить да вѣрой правдой намъ солдатушкамъ,
II безъ измѣны то Царю-богу Русійскому.
II тутъ повысмотришь, родитель—мила тётушка,
II какъ водить станутъ безсчастныихъ солдатушковъ
II пріучать да ко оружіьмъ завоспыимъ,
II насъ ко этымъ пистолетамъ зарукавныимъ;
II какъ съѣдешь на родиму нашу сто́рону,
Нороскажешь многимъ добрымъ столько людушкамъ
II всимъ приближимъ спорядовыимъ сусѣдушкамъ.

Вопитъ сосьдка, у которой брать въ солдатахъ:

Я стою—гляжу, кручинная головушка,
II што въ потай рушу́, побѣдна, горючй слёзы.
II не пощущу да я, кокоша, жа̀лка го́лоса,
II я обидной горькой причети солдацкой;
II подивуютъ мнѣ-ка до́бры эты людушки,
II посрекаются спорядны вси сусѣдушки;
Я сестра, видно, стою да вѣдь безбратняя,
II, знать, сердечупко мое да безпечальное;
II у меня вѣдь у побѣдной у головушки

И ёдина́ также скачона́я жемчужинка,
И единоутробной, свѣтушко-братець родимой,
И также отдань въ грозну службу Государеву:
Ужъ какъ тре́тей-то учётный идё го́дышекъ,
И какъ я да была въ городѣ Петровскомъ,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную недѣлюшку,
И насмотрѣлась на безсчастныхъ я головушекъ,
И на побѣдну, горьку жизнь да я солдацкую.
И не дай, Господи, на семь да на бѣломъ свѣтѣ
И глядить-смотрить на подстрильныхъ ѣсныхъ со́коловъ!
И отрѣшены-то отъ добрыхъ оны людушекъ,
И прiотрекнутся отъ сродчевъ оны сродничковъ.
И я гляжу да ныш, печальная головушка,
И какъ похаживать нашъ сдово́льной бѣлой свѣтушко,
Ужъ какъ милой спорядовой нашъ сусѣдушко
И онъ по доброму хоромному строеньицу,
И какъ тоскуеть-то ретливое сердечушко,
У дорогой милой скачопосй жемчужинки.
И мнѣ-ка смить ни-то, печальноей головушкѣ,
И подойти, бѣдной горюшицѣ, близёшенько,
И наложить свои безсчастны бѣлы рученьки
И на побѣдны молодецки твои плечушки,
И на безсчастну молодецкую головушку:
И не огонь иду, горюшица, не о́бпалю
И не змѣя иду, побѣдна, я не о́клюну.
И сама по́—себѣ, горюша, разумѣть могу,
Я по свѣтушкѣ по братцѣ разумiю васъ:
И жаль розстаться съ молодецкой во́льной во́люшкой,
И роспроститься со родимой со сторонушкой.
И ты послушай, спорядовой мой сусѣдушко:
И не радiю я, побѣдная головушка,
И тоби быть да въ грозной службѣ Государевой;
И возврати Господи скачоную жемчужинку,
И тебя взадь да на родимую сторонушку,

II большакомъ да тебя въ домъ-то настоятелемъ,
II тебя пахаремъ на чисто взадъ на полюшко.
II сѣнокосцемъ на луговын на поженки,
II сѣвчемъ да на роспашисты полосушки,
II рыболовушкомъ на сине на Онегушко.
II какъ тобя, да тепло красно наше солнышко,
II наша милая свѣща да не топлёная,
II сокалйютъ вси спорядныи сусѣдушки
II за твои да за умильныи словечушка:
II какъ смиренько у тя было со кротостью,
II ты не плутъ да былъ вѣдь—свѣтъ-то—не разбойничекъ,
II краснымъ дѣвушкамъ вѣдь ты да не насмѣшничекъ,
II молодымъ женамъ вѣдь ты да не проказничекъ,
II какъ мужйнмъ то жо́намъ не стыдитель былъ—
II долгихъ ве́черовъ, нашъ свѣтъ, да не просиживалъ,
II тёмныхъ почесокъ, нашъ свѣтъ, да не прогуливалъ.
II я гляжу-смотрю, печальная головушка,
II на тобя да златокрыла ясна со́кола:
II нынь подъ тученькой ты ходишь гряновитосй,
II ты подъ облакой вѣдь е да страховитосй.
II ты думаешь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
II возрачусь да на родиму, може, ро́динку,
II ты послушай-ко, скачоная жемчужинка,
II не поставь во гнѣвъ, сдовольной бѣлой свѣ́тушко:
II буде Господи Владыко не помилуетъ,
II отъ злодійной тобя службы Государевой,
II ты пойдешь да во солдатушки походныи,
II ты во дальную путь-ши́року доро́женьку,
II въ безъизвѣстну незнакомую сторонушку,
II я пока́жу, печальная головушка,
II какъ тобѣ, милой спорядной мой сусѣдушко:
II не случится ль тобѣ слышать—
II тамъ про братца про родимаго,
II увидать мою скачоную жемчужинку;
II во еди́ной во казармы, може, со́йдетесь,

Иль на стрѣтушкѣ, безсчастны, може, стрититесь,
И да вы ду́-друга, побѣдны, прїузнаете—
И за однимъ, може, столомъ да вы тамъ будете,
И, може, сядите за столъ да противъ ду́-друга—
И вы на ду́-друга, побѣдны, усмотри́тесь-ко,
И потихошеньку́ вѣдь вы розговоритесь-ко:
«И съ коей сто́ропы, солдатъ, какой губеренки,
«И сколько лѣтъ служишь во службѣ Государевой,
«И ты которой годъ въ солдатушкахъ походныихъ?
И туть вы ду́-другу, побѣдны, пороскажитесь,
И вы, безсчастны тутъ солдаты, поросплачетесь
И ты скажи, да спорядовой мой сусѣдушко,
И моей милоей скачоноей жемчужинкѣ.
И скажи низкое поклонно челобитьице,
И ты, скажи еще сдовольной бѣлой свѣтушко:
И таки ль гнѣвъ несе скачоная жемчужинка,
И все на насъ да на печальныихъ головушекъ,
И што не пише скорописчатой онъ грамотки,
И не упише свою жизнь бѣдну солдацкую:
И таки-ль нѣтъ да ему во́льной столько волюшки,
Иль на письмо нѣтъ золотой казны безсчотноей,
И нѣтъ попутьщичковъ оттуль, видно, ходаталей.
И ты поро́скажи, спорядной мой сусѣдушко,
И што не знаемъ мы, горюшицы, не вѣдаемъ,
И во какой орды̀, нашъ свѣтъ, да во какой земли;
И што по утрышку его мы воскликаемъ,
И по вечерніимъ зарямъ да вспоминаемъ.
И ты скажи, да тепло красно мое солнышко:
И какъ тоскую я по братцѣ по родимоемъ:
И кабы мнѣ-кава, печальноей головушкѣ,
И были крылышка горюшѣ бы гусиныи,
И были по́лёты, побѣдной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась,
И выше лѣсушку, побѣдна бы, дремучего,
И на безродну бы на чу́жу на сторонушку,

И я во дальны города бы незнакомыи;
И облетѣла всю Русїю подселецку бы,
И повзыскала бы скачоную жемчужнику.
И на пути да во солдатушкахъ походныихъ,
Я по этымъ бы казармамъ по казенныимъ,
И по часовенкамъ искала бы на сна́сены,
И по зеленыимъ лугамъ да тамъ на—стра́женыи'
Я слетала бы за сѝне за Олегушко,
Я во это во кеянъ да сине морюшко,
Повзыскала бы по чорныимъ бо́льшимъ ко́раблямъ,
И я по этымъ берегамъ да незнакомыимъ,
И признавала бъ свѣтушка̀ братца родимаго,
И по солдацкому безсчастну бѣлу личушку,
И по печальнымъ его яспымъ по очупкамъ,
И по обидныимъ по солдацкимъ розговорюшкамъ.
И знаю—вѣдаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-безсчастную.
И какъ въ три-го́ды рѣзвы ножки притоптался,
И всѣ солдацки сапожека придержался,
И по походушкамъ мондеры притаскался,
И заболѣли то солдацки его плечушка,
И столько посятца рапчѝ эты казенныи;
И подрожали, може, бѐлы сто рученьки,
И столько держачи оружьица военныи;
И притомивши то, скачоная жемчужника,
Ужъ опъ ходячи, папъ свѣтъ, да по походушкамъ,
И опъ сто́ячи, побѣдной, каравульщикомъ
Все у этыихъ замко̀въ да у казенныихъ.
И еще слушай же, спорядной мой сусѣдушко,
И ты скажи да свѣтушку братцу родимому:
И какъ послѝ его, скачоной жемчужники,
И измѣпилася крестьянска наша жѝрушка,
И издержалась золота̀ казна безсчотная.
И ты еще скажи спорядной мой сусѣдушко:
И хотя жъ есть да свѣтушки братцы родимыи,

И все не спа́цливы къ солдатушку безсчастному;
И какъ въ злодійну его службу пріотправили,
И прозабыли его братьица родимыи,
И не распро́дають любимоей скотинушки.
И не пришлю́тъ да золотой казны по на́добью,
И на росходъ ему солдатушку безсчастному.
И сдай-волю, да спорядовой мой сусѣдушко,
И мни поро́сказать про службу Государеву,
И што я видѣла, печальная головушка,
И какъ была да я во городѣ Петровскоемъ,
И отпускали какъ солдатушковъ безсчастныихъ,
И ихъ во партіи, побѣдныхъ, во собраной,
И какъ идутъ да путемъ ши́рокой дороженькой,
И оны въ дальную орду да безъизвѣстную.
И какъ съ поранному было да всё по утрышку,
И приходили эты дядки-то со старшима,
И оны про́шли по казармамъ по казенныимъ.
И оны громко всимъ солдатушкамъ сказали:
«И вамъ отправка сего-де́нечка Господняго
«И вамъ со города теперь да со Петровскаго.
И какъ у этыхъ у солдатушковъ безсчастныихъ,
И въ крѣпкой сонъ да у солдатушковъ не за́бранось;
И тутъ повы́стали солдатушки побѣдныи
И какъ со этыхъ оны коекъ со казенныихъ,
И тутъ Ісусову молитву сотворили,
И во слезахъ глаза солдатушки крестили;
И не ключевоей водой да умывалися,
И какъ не въ бѣло полотно да утиралися,
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великоей обидушкой,
И обували сапоженки тутъ казенныи,
И на плечушки шапельчишки походныи,
И крѣпко на́крѣпко сердечко подтягали;
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И ихъ повывели на ши́року на у́личку,

II ихъ въ шарпочку солдатовъ становили
II по едипушкѣ солдатовъ выкликали,
II во походны солдаты назначали;
II какъ въ шарпочкѣ побѣдпушки стояли,
II ужъ такъ да камендѐры надрыгались:
II какъ стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
II глядили бы, безсчастны, веселёшенько
II бѣлы ручеиьки были бъ да порозставлены,
II въ ѣдину́ струну бы ножеиьки наставлены;
II говорили бы солдаты умильнешёнько,
II привыкали бы къ ученію хорошохонько.
II на супроти́въ стоимъ, побѣдны мы головушки,
II по близёшеньку вѣдь насъ не подпущаютъ,
II какъ злодіи-камендеры скрозекозны;
II пѣту душеньки у ихъ да во бѣлыхъ грудѝхъ,
II пѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ
II пѣтъ креста-то вѣдь у ихъ да на бѣлой груди́;
II не въ могуту имъ умильно причитаньице,
II имъ не по́-сердцу горючи наши слезушки;
II какъ приставлены судьи́ да все немилосливы,
II тутъ привозятъ они бочки съ ключевой водой,
II тутъ надъ нама-то опы да надрыгаются;
II какъ начальнички стоятъ да тамъ не русскіи,
II какъ судьишечка вѣдь тамъ не Новгородскіи;
II велятъ оны изъ трубъ да все пожарныхъ
II нась окачивать побѣдныхъ головушекъ,
II все тушить пожаръ въ ретливыхъ сердечушкахъ:
Ой, тошнёхонько побѣдным намъ головушкамъ;
II не въ могуту намъ се-свѣтное живленьице
II все отъ этыхъ властей да страховитыхъ,
II все отъ этыхъ судей на скрозекозныхъ,
II суди Господи злодіямъ-супостатнымъ
II за ихъ тяжкіи велики беззакопія!
II Ты услынь наши молитвы извутробны
II Ты узри́ да наши слезы горегорькіи!

И при послѣди-то, походѣ—этой времечкѣ,
И какъ на насъ да на побѣдныихъ головушекъ
И быдто бѣлочки солдатушки поглѣдаютъ,
И бывъ упàлы сѣры заюшки посматриваютъ,
И не посмѣютъ—то удàлы добры мóлодцы,
И съ ноги нá—ногу оны да все перéступить,
И скинуть ясныихъ безсчастныхъ своихъ óчушекъ,
И все на насъ да на печальныихъ головушекъ,
И у которыхъ е желанны хоть родители,
И у которыхъ е сестрицы хоть родимыи.
И хотя жъ клубынкомъ, горюши мы, катаемся.
Хотя червынкомъ безсчастныи свиваемся,
И не повиря намъ побѣдныимъ головушкамъ,
И столько этыи властѝ не милосердыи.
И жаль тошнёшенько побѣдныимъ намъ головушкамъ
И своихъ милыихъ скачоныхъ намъ жемчужинокъ;
И на три рядъ наше сердечко прирострескае,
И на четыре рядъ утроба перелопала,
И столько глядячи на братыицевъ родимыихъ.
И подходить стали судьѝ неправосудныи,
И какъ ко этыимъ солдатамъ новобраныимъ,
И наливали тутъ по чары зелена̀ вина
И оны въ музыку злодіи заиграли,
И барабанщикъ барабанъ да пробиваетъ;
И сговорятъ да тутъ судьѝ не правосудныи:
«Маршъ! Въ походъ пойти безсчастныимъ солдатушкамъ».
И позади пошли, побѣдны мы головушки,
И мы не знаемъ то, кокоши горегорькіи,
Въ кую путь пошли широ́кую дороженьку;
И сговорятъ да тутъ судьѝ неправосудныи:
«И вы прибравыи солдатики моло́дыи
«И вы по городу пойдете по Петровскому
«И мимо славную палату сперальскую
«И вы пойдѝте новобраны веселёшенько,

«И пойте писенку, походны, умильнёшенько;
И столько дiется солдатушкамъ безсчастнымъ,
И имъ писенки запить да не хотѣлось бы;
И ущемлятъ у ихъ ретливое сердечушко,
И обмираетъ у ихъ зяблая утробушка;
И впереди идутъ все дядьки да со старшима,
И позади идутъ вѣдь крѣпки караульщички,
И середи да музыканы съ барабанами;
И какъ по городу идутъ оны тихошенько,
И скрозь слезы поютъ жа́лку оны писенку.
И скрозь обидушку словечка выговариваютъ,
И немѣшаютея, ногама-то выступываютъ,
И ретливо сердчё вѣдь кровью запечатано.
И не дай Господи па семъ да па бѣломъ свѣту
И роставаться-то со братьицемъ родимымъ,
И отпущать да во солдатушки походны!
И не глядили бы побѣдны ясны бчушки,
И на безсчастное житье да на солдацкое,
И на слезливо ихъ, побѣдныхъ, разставаньице.
И какъ жива эта разлука пуще мертвой;
И не радила бы побѣдна я головушка,
И я не роду бы крещоному, не пе́крести,
Какъ ходить да по солдатушкамъ походнымъ.
И я не знаю вѣдь, печальная головушка,
Кое день, да кое темпая де поченька;
И во горяхъ, бѣдна кокоша, во кручинушкѣ.
И по сырой землѣ, горюшица, каталася.
И сговорила тутъ скачоная жемчужника,
И мой безсчастной, свѣтушко̀, братецъ родимой:
«И ты прости, прости, сестрица свѣтъ-родимая,
«И ты во всей вины прости да во всей глупости.
И сговорилъ да еще, красно мое солнышко,
И со правдо̀й руки пода̀лъ да мни злачо́нъ перстень.
И отъ сердечка опояску новгородскую,
И со кормана ошъ платокъ да левантеровой.

Вси подàлъ да онъ утѣхи молодецки:
И сговорилъ да при-послѣди таково слово:
«И я дарю тебѣ, сестрица свѣтъ родимая,
«И на память-то, сестрица, свой злачéнъ перстень
«На доброумье опояску новгородскую,
«И ни роздíй тебѣ великоей кручинушки,
«И со кормана я платокъ да ливантеровой;
«И спамятúй меня, сестрица свѣтъ родимая,
«И ты гляди да на послѣдніи подарочки,
«И точно нá—меня удàла добра мóлодца;
«И ты держи эты любимыи подарочки
«И да ты въ день держи на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
«И да ты въ ночь вѣдь у ретливаго сердечушка,
«И мой злачонъ перстень держи, бѣдна, по праздничкамъ,
«И прилагай, бѣдна, ко блёклому ко личушку,
«И прижимай да ко безсчастну ретливý сердчу.
Ужъ вы слушайте народъ да люди добрыи!
Какъ прощалася, побѣдна, разставалася,
И со свѣтушкомъ со братцемъ со родимыимъ,
И мы плотнёшенько ко сердчу прижималися,
И во сахарніи уста да целовалися;
И сговорилъ еще, скачоная жемчужника,
И съ горя малое единое словечушко:
И онъ челомъ билъ, мой вѣдь свѣтъ, да низко кланялся,
И онъ до матушки, наиъ свѣтъ, да до сырой земли,
Ужо всимъ вкупи спорядныимъ сусѣдушкамъ,
И онъ воздàлъ да всимъ спасибо съ благодарностью,
И онъ за ваше за великое желаньице.
И буде, вирите народъ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слезное со братцемъ разставаньице,
И я про бѣдное солдацко похожденьице,
И я не въ день забыть, не въ темну ночь осеннюю.
И поглядите многи добры столько людушки,

И вы на этого безсчастна до́бра мо́лодца,
И вы на этого сусѣда спорядоваго!
И онъ тошёшенекъ теперь да какъ тетивочка,
И молодёшенекъ, нашъ свѣтъ, да какъ травиночка,
И зелена̀ стоитъ бывъ опъ да деревиночка,
И не доро̀сла какъ кудрявая рябинушка,
И не дозрѣла борова да ягодиночка.
И молчи́-то-ко, спорядной мой сусѣдушко:
И какъ ты со́йдешь-то во службу Государеву,
И на словахъ да ты безсчастный, все простёшенекъ,
И умомъ разумомъ, побѣдной, ты глупёшенекъ,
И ты потыченья, побѣдной, наувидишься,
И ты поу́шенья, безсчастной, наприи́маешься;
И тутъ избита-то безсчастна будетъ спинушка,
Всё подбиты будутъ а̀сны твои очушки,
Исколочена безсчастна буде го́лова,
Какъ подсѣчены вѣдь рѣзвы будутъ ножеиьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И пріобижена безчастная утробушка;
И въ темномъ лисѣ—да ты звѣря устранился бы,
И въ чистомъ полѣ—да ты змѣя убоялся бы;
И въ злодійной этой службы Государевой
И не начешься—ты горя накачешься,
И не надіешься—обидушки навидишься;
И не взначай да получать будешь поу́шенья,
И ты не знашь за што побои превеликѝи.
Уже ой—да горе служба Государева:
И какъ ѣденьице вамъ буде вѣдь скотиное,
И точно, питьице побѣдным, лошадиное:
Уѣданьице—вамъ будутъ вѣдь сухарики,
И вамъ питемьице-то во́душка со ржавушкой;
И хоть не великую вину да вы провинитесь,
И нѣту милости, безсчастным, нѣтъ проценьица;
И подъ бока станутъ солдацкѝи подтыкивать.
И подобьютъ да ваши я́сны эты очушки,

И побѣдную безсчастную головушку,
И дають розги во безсчастны ваши плечушки,
И уже бьють да такъ безсчастну вашу спинушку
И страшно—у́жасно вѣдь палкама великима.
И вамъ не сто дають вѣдь разомъ цѣлу тысячу;
И тѣло съ мясомъ у безсчастныихъ смѣшается,
И какъ изъ плечь да ручьемъ кровь-то разливается.
И какъ отъ этыихъ побоевъ отъ тяжолыихъ,
И тутъ безсчастна бы головка не клонилася.
И тутъ солдацкое бы сердце не корилося,
И на-бъ повыести могучимъ вашимъ плечушкамъ.
И эты смертныи побои да тяжелы,
И на-бъ повытерпѣть безсчастному сердечушку.
Ужъ какъ всю эту обиду преужасную;
И тутъ утробушка у васъ не упывала бы,
И горючи слезы у васъ не протекали бы,
И какъ предъ этымъ начальствомъ предъ всевышніимъ.
Какъ предъ этымъ злодіемъ супостатымъ;
И веселымъ на-бъ быть, побѣдымъ, не смѣятися,
И при обиды вамъ, несчастымъ, не росплакаться;
И межу собои начальники смущаются.
И надъ безсчастыма солдатамъ изъѣзжаются.
И не поставь во гнѣвъ, спорядной ты сусѣдушко,
И што жа́лобно, горюша, причитала,
И про злодіину грозну службу розсказала;
И хоть я но́—была во службы Государевой,
И не ходила по походамъ я солдацкіимъ,
И столько бы́ла я во городѣ Петровскоемъ—
Я одинова со братцемъ со родимыимъ,
Хоть одну была урочную недѣлюшку,
Я навидѣлась, побѣдная головушка,
И насмотрилась на солдатовъ новобранныихъ,
Какъ ходили на ученьице великое;
И хотя жъ вѣтрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крещенскима.

И все невѣрны камандеры страховитыи,
И столько этыихъ солдатушковъ моло́дыихъ
И пріучали ко оружію завоенному,
И што бы вдругъ ровно на право повернулися,
Што бъ въ мнуточку оружья перекинули;
И ихъ повыстанетъ—шприночки казенныи;
И плечо съ пле́чомъ ровно бъ у ихъ ровнёшенько,
И буйна го́лова была бъ у ихъ прямёшенька;
И отойдутъ да камандеры тутъ вѣдь ротныи,
И оны вирямъ глядя́ по плечушкамъ могучїимъ,
И оны вточь гляда́ по буйной по головушкѣ;
И повобраныи солдатушки безсчастныи,
И все къ оружьицу оны не приминилися,
И оны въ вытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушковъ держать да не умїютъ;
И горячи да эты ротныи—свирѣпыи,
И отдали́ да оны скоро поразо́йдутся,
И закричатъ оны злодіи по звѣриному;
И какъ этыихъ безчастныихъ солдатушковъ
И оны ткнутъ да все во правое во плечушко;
И какъ у этыихъ солдатушковъ безсчастныихъ,
И со ясныхъ очеи́ да слезы вдругъ повытекутъ.
И какъ у насъ да у печальныихъ головушекъ
И обмиратъ наше ретливое сердечушко,
Ужъ какъ глядячи на скачоныихъ жемчужинокъ;
Хоть въ бѣло личё дуютъ буйны эты вѣтрышки,
Въ ясны́—о́чи бьетъ погода не помѣрная,
И ни куды, бѣдны солдаты, не увернешься,
И по фатерышкамъ, безсчастны, не разойдешься;
И отъ снѣжку да зябутъ рѣзвы у ихъ ноженьки,
И отъ оружьица безсчастны ручки бѣлыи,
И отъ морозушку сердечко перетрескаетъ;
И не одѣты тамъ собольи бѣлы шубоньки,
И одны только мундеры суконъ сѣрыихъ;
И у ихъ здрагиватъ безсчастно тѣло бѣлое,

И мнѣ-ка жаль того побѣдноей головушкѣ:
И лучше я, бѣдна горюшица, радѣла бы
Ему скорую злодійну бы смерётушку,
И отпустила бы, горюша, во сыру землю;
И тутъ не ржавѣло бъ побѣдно ретливо сердчё,
И гдѣ таскается безсчастно наше дитятко,
Иль зябетъ да по студёной онъ по зимушкѣ;
И лѣтной пóрой на дождяхъ стоитъ сыпучїихъ,
И на страстя́хъ, може, свѣтушко на у́жастяхъ;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой, безсчастныи солдаты, не таланныи!
И какъ у васъ да у побѣдныихъ головушекъ,
И безъ угару розболится буйна гóлова,
И отъ побоюшковъ у васъ да отъ тяжолыихъ;
На-бъ бояться то судей неправосудныихъ,
И покоряться на-бъ властямъ немилосердыимъ,
И подрожать да вамъ кажинную минуточку,
И буди проклята на семъ да на бѣломъ свѣтѣ—
Ужъ какъ это зло великое несчастьице,
Все злодійное проклято безталаньице—
Ужъ какъ эта грозна служба Государева!
И труднà-тя́жела вѣдь служба Государева:
И день и ночь служить солдатушкамъ безсчастныимъ;
И нѣтъ спокою-то вѣдь темной этой ноченькой,
И нѣтъ отдоху на Бладычны Божьи праздничкн:
Дробить на-бъ, да какъ начальству-то являтися:
Штобъ мундеры суконъ-сѣрыихъ наглажены,
Какъ оружьице все было бы начищено,
И сабли вострыи все были бы насвѣтлены,
И плотно нá-плотно вѣдь были бъ подпоясаны,

Если рекрутъ пошелъ охотой за братьевъ, то продолжаетъ:

Да ты слушай же, спорядной мой сусѣдушко!
И ты окинулся на братьицевъ родимыихъ,

И на ихъ ласковы прилестныи словечушка:
И ублаждаютъ тебя добраго вѣдь мо́лодца,
И тебѣ цвѣтно ноньку платьице наряжено,
И тебѣ ѣствушки сахарныи составлены,
И тебѣ пи́тьица медвяныи налаже́ны,
И для прогулушки добры́ кони подпряжены.
И да ты ду́машь, спорядовой мой сусѣдушко.
И што вѣдь вѣкъ будетъ тебѣ да уваженьице;
И не вѣково́ уваженьице—часо́вое.
И тебя сда́ютъ какъ во службу Государеву,
И позабудутъ свѣтушки́ братцы родимыи.
И буде, Богъ судитъ Бладыко многомилосливой,
И по благу́ служить вѣдь слу́жбу Государеву,
И буде, выслужишь уречны эты годышки,
Буде, возвра́тишься на родимую сторонушку;
И не будетъ тутъ отъ братьевъ уваженьица,
И пріобидятъ тутъ солдатушка безсчастнаго,
И сговорятъ да тебѣ братьица родимыи:
«И ты не дольщичекъ крестьянской нашей жирушки,
«И не участничекъ участкамъ деревенскїимъ,
«И не пристройщичекъ къ хоромному строеньицу,
«Ты не пайщичекъ любимоей скотинушки.
И позабудутъ свѣтушки́ братцы родимыи,
Оны нынѣшню напасть—бѣду великую,
И сговорятъ еще солдатушку безсчастному:
«И ты вѣдь дольщичекъ все службы Государевой,
«И ты участничекъ солдатушковъ походныихъ,
«И ты пайщичекъ казармамъ все казеннымъ,
«И половинщикъ ты оружіямъ завоеннымъ,
И за обидишься, солдатъ, ты закручинишься
И во слезахъ да ты отвѣтишь таково слово:
— Богъ судья вамъ, свѣтушки́—братцы родимыи;
— И какъ во ту́ пору было́, да въ тое времячко,
— И когда гроза эта служба сустигала,
— И вы не шли да туды, братцы, не сдавалися,

— И вы вѣдь мной да горегорькимъ замѣнялися;
— И кабы зналъ да я, безсчастной, про то вѣдалъ бы,
— И васъ не слушалъ бы я братьицевъ родимыихъ,
— И не окинулся бъ на ла́сковы словечушка,
— И не смѣнялъ бы умъ—тотъ разумъ на безумьице,
— И я не шолъ бы въ грозну службу Государеву;
— И хоть бы въ горѣ жилъ, на вольной своей волюшкѣ,
— И хоть я въ ху́домъ былъ, побѣдной, во житьишечкѣ,
— И столько на́— своей любимой бы сторонушкѣ;
— И какъ за васъ да свѣтушки́ братцы родимыи
— И много страсти я привида́лъ, много у́жасти
— И больши́ того—побоевъ привеликихъ;
— Бѣлы рученьки мои да примахалися,
— Бѣлы ноженьки мои да притоптолися,
— Ясны очушки мои да притомилися,
— Бѣдна спинушка моя да пороспластана,
— И вся утробушка моя да перержавѣла;
— Отъ подтычинъ—я не вижу свѣта бѣлаго.
— Отъ поу́шенья не слышу вѣтра бу́йнаго.
— Богъ судья вамъ, свѣтушки братцы родимыи.
И тутъ воспомнишь ты кручинную головушку,
И ты меня да вѣдь приближную сусѣдушку,
И говорила какъ спорядная сусѣдушка,
И такъ вѣдь избылось и въ точь все обрѣща́лось
И ты не гнѣвайся, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И на мое да ты не складне причитаньице;
Хоть не умильно я, горюша. причитала,
Столько ума-разума въ головку придавала.
И хоть не много жизнь солдацкую видала;
Знаю-вѣдаю, побѣдная горюшица,
Каково да имъ безсчастнымъ уваженьице.

Сусѣдка къ матери, если она не причитаетъ:

Порастроньтесь-ко, народъ да люди добрыи,
Дайте мистечка вы мни да не сомношечко,
И съ одну лѣтную со малую тропиночку,
И вы со этую дубовую мостиночку,
И не на до́бромъ мни комони проѣхать,
И їедино́й пройти, кручинной мни головушкѣ,
И мнѣ ко милоей спорядноей сусѣдушкѣ,
И повзыскать мнѣ-ка, печальноей головушкѣ,
И мнѣ побѣдной бѣдну матерь горегорькую.
И я гляжу—смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную сусѣдушку,
И што сиди́тъ да на брусовой она лавочкѣ,
И у ей по́джато ретливое сердечушко,
И принакло́нена безсчастна буйна го́лова,
И утуплены вѣдь очи на дубовой полъ,
И во пота́й руши́тъ, горюша, горючи̇̀ слезы̀.
И ты послушай же, спорядная сусѣдушка:
И не попустишь ты унылой жа̀лкой го́лосокъ,
Хоть не уми́льное бы складне причитаньице,
Все не гля́ чести, горюша, не гля по́хвалы,
И со великой бы злодїйной ты кручинушки;
И хоть горю́чи, бѣдна, слезы проливаешь,
И не пови́ря того до́бры тебѣ людушки;
И про тебя да про безсчастную головушку,
И межу ду́-другомъ тихонько розговариваютъ:
«И не жаліе, знать, сердечнаго вѣдь дитятка,
«И свою милую скачоную жемчужинку»
И не могла стерпѣть, кручинна я головушка,
И содержить свое ретливое сердечушко;
И подошла да я кручинная головушка,
И наздыну свои безсчастны бѣлы рученьки,
И на—твои столько печальныи на плечушки.

Ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И што сидишь да на брусовоей на лавочкѣ
И не подходишь ко сердечному ко дитятку;
И онъ похаживатъ удáлый добрый мóлодецъ,
Хоть по доброму хоромному строеньицу;
И нѣту сродчевъ у него, да видно, сродничковъ,
И нѣту любушекъ—сестрицъ, видно, родимыихъ,
И по головушкѣ никто да не подрачиваетъ,
И по безсчастнымъ его плечамъ не поглаживаетъ;
И подойди—да ты родитель—родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки бѣлыи,
И на печальну молодецкую головушку
И на безсчастныи могýчи его плечушки;
И видно ý тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно, ретливо, знать, сердечушко,
Што отдалѝ ходишь, горюшица, туляешься
И отъ сердечнаго рожонаго отъ дитятка;
И какъ у твóей—скачоноей жемчужишки,
И закручинилась безсчастная головушка,
И закатился, знать, катучей бѣлой камешекъ
И на печальное бурлацкое сердечушко,
И на безсчастну молодецкую утробушку;
И онъ безъ вѣтрышка, нашъ свѣтушко, шатается,
И ума-разума, побѣдной, онъ срекается,
И онъ похаживаетъ, свѣтъ, да выговариваетъ,
И онъ во всѣ въ эвты во добрыи во людушки,
И сговоритъ да онъ, побѣдной, таково слово.
«И я не знаю добрый мóлодецъ, не вѣдаю,
«И што разгнѣвалась желанна моя матушка
«И на безсчастнаго удáла добра мóлодца,
«И кругомъ около родитель не обхаживатъ,
«И ко мни вó—глазы родитель не поглядывать,
«И про запасъ да въ молодецко бѣло личушко;
«И подойди—скажи, родитель—родна матушка,
«И чимъ разгнѣвалъ я удáлой доброй мóлодецъ

«И отрѣшилъ чимъ я родительско желаньице;
«Аль ты слушаешь любимыхъ своихъ дѣтушекъ,
«И моихъ мйлыхъ свѣтовъ брáтьицевъ родимыихъ;
«Ты подумай же, родитель—родна матушка,
«Какъ мои да свѣты братьица родимыи
«Изживаютъ миня бѣдна добра мóлодца
«И быдто лютаго звѣрй да изъ темнà лѣса,
«И быдто лютую змѣю да изъ чистà полй;
И, знать, что я бѣдной безсчастной доброй мóлодецъ,
И, знать, не дитятко тебѣ да не рожоное,
И, знать, не вси ровны сердечны тебѣ дѣтушки,
И теби пó—люби, знать, дéти оставаются.
Ужъ какъ вы, мои желанныи родители,
Изгоняете безсчастную головушку,
И быдто заишка съ подъ ракитова подъ кустышка,
И горносталя съ подъ катуча бѣла камешка;
И можно знать, моя родитель—родна матушка,
И про безсчастнаго удáла добра мóлодца:
Уже такъ мое сердечко разгорается,
И зла великая кручина росходилася,
И на сердечушкѣ тоска да роспалилася,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей теряется;
И чѣмъ разгнѣвалъ я, родитель—тебя матушку,
Такъ ты въ томъ прости, родитель жалосливая,
И не гнѣвила бы, побѣдна моя матушка,
И при послѣди-то меня да поры времячки;
И не дивила бы ты добрыихъ-то людушекъ,
И не знобила бы безсчастнаго сердечушка.
И мнѣ пройти было, безчастну добру мóлодцу,
И мнѣ во этой бы унылой задній ýголокъ
И ко желанноей къ родителю ко матушкѣ,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да все печальное сердечушко;
И не прошу да я удáлый добрый мóлодецъ
Я не злата-то у васъ да все не сéребра;

И не прошу да золотой казны по на́добью,
Я прошу столько, родитель—родна матушка,
Я родительско прощенье—съ бласловленьицемъ.
И какъ што сдѣется родитель моя матушка,
И надъ безсчастноей бурлацкоей головушкой,
И какъ во этой во полаты бѣлокаменной,
И буде, Богъ судитъ безсчастну добру мо́лодцу
И во злодійной быть во службѣ Государевой,
И не спокиньте-тко безсчастна добра мо́лодца,
И вы пріидьте-тко во городъ во Петровской:
И не забытьте, свѣты братьица родимыи,
И во походъ меня безсчастна проводите-тко;
И обмендерятъ какъ безсчастныхъ насъ головушекъ
И увидаете, сердешныи, узнаете,
Тутъ про нашу бѣдну жизнь да про солдацкую,
И про безсчастное яденье со питемьицемъ,
И про тяжкіи побои превеликіи,
И про зло это начальство—страховитое,
И про злыхъ этыхъ судей да скрозековныихъ.

Другая сосѣдка къ матери:

Я отвѣтъ держу, кручинна мынь головушка,
И я теби милой спорядноей сусѣдушкѣ;
И да ты слышала, побѣдна, въ глаза видѣла:
И скрозь обиду твос дитятко высказыватъ,
И скрозь горючи онъ вѣдь слезы выговаривать;
И приклонилъ свою безсчастну онъ головушку.
И покорилъ да безталанно ретливо̀ сердчё;
И онъ со этыма слезама со горючима.
И онъ при всихъ да вѣдь при добрыихъ при людушкахъ,
И при ближныихъ спорядовыихъ сусѣдушкахъ;
И онъ повысказалъ удалой доброй мо́лодецъ
И како̀ его изъ дому похожденьице;

II жаль тошнешенько удáла добра мóлодца:
II онъ возрастомъ, нашъ свѣтъ, да не малёшенекъ,
II на походочку, нашъ свѣтъ, да бýдто стопочка,
II во лицы да все бѣлила со румянама,
II развесёлы молодецки ѣспы очушки;
II по полатушкѣ пройдетъ, да свѣтъ, не стрáхнется,
II говоритъ, да нашъ свѣтъ-то, не мѣшается,
II знать, приглянется судьямъ тамъ поставлéнымъ.
II ты послушай спорядовая сусѣдушка:
II кабы ý—тебя кручинной у головушки,
II во сердцú было велико-бы желаньице,
II во устахъ были прелестны-бы словечушка,
II до печальнаго сердечнаго до дитятка,
II не допустила-бы, побѣдна, во рѣзвы ноги
II ты приняла-бъ на бѣлы свои рученьки,
II отъ тошнà горѝ, къ сердечку прижимала-бы,
II со кручины къ бѣлу лúчю прилагала-бы.
Уговорила-бы дитё да уласкала-бы,
II наказала бы сердечному ты дитятку,
II ты умильнымъ родительскимъ словечушкомъ:
«II какъ поѣдешь ты сердечно мило дитятко
«II ко злодíйному ко городу Петровскому,
:II на пути да гди на шúрокой дороженькѣ,
«II гдѣ увидишь ты часовни богомольны,
«Гдѣ познаешь да ты церквы посвященны,
«II во часовенки зайди да ты на спáсенье
«II въ Божьи Церквы заходи да ты на мóленье,
«II да ты ставь-ко тамъ свѣщи да все рублевы,
II засуляй-ко пелены да все шелковы,
«II ты Пречистой Пресвятой да Богородицѣ;
«II молись да ты тамъ Богу отъ желаньица,
«Штобы Господи-Владыко свѣтъ помиловать
II отъ злодíйной грозной службы государевой,
II возвратить-бы на родиму тебя родинку,
II во свой да домъ, крестьянскую во жирушку;

И ты начальству во палаты не годился-бы,
И черным вороном въ глаза да показался-бы;
И ты послушай спорядовая сусѣдушка:
И когда дитятко тебѣ да покарялося,
И какъ безсчастная головка преклонялася.
И ко теби да все во рѣзвыи во ноженьки,
И у тобя, моя спорядная сусѣдушка,
И не сдынулись тутъ вѣдь бѣлы твои рученьки
И на печалыну, на бурлацкую головушку
И на обидны сто жолтыи кудёрышка.
И знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тобя да у спорядной у сосѣдушки
И не воротится вѣдь нынь да все рѣчистъ языкъ.

Сосѣдка, у которой брать въ солдатахъ, къ народу:

И вы послушайте, народъ да люди добрыи,
Што вѣдь я скажу, кручинная головушка:
Сама по́-себи, горюша, разумить могу;
Я была въ такой жъ великоей кручинушкѣ,
И въ несносноей злодѣйноей тоскичушкѣ;
И какъ со свѣтушкомъ я братцемъ разставалася
И все горючима слезама обливалася,
И во горя́хъ добрыхъ людей не узнавала,
И родимаго я братца не видала.
Не дивуйте-тко, народъ да люди добрыи,
И также этой спорядовоей сусѣдушкѣ:
Вѣдь дѣтиная тоска — не угасимая;
И, може, нѣтъ да ума разума въ головушкѣ
И у ей ро́змыслу въ ретливоемъ сердечушкѣ;
И какъ сегодня, сего де́нечка Господняго,
И безъ ума, да може, мать ходить — шатается.
И вы не вирите спорядныи сусѣдушки
И намъ безсчастнымъ, кручинымъ головушкамъ:

И вы во добрыихъ живете все во жирушкахъ,
И вы незгоды надъ собой да не видаютца,
И вы кручины-то— печали не слыхаютца;
И може, рада-бы она да причитать,
И она въ грамоты, горюша, не училася,
И все отъ добрыхъ людей да не понятная;
И не начаялась она да не надѣялась,
И надъ собой да все великоей кручинушки:
И она въ добро́й во крестьянской жила жирушкѣ,
Въ добро́ѣ ростила сердечныхъ она дѣтушекъ;
И она думала побѣднымъ, може, разумомъ;
Што повырощу сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И отпущу да ихъ на чу́жу на сторонушку,
И по охотныимъ бурлацкіимъ роботушкамъ;
И наживутъ да золотой казны по надобью,
И да мы при́беремъ бурлакушка охотничка,
И добра мо́лодца возьмемъ да мы нанемщичка,
И задаи́мъ да золотой казны безчетноей,
И слободимъ да мы бурлацкую головушку.
И не по думушкамъ теперь да дѣло ставится,
И не по розмысламъ у ей да обрѣщается:
И хоть возро́стила сердечныхъ еще дѣтушекъ,
И сожалѣла отдать въ добрыи во людушки,
И содержала на родимой ихъ сторонушкѣ,
И все во доброй, во крестьянскоей во жирушкѣ.
Еще думала спорядная сусѣдушка:
Може, годышки-то будутъ не бѣдовыи,
И не придутъ скоро наборы Государевы;
И какъ по ейному великому безсчастьицу,
И пошли годышки теперь да все бѣдовыи,
И времена пошли съ бѣдама со напастями,
И часты пошли наборы Государевы,
И выбирать стали уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ,
И все по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да все по бѣлому по личушку,

И на походочку, бурлакушковъ, щебливую,
На поговорюшку рекрутиковъ учливыихъ;
И какъ у ей да тутъ спорядной сусѣдушки.
И тутъ повóзрасла сахарна деревиночка.
И вдругъ вѣдь рàзцвѣла изюмна ягодиночка:
И тутъ вѣдь знать стали народъ да люди добрыи.
И тутъ провѣдали судьи неправосудныи,
Што къ набору с скачопая жемчужника.

Къ матери:

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты проглупала скачопую жемчужнику,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Какъ въ досюльны времена да было годышки,
И были людушки вѣдь е да запростѣйшіи,
Ужъ какъ прежній-то народъ да былъ вѣдь спáцливой,
И Новгородскіи крестьяна не балóвливы,
И какъ судьи́ да въ тую пору правосудливы.
И какъ власти́ да тогды были милосердыи,
И были врéмячка въ ту порушку спокойныи.
И прозабыла ты, печальная головушка,
Што вѣдь времечко идетъ да ускоряется.
И пошли людушки вѣдь е да все балóвливы.
И судьи́—влáсти-то пошли да скрозекозныи.
И начальнички пошли да все бездѣльныи.
У ихъ женушки пошли да бѣлорукіи.
У ихъ дочушки пошли да нечевухи:
И не ткïюшки опы да не прядѣюшки,
И одно у ихъ въ умы, да одно въ разумѣ.
И все бѣлила-то у ихъ да со румянами.
И какъ хвостомъ вертѣть да какъ ногой трясвуть:
И не знаютъ-то, безсчастныи, не вѣдаютъ.
И што вѣдь домъ вести—не головой трясти:

И какъ отъ этаго велика беззаконїя,
И какъ отъ ихнаго теперь неправосудья,
И на часу́ да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да разсуждаются;
И мужиковъ-то все судить да добераются,
И ихъ на́ гладко безсчастныхъ раззоряютъ.
И какъ за папе за велико согрѣшенье,
И пошли годынки вѣдь понь да все бѣдовыи,
И зачастую непрїятель все волнуется,
И подъ Русїю подселенну подбирается,
И пошли ча́сты нонь наборы Государевы.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И да ты власта всѣмъ сердечнымъ своимъ дѣтушкамъ
И ты бы ладила въ урочны ихъ во годынки,
И ты бы славнымъ купцамъ да все богатымъ.
И ты бы на́жила золотой казны безсчетноей;
И не спала бы ты по темнымъ по почепькамъ.
И ты ѣздила бъ къ судьямъ неправосудпымъ,
И ты по этымъ писарямъ да хитромудрымъ.
И на безлюдьѣ золотой казной дарила бы,
И штобъ подальше жеребьямъ да отложили-бы
И твою милую скачону бы жемчужинку;
И нынь схватилася, спорядная сусѣдушка,
И жалить да все сердечно свое дитятко,
Какъ по близёшеньку въ бумажку записали;
И ты проспала-то по темнымъ по почепькамъ,
И нынь проглупала по Божіимъ по де́нечкамъ;
И на-бъ вдру́гъ спустить сердечно нонько дитятко.
Изъ очей да вѣдь скачопую жемчужинку,
И единёшенька удала добра мо́лодца,
И отъ доброей крестьянскоей отъ жирушки.
И вамъ укоръ да отъ спорядныхъ сусѣдушекъ;
И обижаться-то сердечно буде дитятко.
Што поотдали во службу Государеву,
Пожалили свѣтушковъ—братцевъ родимыхъ.

И знать такъ сужено скачоной жемчужникъ,
И на-роду̀ судьба безсчастному уписана,
И на дѣлу̀ да видно, служба доставалася
Твоему да все печальну милу дитятку.
И какъ на этой на урочной на недѣлюшкѣ:
Я замѣтила печальная головушка:
И какъ поѣдетъ-то безсчастной доброй мо́лодецъ,
Онъ на доброй на ступистоей лошадушкѣ,
И на хорошихъ на санкахъ самокатныихъ,
И онъ на славноемъ коври Новогородскоемъ.
И приналопитъ-то булацкую головушку:
Я повыду на крылечико перёнос,
Я гляжу да на путь ши́року дороженьку,
Я въ роздольице, горюна, во чисто̀ поле,
И на безсчастнаго удала до̀бра мо́лодца;
И онъ иде путемъ ши́рокой дороженькой,
И онъ раздольицемъ, побѣдной, все чисты́мъ поле́мъ.
И онъ глядитъ да на четыре вси сторонушки,
И молодецки горьки слезы проливаетъ,
И онъ съ головушки фуражечку снимаетъ,
И кашемировой платочикъ вынимаетъ;
Имъ подмахивать безсчастно бѣло личушко,
И утираетъ, безталанной, горючѝ слезы,
Знать-што вѣдае ретливое сердечушко
И надъ собой да злу великую незгодушку;
И прогляжу, бѣдна горюна, я безсчастная,
И какъ на свѣтушка и братца на родимаго.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты бы взя́ла золотой казны по падобью.
И ты сходила бы во у́лички рядовыи,
И ты во лавочки зашла бы во торговыи,
И закупила листъ бумажеиьки гербовоей
И наняла бы писарев̀ да хитромудрыихъ;
И ты списала у скачоной бы жемчужники.

И сто ла́сковы, прелестны бы словечушки,
И ты учливу бы умильню поговорюшку.
И ты цвѣ́тно бы бурлацко сто платьице.
И безсчастно молодецко сто личушко,
Безталанны бы слезливы ясны очушки;
И ты держала бы во правой бѣлой ручепькѣ.
Прижимала бы къ ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку;
Ты на свѣтло бы Христово воскресенье.
На стопочкѣ держала бы точеной.
Какъ во нашемъ селѣ да деревенскомъ,
Какъ у нашей Божьи церквы посвященной,
И во приходѣ буде праздничекъ годо́вой;
Какъ пріѣзжать да стапутъ сродчи милы сроднички,
И соберется вся порода именитая,
И да вы сладите обѣды полуденны,
И тутъ сходила въ мелкорублену бы клѣточку.
И ты бы прѝнесла патретъ да ли́че бѣлое.
И становила бы за столъ да за дубовой,
Ты на это бы косѣвчато окопечко;
И сродчи-сроднички глядили-любовались бы;
И ты сама сѣла, побѣдна бы головушка,
И супротѝвъ бы ты патрета лича бѣлаго,
И ты дрочи́ла по гербовой бы бумажекъѣ,
И тутъ воспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы родъ—племя любимо—вспамятилибы.
Какъ за этымъ столомъ да за дубовымъ;
И наглядѣлась-бы, спорядна ты сусѣдушка,
Какъ па сердечное рожоно свое дитятко;
И ты бы причетью, горюна, причитала,
И стоворила бы, безсчастна, таково слово:
«Хотя жъ прѝбрались вы, родъ—племя любимое.
«Хотя жъ вси вкупѣ—порода именитая,
«И единой нѣту скачиной жемчужинки:
«И мы не знаемъ-то, побѣдушки, не вѣдаемъ.

«Гдѣ побѣдное дитё да обрѣщается;
«И свѣты братьица съ породой угощаются,
«И за дубовымъ столомъ да проклаждаются,
И едино, може, безсчастно это дитятко
«И трои суточки вѣдь, дитё, не ѣдаютца.
«И недѣлюшку спокою не видаютца;
«И, можетъ, на́—страсти, нашъ свѣтушко, на у́жасти,
«И на сраженьицѣ нашъ свѣтъ, да на великоемъ;
«Не до Владычнаго Господняго до праздничка
«И не до сладкаго ему да уѣданьица;
«И можетъ, горькима слёзама обливается,
«И ретливо сердче вѣдь кровью запечаталось.
«Какъ во этой грозной службѣ Государевой.
«И во безчастныихъ солдатушкахъ походныихъ.
«И въ слезàхъ - вспóмнитъ онъ родиму свою родинку,
«И сговоритъ столько безсчастной доброй мóлодецъ
«И межу братіей—солдатамы походныма:
«Какъ сего—дня, скаже, дѐпечка Господняго,
«Какъ на мóей на родимой, скаже, стóрошѣ,
«И какъ у нашей Пресвятой да Богородицы,
«И е престолъ да вѣдь Господень Божій праздничекъ,
«И с гуляньице на широкой на у́лицѣ,
«Какъ собранѝце душàмъ да краснымъ дѣвушкамъ.
«Все гульбищечко удáлымъ дóбрымъ мóлодцамъ;
«Ужъ какъ мы, бѣдны безсчастныи солдатушки,
«Не на гульбищечкѣ вѣдь мы да проклаждаемся,
«Съ завоеннымъ мы оружьемъ забавляемся,
«И насъ не посятъ съ горя рѣзвы ношько поженьки,
«И не глядятъ да на свѣтъ я́сны наши очушки.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И пожалѣла золотой казны безчотной,
И не пожалѣла ты сердечно свое дитятко;
И ты не на́няла писаречка хитромудраго,
И не списала еще, побѣдна ты головушка,
Какъ вѣдь дитятко тебѣ да выговаривалъ,

И скрозь обиду при добры̀хъ людяхъ высказывалъ,
Што ублаждали-то его да какъ нанемщика;
И обиждалося сердечно мило дитятко,
И на тебя да на родитель все на матушку,
И онъ на свѣтушковъ на братьицевъ родимыихъ.
И не списала на споминъ своей скачоноей жемчужинки,
И на роздій своей великоей кручинушки.
И мо̀лча—схватишься, спорядная сусѣдушка,
Да какъ по́живешь съ любимыма со дѣтушкамъ,
И не будетъ-то побѣдной приберёгушки,
И уваженьица отъ милыхъ своихъ дѣтушекъ;
И тутъ воспомнишь ты скачоную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую.
И да ты до́ждешься разливной весны красной,
И ты повы́дешь все на ши́року на у́личку,
И съ горя со́йдешь ты къ кру̀тому ко бережку;
И быстры риченьки теперь да поразо́льются,
И синѐ славное Онего порасполется,
И ты гляди́ть станешь за сине за Онегушко,
И ты нагля́дать будешь чо̀рныхъ бо̀льшихъ ко́раблей
Издалека̀, бѣдна горюша, изъ синя́ моря,
Не забиліютъ ли тамъ то́нки бѣлы парусы,
И не покажутся ли чо́рны бо̀льши ко́рабли,
И неподъѣдетъ ли сердечно мило дитятко,
И онъ ко пристани, нашъ свѣтъ, да корабельной,
И онъ на тихіи, нашъ свѣтушко, на за́води;
И недождёшься ты, печальная головушка;
Взадъ воротишься въ хоромное строеньице.
И ты патретъ взяла бъ—бѣло его личушко,
И ты ходить стала бъ по хоромному строеньицу,
И ты во свѣтлую сходила бы во свѣтлицу,
И ты носила бы патретъ да бѣло личушко,
И супроти́въ очей во бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
И ты клала бы на столъ да на дубовой,

И обходя кѣ да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезамы обливалася,
И тутъ раздѣяла велику бы кручинушку,
И тутъ спромолвила едино бы словечушко:
«Наглядитесь-ко безсчастны мои очушки,
«И вы на эту на гербовую бумаженьку,
«И какъ на милос, сердечнос на дитятко.
И пораздумайся побѣдпымъ своимъ разумомъ:
И твои ножеиьки, побѣдна, притонталися,
И твои бѣлыи-то ручки примахалися,
И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сила у безчастной придержалася,
И твой вѣкъ да у горюши скоротался вѣдь,
И пристарѣла ты, спорядная сусѣдушка.
И не видать, можс, сердечна будетъ дитятка,
И, можс, па— слыхъ, горюшъ, не слыхать буде:
И бьдто вёшная вода со льдомъ разбйдется,
И также ты бѣдна со дитяткомъ разстанешься:
И поразлучать-то побѣдную головушку,
Какъ во этомъ тебя городѣ Петровскомъ.
Во приемной палатѣ бѣлокаменной,
Ужъ какъ эты судьи неправосудны,
Ужъ какъ эты власти немилосердны:
И отведутъ этыхъ безсчастныихъ рекрутиковъ
Какъ во эты во казармы во казенны;
И вы безъ спросу къ нимъ, побѣдны, не сходите.
И безъ докладу вы въ глаза да не увидите;
И какъ ихъ выпустятъ на пйроку на у́личку,
И впереди да у ихъ будутъ провожатели,
И позади дают солдата караульщика;
И хоть пойдешь, бѣдна, въ казармы во казённы.
И золотой казной вѣдь надо подарится,
И угостить надо вѣдь дядковъ-то со старшима,
И угостить надо, горюшицѣ, уподчивать.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И я поро́скажу печальной все головушкѣ,
И накажу теби спорядноей сусѣдушкѣ;
Я сама была, печальная головушка,
И во злодійномъ бы́ла городѣ Петровскоемъ,
Я со свѣтушкомъ со братцемъ со родимыимъ;
Я сама знаю, горюша про то вѣдаю,
И какъ ходить да во казармы во казенныи,
И по часамъ ходить туды да по минуточкамъ.
Я ходила какъ ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила все придверничковъ,
И угощала его крѣпкихъ караульщиковъ;
И придержала золоту казну безсчотную;
И хотя жъ при́демъ мы по утрышку рапёшенько,
И крѣпко—на́ крѣпко воротушки призаперты,
И плотнёшенько рѣшоточки задвинуты;
И кругомъ—о́коло, горюшицы, похаживаемъ,
На часовы́хъ этыхъ солдатушковъ поглядываемъ,
И поскорёшеньку-ль ворота поотложатся,
Што рѣшоточки въ казармы пріотдвинутся-ль,
Скоро-ль вы́пустятъ скачоныихъ жемчужинокъ,
Прогуляться ихъ на ши́року на у́личку,
И повидать да намъ побѣдныимъ головушкамъ:
И ты воспомнишь, спорядовая сусѣдушка,
И мое бѣдное, уныло причитаньеце;
И не радѣла бы, печальная головушка,
Поразстаться-то съ сердечнымъ тебѣ дитяткомъ.
И все не вирятъ-то судьи́ неправосудныи,
Не разуміютъ все власти́ немилосердыи,
Што намъ жаль-тошно сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно-мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошоная.
И твое милое сердечно сидитъ дитятко,
И вдругъ подзяблая изюмна ягодиночка,

И вдругъ подсохлая сахарна деревиночка;
И скрозь туманъ да пече красно это солнышко
И на безсчастнаго удала добра молодца;
И долитъ его великая заботушка,
Ушибатъ его злодійная незгодушка;
И жаль разстаться-то сдовольну бѣлу свѣтушку,
И ему съ добрымъ, хоромнымъ строеньицемъ,
И со свѣтлой ему да все со свѣтлицей.
И какъ сего-дня, сего дѣнечка Господняго;
И какъ у васъ да во столовой новой горенкѣ,
И хоть разставлены столы у васъ дубовыи,
И на столахъ да самовары хоть шумячіи,
И хоть садился сердечны твои дѣтушки
И на стульица садились на кленовыи,
И дружьевъ братьицевъ садили все пріателей,
И своихъ милыихъ садили поровѣчниковъ,
И мы глядили все, побѣдныи головушки,
И со сторонъ да на скачоныихъ жемчужинокъ,
И у единаго сердечнаго у дитятка,
Какъ дрожатъ да молодецки бѣлы рученьки,
Какъ поднять да эта чайна столько чашечка,
И онъ не чаю столько, свѣтъ, да искушаетъ
И онъ горючи—бѣдны слезы проливаетъ:
И твои дѣтушки вѣдь тутъ сильно расплакались:
И за дубовымъ столомъ да разобидились,
И оны ду—другу тутъ братья покоряются.
И единуу да свѣту братцу покланяются,
И наливаютъ ему чару зелена вина.
И говоритъ эта скачоная жемчужника,
Онъ своимъ да свѣтамъ братьицамъ родимымъ:
И што за чудышко теперъ да причудилось.
И што за дивно въ домѣ диво проявилось?
Што дубовыя столы да поразставлены,
И тонки, гладкіи сукна да поразостланы,
И што собраньице народу—людямъ добрымъ;

И я взгляну да на косѣвчаты окошечка,
И прикручинивши косѣвчаты окошечки,
И на слезахъ стоятъ стекольчаты окóленки;
И при печали самовары-то шумячíи;
И што почтеньице отъ братьевъ угощеньице,
Ужъ какъ мнѣ-кова удáлу дòбру мóлодцу?
И не честнòе вѣдь у насъ да пированьице:
И не весёлое у насъ да столованьице:
И за столомъ да я не князь сижу молóдой,
И сижу мóлодецъ теперь я подъ неволюшкой,
И при досадушкѣ сижу да я несносной.
Ужъ вы слушайте, дружьё-братьё-прíятели,
Ужъ вы пейте—чаи, кофеи горячíи,
Взвеселите-тко побѣдную головушку,
Вы воспойте-тко упылу жàлку писенку;
Я мѣнять буду кручину на весельице;
И какъ послѝ меня дородня дòбра мóлодца,
И вы поидите, бýрлаки, на гуляньице,
И вы на тихíи смиренны бесѣдушки,
И вы воспомните безсчастна дòбра мóлодца
И во шестерочкахъ, бурлакушка, веселыихъ;
И столько нé—вѣсто, дружьё-братьё прíятели,
Не могу да знать удалой дòброй мóлодецъ,
И мнѣ-ка быть ли на родимой на сторонушкѣ;
И сговоритъ еще удалой дòброй мóлодецъ:
«И супротѝвъ стоишь, родитель-родна матушка,
«И хотя жъ рушишь ты, горюша, горючѝ слезы:
«И какъ посли меня, родитель жалосливая,
«Буде сжалýешься до безсчастна дòбра мóлодца
«И ты гляди, моя родитель—родна матушка,
«На моихъ дружьёвъ гляди да на прíятелей,
«И на любезныихъ гляди да поровечниковъ;
«И зазови моихъ любезныхъ поровечничковъ,
«Хоть на Владычной ты Господень Божíй праздничекъ
«И угости, моя родитель, ихъ уподчивай,

«Будто сво́его. родитель да ты дитятка.
И ты послушай же, спорядная сусѣдушка:
И примѣчай его ласко́выи словечушка,
И прилагай слово къ ретливому сердечушку,
И поплотнѣе ты ко зяблосй утробушкѣ.

Къ рекруту:

И ты послушай, златокрылой нашъ ясе́нъ соко́лъ,
И да ты милой, спорядовой нашъ сусѣдушко!
И не забыть буде побѣдным намъ головушкамъ,
Все тебя да намъ уда́ла до́бра мо́лодца.
И мы сберемся какъ, спорядныи сусѣдушки,
И на сидйму, на прядимую бесѣдушку,
И хоть придутъ да твои милы поровечники,
Не забудемъ мы, печальныи головушки,
Все тебя да златокрыла ѣспа со́кола,
И все печальныихъ словечушекъ слезливыихъ
И все обидныихъ наказовъ молодецкїихъ;
И скрозь обиду до́брой мо́лодецъ высказывалъ,
И сквозь злодійную кручину выговаривалъ,—
И жаль тошнёшенько — побѣдным намъ головушкамъ,
И тебя милую скачоную жемчужнику;
И поговорюшка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитыи;
И ты шутилъ да все на ши́рокой на у́личкѣ,
И не обидѣлъ ты вѣдь добрыихъ-то людушекъ,
И не грубѣлъ да спорядовыихъ сусѣдушекъ,
И не клпвѣлъ да ты вѣдь малыихъ этыихъ дѣтушекъ;
И шути́ времечко у свѣта проходило.
И сожалїемъ мы, печальныи головушки,
И за твое да за велико доброумыице,
И за прелестны твои ла́сковы словечушка;
Вси жалїютъ многи до́бры тебя людушки,

Вси окольныи спорядныи сусѣдушки,
И жалїютъ тебя малы недоросточки.
И за столомъ да сидитъ мо́лодецъ дубовыимъ.
И хоть на стульицахъ, нашъ свѣтъ, да на кленовыихъ,
И молодецкой бу̀йной головой покачиватъ,
Онъ безсчастныма кудеркама потряхиватъ,
И онъ горючима слезамы обливается,
И великоей кручиной утирается;
И не въ любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извощички моло́дыи:
И не везите-тко ступистыи лошадушки,
И вы безсчастнаго уда́ла до̀бра мо́лодца,
И ко злодійному ко городу Петровскому.
Ко принемноей палатѣ бѣлокаменной;
И на пути да до̀бры кони становитесь-ко,
Ужъ вы взадъ да со дорожки воротитесь-ко;
И возвратись да нашъ спорядной ты сусѣдушко,
И ты взадъ да на родимую сторонушку,
На утѣхушку ты намъ—на доброушьице.

Къ матери:

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И ты отпустишь какъ сердечно свое дитятко,
Ты къ злодійному ко городу Петровскому,
И затопи, бѣдна, свѣщи̇ да воску я́рова,
И ты Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
И ты молись, бѣдна горюша, съ горючмы слезмы
Ты вѣдь Господа Бладыку все упрашивай,
И сохранилъ бы столько Господи помиловалъ,
И твое милое сердечно это дитятко,
И все отъ этой грозной службы Государевой,
И отъ безсчастныихъ солдатушковъ походныихъ.
И возвратилъ бы онъ рожоно твое дитятко,

Его въ домъ да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителемъ побѣдныимъ бы головушкамъ.
И ты послушай, спорядовая сусѣдушка,
И што скажу̀ да я, кручинная головушка:
И будѐ Господи сго да не помилуетъ,
Отъ злодѣйноей отъ службы Государевой,
И да ты съидешь какъ ко городу Петровскому.
И про запасъ гляди, побѣдна ты головушка.
И на сердечное печально свое дитатко;
И подли сядь да ты скачопоей жемчужинки;
И ты подумай при послѣди думу крѣпкую.

Потуряютъ-то судьи неправосудныи,
Потужаютъ въ путь широ̀кую дороженьку,
И сговорятъ столько судьи неправосудныи:
‹Одѣвайся-тко удáлой дòброй мóлодецъ,
‹Надѣвай-ко свое цвѣтно это платьице,
‹Снаряжайся со хоромнаго строеньица.
‹Ты прощайся со родителью со матушкой.
‹И съ сусѣдами прощайся спорядовыма.
‹Съ своей милоей породой именитою,
‹Съ дружьёмъ—братьицемъ—прощайся со пріятелемъ.

Къ сестрамъ двоюроднымъ:

Вы послушайте-тко, бѣлыи лебёдушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимыи!
И како̀-жъ было сердечное желаньице,
Все до васъ было до бѣлыихъ лебёдушекъ:
И уласкалъ всегда скачóна васъ жемчужинка.
Какъ приходить стане Владычный Божій праздничекъ,
И говорить да стане братецъ-красно солнышко:
И ужъ вы любушки сестрицы сдвуродимыи,
И вы давайтесь у желанныихъ родитель.

10 II вы къ Владычному Господнему ко праздничку,
II во любимо во сердечпо во гостибище;
II я свезу да васъ тамъ бѣлыихъ лебёдушекъ.
II допрежъ сего—поры да этой времечки,
Вы снарядитесь лебёдушки скорёшенько,
15 II вы пойдите со братцемъ суровёшенько;
II любовались мы, спорядныи сусѣдушки,
Какъ ходили вы, лебёдки, по гуляньицамъ,
II утѣшались вы со братцемъ—взвеселялися;
II какъ цвѣло да на васъ цвѣтно это платьице.
20 II алили въ косы алы у васъ ленточки:
II вы воспомните-тко, бѣлыи лебёдушки:
II да вамъ лѣтной, былъ голубушкамъ, повозничекъ,
II да вамъ зимной безотвѣтной былъ извощичекъ;
II да вы издили со братцемъ сдвуродимымъ,
25 II по гульбищечкамъ вѣдь вы да по прокладбицамъ,
По искатъ горамъ вы издили высокімъ,
Вы по этымъ унылымъ по свадебкамъ,
II по тихімъ смиренпымъ бесѣдушкамъ,
II красовались вы сдовольнымъ бѣлымъ свѣтушкомъ:
30 II на добромъ конѣ—была сбруя золочопая,
II на васъ цвѣтно было платьице покуплено.
II какъ пошиты были шубки соболиныи;
II тутъ снарядитесь съ довольнымъ бѣлымъ свѣтушкомъ,
II вы усадитесь во санки самокатныи;
35 II со сторонь да глядя добры эты людушки,
II все дивуются спорядныи сусѣдушки,
II какъ вы идите съ любимымъ повозничкомъ
II взвеселяетесь путь-шірокой дороженькой.
II воспѣваете унылы жалки пісенки;
40 II шутя времячко, голубки, провожали.
II за весельицемъ дорожку коротали,
II вы со свѣтушкомъ со братцемъ сдвуродимымъ,
II вы со милымъ соколочкомъ златокрылымъ.
II онъ застунушка вамъ былъ да заборонушка.

II онъ стоялъ по васъ вѣдь бѣлыихъ лебедушкахъ,
II онъ за вашу за бажону волю вольную.
II вы воспомните, души—да красны дѣвушки.
II по разливноей его да вёсны красноӥ,
II вы на трудноей крестьянскоей роботушкѣ,
II на чистыихъ поляхъ да хлѣбородныихъ,
II на зеленыихъ лугахъ да сѣнокосныихъ,
II гдѣ роботушку со братцемъ роботали,
II за еди́но жалки писенки спѣвали:
II онъ вѣдь сло́вечкомъ-то васъ да не огру́билъ
II онъ тяжелоей роботой не огру́зилъ;
II были ла̀сковы прелестны вамъ словечушка
II вамъ отъ эта соколочка златокрылаго,
II вамъ отъ свѣтушка отъ братца сдвуродимаго.
II вы послушайте коса́ты лѣтны ла́стушки:
Какъ што сдіется надъ имъ да какъ што сбудется,
II хто возить да буде бѣлыихъ лебёдушекъ:
II вамъ не буде столько лѣтнаго повозничка,
II да вамъ зимна безотвѣтнаго извощичка;
По гульбищечкамъ у васъ да по прокладбищамъ,
II впереди у васъ не буде передовщичка;
Какъ сдіется надъ братцемъ ѝсным со́коломъ,
II пріотмѣните Бладычны Божіи празднички,
Пріотложите смиренны бесѣдушки,
Вси упылы слезливы эты свадебки.
II какъ поѣдутъ-то совѣтны ваши по́дружки,
II тутъ вы стапете, печальны головушки,
II вы похаживать по хоромому строеньицу,
II вы поглядывать въ косѣвчато окошечко,
II вы посматривать на ши́року па у́личку.
II тутъ вы горькима слезамы обливатися,
II тутъ великоей обидой отпратися:
II хоть отпу́стя васъ, побѣдныхъ, па гуляньице,
II цѣлый день пройде у васъ, бѣдныхъ, справляюца,
II вамъ повозничка, побѣдным, дожидаютца,

II какъ послѝ да свѣта-братца сдвуродимаго,
II ужь какъ эта соколочка златокрылаго,
Не сугрѣвать да васъ сугрѣвна ваша шу́бенка,
II не цвѣтетъ да на васъ цвѣтно пынько платьице,
II все со этой со великой со кручинушки,
II со злодѣйпосѣй великоей обидушки.
II добры людушки того да припабаются,
II вси сусѣдушки того да насрѣкаются.
II какъ послѝ да свѣта братца сдвуродимаго,
Ужъ какъ эта соколочка златокрылаго,
Ужъ вы пойдете какъ бѣлыи лебедушки,
II вы на трудную, крестьянску какъ роботушку,
II вспомятуете, побѣдны, потоскуете;
Потоскуете, безсчастны, порасплачитесь:
II середи да тепло-краснаго вѣдь лѣтупка,
II жалобнѝ да печѝ красно это солнышко,
II унылѝ да въ саду птички возжупляютъ,
II оны причетью вѣдь пташки причитаютъ:
II какъ у васъ да у печальныихъ головушекъ,
II унывать стане ретливое сердечушко,
II ушибать стане великая обидушка:
II посли свѣтушка вѣдь братца ѝспа со́кола
II на лугахъ да вамъ вѣдь свѣтъ-отъ не объявится,
II на чистѝмъ полѣ вѣдь братецъ не покажется:
II тутъ вы сядите, обидны красны дѣвушки.
II подъ ракитовой, горюши, этотъ кустышокъ.
II на катучей да вы сядите на камешокъ,
II думу думать да вы станете тутъ крѣпкую.
II воскликать да свѣта братца сдвуродимаго:
«II какъ на эту бы пору́ да въ это времячко
«Пріобъявился бы сдово́льной бѣ́лой свѣ́тушко,
«II онъ во этомъ бы солдацкомъ хоть во платьицѣ.
«II показался хоть на минутной бы часочикъ.
«II поглядили бы во ясны мы во очушки,
«II мы въ печальное во блёклое во личушко;

«Не устрашились бы, горюши, не сполóхались,
«И мы спросили бы, побѣдныи головушки,
«Про безсчастно горегорько живленьице.
«И безталанное солдацко похожденïе;
«И мы до-сы́та вѣдь побѣдны, накормили бы,
«И сладкой водочкой его горе роздïяли бъ.
И не увидите вы, бѣлыи лебóдушки,
Изъ подъ кустышка, побѣдны, сѣра заюшка,
Изъ подъ каменка, горюши, горносталюшка:
И прибирайте-тко, души́ да красны дѣвушки,
И вы на горушкахъ его да на высокíихъ,
И на гульбищечкахъ его да на прокладбищахъ,
Изъ бурлаковъ прибирайте вы молóдыихъ,
И вы по цвѣтному, горюшицы, по платьицу,
Вы по бéлу молодецкому по личушку,
Вы по яснымъ молодецкимъ его очушкамъ,
И по жолтымъ завивнымъ кудёрышкамъ,
И по походочкѣ бурлацкоей щебливой,
Поговорюшкой его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горюшицы, по вóлосу.
И супротúвъ своей скачоной жемчужинки,
И супротúвъ да свѣта братца сдвуродимаго.
И мóлча—схвáтитесь, голубушки, напачитесь,
Снамятусте, побѣдны, натоскуетесь;
И не подсядите къ скачоной жемчужинкѣ.
И вы ко свѣтушку ко братцу сдвуродимому.
И не поставьте въ гнѣвъ вы, бѣлыи лебёдушки.
И што прочитаю я, печальная головушка.
Я сама знаю, горюша, сама вѣдаю
И про злодíйную великую обидушку,
Какó да е со братцемъ разставаньице.
Какъ со свѣтушкомъ я братцемъ разставалася,
И я на вѣкú съ нимъ, горюшица, прощалася.
И не надíюся, побѣдная головушка,
Я дождаться своего да ясна сóкола

Со злодійной этой службы Государевой;
И онъ во сни́хъ да мни, горюшицѣ, не кажется,
И на яву́ мнѣ-ка, горюшѣ, не объявится,
И не на трудной мнѣ крестьянскоей роботушкѣ,
И не у синяго у славнаго Опегушка,
Не на тихіихъ, горюшѣ, мнѣ на за́водяхъ,
И не на пристаняхъ, горюшѣ, корабельныихъ.
И также вы, бѣдны кручинныи головушки,
И про запасъ да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на свѣтушка на братца сдвуродимаго.
И какъ у вашей у скачноей жемчужники,
И подрѣзано вѣдь нынь да ретливо̀ сердчѐ;
И на—бъ пойти да со родимой со сторонушки,
Какъ со добраго хоромнаго строеньица:
И жаль разстаться-то бурлакушку тошнёшенько,
И роспроститься съ родомъ племенемъ скорёшенько;
И онъ горючима слезама омывается,
И ретливо̀ сердчѐ вѣдь кровью обливается;
И со злодійноей великоей кручинушки,
И цвѣтно платьице по швамъ да розшивается;
И со этоей великой обидушки,
И роспоялися перстни́ его жукóвенья
И на его да молодецкихъ бѣлыхъ ручешкахъ;
И хоть дружьё—братьё ведутъ его прїятели,
И хоть по до́брому ведутъ да по строеньицу,
И по свѣтлоей ведутъ да его свѣтлицѣ,
И онъ не пьянъ да съ горя, мо́лодецъ, шатается.
И не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
И какъ смотрѣть да на безсчастныхъ до̀брыхъ мо́лодцевъ,
И на горючіи бурлацки смотрѣть слезушки,
И на тоску да ихъ глядѣть вѣдь молодецкую;
И лучше на́—свѣтъ оны были бъ не спороженны
И какъ безсчастныи сердечны эты дѣтушки.
И безталанныи солдаты новобраныи.

Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ дѣнечкомъ,
II все горитъ свѣща теперечко туманится.
II Пресвята мать Богородица печалится,
II сожалѣетъ-то удала добра молодца,
II какъ безсчастнаго рекрутика молодаго.
II ты садись поньку удалый добрый молодець,
II да ты милой спорядовой мой сусѣдушко,
II ты во этотъ во почѣстной во большой уголь,
II ты на лавочку, нашъ свѣтъ, да на дубовую,
II ты подъ мило подъ косѣвчато окошечко,
II подъ туманную стекольчату околенку.
II вы глядите-тко народъ да люди добрыи:
II поскорёшеньку сестрицы подвигаются.
II какъ клонятъ да оны буйну свою голову
II какъ корятъ оны ретливое сердечушко.
II при послѣди-то теперь да поры времечки,
II все ко свѣтушку ко братцу ясну соколу:
II сожалѣютъ оны братца сдвуроднмаго.
II разстаются съ соколочкомъ златокрылымъ,
II говорить да имъ скачоная жемчужника,
II скрозь слезушки, побѣдной, имъ паказывать:
«II какъ пойду да я во службу Государеву,
«II вы лѣтныи косаты мои ластушки,
«Не забытьте вы безсчастна добра молодца,
«Ни забытьте вы солдата горегорькаго!
«II вы спровѣдайте у добрыихъ у людушекъ,
«II напишите скорописчатую грамотку,
«II вы пошлите-тко на чужу на сторонушку
«Ко безсчастному солдату горегорькому.

Мать къ сусѣдямъ:

Вы послушайте, народъ да люди добрыи.
II вси сусѣдушки мои да спорядовыи!

Какъ утрось было съ поранному поутрышку.
Какъ до ранняго пѣту́нья воспѣваньица,
И до уныла соловьинаго жупляньица,
И красно солнышко въ туманѣ выкаталось;
И добрый мо́лодецъ съ кручинушки ставаетъ,
И со обиды рѣзвы ножки обуваетъ,
И со печали цвѣтно платье надѣваетъ,
Горючмя слезмы личё да обмываетъ,
И сговоритъ да онъ, побѣдной, таково слово,
И онъ мни да все родимой своей матушкѣ:
«И бласлови да на сесь день меня Господней
«И ты, желанная родитель моя матушка.»
И сговоритъ еще безсчастной до́брой мо́лодецъ,
И онъ въ обидушкѣ, побѣдной, таково слово:
«И я спалъ да вѣдь безсчастной до́брой мо́лодецъ,
«И, знать, послѣдшою Господню Божью поченьку,
«И во своей да я во свѣтлоей во свѣтлицѣ,
«И на этой на тесовой на кроваточкѣ,
«И на своей да на пуховой на перинушкѣ,
«И на этомъ крутомъ складнесмъ зголовьицѣ,
«И я подъ тёплымъ соболиным одѣялышкомъ;
«И не сномъ-то короталъ да я вѣдь тёмну эту поченьку,
«И думалъ думушку, безсчастный, во безсоньицѣ,
«И обливался я слезамы во кручинушкѣ,
«И ретливо мое сердечко подмывало.
«И безсчастная утроба обмерала,
«И, знать, приходитъ та пора да это времечко.
«И какъ послидшїи часы да со минуточкой,
«И какъ мнѣ-кова уда́лу до́бру мо́лодцу
«И на-бъ поѣхать со хоромнаго строеньица,
«И разлучиться со родителью со матушкой,
«И порозстаться съ родомъ племенемъ любимыимъ.
«И на вѣкъ бросить да родиму эту сто́рону.
«Ой, тошнёхонько, родитель жалосливая,
«Мни безсчастному уда́лу до́бру мо́лодцу

И не повирите народъ да люди добрыи:
И не въ могутушку слезливыи словечушка,
И не по лѣтушкамъ великая озябушка,
Ужъ какъ мни, да вѣдь кокошѣ горегорькоей;
Вдругъ какъ треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала безсчастная утробушка,
И отъ тошѝ долитъ великая кручинушка,
И на глазахъ слезы у бѣдинушки не ставятся,
И не въ моготу мни се-свѣтное живленьице.

Сусѣдка утѣшаетъ.

И ты послушай, спорядовая сусѣдушка:
И не давай тоски къ ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко.
И знаемъ -вѣдаемъ, кокоша горегорькая,
И не въ споко̀ѣ што ретливое судечушко,
И про твою да мы великую незгодушку,
И про проклятую злодѣйную кручинушку.
И да ты съѣзди-тко, кокоша горегорькая.
И ты во эту Божью Церковь посвященную,
И ты ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
И помолись да ты Владыкѣ отъ желанья,
И ты крестъ клади, горюша, по писаному,
И ты поклонъ веди, побѣдна, по учёному:
И ты поставь свѣщу, горюшица, рублевую,
И пелену да положи ты вѣдь шолковую,
Ужъ какъ этой Пресвятой да Богородицѣ,
И ходателю Миколѣ многомилосливу:
И поклоняйся ты до матушки сырой земли,
И ты съ горючима слезама материнскима;
И ты проси да Пресвятую Богородицу,
И отъ желанья проси да со усердіемъ:
И сохрани да Пресвята мать Богородица,

И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты отъ этоей тоски неугасимоей,
И ты отъ этоей печали неудольноей.
И, може, Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвята мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилосливой,
Ужъ какъ милое рожоно твое дитятко,
И во пути да во широкоей дороженькѣ,
И отъ злодѣйной этой службы Государевой,
И отъ этыихъ солдатовъ повобраныихъ,
И отъ этыихъ полковъ да вѣдь походныихъ.

Къ рекруту—сусѣдка.

И ты послушай, споряду́вой нашъ сусѣдушко:
И за тебя да вси Владыкѣ мы помолимся,
И мы Пречистой Пресвятой да Богородицѣ,
Што бы Господи Владыко Свѣтъ помиловалъ,
Далъ бы Господи вѣдь добраго здоровьица,
И ума разума во буйну бы головушку,
И понятія въ ретливо бы сердечушко,
И тебѣ мудрости въ бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиренъице,
И за твое да за велико доброумьице;
Вѣдь смиренъице у тя было со кротостью,
И всимъ челомъ да было низко поклонепьице;
Ты по уличкѣ ходилъ да свѣтъ тихошенько
И ты головушку носилъ да полизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко вѣдь было не спѣсивое,
И добрый мо́лодецъ ты былъ да не гордли́вой;
И да ты стараго сусѣда не огру́билъ,
И да ты малаго бладенца не оби́дилъ.
И быде со́йдешь ты во службу Государеву,

И спаси Господи удáла дóбра мóлодца
И отъ побоевъ-то тебя да отъ тяжолыихъ,
И отъ страстей—властей тебя да страховитыихъ;
И ты послушай, спорядовой мой сусѣдушко,
И не поставь во гнѣвъ сдовóльной бѣлой свѣтушко,
Што понáкажу, кручинная головушка,
И не шалѝ да ты тамъ, дѝтё, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмѣльны да тамъ напиточки;
И можетъ, дастъ да Господь службу не тяжолую,
И раскрое Богъ науки вси великіи,
И тебѣ да все во службѣ Государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И, може, судитъ Богъ Владыко многомилосливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И съ родомъ племенемъ, безсчастной, увидаешься;
И издалёка да вѣдь солдаты ворочаются,
И на великіихъ сраженьицахъ спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой сусѣдушко:
И какъ катучей этотъ камень не мохнатѣетъ,
И такъ походной-то солдатъ да не богáтѣетъ.
И ты запрóдалъ бы любимую скотинушку,
И да ты взялъ бы золотой казны по нáдобью.
И какъ во этой въ грозной службѣ Государевой,
И вы придержитесь, побѣдны, притаскаетесь,
И тамъ износится солдацко у васъ платьице,
Вси притопчутся казенны сапóженьки;
И вы къ начальству появиться не посмѣете;
И вамъ вѣдь нé-нажить мундеровъ — суконъ сѣрыихъ,
И вамъ вѣдь нé-обуть безсчастныхъ своихъ нóженокъ.
И еще слушай-ко, спорядной нашъ сусѣдушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаемъ ли, спорядны сусѣдушки,
И мы тебя да златокрыла ѝспа сóкола
И какъ на семъ да мы, горюши, на бѣломъ свѣтѣ.
И хоть чрезъ три да вы учетныхъ этыхъ годышка,

И хоть каку, да ни е, вѣсточку послали бы,
И хоть три строчки вы, побѣдны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да вѣдали:
И вы въ какой орды, безсчастны, во коёй земли,
И въ сухопотномъ ли вы, свѣты, похожденьицѣ,
И у синя̀ моря ль вы, свѣты, на сраженьицѣ,
Аль на кру́томъ вы вѣдь, свѣтушки, на бе́режку,
На жолты́хъ песка̀хъ стоите ль на сыпучіихъ;
И уже гдѣ да вы, побѣдны, сохраняетесь,
И отъ злодіевъ—непріятелей спасаетесь,
И въ раздольицахъ степяхъ ли во великіихъ,
Аль въ долинушкахъ, побѣдныи, во дикіихъ;
И ушшите намъ, сдово́льны бѣлы свѣтушки.
И у ва̀съ, мо̀же, безсча́стныхъ у солдатушковъ,
И золота казна на тотъ-часъ не случается,
И хитромудры писаря будутъ призаняты,
Аль не будетъ у васъ вольной столько волюшки;
И тутъ приде да какъ разливна красна вёснушка,
Какъ повытаютъ спѣжечки со чиста̀ поля,
И повынесе ледочки со синя моря,
И будутъ ко́рабли въ синёмъ морѣ шататися,
И вы на ко́раблях, безсчастныи, скитатися,
И тамъ увидите да малу эту птиченьку,
И какъ летитъ она въ родиму вашу сторону,
И пониже́неньку вы птицѣ поклопитесь-ко,
И пословечно перелётной накажите-тко,
И все ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному,
И со обиды объ солдацкоемъ живленьицѣ;
И мы глядить будемъ, кручинныи головушки,
И на печальну перелётну малу птиченьку,
И коя ле́титъ ниже облачка—низе́шенько,
И она машетъ столько крылышкомъ тихошенько,
И она го́лосомъ ведётъ да упылёшенько
И она жа́лобно вѣдь птичка розговариваe,

И она бьетъ челомъ тутъ намъ да покланяется,
И пороскаже тутъ печальнымъ намъ головушкамъ:
«И лечу птиченька съ за горъ я съ за высокїихъ,
«И съ за лѣсушковъ лечу да съ за дремучїихъ,
«И я со дальноей со чужей со сторонушки,
«И съ за славнаго съ за синяго съ за морюшка.
«И мы вѣдь летячи дорожкой пріустали,
«И въ синемъ морюшкѣ корабль да увидали,
«И на спокой да мы на отдыхъ становилися,
«И мы на ка́рабли на мачты тутъ садилися,
«И много у́жасно солдатовъ мы смотрѣли;
«И какъ одинъ столько солдатушко безсчастной,
«И онъ по ка́раблю солдатушко похаживатъ,
«И онъ печальну меня птиченьку высматрпватъ:
«И ты откуль летѝшь вѣдь птича, куды путь держишь,
«И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
«И ты лети да эта птиченька тихошенько,
«И ты вѣдь слетишь на родиму мою родину,
«И ты подъ сиверну холодную сторонушку.
«И ты за славное за сине за Онегушко,
«И увидашь моихъ желанныихъ родителей,
«И всихъ спорядныихъ моихъ да ты сусѣдушекъ;
«И скажи низкое поклонно челобитьице
«И отъ меня да отъ солдатушка безсчастнаго.

Къ братьямъ:

И вы послушайте, спорядныи сусѣдушки,
Да вы ми́лы—свѣтушки́, братцы родимыи:
И не забытьте вы безсчастна до́бра мо́лодца,
И своего да свѣтушка̀ братца родимаго.
И тяжела̀ да ему служба доставается:
И на часахъ ему стоять да на всеночныихъ,
И по зарямъ ему, безсчастну, по вечернїимъ,

И во полно́чь да подъ звѣздамъ-то подъ восточнымъ,
И студёноей холо́дной этоій зимушкой—
И на снѣжкахъ стоять, побѣдному, перистыихъ
И на студёныихъ морозахъ-то на плящїихъ;
И какъ дрожитъ его ретливое сердечушко,
И отъ вѣтра̀ да зябетъ блёкло его личушко;
И тутъ опъ скажетъ-то единое словечушко:
«Ой, безсчастны мы на свѣтѣ уродилися,
«И безталанна бѣдна жизнь наша солдацкая,
«И горегорька наша служба Государская.
Ужъ какъ вы, да свѣты братьица родимыи,
И про злодійну эту службу не познаете,
И на родимой вы сторонкѣ оставаетесь,
И во своемъ да во хоромномъ во строспьицѣ,
И на тесовыихъ своихъ да на кроваточкахъ,
И на мягкіихъ пуховыихъ перинушкахъ;
И не позя́бнутъ у васъ рѣзвы эты ноженьки,
И не подвіе вѣтромъ блёклого вѣдь личушка;
И на медвяномъ да вы въ домѣ уѣданьицѣ,
И на утѣхушкахъ вѣдь вы да на забавушкахъ.
И не забыть-те жъ вы безсчастна до́бра мо́лодца
И своего да свѣтушка братца родимаго.

Кагда бріютъ лобъ; мать вопитъ:

Быдьте прокляты злодіи—супостаты!
Вергай—скро́зь землю ты нехресть вся поганая;
И сѣките вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И ужъ вы брійте его да побѣляя;
Охти—мни, да мнѣ тошнешенько.
И кабы—мнѣ да эта бритва навостреная
И не дала̀-бы я злодійной этой некрести,
И надъ моимъ ноньку рожденіемъ надрыгатися;

И распорола-бы я груди этой некрести,
И ужъ я выняла-бы сердче тутъ со печенью,
И распластала-бы я серче на мелкіи куски,
И я нарыла-бы корыто свиньмъ въ мѣсиво:
А и печень я свиньямъ на уѣданьице.

Когда забрѣютъ—сосьдка вопитъ:

Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божьимъ дѣнечкомъ,
Во безсчастный часъ во злу эту минуточку,
Ужъ какъ пріѣняли бурлакушковъ молодыихъ
Во пріёмную палату бѣлокаменну,
И ихъ подбрѣли-то удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
И во злодѣйную во службу Государеву;
Тутъ имъ дали этыхъ крѣпкихъ караульщиковъ,
Да имъ дядьку становили-то со старшимъ;
И тутъ сводили въ Божью церковь посвященную,
И приводили ихъ къ присягѣ вѣковѣчноей;
И выше головы кресты они вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будемъ царю-Богу Россейскому,
«И мы стоять будемъ за вѣру христіанскую:
«И мы не сдѣлаемъ измѣны въ каменной москвы,
«И мы спасать будемъ Россею подселенную,
«Мы оружьице держать да на правомъ плечѣ,
«И саблю вострую держать да во правой рукѣ.
И тутъ повыдали солдатикамъ молодымъ,
Какъ молодымъ солдатамъ новобранымъ,
И не по ноженькамъ саноженьки козловыи,
И не по плечушкамъ мондеры суконъ сѣрыихъ:
И на головушку имъ шляпы не пуховыи—
И да имъ киверы солдацкіи-пудовыи.
И тутъ соймутъ да молодецку вольну волюшку;

И тутъ повыдадутъ имъ ружьица тяжолыи,
Ихъ отправятъ въ путь дорожку незнакомую;
И во похо́дъ сошлютъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ,
И какъ во эты города да не въ бывалыи,
И далѣ—да́лѣ отъ родимой отъ сторонушки.
И оны по́йдутъ путемъ-широкой дороженькой,
Хоть студёноей пойду́тъ да холодно́й зимой,
И какъ повыстанутъ на гору на высокую,
И оны брякнутъ тутъ оружіемъ завоеннымъ,
И оны топнутъ правой бѣлой этой ноженькой,
И споютъ съ горя унылу жалку писенку;
И о́ны стоячи на го́ры на высокоей,
И воспомянутъ то родиму свою сто́рону:
И ты прощай наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая.
Уже слушайте солдатики моло́дыи,
Да васъ со́шлютъ какъ на чу́жу на сторонушку,
И на-бъ у буточки стоять да студёной зимой,
И на часахъ стоять, безсчастнымъ, на всеночныихъ;
И отъ земли́ да зябутъ ре́звы ваши ноженьки,
И отъ оружьица зябутъ да ручки бѣлыи,
И какъ отъ вѣтра подвѣватъ да блёкло личенько,
И отъ морозушку сердечко порастрескаетъ;
И вы у буточки-то будете похаживать,
И сапогъ—о́ сапогъ вѣдь вы да поколачивать,
И съ руки—на́ руку ружье да перекидывать;
И глядѣть да вы будете, безсчастныи,
И выше лѣсушка глядѣть да по поднебесью;
И ты смотрѣть будешь, солдатъ да на свѣтелъ мѣсяцъ,
И на э́ты часты звѣзды поднебесныи:
И по скорёшеньку ль свѣтёлъ мѣсяцъ закатится,
И часты звѣздочки въ минуточку стеряются-ль,
И скоро ль—свѣтъ да ясна зоренька просвѣтится,
И роспечетъ-ли это красное вѣдь солнышко:
И обогрѣетъ ли солдацкое сердечушко,

И пріоттаетъ ли безсчастная утробушка.
И тутъ воспомните родиму свою сто́рону,
И тутъ сгово́рите одиное словечушко:
«И лучше были бъ мы, солдаты, не спороже́ны;
«И какъ родитель насъ бурлаковъ попустила,
«И насъ не участью—талаиомъ надѣлила,
«И злой безсчастной этой службой наградила.
И не дай Господи на семъ да на бѣло́мъ свѣтѣ
Уже жить да въ грозной службѣ Государевой:
Какъ ѣденьице солдатушкамъ—сухарики,
Какъ питемьице имъ—водушка со ржавушкой.
И вы послушайте безсчастныи головушки!
И какъ васъ со́шлютъ въ безъизвѣстную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко,
И какъ на э́тыихъ на чорныхъ бо́льшихъ ко́раблях,
И буйны вѣтры въ чистомъ полѣ развѣваются,
И непомѣрная погода подымается,
И на сиёмъ морѣ волна да сколыбается,
И какъ вода да со желтымъ пескомъ смѣшается.
И чорны ко́раблы вѣдь въ морѣ роскачаются,
И мачты о́—воду со брызгомъ ударяются,
И сговорятъ да тутъ дядьки имъ пристарши:
«И вы идите-тко матросики моло́дыи,
«И не страшитесь-ко погоды непомѣрной,
«И поднимайтесь вверхъ по мачтамъ по дубовыимъ,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёныи,
И убирайте тонки бѣлы эты парусы;
И тутъ сердечушко у васъ да пріужа́хнется:
И тутъ воспомните, безсчастныи солдатушки,
И вы желанныихъ своихъ да все родителей;
И на молитвахъ оны да вспомянули бы,
И за матросовъ оны Бога помолили бы.
И столько не́—вѣсто побѣдныимъ не вѣстимо:
И поставаетс по мачтамъ по дубовыимъ,
И вы по этыимъ по сна́стямъ по смолёныимъ,

И съ переполоху-то сбы́дутъ бѣ́лы рученьки,
И тутъ падёте вы во синее во морюшко,
И во эту ю вы воду во глубокую.
И буде Господи васъ, Свѣ́тушко, помилуетъ,
И спасетъ васъ Пресвята̀ Мать Богородица,
И на этомъ на большомъ да чорномъ ка́раблѣ,
И васъ прибьетъ да тамъ ко кру́тому ко бе́режку,
И хоть не къ знамымъ къ острова̀мъ да не къ бывалымъ,
И може, буде вамъ, безсчастнымъ, воля вольная—
И какъ повытти-то на кру́той краспой бе́режокъ;
И ты по бе́режку иди, бѣдной, тихопенько,
И ты гляди да выше лѣсу по поднебесью,
И выше горъ гляди, папъ свѣтушко, высокїихъ,
И вровень съ облачкой гляди да ты ходячей,
И примѣчай да перелётну малу птиченьку;
И не гусе́й гляди, папъ свѣтушко, не ле́бедей:
И гуси, лебеди-то—птиченька гордливая,
И на ричихъ да эта птиченька спѣсивая,
Высоко̀ да она ле́титъ по поднебесью,
И хоть поле́титъ по родимой твоей родинкѣ,
И на косѣвчато окошко не разсядется,
И про походныихъ солдатовъ не роскажется.
И ты гляди-смо́три, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И ты печальну перелётну малу птиченьку
И горегорькую кокошу изъ сыра̀ бора̀:
И та птиченька вѣдь с да не гордливая,
И на ричѣхъ-басияхъ она да не спѣсивая;
И ты пиши, свѣтъ, скорописчатую грамотку,
И ты со чу́жсей со дальноей сторонушки,
И ты со этыихъ полковъ да повобраныихъ,
И ты съ за синяго съ за славнаго съ за морюшка
И ты со бо́льшаго со чорнаго со ка́рабля;
И упиши, наша скачоная жемчужинка,
И про безсчастну свою жизнь да про солдацкую,

II не перомъ пиши, пашъ свѣтъ, да лебединымъ,
II не черпыма пиши да ты чернилами,
II ты письмо пиши, пашъ свѣтъ, да асе кручиною,
II запечатай ты его да вѣдь тоскичушкою:
II хоть ты выйдешь, свѣтъ, на крутой этотъ бе́режокъ,
II увидашь да перелетну о́вдну птиченьку,
II ты клади да ей подъ правое подъ крылышко.
Ужъ ты эту скорописчатую грамотку;
II мы по этой по разливной красной вёснушкѣ,
II мы ходить будемъ на широкой на у́личкѣ,
II мы глядить будемъ, горюши, по поднебесью,
II мы смотрѣть да перелетной малой птиченьки:
II какъ увидимъ мы кокошу перелётную,
II воскликать станемъ мы ма́лу эту птиченьку
II на отдохъ да на крылечко перёное,
II на разсказъ да на косѣвчато окошечко:
«II ты иди да перелётна сюды птиченька,
«II ты откуль летишь, да куды путь держишь,
«II со которой ты летишь да со сторонушки
«II ты съ заславнаго-ль съ за синяго Онегушка,
«Ты съ за этого ль каспъ да синя морюшка?
II тутъ птиченька ко зени вѣдь преклонится,
II супроти́въ дому она да пріусядется,
II принесетъ да скорописчатую грамотку,
II тутъ смахнётъ да она правымъ этымъ крылышкомъ,
II тутъ уронитъ скорописчатую грамотку,
II супроти́въ нашихъ косѣвчатыхъ окошечекъ;
II тутъ мы во́зьмемъ скорописчатую грамотку,
II мы сходимъ къ писарямъ да хитромудрымъ,
II разсмотри́мъ да скорописчатую грамотку:
Какъ тоской да с письмо вѣдь запечатано,
II съ горючмы слезмы съ кручинушкой написано:
II прочитаемъ мы, печальныи головушки,
II тутъ узнаемъ про безсчастнаго солдатушка,
II про злодійну бѣдну жизнь да про солдацкую.

И не поставь во гпѣвъ, скачопая жемчужпика,
Што попáкажу, печальная головушка:
И какъ служить будешь во службѣ Государевѣ,
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдовольпой бѣлой свѣтушко,
И намъ вѣдь низкпихъ поклоповъ-челобитьицевъ,
И упиши. наша скачопая жемчужпика.
И про безсчастно горегорькое живленьице.

2. Марьи Ѳедоровой.

По выходѣ изъ за стола, мать вопитъ:

Ужъ на полётѣ младъ ясенъ соколъ,
На поѣздѣ добрый мóлодецъ;
Ужь ты что себѣ начаешься,
Въ путь дорожку отлучаяся?
Ужь какъ дородни добры мóлодцы,
Въ эту пору времечко,
Они ходятъ да шатаются:
Безъ вѣтрушка шатаются,
Безъ дождя да уливаются;
Безъ травинки заплётаются;
Безъ ломинки запинаются,
Въ эту пору времечко,
Будто заюшки во пáсточки,
Горностаюшки въ неволюшки,
Будто утушки подстрѣлены,
Какъ лебёдушки поиманы,
Во неволюшку посажены.
Такъ же вы, дородни молодцы,
Во управушку свожены.
На жеребей положены,
На бумаженьку записаны,

Въ путь дороженьку направлены,
Во солдатушки назначены.
Какъ поводятъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Во управу ко окружному,
Во полицію къ городничему,
Во палату къ губернатору,
Ко пріему ко солдатскому,
Ко стулу ко забревальному,
Подъ мѣрушку казённую,
Подъ бритву подъ солдатскую.
Какъ забрiютъ твою головушку,
Отстригнутъ твои кудёрышки.
Какъ поклонись, дородній мо́лодецъ,
Начальнику вышнему,
Какъ солдату-то вѣдь старшему.
Попросись, дородній мо́лодецъ,
На широку бѣлу улушку,
На улушку плановую,
На дорожку на почтовую.
Какъ клони свою головушку,
На всѣ четыре сто́роны,
Въ полудёны и подъ сиверны,
Подъ восточны и подъ западны:
Какъ, во-первыхъ, клони головушку
Къ Государю на широкій дворъ;
Во вторыхъ, клони головушку
Къ Государынѣ въ зелёный садъ;
Какъ еще клони головушку
Царскимъ дѣтушкамъ въ осо́бину;
Тутъ еще клони головушку
Сердечнымъ родителямъ;
Какъ проси, дородній мо́лодецъ,
У сердечныхъ, у родителей
Какъ родительска прощаньица,
Больша благословеньица:

Какъ родительско прощаньице
Изо дна моря повыздынетъ,
На край бе́режка повыкинетъ,
Изъ темна лѣса повыведетъ.
Ни въ Москвы-подъ бояриномъ.
Не въ Литвы-подъ татариномъ
Не загинетъ твоя бу́йная;
Не въ полкахъ между солдатами,
Не въ ротахъ межъ матросами,
Не загинетъ твоя буйная.
Не на ученьицѣ у барина,
Не на постоѣ у хозяина.
Ты служи да отъ желаньица!
Тебя Богъ да станетъ миловать
Государь да станетъ жаловать.
Ты проси моли у Господа,
Пресвятой да Богородицы,
Чтобъ меньши судьи поклонялися (тебѣ),
Больши судьи похвалялися (тобой).

3. Святогорской крестьянски.

Ты прощай-ка, мое рожопое, милое дитятко,
Моя любимая, удалая, наживная головушка.
Какъ обневолили тебя не въ порушку, да не во времячко.
Моего полётнаго, яснаго сокола.
Изъ-подъ моего праваго крылышка.
Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная головушка,
На чужую дальную сторонушку,
Чтоль по дальней широкой дороженькѣ:
Шириной дорожка тридцать сажень,
Долиной дорожка конца краю нѣтъ.
Ты вспомни ко свою любимую, домашнюю крестьянскую
жирушку.

И ты вспомни-ко меня престарѣлую, многопобѣдную головушку.
И какъ придутъ-то честные, годовые, воскресные, Владычные празднички;
И какъ наступятъ любимыя, веселыя крестьянскія гуляньица,
Хороводы да игрища;
Какъ пойдутъ-то молодые, удалые добрые мо́лодцы.
Что ль твои-ли сотоварищи;
Ужъ какъ я многопобѣдная головушка,
Я горюша горегорькая,
Какъ я сяду-то подъ свое любимое косящато окошечко,
Я покукую кокушицей,
И какъ вспомню про тебя, мое рожоное дитятко.
Моя наживная, удалая головушка.
Мое солнышко закатное,
Моя звѣздочка ненаглядная.
Ты не дай-ко, Боже-Господи,
Намъ живаго разставаньица
Съ моимъ милымъ любимымъ дитяткомъ.
И какъ есть-то мнѣ тошнёшенько.
И какъ есть-то мнѣ больнёшенько,
Моему сердцу ретивому
И какъ придетъ-то теперь времячко,
Что ль весна придетъ да красная.
Придетъ лѣтушко-ли теплое,
Какъ-то встану я, многопобѣдная головушка,
Со своимъ со малымъ рожоным дитяткомъ:
Какъ я стану обработывать
Свою землю хлѣбопашествомъ,
Свои пожепки прокосныя,
И луга-нивы продольные,
Всѣ порѣчья и всѣ за́рѣчья,
Всѣ мелки кусты-кустарнички,
Всѣ лазуревые алые цвѣтики.

И ты, любимая, удалая головушка.
Ты увѣдомь меня бѣдную,
Мать горюшу горегорькую,
Писемцомъ либо грамоткой,
Или ласковымъ словечушкомъ.
И ты не помни, мое милое,
Всѣхъ житейскихъ моихъ грубостей.
И ты вспомни-ко, рожоное,
Мои ласковыя словечушки.
И какъ я, многопобѣдная,
Я горюша горегорькая,
Попрошу Царя Небеснаго
И земнаго Вседержителя,
Чтобъ открылъ Онъ тебѣ ученьице
И всю службу Государеву.

4 Ирины Калиткиной.

Сись было мнѣ горюшицѣ,
Бѣдною да горегорькою,
Мнѣ подъ красное окошечко,
Мнѣ на лавочку дубовую,
Ко прибоинкѣ кленовою,
Къ своему да сыну милому,
Къ сыну милому любимому,
Мнѣ въ остатніи въ послидніе:
Ужъ ты мило мое дитятко,
Ты безсчастное родилося,
Безсчастное да безталанное,
Куды спѣшишьси да торопишься,
Изо своего ты дому благодатнова,
Изо свѣтлой изо свѣтлицы,
Изъ новыи да новы горницы:
Безъ тибя да мило дитятко,

Отемнѣетъ свѣтла свѣтлица,
Опустастъ домъ подворьицо;
Ты подёшь да мило дитятко,
Не въ любимую да путь дороженько,
Не въ любимую во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да Государскую,
Во солдаты новобраныи.
Такъ ты послушай, мое дитятко.
Что я тобѣ буду наказывать,
Но словечно наговаривать,
Когда стоскнетци тобѣ—сторюхнетци,
Такъ ты подешь, да мило дитятко,
На ученье то великое
Такъ примѣчай-ко, мое дитятко,
Со которые сторонушки,
Такъ подуетъ вѣтеръ буйносѣ:
Какъ съ полуденные подуетъ-то,
Такъ гляди-тко письма-грамоты
Отъ миня-то отъ горюшицы;
Такъ напишу я бѣдна горькая,
Напишу письмо-грамоту,
Я не на вербовой гумагѣ,
Не перомъ да не черпилами,
Но горю́ да горючимъ слезамъ;
Ты возьми, да мило дитятко,
Ты возьми да письмо-грамоту,
Ты возьми до на бѣлы́ руки́
Ты прижми до къ ретиву сердцу;
Что принило мнѣ письмо-грамотка,
Съ моѣ родимы сто́роны,
Отъ родимые отъ матушки,
Отъ кормильца-то отъ батюшка,
Отъ соколовъ отъ братьевъ милыихъ,

Отъ голубушекъ милыхъ сестеръ,
Отъ сосѣдей отъ сосѣдушекъ,
И отъ сосѣдшихъ милыхъ дѣтушекъ.
Ты скажи-тко, мое дитятко,
Когда посулишься въ дороги гости
О Господиемъ о праздничкѣ,
Поутру ли ты рапёшенько,
Въ вечеру ли ты познёшенько,
Или середи бѣла дня;
Такъ я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частёшенько,
Я на красное крылечушко;
Я глядѣть буду поглядывать,
Что не йдетъ ли мое дитятко,
Изъ дальнiи да изъ дороженьки,
Изъ городовъ-то понизовнiихъ,
Понизовшiихъ украйшiихъ,
Изъ салдатовъ новобрашныихъ.
Ты простись, да мило дитятко,
Ты съ сосѣдямъ и съ сосѣдушкамъ,
И со краснымъ со дѣушкамъ;
Поблагодари, да мое дитятко:
На бесѣдѣ на смиренной,
Какъ онѣ тебя да прилещали,
Непрiятнымъ словамъ да называли,
Онѣ некрутомъ щитали;
Какъ ты придешь, да мило дитятко,
Во свой во домъ, да благодатноёть,
Ты придешь больно не весёлъ
Буйну голову повѣсилъ.

II.

ПЛАЧИ ПО РЕКРУТѢ ЖЕНАТОМЪ.

I. Афросиніи Ѣхаловой.

Вопитъ жена:

Умолёная лада милая,
Лада милая любимая!
Провожаю тебя, горюшица,
Во солдаты новобраныи,
Далекимъ далекохонько;
Ты послушай, лада милая,
Станешь жить, лада любимая,
На чужой на дальной сто́ронѣ,
Ни злодѣйкѣ незнакомоей,
Во городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ;
Такъ ты послушай, лада милая,
Лада милая любимая:
Такъ ты пиши-тко писма-грамотки,
Ты ко мнѣ, горюхѣ бѣдноей.
Хоть я осталася, горюшица,
Хоть на своей родимой сто́ронѣ
Съ сиротамъ я горегорькімъ;
Умолёная лада милая,

Ты пиши-тко письма грамотки,
Со чужіей дальной сто́роны;
Какъ мнѣ, бѣдной горюшицѣ,
И жива эта разлука—шуце мертвыи:
Такъ ты пиши-тко мнѣ, горюшицѣ,
Ты пиши-тко письма-грамотки
Со чужіей дальной сто́роны;
Ужъ какъ я стану-то, горюшица,
И тебя ждать да дожидатися,
Я тебя да въ дорогі́, гості́,
На свою родиму сто́ропу,
Со своимъ да со малы́мъ дитёмъ,
Такъ прїидешь ли въ дорогі́ гості́.
Сама знаю я, горюшица,
Што станешь жить ты, лада милая,
Не на сво́ей воли вольносі́,
Въ грозной службѣ Государевой;
Станешь служить ты, лада милая,
Станешь служить ты Царю бѣлому,
Великому да Эпператору;
Ты служи-тко вѣрой-правдою.
Будешь жить ты, лада милая,
Все подъ страстью и подъ у́жастью,
У судьей да у начальниковъ;
Когда тамъ сто́спется, сгорюется,
Тебѣ захочется, лада милая,
На свою да дальну сто́рону,
Тебѣ провѣдать молоду́ жену,
Тебѣ своихъ да малыхъ дѣтушекъ,
Тебѣ сиротъ да горегорькіихъ,
На своей родимой сто́ронѣ;
Такъ ты послушай, лада милая,
Ты корись-проси́сь, лада любимая,
У судьей да у начальниковъ,
Такъ отпустили бы тебя, да ладу милую,

На свою родиму сто́рону,
Ко своей да молодо́й жень,
Ко своимъ да малымъ дѣтушкамъ,
Хоть немадолго поры-времечка.
Ужъ какъ стану жить-то я. горюшица,
Безъ тебя, да лада милая,
Безъ тебя лада любимая;
Стану ложиться спать да по поздёхоньку,
Стану ставать да поранёшеньку,
Умываться горючимъ слезамъ;
Какъ я умоюсь да горючимъ слезамъ,
Стану подавать да свой взыпонъ голосъ,
Далеко на чужу сто́рону,
Въ города-те я во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкіе,
Ко своей да ладѣ милосй.
Такъ ты послушай, лада милая,
По-утру да поранёхоньку,
И ввечеру да по-поздёхоньку,
Не кукуетъ ли кукушка горегорькая:
Она кукус жалобнёхонько,
Такъ ты подумай, лада милая:
Не кукушечка кукуетъ горегорькая,
Горюетъ то твоя да молода́ жена;
Подастъ тебѣ да свой взыпонъ голосъ,
Со своимъ да дитёмъ малымъ,
Со малы́мъ да малёхонькимъ,
Съ глупы́мъ, ненаучёнымъ.
Такъ умолёная лада милая,
Острижены твои да русы волосы;
Ты оставь, горюхъ бѣдносй,
Мнѣ—русѣ да волосиночки,
Со своей да буйной го́ловы,
Хоть ты мнѣ да на гляде́ньице,

Хоть ты мнѣ да на радѣньице,
На отрадь да ретиву сердцу:
Хоть погляжу-то я, горюшица,
На твои да ру́сы волосы.
Ровно на́-твое да лице бѣлое,
Лице бѣлое, румяное.
Такъ ты послушай, лада милая,
Напишу я писмо грамотку,
Я отъ себя, горюха бѣдная,
Не перомъ я не чернилами,
Напишу я горючимъ слезамъ,
Я тебѣ да писмо грамотку,
У молёной ладѣ милосй;
Такъ я пошлю—то писмо-грамотку,
Я со старымъ ходателямъ,
Со вѣтрѣми я со буйнымъ.
Умолёные вѣтры буйные,
Ужъ вы скорые ходатели!
Вы снесите писмо-грамотку,
Во города-те вы во дальные,
Во дальные да во украйные,
Во полки да во солдацкïе;
Такъ отыщите ладу милую,
Гдѣ моя да лада милая;
Такъ вы отдайте писмо-грамотку,
Такъ вы скажите ладѣ милосй,
Што у мня нѣту золотой казны,
Мнѣ послать да писмо-грамотку,
Съ почтарёмъ-те вѣдь молоденькимъ,
Такъ я послала-то, горюшица,
Я со скорымъ ходателемъ,
Со вѣтрѣми-те со буйнымъ,
На чужую дальну сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Ко своей да ладѣ милосй;

Такъ ты скажи-тко, лада милая,
Когда посулишься въ дорогѝ гостѝ,
По утру ли поранёхоньку,
И ввечеру ли по поздёхоньку,
Хоть бы я, горюха бѣдная,
Не стала спать бы ночку тёмную;
Стала ждать бы дожидатися,
Я тебя, да лада милая,
Къ-себѣ да въ дорогѝ гостѝ;
Такъ ты проспсь, да лада милая,
У судьей да у начальниковъ,
Хоть не-надолго поры—времечка,
Поглядѣлъ бы дѣтей малыихъ,
Малыихъ, да малёхонькихъ,
Глупыйхъ, ненаучёныихъ.
Изъ тюремъ да выкупаются,
Изъ орды люди выходятъ,
И изъ солдатовъ выслужаются;
Такъ стану ждать я дожидатися,
Все тебя да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Съ грозной службы, Государевой.
Еще слушай, лада милая,
Закажу тебѣ, горюшица,
Я тебѣ да челобитьиче,
Низкоѐ да поклоненыче,
Со краснымъ да солнцемъ праведнымъ:
Умолёно красно солнышко,
Ужъ ты солнце мое праведное;
Ужь ты свитишь ты на весь бѣлой свѣтъ;
Такъ освѣти-тко ладу милую,
На чужой на дальной сторонѣ,
Въ грозной службѣ Государевой.
Умолёное красно солнышко,
Ты краснишь да солнце красное,

Ты на всю да подселенную,
И на всѣхъ народъ-да людей добрыихъ;
И ты окрась да красно солнышко,
И ты мою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Во полкахъ да солдацкіихъ,
Въ городахъ да ты во дальныихъ,
Во дальныихъ да во украйныихъ.
Ты скажи-тко, красно солнышко,
Отъ меня да челобитьице,
Низкоѐ да поклоненьице,
Отъ меня да отъ горюшицы,
Отъ вдовы да горегорькія.
Какъ я живу-то же, горюшица,
Безъ тебя мой, лада милая,
И потише воды быстрыя,
Пониже травоньки шелковыя;
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Безъ тебя мой, лада милая,
Оскорбила личе бѣлое,
Помутилися отъ слезъ да очи ясные:
Помѣшалъ-то умъ со разумомъ;
Безъ тебя мой, лада милая,
И не краситъ на меня да красно солнышко,
И не свититъ на меня да младъ свѣтёлъ мисяцъ;
Безъ тебя мой, лада милая,
Безъ тебя, лада любимая,
Самъ ты знаешь, лада милая,
Што не красёнъ да день безъ солнышка,
И не свѣтла да ночь безъ мисяца;
Такъ ужъ какъ я то ли, горюшица,
Терплю да горе-кручину,
Безъ своея да лады милыя;
Терплю обидушку великую,
Худое слово понапрасное,

Безъ тебя мой, лада милая.
Кабы былъ ты, лада милая,
Не далъ бы ты въ обидушку великую,
Ты меня горюху бѣдную,
Со своимъ да дитёмъ малымъ.
Съ малымъ да малёхонькимъ.
Я пошлю тебѣ, да лада милая,
И еще да челобитьице.
Низкоѐ да поклонецьице,
Я по матушкѣ быстрой рѣки,
Я къ своей да ладѣ милой;
Въ города-те да во дальные.
Во дальныѐ да во украйные.
Во полки да во солдацкіе,
Я къ своей ладѣ любимоей
Ты рѣка ли моя ричепька,
Ты рѣка ли моя быстрая;
Ты скажи-тко челобитьице,
Ты моей ли ладѣ милоей,
Ладѣ милоей любимоей:
Ужъ какъ подходитъ Господнёй Праздничекъ,
На родимой на сторонушкѣ,
И твои-те соколы-братья милые,
На веселѣ и на радостяхъ,
Сдобляются да въ платье цвѣтное;
И мои-те милые невѣстушки,
Сдобляюци въ платье цвѣтное,
Въ платье цвѣтное шелковое,
На веселѣ и на радостяхъ.
Ужъ какъ я то ли, горюшица,
Вдова солдатка горегорькая,
Надѣваю я, горюшица,
Троурà на себя черные,
Черные да неражіе;
Да пойду то я, горюшица,

Ко Божьей церкви соборной,
Не на весельѣ, не на радостяхъ,
Со своимъ я горюцíмъ слезамъ:
Какъ бы былъ ты, лада милая,
Въ своемъ домѣ благодатномъ,
Такъ и я—то бы горюшица,
О Господнемъ-то о праздничкѣ,
Была все вéсела на радостяхъ;
А какъ теперь-то я, горюшица,
Нѣтъ тебя да лады милыя,
Нѣтъ тебя лады любимыя,
Хоть пойду, горюха бѣдная,
Хоть и ко Божьей церквѣ соборной,
Я повися буйну гóлову,
Потупя да оци ясные,
Я во матушку сыру землю.
Какъ помолюсь да Богу Господу,
Ужъ я первый поклонъ пóложу,
За царя за благовѣрнаго,
И еще поклонъ я пóложу,
За царицу благовѣрную;
Я еще же поклонъ пóложу
За царéвыхъ за малыхъ дѣтéй;
Я еще же поклонъ пóложу,
За всю службу Государеву;
Я еще да поклонъ пóложу,
За свою да ладу милую,
Ладу милую любимую,
Штобы Господи помиловалъ,
Великой Царь его пожаловалъ,
Умолённую ладу милую.

2. Ирины Ѳедосовой.

Жена держитъ младенца трехнедѣльнаго, а въ рукахъ ведетъ двухгодоваго и воетъ:

Мнѣ пойти было, кручинной головушкѣ,
Мнѣ по сухому, горюшицѣ, по деревцу,
По высокому, побѣдной, мнѣ по терему,
Мнѣ ко милоей надежноей сдержавушкѣ;
Вѣдь дивуютъ мнѣ-ка добры столько людушки,
И вси приближни спорядовыи сусѣдушки:
И што я отдали стою, бѣдна, чужаюся,
И все своей да я надежноей головушки,
И я со малыма дѣтьмы да забавляюся;
И видно, въ Божіей-то я церквы не стояла,
И на главы златыхъ вѣнцовъ я не держала,
И знать, Господняго креста не цѣловала;
И знать, головушка моя да безкручинная,
И утробушка моя да безпечальная.
И кабы знали многи добрыи бы людушки,
Какъ што дѣется въ моемъ да ретливомъ сердчѣ;
И я не люлечку, горюшица, качаю,
Я горючима слезама обливаюся;
И я не съ малымъ бладенцемъ утѣшаюся,
И я великоей кручиной убиваюся.
Какъ сегодишнимъ Господнимъ Божіимъ денечкомъ.
И у меня да побѣдной у головушки,
Потерялся бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей,
Умъ—тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается.
И порастроньтесь-ко народъ да люди добрыи,
И вы приближны спорядовыи сусѣдушки!
И мнѣ пройти, бѣдной, кручиноей головушкѣ,
И мнѣ ко милоей надежноей сдержавушкѣ:

II не со златомъ вѣдь иду да я не съ сéребромъ,
II не со скатнымъ перебраннымъ иду жемчугомъ;
Я иду, бѣдна, съ злодѣйноей обидушкой,
II я съ неносноей злодѣйноей тоскичушкой:
Я несу-веду сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Я къ своей милой надежноей сдержавушкѣ:
II ты возьми, бѣдной, на бѣлыи на рученьки,
II ты сердечныихъ рожоныхъ малыхъ дѣтушекъ
II приложи да ко ретливому сердечушку,
II ты къ печальному ко блёклому ко личушку,
II приносли́ди нопьку ты до норы-времечки:
II какъ што сдѣется, надежная головушка,
II на кого сиротъ безсчастныхъ поставишь насъ,
II хто возро́ститъ-то безсчастныхъ нашихъ дѣтушекъ,
II хто вѣдь прѝзритъ-то сиротъ да безпрїютныхъ?
II горевать будетъ побѣдной мнѣ головушкѣ,
II сиротать будетъ безсчастнымъ нашимъ дѣтушкамъ;
II коковать буде побѣдной мнѣ кокошницѣ,
II во обидѣ жить—безсчастнымъ дѣтямъ малымъ.
II безъ тебя да безъ надежноей головушки,
II безъ великаго родительска желаньица,
Хоть повóзрастутъ сердечны мои дѣтушки,
II по фатерушкѣ бѣдны станутъ похаживать,
II на меня бѣдну горюшицу поглядывать,
II ты послушай свѣтъ-надежная головушка:
Хоть останутся тамъ братьица родимыи,
II не надія мнѣ, побѣдноей головушкѣ,
II не приберёгушка сердечнымъ нашимъ дѣтушкамъ;
II хоть желанны живутъ дядюшки—не батюшки,
II хоть спацли́вын вѣдь дяденьки—не матушки;
II будутъ дѣтушки сиротны—самовольныи.
II все солдацкїи оны да безупёмныи.
II все я думала, печальная головушка:
II какъ до этого учётна до́лга годышка,
II я жила, бѣдна горюша, радовалася.

II што во доброй во крестьянской живу жирушкѣ,
II за разумноей надежноей головушкой:
II не началась я горюша, не падѣялась,
II надъ собой да я великоей незгодушки,
II я разлукушки съ надежноей сдержавушкой.
II разставаньица со малымa сердечнымa со дѣтушкамъ.
II мои думушки теперечко безсчастныи,
II горьки мысли столько женски не талашныи;
Не по думушкамъ моимъ да дѣло ставится,
II не порозмысламъ моимъ да все збывается.
II пошли годышки теперь да все бѣдовыи.
II времена пошли теперь да потрусливыи,
II какъ часть пошли наборы Государевы,
II запасно̀й да этой силой забираются,
II все по выбору бурлаковъ выбираютъ
II во злодѣйну эту службу Государеву;
II матерей да съ сыновьями разлучаютъ,
II молодымъ женамъ съ мужьямы разставатися:
II какъ што дѣтся надъ милоей, надежноей сдержавушкой,
II у меня да у печальной у головушки,
II не порой да моя молодость прокатится,
II во горя̀хъ скоро головушка состарится—
Да какъ ростячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Во сиротскоей безсчастноей во жирушкѣ,
II во великой во злодѣйной во обидушкѣ.
II вы послушайте, сусѣди спорядовыи.
II не дивуйте мнѣ, печальноей головушкѣ,
II што частёшенько къ надёжѣ не подхаживаю,
II я у праваго плеча да не усиживаю;
II говоритъ да мнѣ надёжная головушка,
II безъ народу говоритъ да людей добрыихъ:
II уговаривать побѣдну потихошенку,
II уласкать меня, горюшу полегошеньку:
«II не тоскуй бѣдна̀ жена—семья любимая,
«II не пролей, бѣдна горюша, горючѝ слезы,

«И какъ расплачешься, побѣдна, розгорюешься,
«И какъ бѣдно мое сердечко ростоскуется:
«И не придай же ты назолушки къ молодецкому сердечушку.
«И къ моей зяблоей безчастноей утробушкѣ;
И кабы знала, ты безчастна молода жена
И какъ долить да все несносная обидушка—
И какъ меня да вѣдь безчастна добра молодца:
И столько глядячи на безчастныхъ моихъ дѣтушекъ,
И смотрячи да на безчастны твои слезушки.
И у меня да у безчастна добра молодца,
И ныватъ да все ретливое сердечушко,
И перетрескала побѣдная утробушка;
И тебя жаль бѣдной, безчастной молодой жены,
И мнѣ сиротныхъ безчастныхъ своихъ дѣтушекъ.
И говорить еще надежна мнѣ головушка,
И ублаждать меня, любимую семеюшку;
И буде Господи Владыко не помилуетъ,
И отъ злодѣйной да отъ службы Государевой;
И може, дастъ Господь талану да мнѣ участи,
И мнѣ-ка жить-служить во службѣ Государевой:
И я возьму тебя жену, семью любимую,
И со сердечныма возьму да я со дѣтушкамъ,
И вѣкъ—мы пойдемъ-то, горюша, коротать съ тобой.
И будемъ вмѣстяхъ мы, побѣдныи таскатися.
И ростить да мы сердечныхъ станемъ дѣтушекъ.
И еще слушайте, народъ да люди добрыи:
И какъ со милой со надежной со головушкой
И мы не сномъ да темну почку коротаемся.
И мы горючима слезама обливаемся,
И столько думаемъ, побѣдны, думу крѣпкую:
И тутъ онъ возьметъ-то сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И съ горя на—свои безчастны бѣлы рученьки.
И прилагае онъ ко блеклому ко личушку,
И прижимае ко ретливому сердечушку:

И малы дѣтушки всю ночь не успокоятся,
И на бѣлыхъ рукахъ они не спотѣшаются,
И у бландечиковъ утроба розжигается,
И ретливо̀ сердче вѣдь кровью обливается,
И что родитель въ путь дорожку отправляется,
И во злодійну эту службу снаряжается.

Къ мужу—рекруту:

И ты послушай, свѣтъ-надёжная головушка,
И мы повзыщемъ свѣтъ желанныихъ родителей,
И мы корить будемъ сердечушко покорное,
И мы головушку клонить будемъ поклонную,
И мы приклонимъ-то бладенца тринедѣльнаго,
И мы во рѣзвыи родителямъ во поженьки:
И не спахну́тся ль оны, да не сжалуются ли,
И по тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И по обидныихъ сиротныхъ своихъ внучатокъ;
И може, взыщутъ-то названо себѣ дитятко,
И оны на́ймутъ-то бурлакушка все вольнаго,
И слободя́тъ тобя бурлацкую головушку.
И отъ злодійноей отъ службы Государевой;
И буде, нѣтъ вкрутѣ его да не находится,
И такъ бы съѣхали ко городу Петровскому,
И тамъ напили бы-то судей неправосудныихъ,
И задарили бъ золотой казной безсчётноей,
И што бъ тобя, мою надежную головушку,
И все не припяли бъ во службу Государеву.

Падаетъ родителямъ въ ноги и продолжаетъ:

И ужъ вы слупайте, желанны свѣтъ-родители!
И вы не спомните-тко зла да нашей лихости!

И пожалійте сиротъ малыхъ нашихъ дѣтушекъ,
И мою милую надёжную сдержавушку;
И почитать буду я васъ да богодапыихъ родителей,
И устилать буду пухову вамъ перипушку,
И утоплю да тёплы парны про васъ баенки,
И столько вы, да свѣтъ желапиыи родители,
И сберегите-тко-вы, красное мое солнышко,
И мою милую надежную сдержавушку,
И отъ злодійной этой службы Государевой.
И знаю и вѣдаю, кокоша горегорькая,
И у васъ добрая крестьянская вѣдь жирушка,
И все довольны беззаботны с вѣдь хлѣбушки,
И у васъ есть да золота казна безсчётная;
И вы отпу́стите побѣдну какъ головушку,
И во злодійну эту службу Государеву,
И дивовать да будутъ добры столько людушки,
И попрекать да васъ спорядны сусѣдушки,
И што спустили вы во службу Государеву
И сердечное рожоно свое дитятко,
И обсиротили вѣтляну вы нешутушку,
И со стадушкомъ вѣдь вы да со дѣтиныимъ,
И порозгнѣвали рожоно ваше дитятко,
И вы на вѣки-то его да нерушимыи.
И вы глядите-тко, желанны свѣтъ-родители,
И на свое да вы рожоно мило дитятко,
И на мою да вы надежную головушку!
Ужъ онъ держитъ-то безсчастныхъ своихъ дѣтушекъ,
И на своихъ носитъ безсчастныхъ бѣлыхъ рученькахъ,
И по фатерушкѣ, надёженька, похаживатъ,
И малымъ дѣтушкамъ въ горяхъ да выговаривать:
«Ой, безсчастныи вы дѣти—не таланныи!
«Уже въ комъ искать велико вамъ желаньице!
«Отъ кого да ждать прелестныихъ словочушекъ.
«И отъ дѣдушка, знать, вамъ да не желаньице,
«И отъ бабушки—вѣдь вамъ да нерадѣньице.

Къ братьямъ мужа:

И покорю, бѣдна, сердечушко покорное.
И я побѣдную головушку поклонную,
Я ко милымъ свѣтамъ братцамъ богоданнымъ.
И при тоби корюсь, надёжная головушка,
И при собраныхъ корюсь да сродчахъ сродничкахъ.
И при всихъ да при спорядныхъ сусѣдушкахъ:
И не спокиньте-тко побѣдную головушку,
И не обидьте-тко сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И хоть я съѣду, бѣдна, къ городу Петровскому,
И со своей милой, надежной сдержавушкой,
И поостанутся сиротны наши дѣтушки,
И во своемъ да тепловитомъ они гнѣздышкѣ:
И малёшеньки вѣдь дѣтушки, глупёшеньки.
И какъ не вѣдаютъ безсчастны сиротиночки,
Как про эту про великую незгодушку.
Што разлукушка съ родителемъ со батюшкой.
И разставаньице съ великимъ желаньицемъ.
И не спокиньте-тко сироть вы безпріютныихъ,
И да вы грубымъ словечкомъ не грубите-тко.
И отъ дубова вы стола не откажите-тко.

Мужъ-рекрутъ къ братьямъ:

Ужъ вы слушайте-тко братьица родимыи,
И хоть я сойду-то во службу Государеву,
Не нанемиченъ иду да не охотиченъ,
И не забравши золотой казны безсчётноей,
И не-запродавши бурлацкую головушку;
Я за васъ иду вѣдь братьицевъ родимыихъ.
И такъ воспомните-тко, братьица родимыи,
И не обидьте сироту да молоду жену,
И все послѣ меня безсчастна добра молодца:

И приголубьте-тко сердечныхъ моихъ дѣтушекъ.
И воспитайте ихъ до полнаго до возрасту,
И не спустите-тко по мі́ру ихъ крещоному.

Онъ же къ женѣ:

И ты послушай-же безсчастна молода̀ жена:
Ужъ какъ ростячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки,
И много множество кручинушки наскопится,
И во твою да во побѣдную головушку;
И какъ живучи безъ надежноей сдержавушки,
И не по силушкѣ крестьянская работушка,
И не по розмыслу великая заботушка;
И приходить буде разли́вня красна ве́снушка,
Какъ повытаютъ снѣжечки со чиста̀ поля̀,
И повынесе ледочки изъ синѝ моря̀,
И роспечетъ да тепло-красно когда солнышко,
И ты возми да сиротъ малыхъ своихъ дѣтушекъ,
И ты ко славному ко кру́тому ко бережку,
Да ты сядешь на катучей бѣлой ка́мешекъ,
И будешь го́рьки, бѣ́дна, слёзы проливатъ,
И малыхъ дѣтушекъ къ сердечку прижимать;
И тутъ повыскажешь великую кручинушку,
Ужь ты этому катучу бѣлу камешку,
И рути̇̀ слезушки, горюша, во синё море,
Што не знали бы вѣдь добры эты людушки,
Гдѣ была, бѣдна горюша, съ дѣтмы плакала,
И розсказала жъ гдѣ великую кручинушку,—
И не прознали бъ свѣты братцы богоданыи;
И до своей люби̇̀, горюшица, наплачешься,
И ты печальныимъ сердечкомъ принатѣшишься:
И ты глядить будешь, горюша, на синё море,
И ты наглядывать, горюша, чорныхъ ка́раблей,

И ты спровѣдывать горюша у матросушковъ,
И про свою да про надежную сдержавушку,
И про безсчастнаго солдатушка походнаго.
И ты послушай-ко любимая семеюшка:
И оставляю я сиротымъ малымъ дѣтушкамъ,
И родительско свое да все желаньице,
И со правой руки оставлю я злачѐнъ перстень
И отъ сердечка опояску Новгородскую,
Имъ на память свос цвѣтно это платьице,
И какъ тебѣ бѣдной безсчастной молодой жены,
И съ ногъ сапоженьки свои да я козловыи,
И ты держи, бѣдна горюша, съ осторожностью,
И ты гляди, бѣдна горюша, точно на-мужа,
И тебѣ на-вѣки останется обуточка,
И на великое тебѣ да поляженьице:
И какъ придетъ да вѣдь Владычной Божій праздничекъ,
И ты возмѐнь, бѣдна безсчастна, мое платьице,
И молодецкую спорядную покрутушку,
Ты со стопочки сапоженьки козловыи;
И какъ свѣты—брáтьица по праздничкамъ розойдутся,
И какъ сестрицы по гульбищечкамъ разъѣдутся,
И единà да ты съ дитямы поостанешься;
И кладешь платьице на столъ да на дубовой,
И малыхъ дѣтушекъ на безсчастны возмешь ученьки,
И ты по цвѣтну будешь платьицу подрачивать,
И станешь малымъ дитямъ да выговаривать:

. . . . . .

Еще слушай же сиротна молодà жена:
И какъ во эту сóйду службу Государеву,
И ты пиши мнѣ скорописчаты грамотки,
И ты уписывай сиротское живленьице,
И о своихъ да о несчастныхъ малыхъ дѣтушкахъ;
И буду на-вѣсти безсчастной доброй мóлодецъ,
И я не въ дальной безъизвѣстной сторонушкѣ,
И не за славнымъ, я за синiимъ за морюшкомъ.

II я къ тебѣ буду безсчастна молода жена.
II я писать же скорописчаты грамотки.
II присылать да я сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ,
II буду низкой я поклонъ да челобитьица,
II все родительско вѣдь имъ благословленьице,
II въ собину да челобитное поклоньице,
II тебѣ милой семьѣ своей любимоей.

Жена къ мужу рекруту:

II ты послушай-ко, надежная сдержавушка,
II не ласкай меня, побѣдну, не убалживай,
II миѣ-ка такъ, бѣдной горюшицѣ, тошнёшенько
II поразстаться съ тобой, красно мое солнышко,
II съ дорогой милой скачоной жемчужинкой;
II моя трескае безсчастная утробушка,
II унывать мое ретливое сердечушко,
II столько глядячи на милую сдержавушку;
II хоть меня да ты, побѣдну, пріимашь;
II самъ горючи свои слезы проливашь,
II вопотай да отъ безсчастноей головушки,
IIто не видла бъ я, горюша, молодецкихъ слёзъ;
II ты послушай же, мижеиьско мое солнышко!
II не жалій меня печальноей головушки;
II со кручинушки смерётушка не приде,
II со тоски у мия душа съ грудей не выдетъ;
Хоть текутъ горючи слезы-не жемчужныи,
II мое лйцо, у безсчастной—не бумажное;
II миѣ-ка жаль-тошно, побѣдноей головушкѣ,
II тебя умной жаль надежноей сдержавушки.
II когда прежъ сего до этой поры-времечки,
II до студёноей холодной этой зимушки,
II у тебя да у скачоной у жемчужинки,
II красота въ лицу была, какъ красно солнышко,

И бѣлота была у свѣта-спѣжку бѣлаго,
И были умныи учливы розговорюшки;
Вдругъ какъ сдѣлалась велпкая пезгодушка,
И объявляли листъ бумаженьку гербовую,
И прочитали какъ указы Государевы,
И объявили злодѣй—службу завоенную,
И какъ со той поры у насъ да съ того времечки,
И со мірской сходки, нашъ свѣтъ, да со собраньица.
И когда съѣздилъ ты на обчество собранос,
И получилъ да когда жеребья дубовыи,
И какъ пріѣхалъ въ домъ крестьянску свою жирушку,
И становилъ да ты ступистую лошадушку,
И ты у этого крылечика перёнаго,
И я повышла все печальная головушка.
И тебя стрититъ, свѣтъ, на широкой па уличкѣ,
И на крылечикѣ тебя да на перёноемъ,
Што бъ вѣдь сдѣять съ тобой доброс здоровьице.
И все порóспросить вѣдь милую семеюшку:
И ты со радостью ль пріѣхалъ со весельицемъ?
И я сгляпула какъ, кручинная головушка,
И на тебя, да тепло-красное мое солнышко,
И на твое да молодецко бѣло личушко,
И я увидѣла, печальная головушка,
Што смѣнилося бурлацко твое личушко,
И помутнлись молодецки твои очушки,
И на головушкѣ кудерки развѣвалися,
И ужъ ты пьянъ-не-пьянъ, мой свѣтушко, шатаешься.
И говоришь—съ тоски, побѣдной, ты мѣшаешься,
И воспроговоришь ты мнѣ-ка таково слово:
«И ты послушай-ко жена бѣдна - безсчастная,
«Я не съ радости иду да не съ весельица,
«Со злодѣйпоей великосй тоскичушки,
«И меня обчествомъ, жена, да выбирали,
«И на гербовой листъ бумажеиьку писали.
«И буде – вирите, народъ да люди добрыи,

И да мнѣ-кова печальноей головушкѣ:
И подломился тутъ рѣзвы мои ноженьки;
И пріужахнулось ретливое сердечушко;
И закатился тутъ катучій бѣлый ка́мешекъ,
И на моемъ да на безсчастноемъ сердечушкѣ;
И на сердцѝ студитъ зима у меня студёная,
И умъ—тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей теряется;
И какъ не носятъ съ горя рѣзвы мои ноженьки,
И не глядятъ на свѣтъ побѣдны мои очушки,
И съ горя рученьки безсчастны примахалися.
И какъ со этоей поры да столько времечки—
И онъ—милая, надежная сдержавушка,
И онъ не кушалъ столько ѣствушекъ сахарніихъ,
И не испивалъ да вѣдь онъ питьицевъ медвяныихъ;
И хотя жъ сядемъ мы за столъ да хлѣба кушать,
И поросплачемся, побѣдны, ростоскуемся;
И хоть сидимъ да со сердечныимъ со дѣтушкамъ:
И я держу въ рукахъ бладенца тринедѣльнаго,
И мы на дýдруга, безсчастныи, поглядаемъ,
И мы на малаго бладенца-то посматриваемъ;
И сговорю, бѣдна горюпа, таково слово,
Я своей милой, надежноей сдержавушкѣ:
«И куды бѣдна съ бладенцомъ поостануся,
«И ужъ я ка́къ бѣдна – побѣдна воспитаюся.
И мы великой тутъ кручиной напитаемся,
И мы горючима слезама напиваемся;
И хоть повыдемъ съ за стола да съ за дубоваго,
И ужъ мы сядемъ на брусову бѣлу лавочку,
И тутъ мы схватимся съ надежноей головушкой,
И да я сды́ну тутъ безсчастны свои рученьки,
И на безсчастны на могучи его плечушка,
И на печальну молодецкую головушку,
И стану жалобно-уныло причитать;
И какъ у мо́ей у надежноей сдержавушки

И ростоскустся ретливое сердечушко,
И роспечалится безсчастная утробушка;
И унимать стане побѣдну, уговаривать,
И онъ меня да вѣдь кокошу горегорькую;
«Ты послушай-ко, побѣдна, молода жена,
«И ты не впáдайся въ великую кручинушку;
«И как посли меня безсчастна добра мóлодца.
«И поостанутся сердечны тобѣ дѣтушки.
«И на роздiй теби великоей тоскичушки.
И ужъ какъ мнѣ-ко-ва печальноей головушкѣ.
И не на радость мнѣ-ка дѣтушки великую,
И на злодiйную великую кручинушку:
И какъ што сдiется, надёжная головушка,
И надъ тобой да тепло-красно мое солнышко,
И по горѣмъ да на-бъ пойти мнѣ-ка, по пóзорамъ.
И со сердечнымма со малыма со дѣтушкамъ.
И кабы знала я, горюна, про то вѣдала,
ИИто безъ тебя жить безъ надежноей сдержавушки.
И провожать да мни бéзсчастну свою молодость.
И я въ Божiей-то вѣдь церквы не стояла бы,
И я закону бы вѣдь е не принимала бы.
И я со волюшкой, горюна, не разсталась бы,
И со бладымъ сыномъ съ тобой я не спозналась бы.
И лучше жúла бы во красныхъ еще дéвушкахъ.
И у своихъ да свѣть-желанныихъ родителей:
И знать, судьба да у горюшицы безсчастная,
И написалась мнѣ-ка жизнь да не талашная.
И быди прокля эта служба Государева!
И разлучать да многихъ добрыхъ столько людушекъ.
И какъ бурлакушковъ вѣдь е да съ молодой женой.
И вѣдь жива эта разлука пуще мертвой:
И три дни клубышкомъ, горюшица, каталася;
Такъ—тошнò—больнò ретливому сердечушку
И поразстаться мни со краснымъ тобой солнышкомъ.
И еще слушай же, надежная сдержавушка:

И какъ што сдѣется, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И тебя вóзмуть какъ во службу Государеву,
И не оставь меня печальной головушки,
И свѣтамъ-братьицамъ безсчастну на обидушку.
И малыхъ дѣтушекъ своихъ на поруганьице;
И ты придай да ума разума въ головушку,
И какъ вѣдь жить буде побѣдной мнѣ головушкѣ,
И безъ тебя, да тепло-красно мое солнышко;
И какъ по этой разливной красной вéснушкѣ,
И будутъ нáхари на чистыихъ на полюшкахъ.
И сѣвчи́ да на роснашистыхъ полосушкахъ,
И пойдýтъ счáстливы женьи да все таланны,
Какъ со своима со надежныма головушкамъ,
И все по трудной по крестьянской работушкѣ:
Ужъ какъ я бѣдна безсчастная головушка,
И ходить буду по хоромному стросьицу,
Изъ окошечка въ окошечко поглядывать,
И на прогульну буду уличку посматривать,
И унывать буде безсчастное сердечушко,
И разрывать да буде зяблую утробушку;
И съ горя брошусь я, печальная головушка,
И ко безсчастнымъ сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ.
И съ тоски вóзму ихъ на бѣлыи на рученьки,
И сговорю, бѣдна кручинная, словечушко:
«И вы пойдемте сироты да милы дѣтушки,
«И вы на трудную крестьянску на роботушку,
«И вмѣсто свóего родителя вы батюшка,
И малы дѣтушки безсчастны, какъ малёшеньки,
И оны разумомъ вѣдь дѣтушки глупёшеньки,
И точно бѣлочки въ глаза ко мнѣ погля́дають,
И не толкують-то безсчастну розговаривать:
У меня жъ тутъ у побѣдной у головушки;
И мое рвуци-рветъ ретливое сердечушко.
И столько глядяци на малыхъ этыхъ дѣтушекъ!
И безъ тобя, да какъ миженьско, красно солнышко,

И все безъ милой надежной сдержавушки,
И мнѣ пойти да на крестьянскую роботушку,
И поставить на-бъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И принести покоръ богоданой надо матушкѣ:
«И ты останься-ко съ безсчастными со дѣтушкамъ.
«И не обидь да ты сиротъ-то горегорькихъ,
«И такъ печальныи—обидны мои дѣтушки,
«И все безъ свóего родителя безъ батюшка.
И хоть повыду я въ раздолье во чистò поле,
И спомяну да тебя, красно мое пá—золотѣ:
И на этыхъ я поляхъ да хлѣбородныихъ,
И на этыхъ я лужкахъ да сѣнокосныихъ,
Гдѣ ходила я съ надежной головушкой,
И я по трудной по крестьянскоей роботушкѣ,
И съ весела̀ да красно лѣто провожала
И за гульбищечко дорожку коротала!
Гдѣ мы думали вѣдь крѣпку съ тобой думушку,
И говорили гдѣ затайныи словечушка,
И на которомъ мы сидѣли бѣломъ кáменкѣ,
И подъ которой подъ сахарной деревиночкой;
И къ деревиночкѣ приду я потоскую,
И на катучемъ бѣломъ кáменкѣ поплачу;
И возжидать буду, печальная головушка,
И тебя, милую любимую семеюшку,
И прокорóтаю, побѣдна, день до вечера,
И до закату тепло-краснаго я солнышка;
И по домамъ да всѣ сусѣды убираются,
И со чистà поля оны да разъѣзжаются,
А я ждать буду надёжную головушку:
«И появись хоть, тепло-красное мое солнышко,
«И мнѣ въ потай, бѣдной горюшѣ, потихошеньку,
«И пріобрадуй-ко ретливое сердечушко:
«Хоть въ солдацкомъ появись да мнѣ-ка платьицѣ.
«Хоть съ оружьицемъ приди да завоеныимъ.
«И съ писталетикомъ приди да заружавнѣимъ;

«Не убоюсь, бѣдна горюша, не сполóхаюсь,
«И я не бѣглаго солдата не походнаго,
«И съ тобой сдїю, бѣдна, доброе здоровьице,
«И тутъ порòскажу велику всю кручи́нушку,
«И про своихъ да про безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ;
«И тутъ мы ду́-другу, побѣдны, пороскажемся,
«И посидимъ, бѣдны печальны, посовѣтуемъ.
Всё раздумаюсь побѣднымъ умомъ-разумомъ,
И я безсчастныма мысля́ма не таланныма:
И теперь годышки вѣдь е да все не прежнiй,
И времена, пошли теперь да не досюльнiи;
И нонь не у́йдешь-ты, солдатъ, да не дѣваешься,
И на родимоей сторонкѣ не покажешься;
И отецъ—матушка теперь да отпираются,
И столько родъ—племя теперь да отрѣкается.
И ты послушай-ко, надёжная головушка,
И какъ признаю я горюша горегорькая,
Не откажусь я вѣдь, семья твоя любимая,
И отъ своей да отъ законной отъ сдержавушки,
И отъ тебя, да тепло—красно мое солнышко.
И нонь сегоднишнимъ Господнимъ Божїимъ дѐнечкомъ,
И во туманѣ пече красно теперь солнышко,
И во печали златокрылой ты ясенъ соколъ,
И во тоски, моя надежа, во кручинушкѣ:
И у меня да у безсчастной у головушки,
И разболѣла все безсчастна бу́йна гóлова,
И разгорѣлося побѣдно ретливò сердчѐ;
И нынь раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
И день ко вечеру теперь да коротается,
И часъ къ часочику теперь да придвигается,
И молода жена съ надёжой разставается;
И какъ меня, да вѣдь печальную головушку,
И все долитъ тоска кручина неудольная;
И безъ смолы моя утроба роскипляется,
И вси дубовыи мостинки подгибаются.

Къ матери рекрута:

И посудьячу я, кручинная головушка,
И на тебя, да богодана моя матушка:
И, знать, не всѣ ровны сердечны тебѣ дѣтушки,
И не до всихъ ровно́ великое желаньице;
И какъ моя милая надежная сдержавушка
И, знать, не дитятко тебѣ да не рожоное,
И на мою да ты любимую семеюшку,
И быдто ни́—звиря, родитель, ты поглядываешь;
И, знать, на радости вѣдь ты да на весельицѣ
И отрядишь да ты сердечно свое дитятко,
Ты ко праздничку ль его да ко Владычному,
Аль въ сердечное въ любимое гостибище,
Аль въ веселу путь широкую дороженьку,
Аль въ бурлакушки, родитель, его вольныи,
Аль по эту золоту казну довольную?
Знать, што при́— моей надежноей сдержавушкѣ,
И, видно, на́— полѣ у васъ да не родилося
И, точно, на́— дворѣ у васъ да не плодилося,
И золота казна у васъ, знать, не скопилася,
И разворилась, знать, крестьянска ваша жирушка.
И ты послушай, богодана моя матушка:
И посли мо́ей вѣдь надежноей сдержавушки,
Посли тво́его сердечнаго вѣдь дитятка,
И видно, улички содѐржите рядовыи,
И будутъ лавочки у васъ, вѣрно, торговыи,
И будутъ знать да многи добры вась вѣдь людушки,
И поклонятися сусѣди спорядовыи;
И какъ што сдѣется надъ моей да надъ законной сдержавушкой
И какъ тобѣ да богданой моей матушкѣ —
Не залучить да себѣ вѣчна поминаньица,
И вѣковѣчно тебѣ будетъ проклинаньице;

И буду гнѣвъ держать, печальная головушка,
И на тобя да богодана моя матушка,
Не пожалѣла што сердечно свое дитятко,
И моей милоей любимоей семеюшки.
И, знаю, вѣдаю, кокоша горегорькая,
И какъ разстанусь я съ надёжноей головушкой,
И какъ жить буду горюшица побѣдная,
И все у васъ, да богодана моя матушка,
Я не трудничкой вѣдь буду, не роботничкой
Я не легкой буду слыть да переменушкой,
И я не скорымъ, побѣдна, послушаньицемъ

Къ мужу:

И подойду да я съ злодѣйнымъ безсчастьицемъ,
Ужъ я взадъ да ко любимоей семеюшкѣ,
И наложу да я безчастны свои рученьки
И на его да я побѣдную головушку:
И при послѣди-то теперь да поры времечки.
И поглядите—тко, народъ да люди добрыи,
И какъ ликуюсь я съ надёжноей головушкой:
И не ликуемся, побѣдны, мы тоскуемся;
И ушибать да насъ злодѣйная тоскичушка
Съ тепло-краснымъ, мижеьскимъ моимъ солынкомъ:
И отъ меня да онь, надёжа, удаляется
И онъ за горушки, надежа, за высокіи,
И онъ за темныи лѣса да за дремучіи,
И далеко-то онъ за мхи да зыбучіи,
И онъ за круглыи за малыи озерынка,
И за синее за славно за Онегушко.
И жаль тошнёшенько, побѣдной мнѣ головушкѣ,
И порозстаться мнѣ съ любимоей семеюшкой,—
И отпущать да въ злодѣй—службу Государеву,
Мою милую надежную сдержавушку.

И лучше на́ свѣтѣ была—бы я не ро́жена
И родителью на свѣтъ да не попущена:
И не въ пору̀ мнѣ-ка разлукушка, не во́—время,
Розставаться съ тепло-краснымъ мнѣ-ка солнышкомъ,
И спознаваться со великїимъ безсчастьицемъ:
И какъ жива́ эта разлука пуще мертвой.
И спородила какъ родитель меня матушка,
И не участью таланомъ надѣляла,
И знать, злодійнымъ безсчастьемъ награждала,
И какъ на мою да на судимую сторонушку,
И впереди меня побѣдноей головушки,
И прїотправили желанныи родители,
Ужъ какъ это зло, великое безсчастьице
И на моей, знать, на судимоей сторонушкѣ
Ужъ на этомъ на крылечикѣ перёноемъ,
Кругомъ около злодійно обступало,
Всимъ беремечкомъ за меня да захватилося.
И какъ до этого учётна долга годышка,
И до этой до студёной холодной зимы,
Я жила, бѣдна горюша, веселилася,
И со надёжинькой жила да шковалася;
Я не вирила вѣдь добрымъ того людушкамъ,
Што бываетъ-то великая кручинушка:
Ужъ какъ сегоднышнымъ учётнымъ-то годышкомъ,
Вдругъ вѣдь сдѣлалась великая незгодушка,
И мни разкукушка съ надежноей сдержавушкой;
И впереломъ пришла велика мнѣ кручинушка,
И мать сыра земля подо мной да подгибается,
И отъ горючихъ слезъ слѣдочки заплываются;
И умъ-тотъ разумъ во всѣ стороны кидается,
И всѣ безсчастны горьки мысли разбѣгаются;
И я не знаю-то, горюшица, не вѣдаю,
И не могу да ума-разума примѣнитися,
И уже гдѣ да мни кручину разгуляти,
И уже гдѣ да мни головку взвеселити,

И мни куды да вѣдь отъ горя подѣватися?
И какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ дѣнечкомъ.
Я пойду, бѣдна, во у́личку рядовую,
И съ горя за́йду я во лавочку торговую,
И я куплю да тамъ оружіе завоспное,
И съ тоски стрѣлю я въ безсчастное сердечушко.
И съ горя жизнь, бѣдна-побѣдна, прикорочаю.
И тутъ раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Воспокинуть-то сердечныхъ надо дѣтушекъ—
И тутъ сама того, побѣдна, я сполохаюсь:
И материнское вѣдь сердце - не звѣрипое,
И дѣтиная тоска—не угасимая.
И лучше по́йду я съ великоей кручинушки,
И въ тёмны лѣсушка, горюша, я дремучіи.
И со обидушки во мхи да я дыбучіи;
И по раздію тамъ великую кручинушку,
И со сердечныма со малыма со дѣтушкамъ.
И тутъ раздумаюсь побѣдными своимъ разумомъ:
И хоть во этыхъ темныхъ лѣсахъ дремучіихъ,
И тамъ отъ вѣтрышка хоть дѐревца шатаются
И до сырой земли древа̀ да приклоняются,
И хоть шумятъ эты листочики зелёны,
И поютъ да тамъ вѣдь птички жалобнёшенько:
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится:
И во мхахъ да вѣдь вси звѣри поразвоются,
Оны Господу Владыкѣ порозжалятся—
И я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ,
И также я бѣдна горюша ростоскуюся;
И уже тутъ моя кручина не уходится.
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится.
И мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
И стать на горушки вѣдь мнѣ да на высокіи,
И выше лѣсушка глядѣть да по подпебесью?
Идутъ облачка оны да потихошеньку,

И во туманѣ нече красно это солнышко.
И во печали я, горюша, во досадушкѣ:
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится,
И краснымъ солнышкомъ оно да не согрѣется.
И мнѣ пойти съ горя ко синему ко морюшку.
И мнѣ ко синему со славному Онегушку?
И буйны вѣтры въ чистомъ полѣ развѣваются.
И на сине́мъ морѣ вода да сколыбается,
И со желтымъ пескомъ вода да помутилася,
И круто бьетъ теперь волна да непомѣрная,
И она бьетъ круто во кру́той этотъ бе́режокъ,
И по камешкамъ волна да розсыпается;
И уже тутъ моя кручина не уходится,
И уже тутъ мое сердечко не утѣшится;
И у меня тоска кручина порасходится
И на моемъ да на побѣдноемъ сердечушкѣ
И на безсчастноей на зяблоей утробушкѣ.
И постою, бѣдна, у си́ня славна морюшка,
И тутъ раздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И на роду̀ мнѣ-ка, горюшѣ, знать, уписано,
И на дѣлу̀ мнѣ-ка, горюшѣ, доставалося.
Ужъ какъ это зло великое безсчастьице:
И сиротать бѣдной кручинной мнѣ головушкѣ.
И унывать ходить ко си́ню, славну морюшку.
И тутъ я спомню, тепло-красно тебя солнышко.
И какъ волна да въ синемъ морѣ розшаталася,
И также ты, може, надёжная головушка,
И ты на ка́раблѣ въ синемъ морѣ шатаешься,
И бури — на́дары, надёженька, пугаешься:
И тутъ сердечушко мое да разгоряется,
Ужъ какъ сто́ячи на кру́томъ красномъ бе́режку,
Ужъ какъ гля́дячи на си́не славно морюшко.
И на этую погоду непомѣрную,
И на этую волну да страховитую.

И тутъ роздулаюсь побѣдным своимъ разумомъ:
Ужъ какъ бѣдным солдатамъ мореходным
И плотно-каменно ретливо на-бъ сердечушко
Да имъ ездить въ синемъ славномъ этомъ морюшкѣ.
И какъ на этыхъ на чорных больших ка́рабляхъ;
И какъ въ тую пору, горюна, въ тос времечко.
И стану Господа Владыку я упрашивать,
И все Святителю Миколѣ я молитися:
И укротись да сине славно это морюшко,
И успокойся-тко ретливое сердечушко.
Ой, тонным да мнѣ, горюшицѣ, тоншёшенько;
И мнѣ куды съ горя, горюшѣ, подѣватися?
И впереди меня кручина не укатится,
И позади меня обида не останется,
И посторонь она злодійна не отна́тется.

Къ народу: утромъ, на другой день.

И послушайте народъ да люди добрыи,
И вы приближнїи сусѣды спорядовыи!
И какъ сегодышнимъ Господнимъ Божїимъ де́нечкомъ,
И было утрось съ позараному по утрышку,
И все до раннеей зари да спорыданьица,
И до уныла соловьина воспѣванъица,
И у меня да у печальной у головушки,
И не приклонена въ сонъ буйна была го́лова.
И во всю тёмну ночь сердчё не успокоилось;
И какъ на этой на тесовой на кроваточкѣ,
И на унылой на пуховоей на перинушкѣ,
И на печальноемъ на складноемъ зголовьицѣ;
И хоть я со́—своей надежноей сдержавушкой.
И всю мы тёмну ночь, побѣдныи, продумали.
И всю осенну ночь безчастныи пролакали;
И у меня да у кокоши горегорькоей,

И не спокоилось побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
И разгорѣлась моя зяблая утробушка,
И говорило тепло-красно мнѣ-ка солнышко.
И моя умная надежная сдержавушка:
«Уже слушай-ка, безсчастна молода̀ жена̀:
«И не давай тоски ретливому сердечушку,
«И, може, Господи Владыко свѣтъ помилуетъ.
«И какъ меня да златокрыла ясна со́кола,
«И отъ проклятой этой службы Государевой,
«И отъ злодѣйныихъ полковъ да повобраныихъ.
И отвѣчаю я, побѣдная горюшица:
— И не жалѣй меня, кручинной ты головушки,
— И не ласкай меня прелестныма словечушкамъ,
— И не надѣюся, побѣдна я головушка,
— Што воротишься отъ города Петровскаго,
— И ты на́свою родимую сторонушку,
— И ты во свой да домъ, крестьянскую во жирушку,
— И большакомъ да вѣдь по дому настоятелемъ,
— И управителемъ крестьянской да ты жирушки.
— И мнѣ-ка жаль—тошно, сдовольной бѣлой свѣтушко,
— И мое чувствуе побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
— Какъ злодѣйную великую незгодушку,
— Што разлука съ тобой, красное мое на́-золотѣ,
И спомятую я, кручинна все головушка,
И какъ жила да я съ законной державушкой
И какъ ходила съ нимъ къ Владычнымъ Божіимъ праздничкамъ,
И завсегда была, горюша, весселёшенька,
И за стѣной жила, горюша, городо́вою;
И было честь—мѣсто вѣдь намъ да во большо́мъ углу.
И была хлѣбъ-соль да вѣдь намъ за дубовымъ столомъ,
И на насъ добрыи-то люди любовалися,
И какъ глядили на насъ родъ-племя любимое,
И прамѣчали-то судьѝ да правосудныи,
И съ нама сдѣяли вѣдь доброе здоровьице:

И чорны во́роны съ чиста поля не граяли,
И лиходѣи про горюшицу не баяли.
И какъ посли своей любимоей семеюшки.
И своей милоей скачоноей жемчужники,
И отмѣню, бѣдна, Владычны Божіи празднички,
И я заброшу-то безсчастно цвѣтно платьице,
И безсчастную любимую покрутушку;
И какъ што сдѣтся надъ краснымъ моимъ солнышкомъ,
Я къ огню придамъ тесовую кроваточку,
И я безсчастную пуховую перинушку.
И кабы знали многи добры про то людушки:
И у меня да у печальной у головушки,
И какъ огнемъ горитъ ретливое сердечушко,
И какъ смолой кипитъ безсчастная утробушка;
И жаль тошнёшенько свѣщи да истоплёноей;
И дорогой своей вербы да золочоноей;
И мни сахарной жаль изюмной ягодиночки;
И я бы вѣкъ да съ нимъ, горюша, не разсталася,
И я съ своимъ да то великімъ желаньицемъ,
И со своимъ да то великімъ доброумьицемъ;
И кабы не было сердечныхъ у мня дѣтушекъ,
И той-бы не́—было великоей заботушки;
И я пойду да поль, печальная головушка,
И я будить свою надёжную сдержавушку:
«Ты по выстань-ко любимая семеюшка,
«Ты со этой со те́совоей кроваточки,
«И ты съ безсчастной со пуховоей перинушки.
И пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И опъ послидною-то спалъ да теперь поченьку,
И во своемъ домѣ, крестьянскоей во жирушкѣ;
И на моихъ да на безсчастныхъ бѣлыхъ ручеськахъ;
И знать, не въ крѣпкой сопъ головушка приклонена,
И нынь по ранюму теперечко по утрышку,
И буйной го́ловы, мой свѣтъ, да не подыметь,
И отъ великоей кручины испомѣрноей:

И ушибать его тоскичушка несносная;
И жаль разстаться со родимой ему сторо́ной,
И поставить-то ему да молоду́ жену,
И как мня бѣ́дну горюницу безсчастную,
И со сиротныма со малыма со дѣ́тушкамь.

Къ мужу—рекруту:

Да ты слушай свѣ́ть любимая семеюшка:
И какь послѝ тебя, надежной сдержавушки,
И постанусь я, печальная головушка,
И не вдовой да буду слыть—женой не мужней,
И я безсчастною солдаткой горегорькою;
И сироты будуть солдацки мои дѣ́тушки,
И не обуты будуть рѣ́звы у ихъ ноженьки.
И не одѣ́ты ихъ безсчастны будуть плечушки:
И прїотпѣ́хнуть-то желанны столько дядюшки
И отъ стола да ихъ безсчастныхъ отъ дубоваго;
И прїоткажуть-то меня бѣ́дну горюницу,
И все отъ доброй отъ крестьянской меня жирушки;
И туть студеной холо́дной этой зимушкой,
И отпущу да я сердечныхъ своихъ дѣ́тушекъ:
И межу дво́рамы, горюша я, шататися
И по подоконью ихъ, бѣ́дна, столпатися:
И кладу на́—руку побѣ́дную бурлаченочко,
И на безсчастны на плечушки шубёночку;
И отпущу да какь побѣ́дна ихъ головушка,
И удолять стане великая кручинушка:
И проглядку, бѣ́дна, въ косѣ́вчато окошечко,
И на безсчастныхъ на малыихъ на дѣ́тушекъ:
И по раздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ,
И столько пустять-ли ихъ добры тамъ людушки.
И во хоромное ихъ пустять-ли строеньице.
И обогрѣ́ють-ли безсчастно ретливо̀ сердчѐ

II сиротъ малыихъ моихъ да безпріютныихъ;
II хоть ихъ обóбранять, безсчастныхъ, обругаютъ,
II у меня жь да у побѣдной у горюшицы,
II на три рядъ моя утроба перетрескас;
II хоть дождусь, бѣдна кручинна, я головушка,
II со пути идутъ безсчастны мои дѣтушки,
II со дороженьки оны да все холодны;
II хоть тамъ прúдутъ въ домъ хоромное строеньице,
II оны сядутъ-то о дверной бѣдной уголокъ,
II ростоскуются, безсчастны, пороспачутся,
II говорить станутъ побѣдной мнѣ головушкѣ:
«Што позябли крѣпко рѣзвы наши ноженьки,
«Што дрожитъ наше ретливое сердечушко;
II такъ съ кусочками я буду разбиратися,
II слезами я, горюна обливатися,
II прижимать стану къ безсчастной утробушкѣ,
II я своихъ милыхъ безсчастныхъ своихъ дѣтушекъ,
II причитать буду, горюшица, я причетью:
«Ой, безсчастны сердечны мои дѣтушки,
«II безталанна, бѣдна мать да горегорькая;
«II какъ-бы прú-дома родитель былъ-бы батюшко,
«II дорогá была, надёжпая сдержавушка,
«II не спрòтали бъ вы горькiи сироточки,
«II не зябли бы отъ снѣжку да ножки рѣзвыи,
«II отъ морозушку утроба бы не трескала,
«II отъ вѣтрышка личе не подвѣвало бы,
«II нась великая тоска не удоляла бы.
II какъ свезутъ да тебя, красно мое солнышко,
II ко злодíйному ко городу Петровскому,
II буде, вóзмутъ тамъ во службу государеву,
II обмундéря васъ въ мундеры сукопъ сѣрыихъ—
II не въ милое, солдацко это платьице,
II вамъ по выдадутъ оружьица военныи;
II тутъ схожу да я во уличку рядовую,
II тамъ возму да я бумажеиьку гербовую,

И повзыщу да писарєвъ тамъ хитромудрыихъ,
И тутъ спишу твое солдацко бѣло личушко.
И на патретъ твою покруту нелюбимую.
Я мундеръ спишу, горюша, суконъ сѣрыихъ.
И твои ясныи спишу, да бѣдна, очушки,
И тутъ солдацкое спишу да нареченьице;
И я свезу этотъ патретъ да все бумаженьку,
И на свою да на родиму я сторонушку,
На погляженьице сердечнымъ своимъ дѣчушкамъ.
И имъ на память-то родителя вѣдь батюшка;
И станутъ дѣтушки по комнаты похаживать,
И безсчастну меня матушку выспрашивать:
«И ты послушай-ко, родитель—наша матушка.
«И уже гдѣ наше великое желаньице,
«И гдѣ родитель-отъ вѣдь нашъ, да гдѣ е батюшко?
И у меня жъ тутъ у печальной у головушки
И тутъ великая обида порасходится,
И я схожу да въ мелкорублєную кѣточку,
И я во свѣтлую схожу да съ горя свѣтлицу,
И отомну съ горя ларци да окованыи.
Я новыну тутъ патретъ да бѣло личушко.
И принесу да ко сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ:
— И вы глядите, бѣдны дѣти, памятите-тко.
— И какъ на своего родителя на батюшка;
— И тутъ великое сердечное вамъ желаньице.
— И како да на родителѣ с платьице,
— И какъ сокручнь-то, безсчастной, обмундеренъ,
— И какъ подтянуто солдацкое сердечушко,
— И призастегнуты тутъ пуговки фрунтовыи.
— И тутъ повыданы оружьица нудовыи:
— И столько тутъ его участки деревенскіи.
— У вашего родителя у батюшка!
И какъ въ походъ его безсчастна снаряжала,
И онъ подалъ мнѣ-ка патретъ да личе бѣлое.
И наказалъ мнѣ-ка, горюшѣ, уговаривалъ:

И тутъ надїюшка съ сердечнымa со дѣтушкамъ,
И тутъ сердечное велико вамъ желаньице,
И тутъ великое вѣдь вамъ да доброумьице:
И оставляю я побѣдной молодой жены,
Я до возрасту безсчастной до дѣтнаго,
И тутъ довольны беззаботны тебѣ хлѣбушки,
Со сердечнымa рожеными со дѣтушкамь,
И тутъ обуточка видь вамъ да и надѣточка;
И теби—тутъ бѣдной любимыи подарочки,
И тутъ Владычнiи тебѣ да Божiи празднички;
И тебѣ тутъ бѣдной, горюшѣ, угощеньице,
И на великое тобѣ да погляженьице;
И ты весь день держи на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
И да ты въ ночь клади къ ретливому сердечушку,
И да ты по́дь – утро ко блеклому ко личушку,
И ты натреть клади да бѣло мое личушко;
И наликуешься, горюша натоскуешься,
И ты горючима слезама прiобо́льешься,
И не забудешь ты безсчастна добра мо́лодца,
И свою милую надёжную сдержавушку;
И хоть я прiняла, побѣдная головушка,
И я натреть да это бѣло его личушко,
И тутъ я пала вѣдь, горюша, о сыру землю,
И я не видла тутъ, горюша, свѣту бѣлаго;
И да я клубышкомъ, горюшица, каталася,
И я червышкомъ, побѣдная, свивалася;
И я не знала-то, побѣдная головушка,
И какъ съ сырой земли, горюша, подымалася,
И какъ съ надёженькой, побѣдна, разставалася:
И сговорила тутъ единое словечушко:
И лучше мать сыра земля да разступилась бы,
И ужъ бы я туды, побѣдна, прїукрылась бы,
И тутъ утробушка моя не обмерала бы,
И тутъ сердечушко мое не разрывалось бы.
И моя милая надежная головушка,

И тепло-красное миженьско мое солнышко,
И онъ тутъ бѣлыма то ручкама помахивалъ,
И онъ головушкой вѣдь мнѣ да все покачивалъ,
И онъ на память мнѣ словечушка наказывалъ.
И какъ жива эта разлука пуще мертвой:
И я бы лучше вѣдь, кокоша горегорькая,
И отпустила бъ его въ матушку сыру землю,
И чимъ во эту въ злодій—службу Государеву;
Я бы знала вѣдь, печальная головушка,
Гдѣ положена закопная сдержавушка,
И я бъ поставила тамъ крестъ животворящій:
Я бы по́-часту, горюшица, учащивала,
Я бы по́-долгу, горюшица, усѣживала
И съ соболѣзнымa съ сердечнымa со дѣтушкамъ.
И у своей да у падёжной у сдержавушки,
И я у сво́его мижеська красна солнышка.

Къ сосьдямъ и роднымъ:

Поглядите-тко народь да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи,
И вси сродчи вы теперь да мои сроднички!
И какова эта разлукушка великая,
И мнѣ со милосй съ надежносй сдержавушкой:
Охти мни—мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько!
И столько третей хоть учётной долгой годышекъ,
И я жила да за мосй милой любимосй семеюшкой;
И была умпая скачопая жемчужпика,
Все разумпая падежпая головушка;
Я вѣдь пьянаго, горюша, не видала,
Я хмѣльнóго у воротъ да не встрѣчала;
И я грубпаго словечка не слыхивала,
И я страсти вѣдь обиды не принимывала:
И я богатого сусѣда не боялася,

И маломошноей сусѣдкѣ не корилася;
Мнѣ-ка уличка ходить была—широкая,
И путь—дорожечка была мнѣ—ка торнёшенька;
Мнѣ поклонъ да былъ отъ добрыихъ отъ людушекъ,
И мнѣ почёть да былъ отъ мужнихъ отъ женушекъ;
И столько на три, знать, учётныхъ малыхъ годышка
И мни талану-то вѣдь было столько участи:
И какъ жила я за любимоей семеюшкой,
И какъ въ гостяхъ, бѣдна горюшица, гостила,
И быдто сыръ въ маслѣ, горюшица, каталася,
И какъ скачетъ жемчугъ, горюша, разсыпалася:
И три годышка прошли да не видаютца:
И знать, талань да мою участь-то великую.
И добры людушки талань да пріобаяли,
И черны вороны вѣдь участь пріиграяли,
И деревенскіи собаки пріоблаяли;
И столько мнѣ-ко-ва, кручиноей головушкѣ,
И супротивъ мнѣ-ка любимоей семеюшки,
И не прибрать да мнѣ, горюшицѣ, вѣдь не—видать,
И не изъ милыихъ сусѣдей спорядовыихъ
И не—въ роду мнѣ-ка, горюшицѣ, не въ племени,
И мни не возрастомъ, горюшицѣ, не волосомъ,
И не по бѣлу молоденкому по личушку,
И не по желтымъ завивнымъ кудерышкамъ,
И не учливой цвяковитой поговорюшкой.
И ни гдѣ нѣту-то вѣдь талоей талиночки,
И не въ комъ нѣту мнѣ великаго желаньица:
И какъ моя да свѣтъ любимая семеюшка,
И какъ во эту службу сойде Государеву,
И во безсчастныи солдатушки походныи,
И ихъ тамъ вышлютъ на сраженьице великое,
И воевать да со злодіемъ непріятелемъ;
И походить ступутъ солдатушки безсчастныи,
И понесутъ да оны ружья завосныи;
Што оружьица вѣдь ихъ да были бъ справлены,

II поскорёшеньку у ихъ да занаряжены:
II тутъ вѣдь крестъ кладутъ солдаты по писаному,
II исповѣдь даютъ попу отцу духовному,
II опы выйдутъ во раздольице въ чистò поле,
II тутъ поклонятся на всѣ на три сторонушки.
II сговорятъ бѣдны солдатушки безсчастны:
«II ты прости да насъ Русія подселенная,
«II ты прости да насъ се-свѣтное живленьице.
«II ты родимая прости да насъ сторонушка:
«Издали да вы простите бѣдны жонушки.
«II сироты. бѣдны, простите малы дѣтушки:
II столько нé-вѣсто вѣдь, свѣты, не вѣстёшенько.
II все кому да—буде нá—бою Божья милость,
II кого Господи Бладыко свѣтъ помилуетъ.
II онъ на страсти, на сраженіи на великомъ;
II хто живой да со войны-то ворочается:
II не могу да знать, кокоша горегорькая,
II столько судитъ ли Бладыка мнѣ-ка милосливой,
Што видать милу надёжную головушку,
II тепло-красное видать ли мнѣ-ка солнышко.
II все ни гдѣ да нѣту талоей талишочки,
II не въ комъ нѣту мни великаго желаньица.

Къ мужу—рекуту:

II ты послушай, свѣтъ—надёжная головушка,
II какъ послѝ да тебя, красно мое солнышко,
II поостануся, горюша молодёшенька,
II на словахъ да я. безсчастна, суровёшенька,
II на ричахъ да я, побѣднушка, спѣвая;
II ты придай да ума разума въ головушку,
II размышленьица въ безсчастно. ретливò сердчè:
Ужъ какъ въ нынѣшни года да въ это времечко.
Буде какъ мнѣ-ка горюша сохранятися;

И безъ тебя да безъ надёжиоей головушки,
И пройдс слóвечко про бѣду вѣдь несноспос,
И по-пусту́ да въ полѣ вѣтрышки навïются,
И по-напрасну чорны вóроны нагаются,
И добры люди про безсчастную пабаются;
И скажутъ вольная солдатка самовольная,
И уже такъ эта солдатка сбаловалася,
И прозабыла, знать, надёжную головушку,
И тепло-красное мижеиьско свос солнышко.
И еще слушай ты, любимая семеюшка,
И сожалѣю я, горюша горегорькая,
И все тебя, столько скачопую жемчужницу.
И хоть ты будешь тамъ во службѣ Государевой,
И може, буде тебѣ вольна столько волюшка,
И слободная пора да тебѣ времечко:
И напиши да скорописчатую грамотку,
И ты ко мнѣ пиши къ кручинпоей головушкѣ,
И въ кою пóру на сраженьице сбирастесь,
И когда вопны въ поли́ будутъ съѣзжатися,
И когда вороны въ чистомъ полѣ слетатися;
И упиши да мнѣ, надежная головушка,
И въ тую пору я горюша, въ тое времячко,
И заложу свою любимую покрутушку,
И наживу да золотой казны безсчётпоей,
И я куплю свѣщи, горюшица, рублевыи,
И пелены кладу, горюшица шолковыи,
Я Пречистой Пресвятой да Богородицѣ;
Я возму своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И тутъ мы сходимъ-то къ пому отцу духовному,—
И мы попросимъ-то служителя церковпаго –
И мы во эту Божью церковь посвященную:
И буду Господу Владыкѣ я молитися,
И штобъ Господи Владыко свѣтъ помиловалъ,
И тобя милую надёжную головушку,
И отъ злодïевъ бы тебя да непрïятелей,

И на войны тебя, надежу, на сраженьицѣ,
И не далъ Господи смерётушки напрасной бы—
И што бъ синее-то море укротилося,
И ужъ какъ этая война да уходилась бы:
И возвратился бы, надежная головушка,
И ты съ злодійной бы со службы Государевой
И на одну хоть на гостину бы недѣлюшку,
И засмотрѣлъ своихъ сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И сироту меня, горюшу безпрїютную.

Къ братьямъ роднымъ: падаетъ въ ноги и проситъ:

И вы послушайте сродчи-милы сродпички,
И вы милы, свѣтушки, братцы родимыи,
Да што я скажу, кручинная головушка:
И сиротать будутъ сердечны мои дѣтушки,
И вы Господа-то Бога хоть побойтесь-ко,
И не заприте-тко новыхъ сѣней рѣшотчатыхъ,
И не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ,
И не пугайтесь, свѣты-братцы, не чужайтесь-ко,
И допустите-тко сердечныхъ моихъ дѣтушекъ—
И ужъ вы въ домъ да во крестьянскую во жирушку.
Хоть хлѣбомъ-солью вы безсчастныхъ не кормите-тко,
И со пути да ихъ дорожки обогрѣйте-тко,
И обогрѣйте у безсчастныхъ ретливо сердчé,
И прихраните-тко отъ темной ихъ отъ ноченьки.
И приголубьте-тко безсчастныхъ моихъ дѣтушекъ,
И взвеселите мою зяблую утробушку;
И не убойтесь-ко великаго безсчастьица.
И вы злодійнаго велика безталаньица:

Къ мужу рекруту:

И ты послушай-ко, любимая семеюшка:
И какъ послѝ тебя надёжной сдержавушки,

И раззорится домъ крестьянска паша жирушка,
И разрѣшится хоромное строеньице;
И ужъ какъ мнѣ-ко-ва кручинпоей головушкѣ,
И тосковать буде, горюшицѣ, вѣкъ по́-вѣку,
И столько ро́стячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И безъ тебя да безъ падежпоей сдержавушки,
И па-бъ головушка держать да мни поклонная,
И мни сердечушко держать да вѣдь покорное,
И всимъ вѣдь милымъ, спорядовымъ сусѣдушкамъ,
И не обидѣли бъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ.
И хоть тамъ при́дутъ-то сердечны малы дѣтушки,
И со широкоей придутъ оны со улички,
И порасплачутся, безсчастны, поразжалятся,
И мни побѣдпоей безсчастпоей родной матушкѣ,
И што сусѣди-то вѣдь ихъ да напинаются;
И говорить стану кручинная головушка:
Ой, безсчастны вы дѣти, не талалны;
Ужъ вы жалобы вѣдь мни не приносите-тко;
И знаю-вѣдаю, кручинна я головушка,
И мое та́къ ное ретливое сердечушко,
И на васъ гля́дячи сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
И вы послушайте, безсчастны—не талалны:
Какъ вы по́йдете на ши́року на уличку,
Тамъ вамъ уличка ходить да не широкая,
И путь-дороженька, безсчастнымъ, не торнёненька,
И вамъ безъ спацлива родителя безъ батюшка;
И былъ бы спа́цливой родитель да вашъ батюшко,
И вы бы по́-міру, дѣтѝ, да не таскалися,
И межъ дворама вы, безсчастны, не шатался,
И добры людушки вѣдь васъ да не пихали бы,
И намъ довольны беззаботны были бъ хлѣбушки,
И засвоимъ да мы сидили бъ дубовы́мъ столомъ,
И вы обутыи вѣдь были бы, одѣтыи—
И мы бы ростили дитей, да красовалися:
И столько Богъ судилъ талану да вамъ участи;

И столько слѝвете, сердечны мои дѣтушки,
И вы на уличкѣ, побѣдныи, дурливыи.
И во избы, да малы дити. хлопотливыи,
И не умныи вы дѣти—самовольныи.
И какъ на васъ, мои сердечны милы дѣтушки,
И середи да тепла краснаго хоть лѣтынка,
И жа̀лко-жа́лобно печетъ да красно солнышко;
И посторонь пече на добрыхъ оно людушекъ
И не насъ да на печальныихъ головушекъ;
И не свѣтѝтъ нынь на горюшицу свѣтёлъ мѣсяцъ.
Ужъ какъ жить буде печальной мни головушкѣ
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки:
Ужъ какъ зла эта великая обидушка
И кругъ меня, злодій, она да обвивается,
И за сердечушко, злодій, она хватается,
И съ того умъ разумъ въ головушкѣ мѣшается
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселитися,
И пораздѣять гдѣ великая кручинушка?
И хотя жъ прі́ду я во свѣтлую во свѣ́тлицу,
Я сляну да вѣдь, побѣдная головушка,
И на пустылую тесовую кроваточку,
И на упылую пуховую перинушку;
Я сляну еще, печальная головушка,
Я по стопочкамъ сляну да по точоныимъ,
Я по стѣнушкамъ сляну да по лицовыимъ;
И нѣтъ на стопочкахъ вѣдь цвѣ́тна его платьица.
И молодецкоей снарядной нѣтъ покрутушки;
Съ горя не́—мила крестьянска эта жирушка.
И мнѣ-ка не́—люба пустыла эта свѣ́тлица;
И безъ своей да безъ надежноей сдержавушки.
И какъ пустымъ вездѣ теперечко пустёшенько;
И тутъ вѣдь со́вьется великая тоскичушка
И на моемъ да на безсчастноемъ сердечушкѣ.
И на моей да все на зяблоей утробушкѣ.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ,

И мнѣ-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И съ горя брошуся, печальная головушка,
И я во дворъ съ горя къ любимоей скотинушкѣ;
И во дворы тутъ у любимоей скотинушки,
И не роздіешь тутъ великоей кручинушки;
И тутъ сердечушко мое не взвеселяется,
И тутъ обидушка моя да неуходится,
И еще пуще тутъ тоска да разгоряется.
И нынь роздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ,
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселитися,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И брошусь съ горя я на шúроку па уличку,
И со досады на крылечико перёное;
И тутъ подумаю побѣдным умомъ-разумомъ,
Што на уличкѣ кручина пріуходится,
И на крылечикѣ обида пріостанется;
Погляжу на всѣ на три-четыре на сторонушки,
И выше лѣсушку сгляну я по поднебесью,
И откуль идутъ да эты облачки ходячїи,
И откуль вѣтрышки-то вѣютъ по легошеньку,
Изъ подлѣтной ли то вѣютъ со сторонушки,
И скоро ль йдутъ эты облачки ходячїи,
Издалѝ да изъ подзападной сторонушки;
И въ коей сто́ронѣ страженье подымается,
И гди война-та вѣдь теперь да начинается;
И тутъ сердечушко мое не взвеселяется,
И буйна го́лова моя да сокрушается,
И еще пуще тутъ обида разгоряется.
И я сгляну еще, печальная головушка,
И я на милыхъ спорядовыихъ сусѣдушек:
И какъ съ мужьямы-то оны ходя красуются;
И скрозь туманъ гляжу, горюша, скрозь обидушку,
И во слезахъ, бѣдна горюша, во великїихъ,
И не могу призпать вѣдь съ го́ря добрыхъ людушекъ,

И со обидушки спорядныихъ сусѣдушекъ,
И призаплачу я безсчастны свои очушки
И пріотру свое побѣдно бѣло личушко.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И мни-ка гди, бѣдной горюшѣ, взвеселится,
И пораздіять гдѣ великая кручинушка?
И взадъ пойду да я съ крылечика перёнаго,
И ворочусь да въ домъ крестьянску я во жирушку,
И я сгляну да на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
И малы дѣтушки кругомъ—около обхаживаютъ,
И на меня бѣдну горюшицу посматриваютъ,
И оны съ глупости меня да разговариваютъ,
И воскликаютъ-то безсчастну оны матушку:
«Гди была жъ, наша родитель—родна матушка,
«Што заплакала вѣдь ясны свои очушки,
«И ты на радости-ль, родитель, на весельицѣ?
И съ горя сгрустнусь на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И отошлю ихъ отъ безсчастныхъ своихъ ученекъ;
— И вы отстаньте-тко безсчастны малы дѣтушки,
— И отъ меня да отъ печальной отъ головушки.
— И уже такъ мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько:
— И я вѣдь спомнила, печальная головушка,
— И я вѣдь вашего родителя-то батюшка,
— И свою милую любимую семеюшку;
— И кабы знали вы сердечны милы дѣтушки,
— И про мое да про безсчастно розставаньице,
— И про горючее про слезно обливаньице;
— И поосталась отъ надежной какъ головушки.
— Я со стадупкомъ осталась со дѣтнымъ—
— И не на радость вы мнѣ, дѣти, на весельице,
— И да вы на-тоску, горюшѣ, на великую.
И сговорятъ еще безсчастны малы дѣтушки.
Все выспрашиваютъ печальную головушку:
«И ты скажи да намъ, родитель—наша матушка:
«И куды шолъ да все родитель родной батюшко,

«Онъ въ охотну ль полъ бурлацкую роботушку?
И лучше дѣтушки того не говорили бы,
И сердечушко мое да не знобили бы,
И мнѣ-ка такъ бѣдной горюшицѣ тошнёшенько:
Какъ отпущена, надёжная головушка,
И во злодѣйну грозну службу Государеву,
И какъ бы не было рожоныхъ васъ вѣдь дѣтушекъ,
И по походушкамъ съ надежей я скиталась бы,
И мы бы за-обче съ надёжей горевали бы,
И кои счастливы вѣдь матери--таланныи,
И не живутъ да вѣдь сердечны у ихъ дѣтушки;
И какъ по мосму велику безталаньицу,
И ужъ вы на-горе дѣти да зародилися;
И какъ у васъ да безъ родителя безъ батюшка,
И безчастны будутъ ножки не обуты,
И безталанны будутъ плеча не одѣты;
И знать, для васъ да для безчастныихъ головушекъ,
И видно, на-поли теперечно не родится,
И не—дорось да все довольнымъ этымъ хлѣбушкамъ;
И какъ роздумаюсь побѣдным умомъ разумомъ,
И не убавится обидушки—прибавится:
И мнѣ куды, бѣдной горюшѣ, подѣватися
И наживать да гдѣ довольны эты хлѣбушки;
И мни задаться хоть крестьянину богатому,
И мнѣ во лѣтны хоть, горюшѣ, во работнички,
И мнѣ во зимны, горюшѣ, во коровнички,
И столько рѣстить васъ сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ--
И меня грусть возме—великая обидушка:
И когда прежъ сего до этой поры времечки
И при своей жила надежноей сдержавушѣ,
И я заботушки въ головушкѣ не-имала,
И я богатому сусѣду не корилася;
И въ чистомъ полѣ буйна вѣтра не слыхала я,
И я не знала все, печальная головушка,
И какъ шатаются въ темномъ лѣсѣ деревиночки.

Што разшумятся ль зеленыи листочики;
И нонь узнала я горюшица провѣдала:
И буйны вѣтрышки теперь да розвѣваются;
И приминяюсь я побѣдная горюшица,
И я ко этой ко матучей деревинокѣ,
И какъ ко этосй ко горькой я осиночкѣ:
И также я, бѣдна кручинная головушка.
И все безъ своей безъ надежной сдержавушки.
И безъ своси милой любимоей семеюшки:
И точно деревцо въ лисѣхъ быдто матучее:
И приминилася, побѣдна я головушка,
Я къ подсуиной въ темномъ лѣсѣ деревиночкѣ:
И какъ вѣдь деревцо въ лисѣхъ-то подсыхаетъ.
И такъ сердечушко мое да сокрушается,
И какъ зелёныи листочки розшумляются,
И такъ злодійная кручинушка расходится
И на мосй да все на зяблоей утробушкѣ.
И нынь роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И мнѣ-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселитися,
И породіять гдѣ великая кручинушка?
И мнѣ къ сусѣдушкамъ итти ли спорядовымъ.
И на роздій итти великой мнѣ обидушки?
И когда прежъ сего до этой поры времечки.
И была при—доми надёжна какъ головушка.
И вси милы спорядовыи сусѣдушки,
И не боялися меня, не опасалися,
И оны на-рѣчи съ горюшицей ставалися,
И въ разговоръ оны съ побѣднушкой сдавалися,
И оны думали вѣдь крѣпку со мной думушку.
И тонерь нонѣчи отрекнулися вѣдь добры эты людушки,
И откачнулись честны мужни молодыя жоны,
И отъ меня да отъ печальной отъ головушки;
И убоялися великаго безсчастьица,
И ужъ какъ этого злодійна безталаньица;
И на стрѣтушку со мной да не стрѣтаются.

II со мной на́-рѣчи съ побѣднушкой не ставятся.
II въ разговоръ со мной побѣдной не сдаваются:
II я не знаю-то, горюшица, не вѣдаю,
II какъ жить теперь на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
II мни безъ милосй любимосй семеюшки:
II безъ своей да безъ надежносй сдержавушки
II на-бъ смиренькце держать да все со кротостью,
II на-бъ по уличкѣ ходить бѣдной тихошенько,
II буйна го́лова носить надо низёшенько,
II на-бъ сердечушко держать да все покорное
II мнѣ-ка милымъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
II штобы буйны эты вѣтры не навїялись,
II понапрасну добры люди не набаялись,
IIто вѣдь вольная солдатка самовольная,
II молодёшенька осталась суровёшенька;
II у меня тутъ у печальной у головушки
II на три рядъ мое сердечко прострескас,
II на четыре рядъ утроба перелопас.
II нынь роздумаюсь безчастнымъ своимъ разумомъ,
II мни-ка гди бѣдной горюшѣ взвеселится,
II по роздїять гдѣ великая кручинушка:
II мнѣ у свѣтушковъ ли братцевъ богоданыихъ—
II во своемъ домѣ—крестьянскоей во жирушкѣ?
II хотя жъ у́мны свѣты братцы богоданы,
II столько во́—время оны да поросходятся,
II на меня бѣдну горюшу порозроются,
II станутъ и́скоса вѣдь братьица поглядывать,
II станутъ и́зрыхла побѣдной поговаривать;
II у меня-жъ да у печальной у головушки,
II съ ихныхъ словъ да у горюши не веселыихъ,
II призакатится катучій бѣлый ка́мешокъ,
II на мое да на безсчастное сердечушко.
II пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
II мнѣ-ка гдѣ бѣдной горюшѣ взвеселится,
II породїять гдѣ великая кручинушка?

И знаю-вѣдаю, кокоша горегорькая,
И ни гдѣ нѣту-то вѣдь такоей галиночки,
И ни въ комъ нѣту-то великаго желаньица:
Ой, не дай-же Боже Господи,
И на семъ да на бѣломъ свѣтѣ,
И поостаться отъ надежныихъ головушекъ
И безсчастныимъ женамъ да молодешенькимъ!
Я пойду да въ Божью церковь посвященную,
И помолюсь да я Богу отъ желаньица,
И я Владыкѣ помолюсь да со усердіемъ;
И ужъ я ставлю тамъ свѣщи да все рублевыи,
И я кладу да пелены-то вѣдь шелковыи —
И я Пречистой Пресвятой да Богородицы,
Штобы Господи Владыко свѣтъ помиловалъ,
И Пресвятая мать Богородица заступилась.
И утолили бы печаль не утолимую—
И угасили бы тоску не угасимую—
И на моемъ да на безсчастномъ ретливомъ сердчѣ
И все на зяблой, на безсчастноей утробушкѣ.
И тутъ головушка моя да взвеселяется,
И кручинушка моя да утишается
И тутъ злодій—эта обида поуходится.
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И для чего жъ да Божіи церквы-то вѣдь строятся,
И для чего жъ да попы отцы духовные вѣдь ставятся?
Ужъ какъ Божіи-то церквы—гля молепья
И гля—нашихъ душь грѣшныхъ—спасенья;
И какъ попы отцы духовные—для служенья;
И што бы мы попамъ-отцамъ покаялися
И мы во Божіи бы церквы да ходили.
И мы поповъ-отцевъ духовныхъ бы просили,
И мы молебенки за ду-друга служили бы.
И мы живемъ да точно—гуси заблудящіи;
И какъ за наше, знать, велико прегрѣшенїе,
И попапрасное живетъ да кроволитье,

И отъ злодѣевъ-то теперь да непрїятелей.
И отъ нашѝихъ живетъ да христіянушковъ.

Къ народу: сусѣдка, у которой мужъ въ солдатахъ:

Вы послушайте народъ да люди добрыи,
И вси приближни спорядовыи сусѣдушки,
И да што я скажу, побѣдная головушка.
И какъ была да въ эвтомъ городѣ Петровскомъ,
И разставалась какъ съ любимоей семеюшкой:
И какъ жива̀ эта разлука пуще мертвой—
И разставаньице—съ солдатомъ новобранымъ
Съ своей милоей надежноей сдержавушкой.
И не опомнюсь я. горюша, не опа̀мятусь,
И какъ простилася, побѣдна, порозсталася;
И тутъ вѣдь о́бмерло ретливое сердечушко,
И тутъ я пала вѣдь, горюша, о сыру землю.
И спамя́чу̀ его ласко́выи словечушка,
И онъ наказывалъ, побѣдну уговаривалъ:
«И ты живи, бѣдна горюша-молода́ жена,
«И ты со мо́има-то братьицамъ родимыимъ;
«И да ты рости-ко сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
«И робота̀й да ты крестьянскую роботушку,
«И ты не впа́дайся въ веселыя гульбицечка,
«И отмѣни, бѣдна, Владычни Божіи празднички;
«И хотя жъ по́йдешь ты, печальная головушка,
«И по Владычнымъ, горюница, по праздничкамъ
«И не убавишь ты кручинушки прибавишься;
«И вѣдь родъ племя теперечко отступится,
«И сродчи—сроднички вѣдь ныиь да прїотрекутся,
«И отъ тобя вси отъ побѣдной отъ головушки,
«И все по прежнему не будетъ вѣдь почтеньица,
«И все любимаго тебѣ да угощеньица.
И тутъ я въ умъ взошла, кручинная головушка,

И тутъ повыстала отъ матушки сырой земли:
И голова да у горюшицы скружилася:
И тутъ смахнула я безсчастны свои рученьки.
И крѣпко зажала ретливое сердечушко:
«Ужс ой да миѣ-ка, свѣтушки, тошнёшенько.
«И миѣ-ка жаль—тошно надежиоей головушки—
«И потеряла бѣлой свѣтъ да изъ ясныхъ очей;
И тутъ не-видла я, кокоша горегорькая,
И во кою пошли солдатушки сторонушку,
И какъ въ котору путь широкую дороженьку:
И я въ горѣхъ, бѣдна горюшица, не знала,
И во слезахъ да я побѣдна не видала.
И пригодился вѣдь добры да тутъ людушки,
И сговорили миѣ кручинпоей головушкѣ:
«И ты одумайся горюша. пріочуствуйся,
«И да ты погляди въ подзанадну сторонушку.
«И ты на тую путь широкую дороженьку,
«И какъ идутъ бѣдны солдатушки походны
«И погляди сзади, кручина ты головушка,
«И на плечахъ да вѣдь ранчи у нихъ потряхаютъ,
И тутъ головушкой, идутъ бѣдны—покачиваютъ
И нѣтъ солдатушкамъ вѣдь вольной этой волюшки,
Имъ сглянуть да на путь широку дороженьку,
И на безсчастныихъ сглянуть да молодыихъ жепъ;
И не посмѣютъ оны взадъ обворотитися,
И не посмѣютъ снять вѣдь ківеровъ солдацкіихъ,
И со безсчастной со солдацкой буйной головы:
И унывать да ихъ бурлацкое сердечушко,
И обмерать да ихъ солдацкая утробушка;
И имъ вѣдь жаль-тошно родимой своей стороны,
И потошніе жаль сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И на умѣ держать безсчастныхъ молодыихъ жепъ:
И какъ идутъ да тамъ побѣдили содатушки,
И какъ не видятъ въ слезахъ широкой дороженьки,
И во кручинушкахъ не видятъ свѣту бѣлаго;

II оны такъ идутъ безсчастныи, тоскуютъ;
II тутъ бы нé— несли солдатовъ ножки рѣзвыи,
II позади у ихъ идутъ да провожатели,
II говорятъ да все солдатушкамъ походнымъ:
«II вы идите-тко, солдатушки, не мѣшкайте,
«II ускоряйте путь широкую дороженьку,
«II разставайтесь вы скорѣй да съ молодымъ женамъ,
«II вы прощайтесь-ко теперь да съ своей сторóной,
II ужъ какъ этыихъ солдатушковъ походныихъ
II удолять стане великая кручинушка,
II хоть не пьяны—путемъ идутъ, все шатаются,
II не глядятъ да на свѣтъ ясны у ихъ очушки:
II тутъ остались мы безсчастны молоды жóны
II на пути да мы остались на дороженькѣ,
II на прогулушкѣ на широкой на уличкѣ,
II по сырой землѣ, побѣдныи, катаемся,
II слезно плачемъ мы, горюши, причитаемъ,
II столько нé вѣсто на семъ да на бѣломъ свѣтѣ,
II столько судитъ ли Владыко многомилостливъ
II увидать да намъ, надежныимъ головушкамъ,
II ужъ какъ этыихъ солдатушковъ безсчастныихъ
II да имъ дальняя путь широка дороженька,
II далеко бѣдны солдаты отсылаются—
II на синё море они да отправляются;
II потеряшечку, горюши, потеряли мы,
II брóночку, горюши, обронили вѣдь,
Потеряшечку, горюши, во пятьсоть рублей,
II мы брóночку, побѣдны, въ цѣлу тысячу:
II не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ—
И не радïю я безсчастная головушка—
И столько многимъ я горюша, людямъ добрыимъ
И ужъ какъ--этого злодïйна разставаньица.
II што горючима слезама обливаньица.
И намъ не дали-то судьи неправосудныи
II розставаться столько времечки на двà часа;

И постоять да намъ побѣдными подумать—
И посовѣтовать съ любимыма семеюшкамъ;
И какъ лучиночку скорёшенько сломили,
И такъ въ походъ бѣдныхъ солдатовъ снарядили.

Къ дѣтямъ:

И вы послушайте, безсчастны малы дѣтушки:
И какъ отпущенъ-то родитель да вашъ батюшко.
И онъ въ дальную въ путь-широку дороженьку.
И онъ въ злодійну эту службу Государеву:
И не дождаться вамъ сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ,
И не гостюшкомъ его да не любимымъ;
И не видать да вамъ сердечныихъ гостиничекъ,
И вамъ на праздничекъ сердечныихъ подарочекъ:
И не пріиде-то родитель да вашъ батюшко
И во свой домъ да онъ крестьянскую во жирушку:
И укатилось миженьско ваше солнышко—
И за горушки оно да за высокіи
И за мхи да оно, краснос, дыбучіи,
И за лѣсушка оно да за дремучіи;
И не буде вамъ великаго желаньица,
И не ласковыихъ прелестныихъ словечушекъ,
И подрожитъ ваше ретливое сердечушко,
И позябётъ да ваша зяблая утробушка.
Ой, безсчастны вы дѣти не таланныи!
И не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ—
И воспитатися безсчастнымъ малымъ дѣтушкамъ
И безъ своего родителя безъ батюшка!

Къ народу жена:

Вы послушайте—народъ да люди добрыи,
И вси милыи сусѣди спорядовыи!

Я бы знала вѣдь, горюша, про то вѣдала,
Што разлукушка со красным приде солнышком,
И што возмуть да вѣдь надёжную головушку,
И во злодійную во службу Государеву
И я работушки бъ, горюша, не работала,
И все смотрѣла бъ на надежную головушку,
И ему вирямь точно печально въ бѣло личушко,
И ему въ точь, бѣдна горюша, во ясны очи:
И наглядилась бы, побѣдная головушка,
И все на память на скачону бы жемчужинку;
И нынь схватилась я, безсчастная головушка:
И кругъ надеженьки, горюша, не ухаживала,
И по бладой я головушкѣ не глаживала;
И ужъ какъ нынь да вѣдь побѣдной мнѣ горюшицѣ
И буде три поля кручины изпасіяти,
И сине морюшко горючих слезъ паполнится;
И мнѣ-ка ростячи сердечных малых дѣтушекъ
И провожать буде безсчастна горька молодость:
Нѣть отъ вѣтрышка вѣдь мнѣ да заборопушки.
Нѣть отъ добрых людей да мнѣ заступушки:
И буйны вѣтрышки вѣдь вѣють полегошеньку,
И говорять да судя люди по тихошеньку
И про меня да про печальную головушку.
И пораздумаюсь безсчастным умомь-разумомъ:
И приходить стануть Владычны Божіи празднички.
И какъ пойдутъ да многи добры эты людушки,
И мои милы спорядовыи сусѣдушки,
И ко Владычному Господню Божію праздничку,
И ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка—
И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безсчастная поглядывать'
И на прогулушку на шйроку на уличку.
И все на эту почтову, ямску дороженьку:
И унывать стане ретливое сердечушко,
Ужъ какъ глядячи на добрыих на людушекъ,

И какъ на счастливыхъ на женъ да на талантливыхъ.
И тутъ пойду да я, безсчастная головушка,
И я во свѣтлую пойду да съ горя свѣтлицу.
И съ тоски брошусь я къ ларцамъ да окованнымъ,
И отому ларчи съ кручины окованы,
И съ горя выну это цвѣтно столько платьице.
И со досадушки любимую покрутушку,
И ужъ я брошу да тутъ цвѣтно это платьице,
И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я стульица, безсчастна, на кленовыи,
И сговорю да тутъ, обидна я горюшица:
«И наликуйся-тко безсчастная головушка,
«И доброумься, сйрота да безпрїютная;
«И уже тутъ твои Владычны Божіи праздники,
«И уже тутъ твое гуляньe со весельицемъ!
И я возму да это цвѣтно сго платьице,
И на безсчастны возму да бѣлы рученьки,
И я прижму да ко ретливому сердечушку,
И приложу да я къ безсчастну бѣлу личушку,
И стану думати безсчастна думу крѣпкую—
И надъ сго да надъ любимоей покрутушкой;
И воскликать стану, побѣдна я горюшица:
«И ты приди, приди, надёжная головушка,
«И на свою да на родимую сторопушку,
«И на сегодняшній Господень Божій дéнечекъ,
«И столько на́—этоть Владычный Божій праздничекъ,
«Все повынута любимая покрутушка;
И какъ увижу я печальная головушка,
Путемъ йдучи широ́кой я дорожепькой,
И хоть солдатушкомъ, горюшица, походнымъ,
И хоть въ солдацкійхъ мундерахъ суконъ-сѣрыихъ,
И я бы стритила на ши́рокой на уличкѣ.
И я пріотперла-о́ъ новы сѣни рѣшетчаты,
И съ имъ бы сдїяла вѣдь доброе здоровьице,
И подхватила бы подъ правую подъ рученьку,

И проводила бы во свѣтлую во свѣтлицу,
И я солдацкую одёжу вѣдь сбросила бы:
И къ сахарнимъ устамъ тутъ припадала бы;
И тутъ безсчастная голова да взвеселилась бы:
И тутъ сердечушко мое да взрадовалось бы;
И хоть солдатушкомъ, мой свѣтъ, ты не покажешься,
И ты походнымъ съ чиста поля не явишься;
И столько слушай, свѣтъ падежная головушка:
«И прилети хоть перелётной малой птиченькой,
«И хоть съ чиста поля лети да чорнымъ ворономъ,
«И со сиця моря лети да бѣлымъ лебедемъ,
«И бѣлой лебедь—ты садись да на крылечушко,
«И чорной воронъ ты садись да на окошечко:
И примичать стану, горюшица, выспрашивать,
Ужъ какъ эту перелётну малу птичушку,
И стану спрашивать, горюшица, вывѣдывать:
«И чорной воронъ—не солдать ли ты походной,
«И бѣлый лебедь—не надежна ль ты головушка?
И не убойтесь-ко меня да роскажитеся.
И, видно, нѣтъ того на свѣтѣ да не водится,
И безспрося въ доми солдаты не объявятся,
И какъ безъ спросу—то оны да Государева,
И все безъ отпуску оны Царя великаго:
Хоть на рукахъ держу, горюша, цвѣтно платьице—
И я любимую держу да вѣдь покрутушку—
И я милой вѣдь надежноей сдержавушки—
И тутъ кручинушка моя да не уходится
И тутъ сердечушко мое не успокоится.
Ой, роздумалась безсчастнымъ своимъ разумомъ,
И проводила я Господень Божій праздничекъ,
И я со этой со великоей обидушкой:
И тутъ злодійная обидушка росходится.
И тутъ великая кручина розгорястся:
И куды класть эту любимую покрутушку—
И куды дѣть да это цвѣтное платьице?

И я повынесу, горюша, во чистѣ поле,
И я придамъ къ огню любимую покрутушку:
И што я сдумала безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И не въ спокоѣ вѣдь безсчастно ретливѣ сердче,
И во напасти, во горѣхъ да во великихъ,
И во досады, во кручины во злодѣйноей:
И умъ-то разумъ во головушкѣ мѣшается.
И я не знаю же, горюшица, не вѣдаю.
И какъ день да иде, темна эта ноченька,
И провожаю какъ Христово воскресенье,
И Владычнін Господни Божін празднички:
И столько думаю побѣдным своимъ разумомъ:
И гдѣ познала бы, горюша, я прослышала,
И про свою да я надёжную головушку,
И туды птиченькой, горюша, я слетѣла бы,
И я бы клубышкомъ, безсчастная, скатилася,
И добрàлась бы я, горюша, я провѣдалась
И до своей да я любимоей семеюшки,
И я бы бросила сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
И откачнулась, бѣдна, съ горя—отшатилась бы
И отъ своей да отъ родимоей сторонушки—
И тутъ сердечушко мое не унывало бы,
И да живучи въ сиротской миѣ-ка жирушкѣ:
И у меня жъ да у печальной у головушки
И каждый день кровью сердечко обливается—
И столько глядячи на сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ:
И наскитаюсь я съ дитямы, напатаюся,
И бѣдна по—міру, горюша, по крецопому;
И надивуются-то добрыи эты людушки,
И принабаются спорядныи сусѣдушки.
«И што вѣдь вольная солдатка-самовольная,
«И што лѣнивая она да не станливая,
«И свѣтамъ братцамъ богоданымъ непокорная;
И принаслышусь я, горюша, пустословица,
И худа слава про горюшу, какъ рѣка бѣжитъ,

И пустословье, про безсчастну, какъ ручей течетъ,
И все напраснička про бѣ́ду, какъ порогъ шумитъ.
И съ этой грусти я, горюша, со досадушки.
И со злодѣйнаго, горюша, пустословьица
Хоть куды, бѣ́дна горюша, я дѣ́валась бы.
И въ быстрой риченькѣ вѣ́дь я да утонула бы,
И во темныхъ лѣ́сахъ, горюша, заблудилась бы,
И во мхахъ да я дыбучихъ провалилась бы;
И столько нѣ́тъ да того на́—свѣ́тѣ не водится,
И што жива́ эта могилушка не ро́дится.
И не дай Господи на семъ да на бѣ́лóмъ свѣ́тѣ
И столько жить да безъ надежной головушки?
И лучше на́—свѣ́тѣ была-бы я не ро́жена,
И со безсчастьицемъ въ купели не окупана,
И съ безталаньицемъ на свѣ́тъ да не попущена.
И изъ роду́ мнѣ-ка, горюшицѣ, изъ племени,
И видно, на́-дѣ́лу безсчастье придѣ́лялось,
И видно. на́-роду злодѣ́йно доставалось;
И сородила какъ родитель меня матушка,
И знать, Іисусовой молитвы не творила,
И принимала какъ на бѣ́лы свои рученьки,
И съ бласловленьицемъ креста она не клала;
И приносила какъ въ хоромное строеньице,
И не въ большой уголь, на стульице ложила,
И на кирпичину жарку печь да положила.

Къ родителямъ:

И вы простите-тко желанныи родители!
И попеняю вамъ, побѣ́дная головушка,
И посудьячу на судьбу свою несчастную;
И какъ вы ростили меня да вы, родители,
И до урочныихъ вѣ́чальныихъ до годышковъ,
И вы прибра́ли мнѣ судимую сторонушку,

II по уму собѣ прибра́ли-вы по разуму,
II поневолили безсчастную головушку,
II меня выдали въ замужье молодёшеньку,
II не дали́ воли, желанны мнѣ родители,
II съ полнымъ возрастомъ, горюшѣ, мнѣ сровнятися,
II съ родомъ племенемъ, побѣдушкѣ, спознатися,
II съ вольной волюшкой вы мнѣ да нагулятися;
II меня мо́лоду—горюшицу неволили,
II во велику злу заботу обзаботили;
II вы окинулись, желанны родители,
II на удалаго дородня добра мо́лодца,
II што не ньянница вѣдь онъ да не пропонца,
II вы на ихнее хоромное строеньице,
II вы на ихны поля да хлѣбородны;
II меня съ волюшкой вѣдь вы да разлучили,
II злымъ, великимъ безсчастьемъ надѣлили;
Ужъ я тымъ гибѣла, побѣдная головушка,
II я на васъ, свѣты желанны родители,
II што не дали́ мнѣ вы воли столько вольюсей,
II ума-разума въ головушку набратися;
II я схвачусь бѣдна́ кручина какъ головушка,
II я за милыхъ схвачусь да поровечничковъ,
II вси во дѣвушкахъ они еще красуются,
II съ дорогой волей они еще ликуются;
Ужъ какъ я бѣдна, кручинная головушка,
II молодыхъ да дён, горюна, не видаютца,
II я хорошества, горюшица, не знаютца;
II пошла мо́лода въ великую заботушку;
II мнѣ пустылое хоромное строеньице,
II мнѣ не но́-уму крестьянска эта жирушка;
II въ томъ не гибаюсь, печальна я головушка,
II на свое да тепло красное на солнышко:
II была умная любимая семеюшка,
II много разума во бу́йной было го́ловы,
II было розмыслу въ ретливосмъ сердечушкѣ;

И я судьячу на судьбу свою безсчастную:
И не дай же того, Боже, не дай Господи,
И молодёшенькой, горюшѣ, оставатися,
И не въ годáхъ—да вѣдь побѣдной сиротать,
И столько жить да безъ надежной головушки,
И во проклятой во несчастной горькой жирушкѣ;
И лучше бъ тлѣнъ принялъ на цвѣтно мое платьице,
—И мнѣ не жаль—тошнò, побѣдной бы головушкѣ,
—И мнѣ не цвѣтнаго снаряднаго бы платьица,
Аль пожаръ бы на хоромное строеньице—
—И мнѣ бы даромъ все печальной головушкѣ:
И ретливò сердчò мое не унывало бы,
И все при доми была мила бы головушка;
И хоть бы моръ да на любимую скотинушку,
И недородъ да былъ довольнымъ этымъ хлѣбушкамъ.
И все удáла была въ доми бы головушка:
И тутъ тоскичушка меня да не долила бы,
И все кручинушка меня да не крушила бы,
И помалёхоньку вѣдь мы бы да исправились,
И на житье добро вѣдь мы бы все наладились;
И хоть на синёмъ морѣ, горюшѣ бы, на кáменшѣ,
И хоть на лýды бы, горюшѣ, на подводной,
И столько вмистѣ бы съ надежной головушкой;
И хоть середи грязи, горюшѣ, на погибели бы.
И во напастяхъ бы, горюшѣ, во великúхъ,
И столько сó-своей скачной жить жемчужникой.
Ужь какъ нынь да я, кручинная головушка,
И передь добрыма людмы я отпрошенная,
И я отъ мужныхъ честныхъ копъ да отлишенная:
И когда прежъ сего до этой поры времечки,
И за своей жила надежной сдержавушкой.
И ходила какъ къ Владычнымъ Божíимъ праздничкамъ,
И на ряду да я со добрыма со людушкамъ,
И во любимой во снарядной во покрутушкѣ.
И со мной знались многи добры эты людушки.

И со мной дѣяли вѣдь доброе здоровьице;
Ужъ какъ сегодняшнимъ учётнымъ долгимъ годышкомъ,
Хоть была при-домѣ надёжная головушка,
И хоть я съ ѣмъ да вѣдь ходила къ Божіимъ праздничкамъ
И передъ этой все великоей кручинушкой,
И цвѣтно платьице ко мнѣ не прилегало,
И мое бѣлое личе не сукрашалось,
И сердечушко мое не взвеселялось;
И такъ тоска да на сердечушкѣ вѣдь сходится,
И такъ утробушка моя да разобидится;
Я не знала все, горюшица, не вѣдала;
И отчего жъ моя головушка кручинится,
И передъ чимъ мое сердечко разгорлется:
И хоть приду да ко Владычному я праздничку,
И рядомъ ставилась съ женàма да я съ мужима,
И состоронь глядили добры столько людушки,
И мои милы спорядовыи сусѣдушки,
И говорили про печальную головушку:
«Што у нашей у спорядной у сусѣдушки,
«Какъ у этыхъ Владычныхъ Божіихъ праздничковъ,
«И ю покрутушка теперь не съукрашаетъ.
«И цвѣтно платьице на ней не разцвѣтаетъ,
«И кровь—румянецъ во бѣломъ личѣ мѣшается;
«И што-грубà-стоптъ, сусѣдушка, не вèсела,
«И при обидушкѣ, она што жъ при великой;
«И, кажись въ доброй, во крестьянской живё жирушкѣ
«И за умной за надежноей головушкой;
«И есть по разуму да цвѣтно, кажись, платьице.
И межу дý другомъ сусѣдки разговариваютъ,
И какъ одна́ мила спорядная сусѣдушка,
И на посылочкахъ она была легошенька,
И на словечушкахъ была да суровёшенька,
И сговоритъ она спорядныимъ сусѣдушкамъ:
Я схожу—спрошу спорядную сусѣдушку,
«Што не-вéсела она да при кручинушкѣ,

«И мы стоимъ да все сусѣдушки дивуемся,
«И што въ любій живешь съ надёжей-во согласьицѣ.
И подошла мила сусѣдка суровёшенька,
И спросила тутъ меня да потихошеньку,
И створила мнѣ, горюшѣ, таково слово́:
«Извини—прости сопорядная сусѣдушка,
«И што спрошу, да я печальная головушка.
«И, кажись, лѣтній-то Бладычный Божій праздничекъ,
«И какъ мужиихъ жонъ личе да разгорятся,
«И какъ отъ солнышка вѣдь платье отцвѣтастъ,
«И веселымъ стоять оны да веселёшеньки;
«И когда прежъ сего до этой поры—времечки
«И весела была всегды да хорошохонько;
«И ты скажи вотай, сопорядна намъ сусѣдушка:
«И кажись, што вѣдь грубая стоишь да не весёлая
«И ты во добромъ ли теперь да во здоровицѣ,
«И по согласью ли со надёжной ты головушкой.
«И по совѣту ль во любимосй семеюшкѣ,
«Што поблекло твое бѣло это личушко,
«И на слезахъ да твои ясны эты очушки,
«И цвѣтно платье на тобѣ не разцвѣтастъ,
«И не по старому теперь да не попрежнему?
И усмѣхнулась я, горюша, пріотвитила:
— И во любій живу съ надёжной я головушкой.
— И за совѣтъ да во любимосй семеюшкѣ,
— И я въ доброемъ видѣ е да во здоровьицѣ;
— И што вамъ кажется сопорядными сусѣдушкамъ
— И я не знаю. все кручинная головушка,
— Передъ чимъ поетъ ретливое сердечушко:
— И во всемъ живу, горюша, удовольствіи.
И съ сусѣдушкой, горюшица, пробаяла,
Все не знала про великую незгодушку;
И ушывало все ретливое сердечушко,
И знать, што вѣдало да злу эту незгодушку;
И хоть сходила я съ надёжной головушкой.

Середи да тепла-краснаго хоть лѣтушка,
Хоть по трудной по крестьянской по роботушкѣ,
И некло жалобно хоть красно это солнышко,
И сердечушко мое не согрѣвалося,
И краснымъ лѣтушкомъ-вѣдь я не взвеселялася;
И я не знала все, горюшица, не вѣдала,
И про злодѣйную велику про незгодушку;
И столько вѣдало ретливое сердечушко —
И повѣдало печальной мнѣ головушкѣ.
И приходить стала студёна холодна зима,
И добры людушки тутъ стали сговаривать:
И будуть скоро-то наборы Государевы,
И выбирать станутъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ;
И тутъ вѣдь у—меня, печальной у головушки,
И тутъ вѣдь срѣзало ретливое сердечушко,
И подломилися безсчастны ножки рѣзвыи,
И пріужахнулась вѣдь зяблая угробушка,
И примѣнилась тутъ безсчастна я побѣднушка,
И тутъ воспомнила Владычной этотъ праздничекъ,
И што сказали спорядовыш сусѣдушки,
И передъ этоей великоей незгодушкой.
Я стояла тутъ, горюна, словно вкопана.
И мое чуствовало побѣдно ретливо сердчё,
И про напасть да про великую незгодушку.
И што разлукушка со краснымъ буде солнышкомъ,
И со своей милой надежноей головушкой,
И припастунять што вѣдь судьи неправосудныи.
И нападуть да на насъ власти безмилосердыи;
И все мою да вѣдь любимую семеюшку,
И што напишуть на гербовой листъ бумаженьку,
И што назначать-то во службу Государеву,
И да мою милую скачоную жемчужинку.
И тутъ роздумалась безсчастнымъ своимъ разумомъ:
«И мы не спустимъ тепло-красное мое солнышко,
«И мы со добраго хоромнаго строеньица,

«И со прокладноей крестьянской этой жирушки:
И мы роспро́даимъ любиму всю скотинушку,
«И призаложимъ вси луга да сѣнокосныи:
«И я отдамъ свою любимую покрутушку,
«И ужъ я славному купчу да все богатому,
«И я возму да золотой казны по надобью,
«И мы повыкупимъ надежную головушку
«И отъ злодійной этой службы Государевой.
И какъ по моему великому безсчастьицу,
И по́ злодійному велику безталаньицу,
И какъ купчевъ въ домѣ теперь да не случилося,
И цвѣтнымъ платьицемъ надёженьки не выручить,
«Золотой казной добра коня не выкупить».
Видно, сужено надёжной быть головушкѣ,
И все во этой быть во службѣ Государевой,
И поростаться мнѣ печальноей побѣднушкѣ
И со удалоей бурлацкоей головушкой!

Къ братьямъ богоданыимъ:

И столько гнѣвъ несу, печальная головушка,
И я на свѣтушковъ на братцевъ богоданыихъ,
И пожалили што крестьянской оны жирушки,
И все поро́спродать любимоей скотинушки,
Не пожалили жъ свѣтушка̀ братца родимаго:
И не страшусь скажу, печальная головушка:
«И вы злодїи-свѣты братьица родимыи,
И отпустили тепло-красно мое солнышко,
И во злодійную во службу Государеву,
И обсиротили побѣдную головушку,
И со болѣзныма сердечныма со дѣтушкамъ.
И вы розгнѣвали свѣтца братца вѣдь родимаго,
И мою милую надёжную головушку.
И вы ликуйтесь теперь братцы богоданыи:

И ваша жирушка теперь не-роззорилася,
И во дворы́ у васъ скотина устоялася,
И золота казна у васъ не придержалася;
И знать, стоять да вамъ во уличкахъ рядовыихъ,
И знать, сидѣть да вамъ во лавочкахъ торговыихъ;
Вы имѣете товаръ, знать, разноличной;
И будутъ знать да васъ вѣдь до́бры эты людушки,
И поклаяться вамъ сусѣди спорядовыи!
И стрить васъ Господи Владыко многомилосливой,
И впереди да Пресвятая Мать Богородица—
И на второмъ оны вѣдь васъ да на пришествіи!

Къ сусѣдямъ:

И кабы знали вы, народъ да люди добрыи—
И про мою злодѣй-великую обидушку;
И я изсохла-то, безсчастна, на рѣзвыхъ ногахъ.
Истомилася, побѣдна, по Божьимъ днямъ,
Безъ своей милой любимоей семеюшки,
Ужъ я гля́дячи на сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
И безъ вѣтра́ да я, горюша, пошаталася;
И со бѣлымъ свѣтомъ, побѣдна, порозсталася;
И я не знаю въ горя́хъ добрыихъ то людушекъ,
И не примичу свое—родъ-племя любимое;
И отрекнулася отъ роду я, отъ племени,
И отъ своей да я природы именитой,
И со своимъ да я великимъ безсчастьицемъ,
И во злодійноемъ-проклятомъ безталаньицѣ;
Горегорькая безсчастна моя молодость,
И мнѣ-ка жизнь бѣдной горюшицѣ сиротская.
И безъ своей да безъ надежной мнѣ головушки;
И мнѣ куды бѣдной горюшѣ подѣватися?
И я отъ бе́режка, горюша, откачнулася,
Я ко дру́гому, безсчастна, не прика́чнулась:

И я бывъ за́гнаной упалой сѣрой заюшко.
И со дитяма-то, горюша. горностолюшко,
Какъ подъ этымъ подъ катучимъ бѣлымъ ка́мешкомъ;
И у меня да у побѣдной у горюшицы,
И безъ угару болитъ бу́йная головушка,
Ой—въ безсчастномъ, горегорькоемъ живленьицѣ.
И мнѣ-ко ро́стячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И нѣтъ почёту-то отъ братцевъ богоданыихъ,
И краснословья отъ невѣстушекъ голубушекъ,
И приберёгушки сердечнымъ нѣту дѣтушкамъ:
И у стола да мои дѣтушки ѣдучїи,
И во фатеры мои ди́ти хлопотливыи,
И бывъ на у́лички сердечныи дурливыи:
И какъ пойдутъ мои сердечны бѣдны дѣтушки,
И во фатеры, по дубовоей мостиночкѣ,
И станутъ и́скоса вѣдь дядюшки поглядывать,
И станутъ и́зрыхла вѣдь дяйны поговаривать;
И подойду́тъ да глупы ма́лы эты дѣтушки,
И хоть ко этому столу да ко дубовому,
И къ хлѣбу-соли-то оны да дару Божьему;
И возгорчатся тутъ спацливы эты дяденьки,
И на безсчастныихъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ;
Ихъ подёрнутъ-то за бѣлыи за рученьки,
Ихъ отпёхнутъ отъ стола да отъ дубоваго,
И глупыхъ щёлнутъ ихъ во буйную головушку,
Ихъ подёрнутъ-то за жолтыи волосушки,
И отъ стола пойдутъ дити́, какъ подарёныи,
И отъ дубоваго пойдутъ да со обидушкой,
И какъ ко мни идутъ, горюшѣ, съ горючмы слезмы.
И надо каменну ретливу быть сердечушку:
И возму дѣтушекъ за бѣлы я за рученьки,
И во слезахъ скажу, печальная головушка,
Я сердечнымъ безсчастнымъ малымъ дѣтушкамъ:
‹Ужъ вы глупы мои ди́ти—не разумныи,
‹И вы сидили бы, безсчастны, въ дверномъ уголку,

«И вы бы на́ этой брусовой бѣлой лавочкѣ
«И вы бы на́-грѣхъ-отъ къ столу не подходили бы,
«И на обидушку къ дубову не садились бы:
Какъ спѣсивыи, свирины эти дяденьки –
И покоряють все побѣдную головушку:
Што нѣтъ на́харя на чистомъ у тя полюцкѣ,
И сѣнокосча на луговыхъ нѣтъ на пожинкахъ,
И воскормителя вѣдь нѣтъ въ домѣ-родители,
И нѣтъ надёюшки въ домы у насъ великой,
И тепло-краснаго мижеиьска нѣту солныика.
И я сама бѣдна, кручинная головушка,
И боячи́ хожу по хоромному строеньицу,
И я со страхомъ по дубовымъ мостиночкамъ.
И все не чувствують вѣдь братцы богодаиыи,
И не въ понятіи вѣтляныи пешутушки,
И за кого жъ служить—надёжная головушка.
И опъ во этой грозной службы Государевой;
И не за меръ да вѣдь опъ служить-то крецпой,
Не за мѣнилъ да опъ сусѣда спорядоваго,
И замѣнилъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ:
И хоть бы Господа-то Бога побоялися,
И хоть бы добрыихъ людей да постыдилися –
И обиждать меня, побѣдную головушку,
И отсылать да отъ стала вѣдь отъ дубоваго
Ужъ какъ этыхъ безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Ужъ я такъ бѣдна, горюпа, прiобижена;
И можно знать-вѣдать вѣтляныимъ пешутушкамъ.
И про меня да про безсчастную головушку;
И хоть я со́йду на крестьянскую роботушку,
Я пгорюша, оутрышку, вѣдь ранёшенько,
И не жалiю я, побѣдна, своей силушки,
И не своихъ да я, безсчастна, бѣлыхъ ручепекъ
И все на этой на крестьянской я роботушкѣ;
И не поглядаю, горюпа, я—побѣдная,
И выше лѣсушка вѣдь я да по поднебесью,

II не гляжу, бѣдна, на красно это солнышко,
II я не мѣшкаю часовъ да все минутныихъ:
II все я думаю, побѣдная головушка:
Я бы прячучи роботушку припрятала,
Я заботушкой крестьянску бы сроботала;
II все я мыслю-то безсчастной своей мыселью,
II я сама себя, горюна, не жалѣю вѣдь:
II може, въ честь дойду я братцамъ богоданымъ
II въ доброумьице невѣстушкамъ голубушкамъ;
II хоть меня бѣдну, горюшу, ненавидѣли бъ,
II хоть бы дѣтушекъ моихъ да не обидили,
II отъ дубоваго стола да не отдёрнули,
II во обидную головушку не щолнули;
II знать, роботушкой добротушки мнѣ не́-видать
II малымъ дѣтушкамъ краснословьица вѣдь не́—слыхать;
Я приду да со роботушки поздпёшенько,
II какъ мои бѣдны сиротны малы дѣтушки,
II оны спятъ да малы дѝти голодпёшеньки,
II на полу́ бѣдны дѝти да на дубовоемъ;
II имъ не у́стлана пуховая перинушка,
II какъ не у́брано имъ складнее зголовьице.
II по хорошему дѣти́ да не уло́жены,
II соболинымъ одѣяломъ не укрываны;
II оны спять бѣдны безсчастны на голы́хъ доскáхъ,
II бѣлы рученьки у ихъ да пораскиданы,
II бѣлы ноженьки у ихъ да поразметаны;
II не вѣдаютъ сердечны малы дѣтушки,
II меня стритить-то на ни́рокой на у́личкѣ,
II росказать мнѣ-ка горюнѣ—порозжалиться,
Што вѣдь голодны сердечны оны дѣтушки;
Я ступлю да во хоромное стросньице,
Я сгляну да тутъ во дверной этомъ у́голокъ
II на безсчастныихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
II малы дѣтушки вѣдь спять да призаплакавши:
II тутъ подломятся безсчастны рѣзвы ноженьки

И у меня да у побѣдной у головушки:
И тутъ сердечушко мое да за-обидится.
И буйна го́лова моя да закручинится,
И ушибать стане тоска неугасимая,
И удолять стане кручинушка великая;
И текуть слезы у горюши изъ ясныхъ очей.
И хоть труднымъ приду, горюшица, труднёшенька.
И хоть усталая приду да опристалая,
Хоть на роботушкѣ вѣдь я да притрудилася,
И хоть женску свою силу придержала всю,
И бѣлы рученьки, горюша, примахала вѣдь,
И не посмїю же, печальная головушка,
И на удохъ систь на брусовую на лавочку,
И услать—дѣтушкамъ пуховую постелюшку
И убрать дѣтушекъ побѣдныхъ—укуволить;
И тутъ спрошусь да у вѣтляныхъ нешутушекъ,
«И во дворѣ ль да вся любимая скотинушка?
И прїотвитя хоть вѣтляны нешутушки,
Мнѣ-ка съ грубости побѣдной, не съ весельица:
«И вся любимая скотинушка призабрана,
«И вечерная стряпа у насъ состряпана».
Я спрошусь еще, побѣдная головушка;
И доложусь да у вѣтляныхъ нешутушекъ:
«И накрывать ли мнѣ на столь да на дубовой,
«Мнѣ вѣдь ладить ли-то ужина вечорная,
«Вы дозволите ль, вѣтляны нешутушки?
«И вы допустите-ль къ столу да ко дубовому?
Хотя жъ йскоса они да вѣдь поглядаютъ,
Изрыхлѣ со мной вѣтляны спроговариваютъ:
«И, видно, го́лодна пришла да ты вѣдь хо́лодна.
«И ты спѣшишь все ко столу да ко дубовому
«Ты торопишься на спокойну тёмну ноченьку».
И тутъ пойду бѣдна, горюша, заобижуся,
И наклоню свою безсчастну буйну го́лову.
И утопло́ очи, горюша, о дубовой полъ,

И причитаю тутъ, горюша, потихошеньку,
И горьки слезушки рушу да помалёшеньку;
И съ горя сойду въ мелко-рубленую клѣточку,
И съ тоски сяду на тесовую кроваточку,
Я спибать стану безсчастны бѣлы рученьки,
Я къ безсчастному, горюша, ретливу сердчу—
И подожму съ горя я зяблую угробушку.
И съ тоски стану я, горюша, причитать,
И проливать стану, обидна, горючи слезы:
Спамячу да тепло-красное свое солнышко,
И свою милую надежную головушку,
И спамятую я великое желаньице;
И не забуду во всю лѣтну эту ноченьку;
И бывъ кокоша во сыромъ бору кокуе,
И также лѣтну эту ночь я протоскую.
И я раздумаюсь побѣдным своимъ разумомъ:
И хоть я въ горюшкѣ, побѣдна, на своей воли,
И хоть въ обидушкѣ, горюша, въ своей стороны;
И може, милая любимая семеюшка,
Ужъ лѣтной, може, день да на страженьицѣ,
И може, въ темную онъ ночь да на сторожьицѣ,
И на часйхъ стоитъ вѣдь онъ да на всеющихъ,
И все не имаетъ спокою темной ноченькой.
И подъ неволюшкой во службѣ Государевой:
И я того, бѣдна горюша, соболѣзную,
И жаль тошнёшенько надёжной мнѣ головушки;
И умомъ думаю-побѣдным своимъ разумомъ:
И нѣту въ живности надежной, знать, головушки,
И нѣту вѣсточки, горюшѣ, мнѣ не грамотки:
И не могу да знать, побѣдна я головушка:
«Аль ученьице ему было мученьице,
«И пришла да ему скорая смерётушка
«Со тяжелыихъ солдацкихъ побоюшковъ;
«Аль въ сраженьицѣ его да заразили
«И оружьицемъ его да застрѣлили

«Аль вострымъ копьемъ вѣдь грудь да прокололи.
«И сердечушко ль его тамъ кровью запечаталось.
И пораздумаюсь побѣдным своимъ разумомъ:
И далеко да свѣтъ надёженька повыслана,
И опъ во дальнюю сторонку не въ знакомую.
И во другую да опъ землю не въ бывалую,
И за горушки мой свѣтъ, да за высокіи.
И за темны лѣса, надеженька, дремучіи.
И онъ за синіи за славныи за морюшка.
И за круглыи за малыи озерышка:
И може, птиченька туды да не пролетывае,
И може: червышекъ туды да не проплывывае;
И не могу да знать печальная головушка.
И, може, нѣтъ да ему вольной столько волюшки,
И повзыскать тамъ писаречковъ хитромудрыихъ.
Што писать бы скорописчатую грамотку.
Еще въ умъ возму, побѣдна я головушка:
И, може, прибралъ бы слободну пору времечко,
И повзыскалъ бы писаречка хитромудраго,
И не пригодилось золотой казны по надобью—
И штобъ напять да писаречка хитромудраго:
И нашелся писаречикъ хитромудрый,
И не случилось листъ бумаженьки гербовыи.
И тамъ не́ — на чемъ писать да скорописчатоей грамотки.
О безсчастноемъ о солдацкоемъ живленьицѣ.
И горегорькоемъ ему да похожденьицѣ;
Ужъ какъ я же вѣдь, кручинная головушка.
И кабы знала я, горюша, про то вѣдала
И опъ въ какой землѣ, надёжа во какой орды,
И опъ въ какой орды да въ какомъ городѣ,
И почастёненьку я писемка писала бы:
И заложила бы я цвѣтно свое платьице.
И я богатому бъ сусѣду спорядовому,
И я бы взяла золотой казны безсчотноей,
И я сходила бы во уличку рядовую,

И обошла бы я вси лавочки торговыи,
И накупила бы я бумажеиьки гербовыи;
И я бы на́шла писаречика разумнаго,
Я разумна писаречка хитромудраго.
Хитроумна молодца̀ Новогородскаго.
И написала бы письмо да я умїючи:
Уписала бы, горюта, горючмы слезмы,
И запечатала писмо бы я кручинушкой:
И разсказала бъ я, побѣдная головушка,
И про свою да жизнь безсчастну про спротскую,
И про своихъ милыхъ безсчастныхъ этыхъ дѣтушекъ,
И каково да е отъ дядюшекъ желаньице,
И отъ дяденекъ вѣдь имъ да краснословьице;
И какъ тобя да мою милую сдержавушку,
И во злодїйну эту службу провожали,
И много всячины оны да засуляли,
И оны Господа въ поруку намъ давали.
И не обидятъ што солдатку горегорькую
И беречь будутъ-то сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ;
И какъ на службу-то тебя да проводили;
И въ одинъ годъ оны тутъ все да позабыли;
И безъ тебя да безъ надежиоей головушки,
И часто спятъ да малы дѣтушки безъ ужины;
И не обутыи оны да не одѣтыи;
И у стола да слывутъ дѣтушки ѣдучїи,
И во избы да твои дити хлопотливыи;
И я сама слыву, побѣдная головушка,
И отъ твоихъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ—
И я не трудничкой слыву да не работничкой,
И я не скорымъ слыву да послушаньицемъ;
И отъ невѣстушекъ слыву да я голубушекъ,
И слововольиоей солдаткой—самовольиоей.
И все отвѣтъ да с отъ братцевъ богоданыихъ
И ужъ какъ мнѣ-кова кручиноей головушкѣ:
«И ты не дольщица теперь да не участница—

«И все крестьянскоей вѣдь ты да нашей жирушки:
И пріотказана, безсчастна я головушка.
И отъ добраго хоромнаго строеньица,
И отъ любимоей вѣдь я да отъ скотинушки:
И какъ болѣзныи сердечны наши дѣтушки
И отъ дубоваго стола да пріотпѣхнуты,
И въ буйну го́лову оны да припащолканы.
И въ жолты во́лоса оны да принадерганы.
И какъ обидять-то безсчастныхъ нашихъ дѣтушекъ,
И у меня жъ тутъ у побѣдной у головушки,
И на три рядъ мое сердечко прирострескае,
И на четыре рядъ утроба переломае:
И теперь-нонѣчи, безсчастная головушка.
Я во дверноемъ, горюша, живу уголку.
И на дверноей, горюша, сижу лавочкѣ,
И по конецъ стола сижу да я дубоваго:
И безъ тобя да безъ надежноей сдержавушки,
И со сердечныма рожоныма со дѣтушкамъ,
Намъ ѣденьице побѣдныимъ. сухарики
Намъ питемьице, безсчастнымъ—холодна̀ вода.
И закатился-то катучій синей ка́мешекъ,
На моемъ да на безсчастномъ ретливо́мъ сердчѣ—
И всё на зяблую побѣдную утробушку.
Застудила-то теперь да холодна вода!
И во слезахъ да я не вижу свѣта бѣлаго.
И во обидушкѣ, горюша, красна солнышка;
И я не знаю то, горюша, проживаю какъ.
Быдто птиченька, горюша, заблудящая.
И одиноко въ ли́сяхъ деревче шатучее:
И быдто вёшная вода да розливается.
Такъ тоска у мня, побѣдной разгоряется.
И сытой выточки, горюша, не ѣдала,
И крѣпка сну, бѣдна горюша, не сыпала
Мнѣ въ осенну ночь кручина на-бъ высказывать.
И надо писарю вѣдь въ лѣтпой день выписывать:

И у меня да у безсчастной у головушки,
Ужъ вѣдь три поля кручинушки насїяно,
И три озерышка горючихъ слезъ наронено.
Охти мни—мнѣ-ка горюшицѣ тошнёшенько!
И не дай Боже вѣдь того, да не дай Господи—
И оставаться безъ надежныихъ головушекъ,
И возростать да вѣдь сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.,
И приголубить-то, сердечныхъ столько не́-кому
И огрубить-то—досадить да дитѐй есть кому;
И буйны вѣтрышки на дѣтушекъ навїются,
И спорядныи сусѣдки порозжалятся,
И нынь мнѣ да все кручинноей головушкѣ:
«Самово́льны твои дѣти безунемныи,
«И на ши́рокой на уличкѣ дерливыи,
«И што солдацкіи дѣти̇ да хлопотливыи»
И тутъ я сгруснуся, печальная головушка,
И ужъ я на́—своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ:
«И мнѣ-ка далъ Господъ Бладыка многомилосливой
«И мнѣ-ка на́—тоску дитей да на заботушку,
«И да мни на́—грѣхи дитей да на остудушку.
И я роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И куды класть-дѣвать сердечныхъ своихъ дѣтушекъ?
И во работнички ль отдать—дѣти малёшеньки.
И въ пастухи ли-то отдать—дѣти глупёшеньки.
Приклоню лучше безсчастну буйну го́лову
И я ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданыимъ,
И покорю свое ретливое сердечушко
И я ко милымъ ко вѣтляныимъ невѣстушкамъ,
Штобъ меня бѣдну горюшу не спокинули,
И не спустили бы безсчастныхъ моихъ дѣтушекъ.
И да ихъ но́—міру-то, бѣдныихъ, шататися
И по подоконью, побѣдныхъ, столыпатися.

Къ братьямъ богоданнымъ.

И вы послушайте-тко, братцы богоданы:
И моя мила какъ любимая сдержавушка,
И походилъ да какъ во службу Государеву,
Не раззорилъ вашей крестьянской онъ вѣдь жирушки,
И не распро́далъ вѣдь любимоей скотинушки,
И онъ оставилъ-то наслѣдство своимъ дѣтушкамъ:
Уже такъ мнѣ-ка, горюшицѣ тошнёшенько.
И какъ вы дѣтушекъ моихъ да пріобидите,
И да вы грубымъ словечкомъ пріогрубите.
И кабы знали свѣты-братцы да вы вѣдали,
И каково да жить во службѣ Государевой:
И отдали́ да кажетъ служба хорошохонька,
И какъ служить да вѣдь солдатомъ тру́дно-тя́жело.
И туды свѣтушки вы братцы не сдавалися,
И отъ приемноей полаты удалялися—
И пожалѣли бы солдата горегорькаго,
И своего да свѣтушка братца родимаго,
Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
И по присутствіямъ, горюша, находилася.
И во приемноей полаты настоялася,
И ретливо̀ сердчѐ мое да надрожалося;
И насмотрѣлася, кручинная головушка.
На безсчастныхъ молодцевъ да не талантныхъ,
На безсчастныхъ рекрутовъ да на мо́лодыхъ;
И не глядили бы побѣдны ясны очушки:
И лучше бъ на́—свѣтѣ бурлакушки не ро́жены,
И во приемну бы полатушку не вожены:
И въ одинъ часъ да куды все у ихъ дѣвается,
И красота съ лича у ихъ да потерялася,
И вольна волюшка у ихъ да миновалася:
И какъ повыстанутъ по утрышку ранёшенько,
И не со радости оны да обуваются,

И не съ вёсела оны да умываются,
И не по разуму во платье одѣваются.
И не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
И какъ служить да въ грозной службѣ Государевой!
Ихъ повыведутъ на широку на у́личку,
И порозставятъ середи двора да бѣлаго,
И во шариночку солдатовъ новобранныхъ:
И да вы стойте-тко солдатушки прямёшенько,
И говорите-тко солдаты веселёшенько;
И какъ начальникъ кругомъ около похаживать.
Ужъ онъ вострымъ тесакомъ идё-позванивать,
И новобраннымъ солдатамъ выговаривать:
«Съ руки на руку оружье перекидывайте.
«И выше буйной головы ружье сдымайте-тко.
И отдали да камандеръ стоитъ поглядаетъ:
«Што солдатушки стоятъ ли — не шатаются ль,
«Што оружьица у ихъ да не мѣшаются ли.
И какъ у этыхъ солдатовъ новобранныхъ,
И у ихъ на́крѣпко сердечушко подтянуто,
И у ихъ на́плотно ремни да призастегнуты.
И много видѣла, печальна я головушка,
И все на двухъ да на учетныхъ недѣлюшкахъ;
И какъ была я въ славномъ городѣ Петровскомъ—
И наглядилась на солдатовъ новобранныхъ—
И у меня тамъ да у побѣдной у головушки
И перетрескало ретливое сердечушко,
Столько гля́дючи на красное на солнышко.
И не дай Боже вѣдь того, да не дай Господи
Глядѣть-смотрить да на безсчастныхъ солдатушковъ:
И горька жизнь да вѣдь солдацка подневольная,
И подневольна эта жизнь да подначальная:
И какъ не выйдешь-то, солдать да новобраной,
И безъ спросу-то на ши́року на у́личку,
И непоглянешь-то, солдать да новобраной.
И безъ докладу во косѣвчато окошечко;

И столько нѣтъ да имъ солдатамъ воли вольной.
И не на Владычной-то Господень Божій праздничекъ,
И не на свѣтлое Христово воскресенъице:
И на отдыхъ да вѣдь солдатушкамъ—ученъице,
И на утѣхушку солдатамъ—сабли вострыи,
И имъ на праздничекъ—оружія завосныи.

Къ братьямъ роднымъ.

И вы послушайте-тко братьицы родимыи.
И мои милы соколочки златокрылыи!
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
Какъ у меня да у печальной у головушки,
И не пустѝла хоть родима моя ро́динка
И на пріѣзды е вѣдь братьица родимыи,
И на стрѣтаньице вѣтляныи пешутушки,
И угостятъ меня горюницу по прежнему.
И какъ дождусь да я Владычна Божія праздничка,
И все на вашей на прогульноей на уличкѣ.
И соѣзжаться станутъ добры эты людушки.
И приберается буде родъ иземя любимое,
И соберу да я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
И я пойду, бѣдна кручинная головушка,
И на свою да на родимую на родинку;
И не одѣнусь хоть во цвѣтно я во платьице,
И не по прежнему въ любимую покрутушку,
И сиротой иду, горюша, безпріютноей,
Ужъ я къ вамъ да свѣтушкамъ братцамъ родимыимъ.
И хоть увидите вы, братьица родимыи,
И меня йдучи по чйстому по полюшку
И подходя жъ да ко крылечику черному:
И не убойтесь, свѣты—братьица родимыи.
Ужъ какъ мо́его великаго безсчастьица,
И не поло́хайтесь невѣстушки-голубушки,

Да вы мóего проклята безталаньица:
И вы не стритьте хоть на шúрокой на ýличкѣ,
И не заприте-тко новыхъ сѣнéй рѣшотчатыхъ,
И не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ:
И ужъ вы добрыихъ людéй да постыдитесь-ко:
И вы пустите въ домъ крестьяску свою жирушку,
И до своей да до брусовоей до лавочки,
И со сердечнымa со малымa со дѣтушкамъ;
И я не гóлодна приду, бѣдна, не хóлодна,
И не гля хлѣба — приду — соли паѣданьица,
И не гля сладкiихъ приду да упиванъицей.
Я приду, бѣдна кручинная головушка,
И на совѣтъ приду на крѣпкую на думушку,
И на роздiй приду великоей кручинушки.
И когда прежъ сего да этой поры времячки,
И я ходила на родиму какъ на родинку,
И тутъ сердечушко мое да взвеселялось;
И какъ желанны были братьица родимыи,
И какъ спацливыи витляныи непуточки,
И меня стритили на шúрокой на ýличкѣ,
И принимали за любиму меня гостьицу,
И со мной сдiяли вѣдь доброе здоровьице,
И проводили вѣдь во свéтлую во свéтлицу
И все садили ко столу да ко дубовому,
И все на стульица садили на кленовыи.
И теперь нонь приду кручинная головушка,
И во печальноемъ обидиномъ приду платьицѣ,
Я не въ радости приду да не въ весельицѣ,
И не во радости вѣдь праздникъ провожать буду;
И посижу да на родимой я на родинкѣ,
Я подъ милыимъ косéвчатымъ окошечкомъ,
И прогляжу въ слезахъ на шúроку на ýличку:
И хоть тамъ прúду я, печальная головушка,
И къ вамъ вѣдь милы свéтушки-братцы родимыи;
И хоть съ обидушкой приду, бѣдна, съ кручинушкой—

И со бѣзсчастныма сердечныма со дѣтушкамъ,
И хоть вы примите за гостьицу любимую,
И вы за милую сестрицу за родимую,
И ваша жирушка съ того не оскудаетъ,
Што вы прѝзрите солдатку горегорькую,
И вы солдатскихъ сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
Не подивуютъ вамъ вѣдь добры того людушки,
И не посудятъ спорядовыи сусѣдушки;
И говорить да будутъ добры того людушки:
И, знать, разумны-свѣтушки́ братцы родимыи.
И не чужаются сестрицы—горегорькоей:
Но по прежнему, горюшицу стрѣчаютъ;
Но по старому, горюшу, провожаютъ.

Надаетъ отъ ноги братьямъ и продолжаетъ:

И вы глядите-тко народъ да люди добрыи,
И вы окольни спорядовыи сусѣдушки,
И на бѣзсчастную солдатку горегорькую:
И будто травынька къ земли да нагибается.
И сирота-то мать солдатка поклонится,
И своимъ да свѣтушкамъ-братцамъ родимымъ.
И какъ со малой вышины да до сырой земли.
И все по малы-то червышки свиваются,
И какъ солдацки бѣдны дѣти покаряются
И ко своимъ да ко спацливымъ отцы дядюшкамъ.

Къ братьямъ:

И столько слушайте скачоныи жемчужники,
И мои милы свѣтушки́ братцы родимыи,
И дороги да сокольчки златокрылыи!
И когда прежъ сего да этой поры времечки,

II было вложено великое желаньице
II до меня да безсчастной до горюшицы;
II теперь поиь-- да сирота я безпрïютная:
II ни гдѣ нѣту да вѣдь талосй талиночки,
II не въ комъ нѣту мнѣ великаго желаньица.
II какъ посли своей надежиосй головушки.
II воспокинуть свѣты братцы богоданыи,
II прïоткажуть отъ крестьянской меня жирушки.
II не кормители сердечнымъ моимъ дѣтушкамъ.
Я корюсь еще, скачоны вамъ жемчужники:
II возьмите-тко печальную головушку,
II вы къ себѣ да на родиму меня родишку,
II меня въ домъ бѣдиу, горюшицу, подворницей,
II вы во дворъ меня, горюшицу, коровницей;
II вы во лѣтиыи, горюшу, во работнички,
II вы во зимныи, горюшу, водоношички,
II со обидныма сердечныма со дѣтушкамъ.
II вы послушайте-тко братьица родимыи:
II я пойду хоть со родимой своей родишки,
II вознесу да вамъ спасибо съ благодарностïю,
II за великое вѣдь ваше за желаньице,
II за сердечное за ваше за радѣньице;
II не смѣю я, печальная головушка,
II къ себѣ звать да васъ въ любимое гостибище,
II на Владычный васъ Господень Божiй праздничекъ:
II столько не́-своя вѣдь вольна с вѣдь волюшка,
II да васъ стритить свѣтушковъ братцевъ родимыихъ
II на прогулушкѣ на широкой на у́личкѣ,
II да васъ звать-честить въ хоромное строеньице;
II на-бъ спроситься мнѣ у братцевъ богоданыихъ;
II доложиться у невѣстушекъ голубушекъ.
II столько слушайте, свѣтушки́-братцы родимыи
II дороги да соколочки златокрылыи!
II хоть въ сиротской я побѣдной буду жирушкѣ,
II во солдацкосмъ, горюша, положеньицѣ,

И вы зайдите-тко, скачоныи жемчужинки,
И засмотрите-тко печальную головушку,
Во побѣдносмь безсчастноемъ живленьицѣ,
И вы—моихъ да вѣдь сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ.

Братья жалеютъ, унимаютъ отъ слезъ,

Ласкаютъ и уговариваютъ; она отвѣчаетъ:

Дай—волю-те теплы-красны мои солнышки.
И мои милы свѣтушки братцы родимыи!
И не жалійте-тко печальноей головушки;
Кабы знали, свѣтушки, да про то вѣдали:
И какъ долитъ тоска великая кручинушка,
И унывать да какъ ретливое сердечушко.
И охти мни—мнѣ-ка, горюшицѣ, тошнёшенько:
И мнѣ-ка жаль тошно надёжноей сдержавушки.
И не жалійте, свѣтушки-братцы родимыи,
И вы меня бѣдну кручинную головушку:
И со кручинушки смерётушка не прядe,
И со тоскичушки душа съ грудей не выде:
И мое личушко теперь да не бумажное:
И текутъ слезы у горюши—не скачонъ-жемчугъ.
Ужъ какъ жила да я, печальная головушка.
И я за умноей, за надежноей сдержавушкой
И какъ пчела въ меду, горюшица, купалася,
Ужъ я такъ жила, побѣдна, взвеселялася;
И не начаялась, горюша, не надѣялась.
Што разстануся съ надежной со головушкой,
Я со этымъ со великимъ желаньицемъ,
Со сердечнымъ великимъ краснословьицемъ
И на сдивленьице вѣдь добрымъ было людушкамъ.
И былъ онъ изо ста, мой свѣтушко, изъ тысячи;
И красота была въ личѣ да красна солнышка,
И его личушко-то было снѣжку бѣлаго;

И было много ума-разума въ головушкѣ,
И много розмыслу въ ретливосмъ сердечушкѣ.
И какъ послѣ своей надёжноей сдержавушки,
И надо жить бѣдной горюшицѣ умѣючи;
И при кручинушкѣ горюшѣ быть—не плакать:
И хоть тоскую я, горюшица, стонаю;
И говорятъ да столько добры того людушки:
«И все не жаль да ей надёжноей головушки,
«Она зря да рутить горьки столько слезушки.
И не радѣла бы, побѣдная головушка,
Я вѣдь добрымъ, горюша, столько людушкамъ,
И молодымъ женамъ съ мужьями розставатися,
И отправлять да имъ надёжныихъ головушекъ
И во злодійную эту службу Государеву.

Къ богоданой матери:

И мнѣ пойти бѣдной кручинноей головушкѣ,
И со печальными сердечными со дѣтушкамъ,
И повзыскать да богодану свою матушку,
И малымъ дѣтушкамъ желанну эту бабушку,
И мнѣ поклонъ воздать, вѣдь ей да до сырой земли—
И сжаловалась до болѣзныхъ бы до внучатокъ,
И до моихъ да до сердечныхъ бѣдныхъ дѣтушекъ.
И какъ гляжу—смотрю, кручинная головушка,
И на свою да богодану гляжу матушку:
И что сидитъ да богодана моя матушка,
И на брусовоей сидитъ да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальнымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И подъ туманноей стекольчатой околенкой,
И что сидитъ да чужихъ басенъ пріослухавши,
И у молодушекъ она да разговорушекъ,
И знать, у дѣвушекъ веселыхъ она писенокъ;
И прозабыла, знать, сердечно свое дитятко.

И пораздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ:
«И не задумавши сидить да закручинивши,
«И закручинивши она да пригечаливши,
«И буйна голова у ей да вѣдь приклонена,
«Испы очушки въ дубовой полъ утуплены.
И не поставь во гнѣвъ, богодана моя матушка.
И ты за грубость-то теперь да за великую;
И попеняю же при добрыхъ тебѣ людушкахъ:
Я пороскажу при добрыхъ сусѣдушкахъ,
И не жалила што сердечно свое дитятко,
И мою милую надёжную сдержавушку;
И ты послушай, богодана моя матушка:
И хоть была да ты во городѣ Петровскомъ;
И отдали да ты родитель удалялася,
И отъ сердечнаго болѣзнаго отъ дитятка;
И ты не-дождалась во городѣ Петровскомъ,
И ты не видла вѣдь солдата новобранаго,
И сокрутили какъ побѣдныхъ во ученьице,
И срядили какъ безсчастныхъ въ похожденьице.
И роскажу жъ да богоданой тебѣ матушкѣ:
И какъ съ надёжой я, горюша, разставалася—
И со сердечнымъ рожопымъ твоимъ дитяткомъ,
И онъ челомъ да билъ, надёжа, низко кланялся,
И вкупи всимъ, да онъ вѣдь сродчамъ милымъ сродничкамъ,
И всимъ приближнимъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
И въ собину теби поклонъ да челобитьице;
И онъ просилъ еще родительско прощеньице,
И онъ прощеньице просилъ съ бласловленьицемъ,
И на вѣки-то просилъ да нерушимыи.
И онъ еще просилъ, родитель, все наказывалъ:
И пусть помолится родитель—родна матушка,
И она Господу Владыкѣ отъ желаньица,
И обо мни да о солдатикѣ безсчастноемъ.
И што-бъ далъ Господи мни доброе здоровьице,

И мнѣ-ка службу-то, солдату, не тяжолую;
И на ученьицѣ-вѣдь быть да мнѣ понятному,
И сохранилъ бы меня Господи помиловалъ,
И на страженьицѣ меня да на великоемъ,
И отъ оружьица меня бы завоспнаго
И отъ копьевъ—штыковъ меня да все отъ вострыихъ.
И опъ еще просилъ родитель тебя матушку,
И опъ съ солдацкима просилъ да горючмы слезмы:
«И малыхъ милыихъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ,
«И ты посила бы на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
«И уласкала бы сироть да безпрїютныихъ—
«И словно милое рожоно свое дитятко.
«И ты послушай богодана моя матушка:
И кажись, вси равны сердечны тебѣ дѣтушки,
И не ровно жъ твое великое желанъице.
И не попустишь, ты родитель, наша матушка,
Не умильное складно́е причитаньице,
И по сердечноемъ болѣзномъ своемъ дитяткѣ,
И по безсчастноемъ солдатѣ новобраноемъ;
И, вѣрно, у сердча, родитель, не носила,
И трудно-тя́жело его не спородила,
И ты желанья до его не попустила.
Ужъ какъ спа́хнуся, печальпая головушка,
И за свою милую надёжную сдержавушку,
И все долитъ тоска великая кручинушка:
И ты послушай богодана еще матушка:
И какъ любимыи, талапны твои дѣтушки,
И во своемъ оны хоромноемъ строеньицѣ,
И оны на́-своей на вольноей на волюшкѣ,
И все на-радости оны да на веселъицѣ;
И какъ моя бѣдна́ надёжная головушка,
И кажной день—да опъ на службѣ Государевой,
На часахъ да опъ съ оружьемъ завоспнымъ,
И съ инсталетами вѣдь опъ да зарукавпыма;
И за всегда-жъ, моя надёжа, подъ неволюшкой

И подъ великой, надёжа, подъ заботушкой,
И опрѣшенной отъ родимой своей родники,
И отрѣкшуви отъ любимой семеюшки,
И отмѣнивши отъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
Какъ спамячу да я надёжную головушку,
И рвучи-рветъ мое безсчастное сердечушко—
И трескомъ-трескае безсчастная утробушка.
И свѣты братьица мои да какъ разъѣдутся,
И по любимымъ гостибщамъ разойдутся,
И о Владычныихъ Господнихъ о праздничкахъ,
И столько я да тутъ, кручинная головушка,
И по хоромному строеньицу похаживаю,
И по мостиочкамъ я дѣтушекъ поваживаю;
И я пошу, бѣдна, бладенца на бѣлыхъ рукахъ
И причитаю я, горюша, день до вечера,
И проклинаю я судьбу да все безсчастную:
«И ты судьба ли моя-участь безсчастная,
«И горька молодость моя да не талянная!
И тутъ пойду съ горя во нову да я горенку,
И ко бурлацкому снарядному я платьицу,
И въ руки возму тутъ сапоженьки козловыи,
И на бѣлы груди желеточку шелковую—
И прилагаю я ко блёклому ко личушку,
И прижимаю ко ретливому сердечушку;
И тутъ кручинушка моя да не уходится:
И сердечушко мое не взвеселяется.
И съ горя кинуся къ ларчамъ я окованымъ,
И отмыкаю я замочки щелкотурныи;
И тутъ я возму листъ бумаженьку гербовую,
И я патретъ да его бѣло это личушко;
И я на стѣнушку кладу да на вечовую,
И я на стопочку кладу да на точоную,
И отходя жъ да я патрету покланяюся;
И тутъ еще больше тоска у меня росходится,
И еще пуще тутъ обида розгорястя;

II снова брошусь я къ ларчамъ да окованымъ,
II съ тоски возму его жолты кудерышка,
II во безсчастны возму да я во рученьки.
II прижимаю я ко бѣлому ко личушку,
II я не-какъ, бѣдна, вѣдь тутъ не взвеселюся,
II все великоей тоской да ушибаюся,
II во слезахъ да цѣлой день я прокоротаю;
II тутъ гляжу да на путь-широку дороженьку,
II какъ идутъ да спорядовы сусѣдушки,
II отъ Владычнаго Господня Божія праздничка,
II на ихъ цвѣтное-то платье разцвѣтасть,
II у ихъ бѣлое личе да розгорятся;
II у меня-жъ да у побѣдной у головушки,
II на Владычной-то Господень Божін праздничекъ,
II призаплаканы побѣдны ясны очушки,
II пріутерто вѣдь поблёкло мое личушко.
II съ горя выду на крылечико перёпое,
II со кручины на прогульную на уличку,
II со обиды на путь-широку дороженьку:
II на доспросъ возму спорядныихъ сусѣдушекъ:
‹II вы были у Владычнаго у праздничка,
‹II вы не видѣли-ль, сусѣдушки, не слышали-ль,
‹II уже нѣтъ ли гдѣ салдатушка прохожаго,
‹Какъ со этой грозной службы Государевой,
‹II нѣтъ ли вѣсточки, горюшѣ, да вѣдь грамотки;
II все я-думаю побѣднымъ своимъ разумомъ:
II возрадуютъ печальную головушку,
II взвеселятъ, може, ретливое сердечушко.
II пріотвитятъ тутъ спорядны сусѣдушки:
— И прости-йзвини, солдатка горегорькая,
— Мы прохожаго солдата не видали,
— Письма-грамотки вѣдь мы да не слыхали.
II тутъ пойду, бѣдна горюша, заобидуюсь.
II тутъ ни гдѣ моя кручина не отвяжется,
II отъ меня тоска злодійна не останется.

И съ горя́ бро́шусь я во чистое во полюшко,
И со тоски я на зелёную дубровушку,
И тутъ я сяду на катучій бѣлой ка́мешокъ,
И тутъ повыскажу великую обидушку,
И ручу слёзушки, горюша, во сыру̀ землю,
Штобъ не знали бы вѣдь до́бры эты людушки,
Не спровѣдала любима бы семеюшка,
И мои милы свѣты-братцы богоданы,
И не видѣли бъ вѣтляны непутушки,
И слезно плачутца *) горюши причитаютца **)
Я приду да хоть со чистаго со полюшка:
И какъ у праздничка, безсчастна, побывала,
Я великую кручину розсказала:
И этотъ ка́мешекъ съ чиста поля не скатится,
И кручина въ до́бры люди не роскажется—
И не въ укоръ буде отъ братцовъ богоданыхъ,
И не въ присловье отъ невѣстушекъ голубушекъ,
И съ горя́ брошусь я, безсчастная головушка,
Я ко милосей спорядноей сусѣдушкѣ,
Я ко этой вѣдь вдовы благочесливой,
Приду-сяду на брусову я на лавочку,
Ужъ я сдю̀ съ ей вѣдь доброе здоровьицо,
И спрого́ворю сдиное словечушко:
«И хоть насъ не́-одна родитель спородила,
«И одинмъ—участью—талантомъ надѣлила:
«И ты послушай, спорядовая сусѣдушка,
«Ужъ ты, вдовушка, побѣдная головушка:
«И поразді́емъ мы великую кручинушку.
«И знаю-вѣдаю, кокоша горегорькая,
«И у тобя да у спорядной у сусѣдушки,
«И хоть отпущена надёжная сдержавушка,
«И не въ злодійну у ти служ́бу Государеву,

*) Вм. плачучи.
**) Вм. причитаючи.

«И все во матушку вѣдь онъ да во сыру землю.
«И хоть во погреба отпущенъ во глубокіи;
«И столько знашь-вѣдашь, спорядная сусѣдушка,
«Гдѣ обложена могилушка умерная;
«И по часту̀ ходишь въ любимо во гостибище;
«И на Бладычный ты Господень Божій праздничек,
«Да вѣдь сходишь на могилушку умершую,
«И потоскуешь ты, горюша, горекуешь,
«И знаешь-вѣдаешь ты вѣчно поминаньице;
«У меня жъ какъ у побѣдной у головушки
«И далеко моя надёженька отпущена,
«И во злодійну онъ во службу Государеву,
«И не могу да знать, горюша горегорькая.
«Уже въ живности ль, надёжная головушка,
«И нѣтъ ни вѣсточки, горюшицѣ, не грамотки.
«И нѣту низкаго поклона челобитьица.
«Ужъ я лучше бы, безсчастная кокошица,
«И во сыру землю сго да опустила бы,
«И до Божьей Церквы, горюша, проводила бы;
«Я поставила бы крестъ животворящій,
«Я на этой бы могилы на умершеей;
«Я бы по́-часту, горюшица, учащивала,
«Я бы по́-долгу, горюшица, усѣживала,
«И на Бладычный бы Господень Божій праздничек,
«И на свѣтло бы Христово воскресеньице,
«И все у сво́ей бы надежной сдержавушки.
Я еще спрошу, печальная головушка,
И у тобя бѣдна вдова благочесливая:
«И также ростишь ты сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
«И ты придай мни ума-разума въ головушку,
«И размышленьица въ ретливое сердечушко;
«И также мо́лода вѣдь ты же оставалася:
«И какъ жить да мни, побѣдной головушкѣ.
И тутъ отвѣтъ держитъ, спорядная сусѣдушка:
И ты послушай, моя милая сусѣдушка,

И ты безсчастная солдатка горегорькая:
И безъ краснаго миженьска тебѣ солнышка,
И отложить да па-бъ Владычни эты празднички.
И па-бъ забросить все любимая покрутушка:
И у своихъ да свѣтовъ-братцевъ богоданыихъ,
И безъотвѣтной быть, горюшѣ, на-бъ работницей,
И на-бъ на лавочкѣ, горюшѣ, не посѣживать,
И надо по́-часту въ окошко не поглядывать,
И на-бъ на уличкѣ съ сусѣдкой не постивать;
И какъ ростить-то сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ.
И надо плеточкой, горюшѣ, обвиватися
И надо ласково, горюшѣ, обходитися
И все ко свѣтушкамъ ко братцамъ богоданымъ.

Къ братьямъ богоданымъ:

Ужъ вы слушайте-тко братцы богоданы,
И мои милыи скачоныи жемчужники!
И столько въ томъ прошу васъ, красны мои солнышки,
И когда сядемъ мы за столъ да хлѣба купать:
И вы йскоса вѣдь тутъ да не смотрѣли бы,
И вы съ лихости вѣдь мнѣ не говорили бы,
И на праздничекъ меня да не слезили бы;
И хоть моихъ да вы сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ
И хоть бы не́—взяли на бѣлыи тамъ на рученьки.
И все погладили по буйной бы головушкѣ;
И тутъ сердечушко мое да взвеселилось бы,
И родны дядюшки до ихъ да сжаловалися,
И што погладили по бладой по головушкѣ:
И я еще прошу скачоны васъ жемчужники:
И хоть тамъ прйдете вы, братцы богоданы,
И отъ Владычнаго Господня Божія праздничка,
И вы подобрите сердечныхъ моихъ дѣтушекъ,
И принесите-тко любимыи гостинечки;

И хоть не яблочковъ прошу да я садовыхъ,
И хоть по пряничку бы дѣтушкамъ грошовому;
И пойдутъ дѣтушки отъ васъ да взвеселяются;
И какъ придутъ они во дверной ко мни уголокъ
И къ безталанныимъ моимъ да бѣлымъ рученькамъ,
И станутъ радовать побѣдную головушку,
И нарекать станутъ безсчастну меня матушку:
«И сжаловалися желанны о насъ дядюшки,
«И столько сдобрились спацливы эты дядюшки;
Ужъ какъ я да сирота тутъ безпрїютная;
И возму дѣтушекъ на бѣлы свои рученьки,
И я прижму да ихъ къ ретливому сердечушку,
И поросплачусь я, побѣдна, разгорююся:
«Ой же, глупы малы дити неразумныи,
«И вы па радости теперь да на весельицѣ
«И за любимыи сердечныи гостинечки.
И вознесу да тутъ, побѣдная головушка,
Я спасибо свѣтамъ братцамъ съ благодарностїю;
«И што не—обошли сердечныхъ моихъ дѣтушекъ».
И сама да тутъ, побѣдна, ростоскуюся,
И ростоскуюся, побѣдна, поросплачуся,
И сговорю да тутъ сердечнымъ своимъ дѣтушкамъ:
«И кабы счастливы вы были да талантны,
«И былъ бы при-доми родитель-то вашъ батюшко.
«И наше милос любимо краснословьице,
«И завсегда жъ были любимы бы гостинечки,
«И вамъ сердечныи, любимы бы подарочки;
«И онъ держалъ всегда на бѣлыхъ бы на рученькахъ,
«И ублаждалъ бы онъ сиротныхъ да васъ дѣтушекъ.
И теперь поньчи сироты малы дѣтушки,
И какъ упалыи загнаны сѣры заюшки,
И хоть вы по-избы бѣдны дѣтїи похаживаете,
Точно бѣлочки на дядюшекъ поглядываете,
И отъ ихъ ласкова словечка дожидаетесь;
У меня да у побѣдноей у головушки,

И безъ огня жъ мое сердечко разгоряется,
И все безъ лютоей смолы да розскипляется —
И на васъ смо́трячи, обидны мои дѣтушки;
И на четыре рядъ утроба перетрескала,
И да васъ ро́стячи сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.
И не надіюсь я, печальная головушка,
И когда выращу сиротныхъ да васъ дѣтушекъ.
И я избуду отъ великоей заботушки,
И позабуду всю великую кручинушку.
Ой, роздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И хоть повыращу до полнаго до возрасту,
И не убавится кручинушки, прибавится,
И на моемъ бѣдномъ ретливоемъ сердечушкѣ:
И лучше мать сыра земля да розступилась бы,
И я съ горы́ да отъ васъ, дѣтушки, укрылась бы
И все не ржавѣло бъ побѣдно ретливо̀ сердчѐ—
И все по васъ да по болѣзныхъ своихъ дѣтушкахъ,
И въ собину да по надежной бы головушкѣ!
Ужъ какъ ро́стячи сердечныхъ да васъ дѣтушекъ—
И вѣдь головушка моя да все состарется,
И не порой да моя молодость прокатится,
И какъ придержится безсчастна моя силушка,
И примашутся побѣдны бѣлы рученьки,
И бѣлой свѣтъ да со ясныхъ очей стерятся,
И меня то́ страшитъ печальную головушку:
И кто обуетъ мои рѣзвы эты поженьки,
И кто одене́тъ-то безсчастны мои плечушки,
И кто воскормитъ-то пристарщую головушку?

Къ сусѣдамъ:

Вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы милы спорядовыи сусѣдушки,

И на безсчастныихъ солдацкіихъ на дѣтушекъ!
И не въ господской живу, да бѣдна. жирушкѣ,
И я въ безсчастносмъ побѣдносмъ живленьицѣ,
И дѣтямъ горькое сиротско пропитаньице.
Какъ безъ своего родителя безъ батюшка
И не цвѣты падутъ съ сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ!
И возростать станутъ солдацки малы дѣтушки,
И воскликать будутъ безсчастну меня матушку,
И станутъ спрашивать побѣдную головушку—
Про спацливаго родителя про батюшка,
И про сердечное великое желаньице;
И отвѣчать буду, побѣдная головушка,
И во слезахъ да я солдацкимъ своимъ дѣтушкамъ:
«И вы послушайте, безсчастны малы дѣтушки:
Я не знаю же, побѣднушка, не вѣдаю:
И я въ давни́ да вѣдь съ надёжей разставалася:
Я въ горя́хъ годовъ, побѣднушка, не знала;
И въ сиротахъ-слезахъ, горюша, прозабыла,
И какъ которой же учетный иде годышекъ.
И какъ безъ своей безъ надежноей головушки.
И глупы-малы вы—дити́ да поостался,
И вы родителя, безсчастны, не видали,
И вы съ того—ма́ла въ безсчастносмъ живленьицѣ.
И во великой во злодійноей обидушкѣ;
И вы не знасте сердечны бѣдны дѣтушки:
«И што како-жъ живетъ родительско желаньице»
И вы глядите-тко на милыхъ поровечниковъ:
И кои счасливы вѣдь е да все талашны,
И у ихъ при́—дом родители желанны,
И тыи убраны дити́ да хорошохонько,
И на уличкѣ играютъ весело́шенько:
И тыи дѣтушки сусѣдскіи улажены,
И у ихъ буйны головушки заглажены,
И имъ по ноженькамъ сапоженьки уширваны.

И я гляжу—смотрю, побѣдная головушка,
И все на васъ да я солдацкихъ малыхъ дѣтушекъ:
И хоть вы выдете на шйроку на у́личку.
И опришены вы отъ малыхъ поровечничковъ,
И отрекшувши отъ дѣтей да вы отеческіихъ:
И ваши го́ловы вѣдь е да не заплажены,
И вы сиротны мои дѣти не улажены,
И по рѣзвымъ ногамъ сапожки не ушиваны;
И не посмѣете, безсчастны мои дѣтушки
И подойти да къ своимъ малымъ поровечникамъ:
Отдали́ отъ ихъ бѣдны дѣти постанваютъ,
И со стороны бѣдны несчастныи, поглядываютъ;
И тыи дѣтушки надъ вама наругаются,
«Што солдацкіи вы дѣти самовольныи»,
И у меня жъ да у печальной у головушки.
Да тутъ сходится тоска не угасимая,
И на моемъ злом на ретливосмъ сердечушкѣ
Што опришены вы сердечны мои дѣтушки,
И не весели на шйрокой на у́личкѣ,
И обижаютъ васъ робята все отеческіи.
И хоть я выду тутъ на шйроку на у́личку,
И сговорю дитямъ вѣдь малое словечушко:
«Вы обидныи сердечны мои дѣтушки,
«И отдали́ да вы стоите при обидушкѣ,
«И на слезахъ вы при великоей кручинушкѣ,
«И што не примутъ васъ любимы поровечники,
«И оны въ най играть вѣдь васъ не привѣчаютъ;
«И вы подите-тко, сердечны мои дѣтушки,
«И вы ко свóему хоромному строеньицу,
«И вы ко этому крылечику черёному
«И подъ свои да подъ косѣвчаты окошечка,
«И тутъ играйте-тко сердечны мои дѣтушки.
Не дай Боже вѣдь того, да Боже Господи,
Какъ на семъ да на бѣломъ свѣтѣ—

И сиротъ ростить-то безсчастныхъ малыхъ дѣтушекъ.
И у меня-жъ да у побѣдной у головушки
И всякой день моя утроба перетрескае,
Ужь какъ глядячи на солдацкихъ на дѣтушекъ:
Отъ добрыхъ людей—они дѣти отмѣнныи,
И на уличкѣ они да оприщенныи,
И отъ отеческихъ дѣтей да отломилися.

III.

ПЛАЧИ — ПРИ ПРОВОДАХЪ СОЛДАТА СЪ ПОБЫВКИ.

Ирины Ѳедосовой.

Вопитъ жена:

И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Отдали-жъ да во косѣвчато окошечко.
Во раздольице, горюша, во чистó поле.
И на эту почтовý ямскý дороженьку,
И съ часъ съ часочику, горюша, сожидаю я.
И хто путемъ идё дорожкой, замѣчаю все;
Въ гости жду къ себѣ надёжную головушку:
Умомъ думаю, печальнымъ своимъ разумомъ:
И може, прúде тутъ, надёженька, объявится;
Я бы дóждалась, горюша, взрадовалася;
Я бы стритила во чистоемъ во полюшкѣ,
И на пути да на широкой бы дороженькѣ,
И на прогулушкѣ на широкой на улушкѣ;
Я бы въ тý—пору, горюша, взвеселялася,
И веселымъ была, горюша, веселешенька;
И какъ бы въ тý—пору у мня бы въ тос времечко.
И бѣлой свѣтъ бы у крылечка розсвѣтился,
И красно солынико у насъ въ домы порóсекло бъ.
И какъ свитель мѣсяцъ въ полночь да поразсвѣтился бъ.

И часты звѣзды подъ утро возсіяли бы,
И малы дѣтушки того да взрадовались бы,
Што вѣдь дóждались великаго желаньица,
Бывдто свѣтлаго Христова воскресеньица;
И я на радости бы тутъ да на веселыцѣ,
И прозабыла всю велику бы кручинушку,
И отложила бы злодѣйную тоскичушку,
И бывдто вѣкъ въ горѣ, горюша, не живала бы,
И злой обидушки, горюша, не видала вѣдь:
Ужъ я такъ, бѣдна горюша, взрадовалась бы.
И я дождусь ли то, печальная головушка,
Ужъ какъ будетъ ли на семъ да на бѣломъ свѣтѣ,
Столько прóща-та теперь да Государева,
Столько отпуски-то будутъ ли домовыи,
Какъ отъ этого царя—бога великаго,
И отъ наслѣдника его да милосердаго;
И отпустили бы солдатушка билетнаго.
И мою милую надежку бы головушку,
И его на́—свою родиму-бы сторонушку,
И засмотрѣть да все печальную головушку,
И сирот малыихъ безсчастныихъ бы дѣтушекъ.
И кабы счáстлива была да я талаиная,
И я бы дóждалась надежную головушку,
Запримѣтила бъ, безсчастная головушка,
По походочкѣ дороженькой щепливой,
И по печальному солдацку бѣлу личушку,
И по военному мондеру суконъ сѣрыихъ:
Я по вечеру узнала бы поздѐненько,
И вскорѣ сдѣяла бы доброе здоровьице,
И со радостью, со причетью великой.
И я съ побѣдныма, горюша, горючмы слезмы:
И оттворила бы новы сѣни рѣшотчаты.
И сотворила бы Іусову молитовку,
И сговорила бы, печальная головушка:
«Слава Богу-то теперь да слава Господу,

«Слава вышнему теперь да вѣдь Святителю!
И дождалась свою скачопую жемчужнику,
И я не братца-то собѣ да не любимаго,
И дорогаго себѣ гостюшка любимаго.

Приходитъ солдатъ; жена встрѣчаетъ:

Какъ на моихъ да новыхъ сѣняхъ рѣпотчатыхъ.
Сего дѣпечка теперь да вѣдь Господняго,
Изъ за горъ да красно солпышко выкатается,
Изъ за облаки свѣтёлъ мѣсяцъ является;
И веселымъ нынь-ко хоромное строеньице,
И поль я радостна солдаточка безсчастная:
И тутъ я шла, бѣдна горюша, поскорёпенько,
И говорила бы, горюша, суровёшенько,
И возбудила бы сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.
«Ужс станьте-тко безсчастны малы дѣтушки,
«И да вы дождались великос желанынце
«И вы спацлива родителя въ домъ батюшка:
И тутъ повыду на крылечико перёпос,
Я со радости, горюша, да весельица;
Я возрадую спорядныхъ сусѣдушекъ:
«И вы не знаете, сусѣди спорядовыи,
«Што я вёсела сего-дня—сего дѣпечка:
«И объявилася скачоная жемчужинка,
«И моя милая надёжная головушка,
«И какъ со этой грозной службы Государевой;
«И не купчемъ вѣдь онъ приполъ да не торговымъ,
«И онъ ко мни прилолъ вѣдь гостюшкомъ любимымъ.
Какъ сегодпишна Господня Божія дѣпечка,
И то Владычной ли Господень Божій праздничекъ.
Аль свѣтлое Христово Воскресенынце,
У меня въ доми кручинной у головушки?
И тутъ розставлю я столы да все дубовыи,

Да я сла́ла скатерти́-то шито-браны,
И по рукамъ да клала красну эту ложечку;
И тутъ я на́несла вѣдь ѣствушекъ сахарнїихъ,
Я составила-то питьица медвяны.
И тутъ его да свѣтушки—братцы родимыи,
И оны при́шли со крестьянскоей роботушки,
Пріужахнулись оны да росполохались,
И не узнали свѣтушка братца родимаго.
И на дубовоей мостинкѣ устоялися,
И оглядѣлись на солдатушка походнаго.
И тутъ, моя мила надёжная головушка,
Ужъ онъ сталъ да-со-брусовой бѣлой лавочки,
Онъ подходитъ къ свѣтушкамъ братцамъ родимымъ,
И сговоритъ да тутъ онъ, свѣтъ-то таково слово:
«И не узнали, видно, братьица, спугалися,
«И вы меня да все солдатушка безсчастнаго:
«И што не сдѣяли вы доброе здоровьице,
«И я не сѣѣглой вѣдь солдатъ да не прохожей,
«И столько вамъ да свѣтушко братецъ родимой:
«Я пришелъ да во любимое гостибище,
«И на свою да на родимую на родинку,
«И засмотрѣтъ пришолъ безсчастну молоду́ жену.
«Я сиротныихъ побѣдныхъ милыхъ дѣтушекъ,
«И показать себя солдатушка безсчастнаго,
«Во солдацкомъ горегорькомъ пришелъ платьицѣ:
«Не убойтесь, свѣты братьица родимыи,
«И къ вамъ не нахаремъ на чисто пришелъ полюшко,
«Не сѣнокосцемъ на луговыи на поженки,
«Не рыболовушкомъ на сйне на Онегушко;
«И на одинъ пришелъ учётной столько годышекъ,
«Я до спросу-то пришелъ да Государева.
«И вы послушайте-тко, братьица любимыи:
«И когда въ грозну меня службу отдавали
«И во ту́-пору меня вы узнавали.
Ужъ какъ тутъ да свѣты братцы взрадовалися;

И оны сдiяли вѣдь доброе здоровьице,
И оны прiняли за гостюшка любимаго,
Все за свѣтушка за братца за родимаго;
И поскорёшеньку вѣдь шли да въ свѣтлу свѣтлицу,
И какъ во эту во столову нову горенку;
Оны ставили самовары-то шумячiи,
Оны шли, да закупили сладкой воточки;
И за чаемъ оны со братцемъ порозбаялись,
И за воточкой тутъ съ имъ да разговоръ ведутъ.
И выспрашиваютъ тутъ братца все родимаго:
«И мы живымъ да тебя братца не считали,
«И отъ тя вѣсточки вѣдь мы не получали.
«И писма-грамотки отъ тебя да не бывало.
Уже тутъ да свѣтушко братецъ родимой,
И пороспакался солдатъ да порозбаялся;
И сговоритъ да онъ, свѣтъ, таково слово:
«И мое дальнее солдацко похожденьице,
«И много разъ былъ на великомъ страженьицѣ,
«Я на службѣ-то вѣдь былъ да Государевой.
«И кабы знали, да вы братцы, про то вѣдали.
«И про злодiйну эту службу Государеву:
«И на страженьицѣ спокою не видали,
«И трои суточки мы хлѣба не ѣдали:
«И не начаялись солдаты, не надiялись,
«Што вѣдь въ живности побѣдимъ быть головушкамъ.
И, знать, по нашему великому таланьицу
И мы ли Господа-то Бога упросили,
Аль родители за насъ да умолили,
Што сраженьице у насъ да уходилося.
Што война-то вѣдь у насъ да усмирилася.
Уже тутъ да намъ солдатушкамъ безсчастнымъ,
Царь великiй намъ далъ да облегченье,
И милосердый-то Наслѣдникъ сжаловался;
Ужъ онъ далъ да намъ билеты подомовыи,
И отпускалъ да на родину насъ на родинку,

И сговорилъ да тутъ Наслѣдникъ таково слово:
«Ужъ вы бравыи солдаты завосныи,
«И постояли вы за вѣру Христїанскую,
«И пострадали за Русїю подсесенную,
«И сберегали вы царя-бога великаго;
«И вы палили тутъ солдаты не дробили вѣдь,
«И на штыки брали злодїевъ, не боялися.
«И восхвалилъ да Онъ солдатовъ новобраныихъ,
«И мы во дальноей-то были во сторонушкѣ,
«И мы за много были тысящь, въ дальныхъ городахъ.
«И хоть писма писать бы, къ вамъ не доходили.
«И къ вамъ вѣдь вѣсточки моей не доносили.
«И не убойтесь, свѣты братьица родимыи:
«И захотѣлось на родимую на родинку,
«И побывать да въ домъ крестьянску вашу жирушку.
И тутъ узнали вси сусѣди спорядовыи,
И приходить стали въ хоромное строеньице,
И смотрить стали солдата все походнаго.
«И вы смотрите-тко сусѣди спорядовыи,
«И вы смотрите-тко старушки стародревнїи.
И на солдацкое безсчастно бѣло личушко.
«И на одёжу на солдацку суконь сѣрыихъ:
«И не бурлакушкомъ пріѣхалъ Нетенбурскїимъ.
«И не съ наживушки пріѣхалъ молодецкой:
«И во походъ да мои ножки притоптался,
«И отъ оружьевъ бѣлы ручки замахался,
«И на стреженьицѣ, бурлакъ, да я состарѣлся,
«И на войны да бѣла лицё измѣнилося,
«И вы глядите-тко спорядныи сусѣдушки;
«И тутъ богачество мое да все имѣнїе,
«Я принесъ да за плечама за солдацкима;
«И все ранецъ да столько сумочка солдацкая:
«И вси луга тутъ у солдата—сѣнокосныи
«И вси участки—у солдата—деревенскїи.
И угостили свѣты братьица—уподчивали;

И тутъ садился за столъ да хлѣба кушать,
И вся въ собраньицѣ любимая семеюшка.
«Ужъ вы слушайте-тко, братьица родимыи.
«Послыхайте, соколочки златокрылыи,
«И да што я скажу, солдатъ бѣдной безсчастной:
«Какъ я шолъ да путемъ—широкой дорожекой,
«И мни попали на пути да все попутчики,
«Изъ молодыихъ сусѣдей спорядовыихъ,
Не признался я, солдатъ, не росказался;
Я спросилъ да у сусѣдушка повывѣдалъ,
Я про свой домъ, про крестьянску вашу жирушку,
Я про васъ, да свѣты братьица родимыи,
И про безсчастную солдатку молоду жену,
И про печальныихъ сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ.
И мнѣ сказалъ да спорядово-ётъ сусѣдушокъ:
«И не въ почеточкѣ солдаточка безсчастная:
«Какъ отъ васъ да свѣтовъ братьицевъ родимыихъ.
«И нѣтъ желанія до сиротныхъ этыхъ дѣтушекъ,
«И вы ю грубымъ словечкомъ все грубили,
«Какъ можо бѣдну безсчастну молоду жену;
«Какъ моихъ да сиротъ малыхъ этыхъ дѣтушекъ.
«И къ дубовому столу не припущали,
«И отъ стола были дѣти эти оттолчуты

II устоялся тутъ, солдатъ, я пріодумался:
IIто новы сѣни теперечко призаперты,
IIто косѣвчаты окошка призадвинуты;
II пѣту при-доми, знать, братьицевъ родимыихъ,
II не случилося безсчастной молодой жены;
II я съ обидушкой къ крыльцу пришелъ перёному.
II во домѝ бѣдна солдатка прилучилася.
II во косѣвчато окошечко взглянула.
II какъ признала по безсчастну блёклу личушку,
II она бро́силась, побѣднушка, скорёшенько,
II въ торонѣхъ она, побѣдна, на новы сѣни,
II суровенько на крылечнко перёное,
II тутъ со радости, горюша, со весельица,
II она кретъ клала, горюша, по писаному,
II поклонъ вела, горюша, по учоному,
II сговорила тутъ, побѣдная солдаточка:
II слава тому Богу, слава Господу,
Слава Вышнему теперечко Святителю,
II въ соборну да Пресвятой же Богородицѣ!
II привелъ Господи надёжную головушку,
II какъ безсчастнаго солдатушка походного,
II его на́-свою родимую сторонушку!
II сговорила тутъ безсчастная солдаточка:
II какъ у на́съ теперь по вы́соку по терему,
II не скачонъ жемчугъ теперечко катается,
II свѣтъ надёжа по мостиночкамъ ступаетъ;
Врадовалася, горюша, взвеселилася,
II на бѣлы́ груди вѣдь я да тутъ бросалася.
II съ нимъ я сдѝяла вѣдь доброе здоровьице,
II крѣпко прѝжала къ регливому сердечушку,
II прилагала все къ блеклому ко личушку,
II припадала во уста его сахарнїи,
II подхватила тутъ подъ правую подъ рученьку,
II провела да въ тепловитое во гнѣздышко,
II тутъ поддёрнула вѣдь стулъ ему кленовой:

«II ты садись, моя надёжная головушка,
«II ты на стульица садись да на кленовыи,
«II розстегни да ты мундерь свой суконь сѣрыихъ,
«II скинь немилую одёжу ты солдацкую;
«II пріусталъ да путемъ-широкой дороженькой,
«II притоптался вѣдь рѣзвы твои ноженьки,
«II придержался казённыи сапоженьки,
«II примахался солдацки бѣлы рученьки,
«II столько йдучи путь широку дороженьку:
«II посѣтился на родиму свою родинку.
II какъ тобя, моя надежная головушка,
II не узнала все родитель родна матушка;
Отдали она родитель-то похаживать,
II она во-глаза, родитель, все поглядывать,
II у меня да у горюшицы выспрашивать:
«II ты скажи мнѣ-ка, невѣстушка голубушка.
«Какъ откуль сипой солдать идё прохожей?
II пріотвитила, печальна я головушка:
— II не признаешь, знать, родитель родна матушка:
— II моя милая надежная головушка,
— Какъ твое мило сердечно это дитятко.
II она бросилась родитель да не-глядью.
II подходила тутъ родитель по скорёшеньку;
II сговорила тутъ родитель родна матушка:
«II ты сердечное рожоно мое дитятко,
«II тепло-красное мижеиько мое солнышко.
«II моя милая скачопая жемчужинка:
«Съ косей стороны, мой свѣтъ, да объявился.
«Съ косей пути—широкой дороженьки;
«II не узнала я, печальная головушка,
II кабы знала я, горюна, иро то вѣдала,
IIто въ пути идешь сердечно мое дитятко,
II снарядила бы я братьицевъ родимыихъ,
II обсѣдлала бы ступистую лошадушку,
И тебя стритила, печальну бы головушку,

И далеко въ пути о широкой дороженькѣ;
И по головушкѣ родитель нынь поглаживае
И личё къ личушку родитель прилагае,
И сговоритъ да тутъ родитель таково слово:
«И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
«Какъ послй да тебя, красно мое солнышко,
«Я пришлакала безсчастны ясны очушки.
«И перетрескало ретливое—сердечушко.
«И все жалїючи безсчастна тебя дитятка;
«И памятила я, печальная головушка,
«И я по свѣтлымъ Христовымъ воскресеньицамъ,
«И по Владычнымъ Господнімъ по праздничкамъ:
И сговоритъ да все родитель родна матушка:
«И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
«И нынь-ко сдїю съ тобой доброе здоровьице.
И тутъ безсчастной-то солдатъ да все походной,
И на усталыи солдацки сталъ на ноженьки.
И приклонилъ свою солдацкую головушку,
И онъ—спацливой жалосливой своей матушкѣ,
И онъ во рѣзвыи пристарнїи во ноженьки,
И поздоровался съ желанной родной матушкой:
Ужъ какъ столько родитель родна матушка,
Его прйняла на бѣлыи, на рученьки.
Захватила все за бладую головушку,
Не допустила во пристарнїи свои ноженьки,
И говорила все родитель—родна матушка:
«И ты безсчастное сердечное мое дитятко,
«И ты за што коришь солдацкое сердечушко.
«И приклонишь да ты служилую головушку,
«Ты къ побѣдной ко родителю ко матушкѣ,
«И удивляешь многихъ добрыхъ столько людушекъ.
И тутъ садились со родителью со матушкой.
И они по́-ряди на стульица кленовыи:
И тутъ глядитъ-смотритъ родитель—бѣдна матушка
И на сердечное безсчастно свое дитятко,

И на свою да на скачоную жемчужёнку,
И ты послушай-ко рожоно мое дитятко,
И моя милая скачоная жемчужинка:
Не начаялась, побѣдна, не надѣялась,
И што дождаться тебя, красно мое солнышко:
«И ты возрадуйся нечально ретливо сердче,
«И взвеселись моя безсчастная утробушка.
«Хоть не на долго той поры да этой времечки!
«И наглядитесь-ко побѣдны ясны очушки
«Какъ на эту свѣщу да не топлёную,
«И все на эту вербу́ да золочопую.
И она бра́ла тутъ безсчастны бѣлы рученьки.
И у сердечнаго рожонаго вѣдь дитятка,
И по бѣлымъ рукамъ солдатушка поглаживаетъ
И она въ радости-слезахъ да розговариваетъ:
«И какъ безсчастныи солдацки эты рученьки,
«И пріустали носить ружья зарукавнїи,
«И одубили тонки бѣлы эты пе́рески,
«Заряжаючи оружьица военныи;
«И какъ состарѣлось вѣдь бѣло это личушко
«Во злодійскоей во службѣ Государевой.
И сговорить да тутъ родитель таково слово:
«И стану подчивать сердечно свое дитятко,
«И за столы садить дитё да за дубовыи;
«И мы истопимъ теплу-парну ему баенку.
«И честно примемъ-ко сердечно мое дитетко;
«И я глядить стану, кручинная головушка.
«И на тебя мое рожоно мило дитятко;
«И во монхъ теперь пристарнихъ ясныхъ очушкахъ
«И бѣлой свѣтушко въ очахъ да объявился.
«И красно солнышко во ясныихъ поро́спекло!
«Изъ за горъ да появилося высокіихъ,
«Изъ за лѣсушекъ оно да изъ за темныихъ,
«Изъ за синяго съ за славнаго за морюшка,
И не узнала я, печальняя головушка,

И все рожоное сердечпо мило дитятко,
И не походочкой его да молодецкой,
И не по бѣлому солдацкому по личушку.
И пынь не знаю я, кручинная головушка,
И куды класть да тепло красно тебя солнышко,
И не спустила бы съ безсчастныхъ со бѣлыхъ грудей,
И я съ побѣдныихъ безсчастныхъ ясныхъ очушекъ;
И прогляжу, бѣдна кручинная головушка,
И ужъ лѣтной день до поздаго до вечера.
И на сердечное обидно свое дитятко,
И просижу да я осенну долгу поченьку,
Я у крутаго у складняго зголовьица,
Я прогля́жу тутъ, обидная все матушка,
И по безсчастноей его да по головушкѣ,
И безталаннымъ завоспымъ его плечушкамъ;
И пролюбуюся, горюшица печальная,
Я сердечнымъ рожонымъ своимъ дитяткомъ,
И прижму ручеиьки къ ретливому сердечушку
Ужъ я этого походного солдатушка—
И уласкаю до зори да я до утренней;
Не приклопю да въ сонъ безсчастну свою го́лову;
Я со радости, старуха, со весельица,
Истоплю рано кирпичну эту печеньку,
Я налажу ему ѣствушки сахарніи,
И особенны вѣдь питьица медвяныи;
И тутъ повыспрошу, печальная головушка.
И про безсчастну его жизнь да про солдацкую.
И горегорькое его да похожденьице
И про эту его, службу про злодійную.
«И ты поро́скажи, сердечно мило дитятко,
«Ужъ ты мпѣ-кова печальпоей головушкѣ,
«И мпи безсчастной, горегорькой родной матушкѣ;
И какъ посли тебя, сердечно мило дитятко,
Я не знала то, горюшица, не вѣдала,
Я не свѣтлаго Христова воскресенья,

И не Владычнаго Господня Божія праздничка;
И столько на-тоску вѣдь мни да оставалися
И какъ сирота твоя безсчастна молода жена
И столько горькіи сиротны твои дѣтушки;
И какъ придетъ да все Владычный Божій праздничекъ,
И тутъ роздумаюсь, горюша, поросплачуся,
И по новымъ сипямъ, горюша, я похаживаю,
И во чисто поле, безсчастна, я поглядываю:
«Таки ль пыль въ полѣ—погода, буйны-ль вѣтрышки?
И пороздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ:
И може, милое сердечно мое дитятко,
И на Владычній-то Господень Божій праздничекъ,
И на службу, можетъ, дитятко снаряжено
Аль на часы, да мое дитятко, поставлено,
Аль на великое страженьице отряжено;
И не въ бурлацкой снарядной покрутушкѣ,
И саножепки ему да не по пожепькамъ
Какъ одёжка-то ему да суконъ сѣрыихъ,
И можетъ, наплотно сердечушко подтянуто,
И столько накрѣпко ретливо призастегнуто;
И на Владычной-то Господень тебѣ праздничекъ,
И, можетъ, ѣствушки, вѣдь дитятко, сухарики.
И, можетъ, питьица—вода да все со ржавушкой:
И сожалію я, безсчастная головушка,
И съ горя сяду подъ косѣвчато окопечко,
И подъ туманную стекольчату околенку.
И поросплачуся, горюша, ростоскуюся,
И тутъ возму съ горя сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ,
И я печальныихъ сердечныхъ своихъ впучатокъ,
И я на-свои безсчастныи на рученьки,
И сговорю твоей любимоей семеюшкѣ:
«И ты послушай, свѣтъ вѣтляная непутушка,
«И ты сходи, бѣдна, во свѣтлу съ горя-свѣтлицу.
«И возми цвѣтное, бурлацко его платьице,
«И во вторыхъ его завивны кудри жолты,

«И принеси да ко печальной мнѣ головушкѣ.
«И мы положимъ ихъ на столъ да на дубовой,
«И тутъ мы сядемъ хоть, печальныи головушки,
«И пріотдвинемъ мы стекольчату околенку,
«И пріоттворимъ мы косѣвчато окошечко,
«И станемъ плакать мы, горюши, причитать;
И воскликать будемъ скачоную жемчужницу.
«Ужъ я милое сердечно свое дитятко,
«И ты любимую свою милу семеюшку:
— И ты приди наше сердечно мило дитятко,
— И приди на́-свою родимую сторопушку,
— И ко безсчастной ко родителю ко матушкѣ
— И къ безталанной, горюшѣ, молодой женѣ,
— И ко своимъ приди печальнымъ да ты дѣтушкамъ.
— И да ты въ домъ приди вѣдь гостюшкомъ любимымъ.
— И по дому́ да большакомъ ты-настоятелемъ,
— И сожидаемъ мы, печальныи головушки,
— И мы стоимъ да надъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
— И мы Владычнимъ Господнимъ Божіимъ праздничкомъ;
— И появись да ты, скачоная жемчужница,
— И ты съ раздолыица намъ, свѣтъ, да со чиста́ поля,
— И проѣзжающимъ солдатомъ со сина́ моря:
— Хоть по крыльцу пройди калѣкой перехожей,
— И по новымъ синямъ пройди хоть ясным соколомъ:
— И да мы стритимъ тутъ, печальныи головушки,
— И на крылечушкѣ калику перехожую,
— И мы доспросимся, горюши, допытаемся,
— И про солдацко горегорькое живленьице.
— И хоть у этой у калѣки перехожей.
И хоть мы сидимъ, бѣдны, мы не до́ждемся,
И день ко вечеру вѣдь тутъ да скоротается
И приде свѣтлое Христово воскресенье.
И я повыстану поутрышку ранёшенько,
И я со этой со пуховой перинушки,

И спамячу, бѣдна кручинная головушка,
И тутъ тобя, да вѣдь сердечно мое дитятко:
«И уже спалъ ли ты спокойну эту ноченьку,
И тутъ я стану на безсчастны рѣзвы ноженьки,
И тутъ я стану передъ Спасомъ Богородицей,
И тутъ я крестъ кладу, горюша, по писаному,
И я поклонъ веду, горюша, по ученому,
И я пречистой пресвятой да Богородицѣ:
И сотворю бѣдна Іисусову молитовку;
И поклонъ кладу, горюша я печальная,
И за безсчастное сердечно свое дитятко,
И за обиднаго солдата безталаннаго;
И на сесь день Господь-Владыко бы помиловалъ,
И отъ наѣзду бы его да еперальскаго,
И отъ удару бы солдата запростѣйшаго,
И што къ оружьицу дитё да приминилось бы,
И на ученьицѣ дитё да не смѣшалось бы;
И на свѣтло бы Христово воскресенье,
И безсчастной бы солдатъ былъ не обиженой,
И онъ не былъ бы солдатъ да все набранёной.
И тутъ роздумаюсь побѣдным своимъ разумомъ:
И на молитовкахъ дитё да я спасаю,
И не знаю-то, горюшица, не вѣдаю;
И пятой-на-десять учетной иде годышекъ,
И нѣтъ ни слуху отъ его да памъ не грамотки.
И на страженьицѣ дитё, може, зарапено,
И во сыру́ землю дитё, да може, вкопано.
И не начались мы, горюши, не надѣялись,
И мы вѣдь не́-ждали сердечно мило дитятко,
И его стритить-то во чистомъ во полюшкѣ;
И уже вдругъ да у крылечика перёнаго,
И на часу эта собака призалаяла,
И у крылечушка робята призабаяли,
И оны ду́-другу робята объявляютъ,
И поровечниковъ оны тутъ воскликаютъ:

И што ко нашему сусѣду спорядовому,
И што солдатъ да по крыльцу идё незнамой;
И съ горя кинулась, печальна я головушка,
Ужъ я во́-это косѣвчато окошечко;
Я сглянула на широкую на уличку,
И што у нашего крылечика перёного,
И што въ толпу малы робята обстолпилися,
И на како̀ да оны чудо тутъ дивилися.
И тутъ моя мила вѣтляная нешутушка,
И вскорѣ вышла на крылечико перёное,
И она съ ве́села, горюша, сговорила,
И все со радости молитву сотворила,
И она ласково словечко сговорила:
«И слава Богу-то теперь да слава Господу,
«И слава Вышнему теперечко Святителю,
«И все пречистой Пресвятой да Богородицѣ!
И поскорёшеньку вѣдь взадъ да воротилась,
И дубовы да она двери оттворила,
И сговорила мнѣ, печальноей головушкѣ:
«Уже слушай, богодана моя матушка,
«И какъ сего-дня, сего-де́нечка Господняго,
«И какъ во этотъ часъ теперь да во минуточку,
«И мы коимъ богамъ сего-дня-то молилися,
«И до сырой земли, горюши, мы клонилися;
«Какъ у нашего крылечка у перёнаго,
«И красно солнышко теперь да все поро́спекло.
«И показалася скачоная жемчужинка,
«И объявилося сердечно твое дитятко,
И моя милая надёжная головушка;
И съ горя бросилась, печальная головушка.
И на новы сѣни, горюша, я рѣшотчаты;
И я не вѣрила вѣтляноей нешутушкѣ,
И што мани́тъ меня печальную головушку;
И ужъ я вышла на крылечко, сторонилася,
И не сомношечко вѣдь тутъ посторонилася;

И усмотрѣлася, горюша, не узнала,
И я рожоное сердечное свое дитятко.
Ужъ онъ въ домъ заполъ, въ хоромное строенъице;
Ужъ крестъ кладё дитё да по солдацкому,
И онъ поклонъ ведё дитё да по присядному;
И ужъ Господу тутъ Богу помолился,
И онъ взадъ моё дитё да воротился;
И во рёзвы ноги онъ мни да покланяется.
И сговоритъ мило сердечно мое дитятко;
«И ты желанная родитель-моя матушка,
«И што же отдали, родитель, удалилася,
«И меня ль бѣдна солдата устрашилася,
«Аль по облику меня да не признала;
«И не убойся-тко, родитель,-родна матушка;
«И я не на-вѣки пришелъ гостемъ любимымъ;
«И не пахаремъ на чисто пришелъ полюшко,
«И не сѣвчемъ да на роспашисты полосушки,
«И не рыболовушкомъ на сине славно морюшко,
«И не стрѣльчемъ да во темны лѣса дремучіи,
«И побывать да на родиму пришелъ родинку,
«И погостить да къ свѣтушкамъ братцамъ родимымъ.
«И засмотрить да я безсчастну молоду жену
«И спровѣдать про сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
И тутъ я съ радости, горюша, со весельица,
И раздѣваю тутъ сердечно свое дитятко,
И сговорю своей скачоной жемчужинкѣ;
«Ты вѣдь скинь свою солдацкую одежеиьку,
«И ты надѣнь свое бурлацко цвѣтно платьице;
«И тутъ я погляжу, горюша, полюбуюся,
«И съ тобой, дитятко сердечно, поликуюся;
«И нонь сегодняшнымъ Господнимъ Божіимъ дёночкомъ
И мы съ твоей милой любимоей семеюшкой,
И на великой мы Господней Божьей милости,
И мы съ весельица, побѣдны, со радости,
«Таки-ль на-воды ли мы да теперь на-земли,

И во домы у насъ теперь да веселёшенько,
И во вси пали косѣвчаты окошечка,
И сдино̀ да пече красно теперь солнышко,
И обогрѣватъ да насъ печальныихъ головушекъ:
И мы не знаемъ то, горюшицы, не вѣдаемъ,
И за каки дѣла, побѣднымъ намъ припятися.
И сговорю бѣдной вѣтляной я нешутушкѣ:
И уже слушай-ко, невѣстушка голубушка,
И ужъ до́ждались сдовольна бѣла свѣтушка.
И не спущу, бѣдна, со ясныхъ я со очушекъ,
И со своихъ да со печальныхъ его ручепекъ;
И продержу да у ретливаго сердечушка,
И просижу да у сердечнаго у дитятка,
И чѣлой лѣтной день до позднаго до вечера.
И стану по́-тиху, горюпа, разговаривать,
И стану по́дь-ушко, горюшица, выспрашивать:
И во первыхъ спро́шу, печальная головушка;
И ты гнѣвёнъ мое сердечно мило дитятко.
И на меня гнѣвёнь печальную головушку;
И какъ съ тобой да я побѣдна разставалася,
И говорилъ да ты, рожоно мое дитятко;
«И не тоскуй, моя родитель, родна матушка,
«И по люби-жъ тобѣ, родитель, все по разуму,
«И теби по́-люби дѣти да оставаются.
И ты послушай тепло-красно мое солнышко,
И ты болѣзное сердечно мое дитятко:
И буде вирнешь ты, скачопая жемчужинка:
И не могла забыть, рожона тебя дитятка,
И я не въ день тебя, не въ темную вѣдь ночньку.
И во уми, бѣдна горюпа, содержала,
И хоть на Владычной Господень Божій праздничекъ.
И мы стотовимъ-то стряпню да воскресенскую.
И ужь я сяду-то къ столу да ко дубовому,
И ужь къ твоимъ свѣтамъ братьицамъ родимыимъ,
И спомню-спа́мячу сердечно тебя дитятко,

II дорогу жъ тобя, скачоную жемчужинку,
II поросплачусь тутъ, горюша, ростоскуюся,
II тутъ я выду съ за стола, обѣда, дубоваго,
II съ горя брошусь на повы сѣни рѣшотчаты,
II со обиды на крылечико перёное,
II воскликать стану сердечно тобя, дитятко,
Я къ воскресному обѣду полудённому:
II тутъ проплачу на крылечикѣ перёномъ,
II протоскую на новыхъ сѣпяхъ рѣшотчатыхъ;
II ворочусь да въ тепло-вито свое гнѣздышко,
II я ко этому столу да ко дубовому,
II сговорю своимъ сердечнымъ милымъ дѣтушкамъ:
Ужъ вы на-своей родимой, дити, родинкѣ,
II во своемъ домѣ крестьянской вы во жирушкѣ,
II столько на-своей на вольной вы на волюшкѣ,
II за своимъ столомъ вѣдь вы да за дубовымъ;
II вы не спомните вѣдь братца все родимаго.
II тутъ отвитятъ мнѣ дити да пріобидятъ:
«II соболѣзуешь, родитель, крѣпко матушка,
«II знать не всѣ ровны сердечны тобѣ дѣтушки,
«II ты тоскуешь по сердечномъ миломъ дитяткѣ;
II на отвѣтъ еще сердечны держать дѣтушки:
«II беззаботна имъ вѣдь жизнь эта солдацкая;
«IIмъ довольны, солдатамъ, с вѣдь хлѣбушки,
«II пріобутыи солдаты, пріодѣтыи.
Уже тутъ да у печальной у головушки,
Еще больши тутъ сердечко разгорится;
II розсержусь да на сердечныхъ этихъ дѣтушекъ,
II сговорю да имъ побѣдная головушка:
II вы послушайте сердечны мои дѣтушки:
II когда царска грозна служба наступала,
II вы до службы-то вѣдь тутъ не добирались,
II на салдацкую одёжку не бросались,
II вы на царскій довольны не шли хлѣбушки;
Теперь хвалите вы жизнь эту салдацкую;

Ужъ какъ въ ту пору, дѣтѝ, да въ тое времечко,
И да вы пе́ - шли во полаты бѣлокаменны,
И вы не ставились со братцемъ со родимыимъ,
Гдѣ вѣдь жолты кудерка подбривали,
И да вы свѣ́тушка вѣдь братца не смѣнили.
И сожалѣла я, печальная головушка,
И тобя милую скачону жемчужинку,
И всегда спомнила, горюша, съ горючмы слезмы,
И не надѣялась, серлечно мое дитятко,
И все дождаться на родиму тебя родипку,
И усмотрѣть, бѣдна горюша, во бѣло личе.
И ты поро́скажи сдовольной бѣлой свѣтушко,
И про свою судьбу, горюшѣ мнѣ, несчастную,
И про злодійну эту службу Государеву,
И безталанное салдацкое живленьице;
И отвѣчать да тутъ солдать бѣдной походной:
И ты послушай-ко, родитель моя матушка:
И не выспрашивай, родитель, не вывѣдывай,
И себѣ на́ - тоску, родитель, на великую
И на обидушку, родитель-то, несносную.
И мое дальнее, родитель, похожденьице,
И далеко былъ отъ родимой я сторонушки,
И за морями я, родитель, за глубокима,
И за горами я, родитель, за глубокима,
И далеко да былъ за мхама за дыбучима,
И за великима лѣсама за дремучима;
И туды птиченька вѣдь е да не пролетывае,
И малы червынки туды да не проплывываютъ,
И добры людушки туды не провѣзживаютъ;
Уже—ой, да мнѣ, родитель, такъ тошнёшенько:
И не воротится побѣдно ретливо сердце,
И розсказать да про безсчастное живленьице,
И безталанно, горегорько похожденьице;
И ты вѣдь лучше бы, родитель—моя матушка,
И ты на бѣлый свѣтъ меня не попустила,

Аль спустила бы, родитель, во синё море,
II ты со этымъ бы катучимъ бѣлымъ камешкомъ:
II на бѣломъ свѣтѣ вѣдь я да не шатался бы,
II по чужой сторонкѣ не скитался бы;
II кабы знала ты, родитель, про то вѣдала,
II про мою да про безсчастну жизнь солдацкую:
II какъ побѣдна моя спинушка избитая,
II тутъ солдацка голова да приколочена.
II вси изломаны побѣдны мои костыца;
II я избитъ, бѣдной солдатушко, измученой,
II мнѣ ученьице-то было — все мученьице:
II сперва не́ - далось, родитель, мнѣ-ка матушка.
II мнѣ солдацкое, родитель-то, ученьице.
II споминалъ да я родиму тамъ сторонушку,
II проклиналъ да я родитель—тебя матушку.
II порозгнѣвался на братыцевъ родимыихъ.
II отрекулся отъ крестьянской этой жирушки.
II не уписывалъ родителю я матункѣ,
Я не низкое поклонно челобитьице,
II я побѣдну эту жизнь свою солдацкую,
II какъ страдали мы за вѣру христіанскую,
II какъ служили за Русію подселенную,
II берегли да мы царя-то благовѣрнаго.
II розсказать тебѣ, родитель-родна матушка,
II на-бъ на лѣтной снеть Господень Божій де́печекъ.
II какъ къ оружьицу безсчастныхъ пріучали,
II мы не въ день, не въ ночь, побѣдныи, не спали:
II ты послушай-ко, родитель - моя матушка:
II хоть студёная холодна эта зимушка,
II хоть плящіи морозы неудобныи,
Хоть на улицѣ—погода непомѣрная,
Хоть буйны вѣтры съ снѣжкомъ идутъ перистымъ,
II столько насъ бѣдныхъ солдатушковъ безсчастныихъ—
II на ученьице насъ гонятъ тутъ на улочку,
II на гладкое на чи́стое на полюпко;

И хотя-жъ бьетъ эта погода непомѣрная,
И во безсчастны намъ во ясны во очушки,
И вѣютъ вѣтрышки во блеклое во личушко,
И хоть зябётъ наше ретливое сердечушко,
И не куда-жъ да тутъ, родитель, не дѣвaсься;
Тутъ отъ вѣтрышка, родитель-то, не скросься,
И отъ погодушки, родитель, не схоронишься,
И со шириночки, родитель, тутъ не выскочишь;
И тутъ командуе начальство превеликое:
И отъ оружьица зябутъ да ручки бѣлы,
И отъ снѣжку да зябу́тъ рѣзвы наши поженьки,
И привавіе наше бѣдно это личушко.
И ты не плачь, моя родитель, не тоскуй еще,
И мнѣ-ка дай волю, родитель, тѣ повысказать:
И я повыскажу, родитель, ты повыслушай:
И на ученьицѣ стоимъ да день до вечера,
И съ руки на́ руку оружье перекладываемъ—
И съ ноги на́ ногу вѣдь мы да переступываемъ,
И справа на́ лѣво вѣдь мы да все повертываемъ,
И выше го́ловы оружье подымаемъ,
И поскорёшеньку оружье заряжаемъ.
И не дай Боже, то родитель, не дай Господи
Ужъ какъ этой грозной службы Государевой!
И хоть оружьице у насъ да все промáхнется,
Аль плечо съ плечомъ у насъ да все не со́йдется,
Аль ступня съ ступней у насъ да не сровняется,
И тутъ замѣтятъ командеры-то вѣдь ротны,
И по бѣлу личу даютъ да намъ затре́щенье,
Аль по го́ловы даютъ они зау́шенье,—
Али подъ бѣлую-то грудь они—подты́чину.
И какъ во ту пору, родитель, въ то е времечко,
И прозабудемъ мы родиму свою сто́рону;
И не до васъ да намъ, родитель родна-матушка,
И мнѣ не до́-своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
И я повыложу съ ума да молоду́ жену.

Хоть съ ученьица въ казармы ворочаемся,
И мы придемъ да во казармы во казенныи;
И не дубовыи столы да намъ разставлены,
И все не шиты скатерти да намъ разосланы;
И намъ вѣдь ѣствушки готовы не сахарныи
И да намъ питьица готовы не медвяныи:
И точно питьице, побѣднымъ намъ, скотиное.
И ѣденьице безсчастнымъ лошадиное;
Уѣданьице—мякинны намъ сухарики—
Упосеньице—намъ водушка со ржавушкой.
И отъ царя да мы, солдаты, не обпяжены,
И отъ царицы милосердой не огрублены;
И отъ царя пища хорошая составлена,
И отъ царицы добры питьица снаряжены;
И тутъ межу́—собой начальники съѣдаютъ:
И тру́дна тя́жела вѣдь служба Государева:
И не спокойно тутъ солдацкое сердечушко—
И набъ въ умы держать безсчастнымъ тутъ солдатушкамъ:
И какъ начальству намъ побѣдушкамъ явитися.
Штобъ мондеры суконъ сѣрыихъ наглажены,
И какъ оружьица вѣдь были бы начищены,
И сабли вострыи вѣдь были бы насвѣтлѣны:
И кабы видѣла, родитель моя матушка,
И какъ стоимъ да на ученьѣ во чистомъ полѣ,
И тутъ о́бмерло бы ретливое сердечушко—
И ты бы пала тутъ, родитель, объ сыру землю:
И намъ не выдано солдатушкамъ побѣдныимъ,
И кругъ сердечушка намъ теплыхъ этыхъ шу́бонекъ:
И мы въ одныхъ, бѣдны, мондерахъ суконъ сѣрыихъ:
И какъ мундерики у насъ плотно застегнуты.
И бѣла̀ грудь да у насъ крѣпко вѣдь подтянута,
И ретливо̀ сердче у насъ да обрестовано;
И на годо́вой-то Владычной Божій праздничекъ
И намъ больши того живетъ да все мученьице,

И день до вечера живетъ да на ученьицѣ;
И ты бы видѣла, безсчастна моя матушка,
И тутъ ты впала бы въ тоску неугасимую,
И во злодійную великую обидушку.
И подрожатъ да наши бѣлыи тамъ ученьки,
И подломятся безсчастны рѣзвы поженьки,
И пріужахнется солдацкое сердечушко,
И умъ тотъ разумъ во головушкѣ мѣшается.
И не радію я, солдатъ бѣдной безсчастной.
И не какому-то теперь да непріятелю,
И столько быть да все во службы Государевой,
И што оружьица носить да во бѣлыхъ рукахъ,
И сабли вострыи держать да на бѣлыхъ грудяхъ.—
И кабы видѣла, родитель, ты бы слышала,
И какъ стриляютъ со ружья да завоеннаго,
И устрашилась бы, родитель, уполохалась;
И съ этой страсти бы, родитель, съ переполоху,
И подломились бы вѣдь рѣзвы твои поженьки,
И подрожали бы пристарши твои ученьки.
И ты бы отперлась, родитель, отказалась бы,
И ты глядить-смотрить, печальная головушка,
И на безсчастныихъ солдатушковъ походныихъ—
И на ученьице вѣдь ихъ да на мученьице.
Уже слушай же, родитель моя матушка:
И не начался я солдать - бѣдной походной,
И столько въ живности, родитель, моя матушка,
И побывать да на родиму я сторонушку;
Да я думалъ все безсчастнымъ своимъ разумомъ,
Што съ побоевъ придё скорая смерётушка,
И со страсти выде душенька съ бѣлыхъ грудей,
Видно, ты моя родитель умолёная,
И видно, Господу молилась отъ желаньица;
И какъ по твоему, родитель, по моленьицу,
И по родительскимъ Іусовымъ молитовкамъ,
И пришла проща-то теперь да Государева.

И еще слушай же, родитель моя матушка:
И какъ война когда вѣдь есть да сочиняется,
И непріятель-то злодій да подымается,
И какъ на нашу на Русію подселенную,
Какъ на нашего царя да благовѣрнаго,
И на матушку царицу милосердую
И на все его наслѣдство правовѣрное:
И тутъ мы скажемъ-то солдаты повобраны:
«И постоимъ да за Русію подселенную,
«И сбережомъ да мы царя-то благовѣрнаго,
«И сбережомъ да мы царицу милосердую,
«И все наслѣдство-то его да правовѣрное:
И на войну пойдемъ, солдатушки безсчастны,
И мы вѣдь Господу то Богу тутъ помолимся,
И отъ желанья Пресвятой мы Богородицѣ,
И причащаемся къ попу отцу духовному,
И прилагаемся къ Кресту животворящему,
И мы во тяжкихъ грѣхахъ да тутъ покаемся,
И со бѣлымъ свѣтомъ пойдемъ да разставаемся.
И межъ ду́-другомъ, безсчастны, прощаемся.
И тутъ оружьица у насъ да призаряжены,
И сабли вострыи у насъ да приначочены;
И воевать пойдемъ вѣдь мы да съ непріятелемъ,
И у царя, да мы тутъ просимъ-то, вѣдь Бѣлаго,
И у матушки царицы милосердой,
И мы прощеньица-то просимъ съ бласловленьицемъ,
И улещаемъ мы попа отца духовнаго:
«Ужъ вы слушайте, попы-отцы духовны:
«Ужъ вы въ эту пору да въ эти де́нечки,
«И вы служите-тко обидни полуденны,
«И молитесь да вы Богу отъ желанья,
«И пособилъ бы намъ Владыко многомилосливой,
«И намъ спасти да вѣдь Русія подселенная.
И сговоримъ—да мы, солдаты, тутъ вѣдь ду́-другу.
Столько не́-вѣсто-вѣдь свѣты не вѣстимо.

И кому да буде на́-бою Божья̀ милость,
И на страженьицѣ кого Господь помилуетъ.
И день и ночь идемъ мы ши́року дороженьку;
И пріустанутъ тутъ рѣзвы наши ноженьки
И примашутся безсчастны наши рученьки
И пріустанемъ мы, солдаты, призамаемся,
И во пути да мы дороженьки роздумаемся,
И мы во дальной, горюны̀, да поросплачемся,
И во пути да намъ во ши́рокой дороженькѣ,
И нѣту водушки, родитель, на питемьице,
Хлѣба-соли нѣтъ у насъ да на яденьице;
И нѣту свѣтлаго Христова воскресеньица;
И нѣтъ спокою то вѣдь темной этой ноченькой;
И нѣтъ отдоху на Владычной Божій праздничекъ.
И мы идемъ путемъ широкоей дороженькой,
И мы горючима слезама обливаемся,
И свою сто́рону солдаты споминаемъ:
И не бывать да на родимой, може, сто́ронѣ.
И мы прижмемъ къ сердчу оружьица военныи,
И сговоримъ да мы безсчастны таково слово:
И вы оружьица военны-родны матушки,
И штыки вострыи вѣдь вы да сестры родныи;
И вы спасите-тко солдатовъ — сберегите-тко,
И на двѣнадцать частей пушки розорвитесь-ко,
И къ непріятелю теперь да къ ретливу̀ сердчу,
И повредите вы злодія супостатова!
И на сраженьицѣ солдаты побывали,
И трои суточки мы хлѣба не ѣдали;
И какъ сраженьице у насъ да сочинялось,
И отъ солдацкихъ слёзъ земля да подгибалась,
И отъ обидушки слѣдочки заплывалися:
И темны лѣсушки къ зени да приклонялися —
И звѣри лютыи отъ страсти розбѣгалися,
И въ переполоху тутъ птиченьки нада̀ли;
И мы жъ, солдаты, тутъ стояли не пугалися,

И мы палили, тутъ удалы не дробили вѣдь,
И тутъ страженіе, да было превеликое,
И кроволитье да тутъ было преужасное;
И отъ дыму-то не видно свѣту бѣлаго,
И мы ходили-то, солдаты, по колѣнъ въ крови;
И мы плавали солдаты на плотàхъ-тѣлахъ:
И ручьямъ кровь да тỳды-сю́ды разливается
И наше храброе—сердчё да́ разгоряется:
Тутъ одна рука не може, другая пали;
Тутъ одна нога—упала, другая стои;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурлацкое вѣдь сердчё не устерпчиво:
И гди вѣдь пулей не-ймемъ, тамъ грудью берёмъ,
А гдѣ грудь не бере, душу Богу отдаемъ:
И сговоримъ да мы тутъ единò слово:
«Ужъ ты Спасъ да Бладыко многомилосливой.
«И спаси Господи Русїю подселенную,
«И спаси Господи царя да благовѣрнаго,
«Ужъ ты покрой да Пресвятая Богородица,
«И ты покрой да вѣдь Русїю подселенную,
«И ты покрой да вѣдь царицу милосердую.
«И отъ враговъ да ты великихъ супостатныихъ.
И ка-бы знала бы родитель, про то вѣдала.
И отрекнулась бы, родитель, отказалася,
И ты глядить-смотрить на это на страженьице.
И ты бы па́ла тутъ, горюша о сыру землю,
И ты бы о́бмерла, побѣдна въ перепо́лоху,
И тутъ закрыла бы, безсчастна, ясны очушки.
И еще слушай-ко родитель, моя матушка:
Ужъ какъ въ злодійной этой службѣ Государевой,
И не порой да молодецкая головушка состарится
И какъ бурлацка эта кровь да потеряется—
И день и ночь да съ ружьемъ сто́ячи военныимъ,
И съ пистолетомъ тамъ, родитель, зарукавніимъ.
И со штыкамы-то родитель все со вострыма:

Ужъ ой-же, эта служба государева:
Я привидѣлся, солдатъ бѣдной безсчастной,
Я обидушки, родитель, злой досадушки—
И я больший того, родитель, всё напраснины:
И хоть повыстанемъ солдаты мы поутрышку,
И не ключевоей водой мы умываемся,
И мы солдацкима слезама упиваемся,
И мы великоей кручиной утираемся;
И мы хоть Господу-то Богу тутъ помолимся,
И просимъ Господа, вѣдь мы не о здоровьицѣ,
И столько просимъ мы Бладыку-то небеснаго,
И мы съ горючима слезама со солдацкима:
И спаси Господи Бладыко мномилосливой,
И на сесь день да спаси ты насъ Господисй,
И да отъ этого начальства отъ великаго,
И отъ удара-то вѣдь насъ да отъ тяжолаго,
И отъ досадушки ты насъ да все несносной,
И отъ этыихъ побоевъ да отъ смёртныихъ;
И пріучи да Пресвята мать Богородица,
И насъ къ оружьицу солдатъ Ты завоенному.
И къ писталетику Ты насъ да зарукавному,
И поворотушки держать да поскорёшеньку,
И во ширинчкахъ ходить да поровнёшеньку,
И оружьице кидать да по легошеньку.
И еще слушай же, родитель родна матушка:
И кабы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ.
И не боялся бы вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И не пожалѣлъ бы я любимоей скотинушки,
И не-дому бы я, крестьянской этой жирушки:
Я запродалъ бы хоромное строеньице,
И всю бы милую, любимую скотинушку,
И заложилъ бы я участки деревенскіи,
И въ закладъ отдалъ бы поля да хлѣбородныи,
И самъ задался бы къ крестьянину богатому,
И я бы на десять учетныхъ долгихъ годышковъ,

И я во лѣтны бы задался во роботнички.
И я во зимыи задался бъ *дроворубички*,
И тутъ бы на́жилъ золотой казны по надобью.
И откупился бы отъ службы Государевой;
Ужъ я лучше бы родитель, моя матушка,
И день и ночь да у крестьянина роботалъ бы,
И чимъ въ злодійныихъ солдатушкахъ походныихъ;
И хоть бы жилъ я во побѣдной этой жирушкѣ,
И я не славныимъ бы жилъ да вѣдь крестьяниномъ,
И столько на́-своей на вольной былъ бы волюшкѣ:
И буйна го́лова ударовъ не видала бы,
И бѣдны плечушки побоевъ не терпѣли бы,
И я не битъ былъ бы побѣдной, не изломаной,
И не изломаной я былъ бы не истасканой.

Мать:

Уже слушай же сердечно мое дитятко,
И не могу стерпѣть печальная головушка.
И содержать свою безсчастную утробушку.
И ты поро́сказалъ, сердечно бѣдно дитятко.
И про свое да ты безсчастно похожденьице,
И мнѣ-ка на́-тоску, горюшѣ, на великую,
И на злодійную кручинушку несносную;
И паздыну да я безсчастны бѣлы рученьки.
И на печальную солдацкую головушку,
И на обидныи походны твои плечушка,
И я прижму тебя къ ретливому сердечушку,
И я поглажу по солдацкоей головушкѣ:
И у меня жъ да у безсчастной у головушки.
И безъ огня жъ мое сердечко розгорается.
И безъ смолы моя утроба роскипляется;
И ужъ я стану-то, безсчастно мое дитятко.
И ужъ я у́-сердца тебя нопь содержать;

II устелю да я пуховую перинушку.
II уберу да круто—складнее зголовьице,
II пороздерну соболино одѣялышко,
II на отдохъ да на спокойну темну ноченьку—
II я тебѣ да вѣдь сердечну милу дитятку;
II просижу да бѣдна мать я горегорькая,
II я проплачу у тесовоей кроваточки;
II какъ кокопа, прококую темну ноченьку;
II мнѣ-ка жаль-тошно печальноей головушкѣ
II дорогой милой скаченоей жемчужинки;
II очень томны твои бѣлы эты рученьки,
II заболили твои рѣзвы бѣдны поженьки.
II во путяхъ, да мой свѣтъ-то, во дороженькѣ
II все во дальномъ. во побѣдномъ похожденьицѣ.

Солдатъ—къ сосьдямъ:

II вы послушайте народъ да люди добрыи.
II ужъ вы милыи, сусѣди спорядовыи;
II какъ пришелъ да я солдатушко походной.
II на родимую свою да я сторонушку,
II во крестьянскую свою да я во жирушку:
II я иду да путемъ широкой дороженькой.
II я мыслю -то, побѣдной, своей мыселью:
II не писалъ да скорописчатой я грамотки,
II не увѣдомилъ родителя я матушки,
II што приду да въ домъ—крестьянску свою жирушку.
II што бы приняли вѣдь братьица родимыи.
Я иду бѣдной солдатъ да думу думаю:
II приду не-вѣсто къ крылечику перёному,
II увѣдатъ какъ родитель, може, матушка.
II не узнастъ-то солдатушка походнаго:
Испугается, родитель, може, матушка
II призапрётъ тутъ новы сѣни рѣшотчаты.

И призадвинетъ-то стекольчаты околенки.
Я пришолъ да ко крылечику перёному,
И бѣдна ири-доми жена да приключилася,
И поглянула во косѣвчато окошечко,
И пріузнала-то солдатушка походного:
И она бросилась, побѣдная, недоглядью,
И она кинулась, побѣдна, суровёшенько,
Какъ на эты на новы сѣни рѣшотчаты,
Да на это на крылечико перёное—
И тутъ матушку мою да воскликала;
И уже такъ оны, побѣдны, взрадовалися.
И я пришолъ тутъ во хоромное строеньице,
И хоть тамъ не было вѣдь братьицевъ родимыихъ,
И отлучивши на крестьянскую роботушку;
И какъ родитель меня матушка стрѣтала,
И она жа́лобно родитель причитала:
«И коп вѣтрышки теперечко завіяли,
«И появилося сердечно мое дитятко!
И она съ радости взяла этыхъ болѣзныхъ своихъ внучатокъ
И на пристарши взяла она на рученьки.
И тутъ со причетью она да подходила.
И сговорила тутъ, побѣдна, таково́ слово:
«Ужъ мы до́ждались скачоную жемчужинку.
«И да мы пахаря на чистое на полюшко.
«И сѣнокосча на луговыи на поженьки,
«И рыболовушка на синее онегушко.
«И большака да въ домъ дожда́лись настоятеля,
«И воскормителя сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ.
«И на утѣхушку вѣдь намъ да доброумьице,
«И бѣдной жонушкѣ на радость, на весельице.
«И какъ у насъ да у печальныхъ у головушекъ,
«Вдругъ сегодняшнимъ Господнимъ Божіимъ де́ночкомъ,
«И вдругъ сросла у насъ сахарна деревиночка.
«И обчудилася верба да золочоная,

«Появилася свѣща да нетоплёная;
«И какъ у насъ да во хоромноемъ строеньицѣ,
«И понь мостиночки у насъ не подгибаются,
«И отъ горючихъ слёзъ слѣды не заплываются;
«И супротивъ нашихъ косѣвчатыхъ окошечекъ,
«Уже вдругъ да объявился лугъ зеленый,
«И вдругъ повыросла трава да все шелковая,
«И разцвѣли да тамъ цвѣты вѣдь все лазуревы.
«И вдругъ вѣдь деревца явилися сахарныи,
«И разны птиченьки вѣдь тутъ да воспѣваютъ
«И насъ съ любимымъ то вѣдь гостемъ проздравляютъ;
«И безъ тебя да вѣдь, сердечно мило дитятко.
«И были деревца въ садочику посохнувши.
«И были разныи цвѣточики поблёкнувши:
«И безъ огня трава шелкòва подгорялася,
«И ко сырой земли трава да приклонялася;
«И вдругъ сегодня, сего дéнечка Господняго,
«И на сдивленьице вѣдь добрыимъ-то людушкамъ,
«И на среканьице спорядныимъ сусѣдушкамъ.
«И быдто вдругъ да у насъ чудо обчудилося,
«И объявился златокрылый нашъ ясенъ сокòлъ,
«И нынь я мать, бѣдна горюшица, дѣтиная.
«И нынь головушка моя да безкручинная.

Солдатъ къ матери:

И ты послушай же, родитель моя матушка:
И ты не плачь бѣдна родитель, съ горючмы слезмы:
И не придай тоски солдацкому сердечушку:
И на моемъ же вѣдь безсчастноемъ сердечушкѣ,
И много множество великой е кручинушки,
И какъ большѝ того злодійной е обидушки.
И ужъ я думаю, солдатъ бѣдной безсчастной:
Хоть побывалъ я на родимой своей родинкѣ,

И не убавится кручинушки—прибавится;
И я глядку еще солдать бѣдной безсчастной.
И на свою бѣдну безсчастну молоду жену:
И уже такъ бѣдна она да наполóхана,
И уже такъ у ей сердечко наобнжено;
И по мостипочкамъ ступае не смѣлёшенько,
И говоритъ бѣдна она да суровёшенько;
И мои малыи сиротны эты дѣтушки,
И бывъ упалыи загна́ны сѣры заюшки;
И не посмiютъ ко столу притти дубовому,
И отдали́ да мои дѣтушки туляются,
И отъ дубоваго стола да отдаляются;
И тутъ солдатъ еще, бѣдной я повыгляжу,
И я отъ братьецевъ желаньица повысмотрю,
И каковы да будутъ ласковы словечушка.
И ты послушай же, родитель моя матушка:
И ужъ какъ я, бѣдной солдатушко безсчастной,
И отмѣнитой нынь отъ добрыихъ отъ людушекъ.
И отлишенъ да отъ крестьянской этой жирушки:
И мнѣ не падобно, родитель моя матушка,
И мнѣ вѣдь ваиiихъ участковъ деревенскiихъ.
И не луговыихъ не надо ваиихъ пожепокъ.
И столько слушай же, родитель-моя матушка:
И пока на́-своей родимой я сторонушкѣ,
И вы держите меня гостюшкомъ любимымъ:
И столько нѣ-вѣсто, родитель моя матушка:
И послѣ этого любимаго гостибица,
И не начаюся, родитель, не надiюся,
И побывать да на родимой больше родинкѣ,
И повидаться мнѣ солдату съ родомъ съ племенью.
И ты послушай же родитель моя матушка:
И хоть гощу я на родимой своей родинкѣ,
И какъ сердечушко мое не взвеселяется;
И розставаться какъ съ желанной буде родинкой,
И роспрощаться мнѣ, родитель, съ родомъ-племенью.

И пройде времечко теперь да не видаючи,
И какъ недѣлюшки пройдутъ, да не слыхаютца:
И поостанется безсчастна молода жена;
И мои на-горе сердечны эты дѣтушки,
И кабы зналъ да я безсчастной про то вѣдалъ бы,
И про злодійну бы про службу государеву,—
И пожениться вы бъ меня да не заставили;
И буде сполъ бы я во службу Государеву,
И одна жъ была побѣдна бы головушка.

Мать къ солдату:

Да ты слушай же сердечно мое дитятко:
И не на службу вѣдь тебя я спородила,
И не на горе я тебя вѣдь пожепила;
И знать, судьба твоя вѣдь, дитятко безсчастная.
И горька жизнь да уписалась неталанная,
И можешь знать вѣдать сердечное мое дитятко:
И какъ стояла у полаты бѣлокаменной,
И какъ была я у приёму Государева,
И подломились тамъ вѣдь рѣзвы мои ноженьки,
И подрожали тамъ безсчастны мои рученьки.
И пріужахнулось ретливое сердечушко,
И я не-видла-то, побѣдна, свѣту бѣлаго,
И можешь знать-вѣдать, сердечно мое дитятко:
И миѣ-ка всѣ ровны сердечны вѣдь дѣтушки,
И однокровны вѣдь дѣтй, одноутробны.
И глупо сдѣлала печальная головушка,
И я схватилася, побѣдная, поздёшенько,
Ужъ какъ пріѣхала со города Петровскаго;
И не глядить бы на любимыхъ твоихъ братьицевъ.
И не жалить бы вѣдь крестьянской этой жирушки,
И нажить бы золотой казны по надобью:
И мы бы прибрали вѣдь свѣтушка-охотничка.

И мы бы вольнаго уда́ла добра мо́лодца:
И онъ окинулся бъ на золоту казну безсчотную,
И онъ на этыи на винныи на чарочки,
И онъ на цвѣтное, бурлацко бы на платьице.
И на гулярну молодецку бы покрутушку;
И онъ смѣнялъ бы красоту свою хорошество,
И онъ на эты бы на винныи на чарочки;
И замѣнили бы уда́ла добра мо́лодца,
И нашу милую скачоную жемчужинку,
И не спустили бы во службу Государеву.
И побранили меня добры эты людушки,
И меня милыи спорядныи сусѣдушки,
И за тебя, мило сердечно мое дитятко,
И вси жалили спорядовыи сусѣдушки,
И дорогу милу вербу́ да золочоную.
И какъ посли тебя, сердечно мило дитятко,
У насъ домъ-житье теперь да измѣнилося,
И недоросъ до вѣдь довольнымъ пошолъ хлѣбушкамъ,
И у насъ на́-двори вѣдь е да не плодилося,
И золота казна у братцевъ не скопилася;
И я проглупала, побѣдная головушка—
И я послу́халась вѣдь братьицевъ родимыихъ.
И пожалѣла я крестьянской этой жирушки.
И какъ обидѣли сердечно тебя дитятко,
И хоть въ походъ дитё—да отправляли,
И золотой казной вѣдь тутъ не надѣляли:
И ты послушай-ко сердечно мое дитятко:
И знать, судинушка по бережку ходила,
И знать, съ оружьицемъ судьба да съ завоенныимъ,
И съ пистолетикомъ она да зарукавныимъ.
И знать, сустигло зло великое безсчастьице,
И на пути тебя на ши́рокой дороженькѣ,
И на прогулушкѣ на ши́рокой на уличкѣ,
И сустигало зло велико безталаньице.
И натомился ты во службы Государевой,

II паскитался ты по чужоей сторонушкѣ,
II по дальнимъ походамъ незнакомымъ;
II наносился ты оружьицевъ пудовыихъ,
II на побѣдныихъ солдацкихъ своихъ плечушкахъ.
II кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
II про твою судьбу теперь да про безсчастную,
II съ малолѣтства вѣдь тебя не обижала бы,
II вѣдь роботушкой тебя неогружала бы;
II мы бы дали вѣдь слободу пору-времечко,
II быдто вольному рекрутку наёмному;
II добры кони тебѣ были бы обсѣданы,
II при сѣделышкахъ вѣдь с да при черкасскихъ,
II какъ росписаны дуги были заложены,
II какъ шелкова тебѣ плеть была бъ подавана;
II ты бы холость былъ, дитё, да не женатой;
II ты бы ѣздилъ по Владычнымъ по праздничкамъ
II взвеселялъ бы свою буйную головушку;
II я не знала то, горюшица, не вѣдала
II про твою судьбу, дитё, да про безсчастную,
II што вѣдь жизнь буде тебѣ да не талантая,
II што вѣдь сойдешь ты во службу Государеву.
II можешь знать-вѣдать, сердечно мое дитятко;
II какъ съ тобой да я, побѣдна, разставалася,
II я во ту пору, горюна, въ тое времечко,
II не страшилась я, побѣдная головушка,
II со тоски да во сыру землю вкопатися,
II со кручины въ темномъ лѣсѣ заблудитися,
II во мхахъ этыхъ дыбучихъ загрузитися.
II столько слугай же, сердечно мое дитятко:
II не начаюся, горюша, я печальная,
II за столомъ тебя, побѣдна, сыто ѣдячи,
II на тесовой кроватѣ долго—выспяци.
II теперь ходишь ты, сердечно мило дитятко,
II при обидушкѣ вѣдь ты да при кручинушкѣ;
II не подашь виду печальнымъ намъ головушкамъ.

И не даешь тоски-великоей назолушки,
И мнѣ побѣдноей, безсчастноей теперь матушкѣ,
И ты печальноей горюшѣ молодой жены;
И замѣчаемъ мы, безсчастныи головушки:
Хоть по мостиночкѣ идешь, да свѣтъ, скорёшенько,
И ты отвернешься отъ насъ да суровёшенько,
И проливашь да ты безсчастны горючи слёзы,
И утираешься платочкомъ кашемировымъ,
И говоришь съ нама хоть. свѣтъ, да веселёшенько,
И уговаривашь, печальныхъ насъ головушекъ:
«И вы не плачьтс, мои милы, не тоскуйте-тко».
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И для чего жъ отъ насъ ты, свѣтушко, туляешься,
И во потай да ты слезамы обливаешься?
И тебя ль путь да страшитъ дальная дороженька,
И тебя страхъ да долитъ служба Государева,
Аль оружьица стращатъ тебя пудовыи,
Аль ученьице страшитъ тебя тяжолос?
И хоть ты ходишь-то, скачоная жемчужинка.
И на усталыихъ безсчастныхъ рѣзвыхъ ножонькахъ.
И поджимаш часто ретливое сердечушко.
И я гляжу смотрю, печальная головушка,
Я дѣтина, бѣдна мать, смотрю солдацкая,
И на сердечное болѣзно тебя титятко:
И быдто деревцо ты ходишь подсѣчоное,
И въ родѣ вёшная земля да воронаая,
И бывъ какъ лѣтная трава да подкошоная
И точно рыбинка во сѣтку изловленая.
И хоть ты на своей родимой на сторонушкѣ,
И во своемъ домѣ крестьянскоей во жирушкѣ,
И хоть въ любимомъ вѣдь у насъ да во гостибицѣ,
И бывъ подъ тученькой, ты свѣтъ, да гряновитой,
И какъ подъ облачкой, ты свѣтъ. да страховитой,
И подъ злодійноей неволей подъ великоей.
Вотъ по утрышку, горюшица, рапешенько,

И подходила я, кручинная головушка,
И все къ тебѣ, милой скачоноей жемчужинкѣ:
И потихошеньку я двери отперала,
И тихо-кротко я къ кроваткѣ подходила:
И поглядѣла на сердечно тебя дитятко.
И отъ крѣпка да сна, горюша, не будила;
И все я думала, печальна родна матушка:
«И крѣпко спитъ мое рожоно мило дитятко».
И наложила я безчастны бѣлы рученьки
И на салдацку бѣлу грудь да заслужоную,
И на твое да на печальное сердечушко:
И твое бьется все побѣдно ретливо̀ сердчѐ.
И не въ покоѣ все безсчастная утробушка:
И ясны очи темной поченькой заплаканы,
И какъ слезамы тутъ сголовьице измочено.
И у меня да у безсчастной родной матушки,
И крѣпко со́вьется безсчастно ретливо̀ сердче.
И объ тоби да о сердечномъ миломъ дитяткѣ,
И могу знать-вѣдать, печальная головушка:
И столько думаешь, побѣдной, думу крѣпкую,
И помышляешь путь-широкую дороженьку.
И думу думаешь о службѣ Государевой.
И я погладила по бладой тутъ головушкѣ,
И я припала тутъ ко блеклому ко личушку,
И спросила у сердечна мила дитятка:
«Уже спишь ли ты рожоно мое дитятко:
И пріотвититъ тепло-красно мое солнышко:
—Ты послушай же, родитель моя матушка:
—И я давно да отъ крѣпка сна прохватился:
—И кабы знала ты родитель про то вѣдала:
—И што же діется у солдатушка безсчастнаго
—И на обидноемъ, печальномъ ретливо̀мъ сердчѣ;
—И у меня множество великоей заботушки,
—И въ буйной го́ловы великой е кручинушки;
—И думу думаю о службѣ Государевой,

—И помышляю о путь-ши́рокой дороженькѣ,
—И какъ поѣхать со любимоей сторонушки.
Я гляжу-смотрю, безсчастна еще матушка,
И на печальное рожоно свое дитятко:
И хоть ты на́-своей родимоей на родинкѣ,
И быдто чуждой ты отъ братьицевъ—чужанинокъ,
И опришенной ты отъ роду да отъ племени,
И все походочка твоя да перемѣнена,
И нариченьиче твое да не попрежнему,
И очень томныи солдацки бѣлы рученьки,
И отъ заботъ да бу́йна голова состарѣлась,
И отъ побоевъ бѣло ли́че измѣнилося.
И придержалася-то сила молодецкая:
И унывать мое побѣдно ретливо̀ сердче.
И разрывать да мою зяблую утробушку,
И столько гля́дячи, на красное тебя солнышко.
И на печальное сердечное свое дитятко,
И ты не гнѣвайся, сдовольной бѣлой свѣтушко.
И на безсчастную родитель меня матушку,
И я бы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
И не спустила вѣдь печальна бы головушка.
И я тебя да въ злодій-службу Государеву,
И я заперла бъ во свѣ́тлу тебя свѣ́тлицу,
Я замнула бы въ ларчи да окованыи,
Я держала бы внотай тебя отъ людушекъ;
И какъ спросили бы народъ да люди добрыи,
И про тебя мило сердечное бы про дитятко:
И я отвѣтила бы добрыимъ тутъ людушкамъ:
«Што отправилось рожоно мое дитятко.
«Со любимаго сердечнаго гостибища,
«И онъ по вечеру, мой свѣтушко, поздёшенько,
«И во полно̀чь да вѣдь онъ темной этой поченьки.
«И далеко да въ пути ши́рокой дороженькѣ;
И ублаждала бы, печально тебя дитятко;
И тебѣ ѣствушки, побѣдна бы, справляла,

И я медвяныи питья да составляла бы;
И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И лучше матушка земля бы розступилася,
И туды я, бѣдна горюша, пріукрылась бы!
И не глядили бы безсчастны мои очушки,
И на солдацку горегорькую кручинушку,
И на твои да все побѣдны горючи слезы.
И тутъ не ржавѣло безсчастно бы сердечушко,
И о тебѣ да все болѣзномъ миломъ дитяткѣ.

Солдатъ къ матери:

И пріотвичу я, желанна тоби матушка,
И на отвѣть скажу, солдатъ, да я безсчастной:
И отряжашь до со родимой меня родники:
И знать наскучилъ я, желанна тоби матушка:
И ты бы лучше вѣдь, родитель моя матушка,
И такихъ бы да ты рѣчей не говорила;
И сердечушко мое ты не печалила;
И какъ воспомнишь да ты службу Государеву,
И такъ вѣдь совьется безсчастное сердечушко.
И обмерать моя побѣдная утробушка.
И кабы знала ты, родитель, про то вѣдала:
И како да с солдацкое живленьице,
И безномѣстного солдату похожденьице.
Еще слушай же, родитель моя матушка:
И какъ вёшныи ручьи да розливаются,
И такъ у насъ да горьки слезы проливаются,
И на ученьицѣ, родитель, на мученьицѣ,
И уже бьютъ да насъ, побѣдныхъ, безъ повинности.
И до ранъ да бьютъ, родитель, до кровавыихъ,
И до умертвія, побѣдныхъ, бьютъ головушекъ,
И скозѣ строй гонятъ, безсчастныхъ, насъ солдатушковъ;

И не доносятъ тутъ вѣдь рѣзвы наши ноженьки.
И доведутъ да насъ солдатушки безсчастныи;
II тутъ мы пáдемъ отъ побоевъ о сыру землю.
И тутъ ряхнемся ума-разума въ головушкѣ;
II мы не чустусмъ вѣдь добрыихъ-то людушекъ;
II мы—самы себя съ побоевъ тутъ не вѣдаемъ,
II на плечахъ да мы не слышимъ толко-бѣлыихъ рубашечекъ
II мы лежимъ да со побоюшковъ безъ пáвиду:
И тутъ подóймутъ насъ солдаты новобраныи,
II подъ безсчастны горегорьки бѣлы рученьки;
II сговорятъ эты солдаты новобраныи:
Есь-ли душенька у васъ да во бѣлыхъ грудáхъ,
Есь-ли зрѣныице у васъ да во яснымъ очахъ
II мы не чустусмъ, побѣднушки, незнаемъ;
И—такъ—избúты мы, побѣдны, изколочены,
II ко сырой земли, побѣдныи, приклонены,
И подымаютъ насъ солдаты выговариваютъ:
«II да ты можешь ли, безсчастной-то солдатушко,
«II ты поднять свою безсчастную головушку,
«II ты отъ матушки поднять да отъ сырой земли:
«II уже стать да на безсчастны на рѣзвы ноги
«II все поднять свои безсчастны бѣлы рученьки?
II столько въ ту пору, родитель, въ тое времечко.
И мы родиму свою сторону спомянемъ,
II мы желанныхъ васъ родителей проклянемъ,
II вы зачѣмъ да насъ безсчастныхъ спородили.
II еще слушай же, родитель—моя матушка,
II какъ на ученьицѣ вѣдь этомъ на мученьицѣ,
II вся изорвана побѣдна напа силушка,
II вси сколочены вѣдь бѣдны наши костьица,
II вси истомлены вѣдь бѣдны наши рученьки,
II безповинно бьютъ вѣдь насъ да до умертвія.
II все съ голоду-то насъ вѣдь заморяютъ,
II мы вѣдь съ жадности солдаты посыхаемъ.

И какъ у насъ да у безсчастныихъ солдатушковъ,
И серче бьется, какъ волна да на синёмъ морѣ,
И опо кровью вѣдь сердечко обливается,
И точно вода въ крутой берегъ ударяется.
И какъ на нашу-то Русїю подселенную
И пастунали-то злодіи супостатыи,
И вѣдь думали-то Турки окаяныи.
И оны въѣхать-то въ Русїю подселенную,
И раззорить Москву оны да все великую,
И поразбить да оны крѣпость въ Новѣгородѣ,
И побѣдить да вѣдь царя-бога Русійскаго,
И благовѣрную царицу милосердую;
И да мы трудъ бѣдны солдаты принимали,
И мы трудилисъ за Русїю подселенную,
И за этую мы вѣру христіанскую,
И за царя да мы трудилисъ благовѣрнаго,
И за царицу-то вѣдь мы да милосердую;
И день и ночь да на стражеиицѣ стояли—
И хлѣба-соли мы пять сутокъ не ѣдали,
И десять дён воды, безсчастны, не пивали:
И не видли мы въ дыму да красна солнышка,
И во туманѣ-то не видли свѣту бѣлаго;
И съ огня съ пламяни буйна голова расторескалась.
И дымомъ съѣло-то побѣдны наши очушки;
И тутъ сердечушко у насъ да розгорѣлося,
И молодецкая утроба росходилася,
И тутъ съ дуг-другомъ, солдаты, роспростилися:
И уже тутъ да мы солдатушки не знаемъ.
И на кого да мы оружья заряжаемъ;
И сговоримъ да тутъ солдатушки безсчастныи:
«И спаси Господи Русїю подселенную,
«И сохрани да ты Владыко многомилосливой
«И благовѣрнаго царя да ты Русійскаго;
«И какъ еще да спаси, Господи помилуй,
«И на стражеиицѣ безсчастныхъ насъ головушекъ.

И отъ смерти сохрани да насъ напрасной.
«И спаси Господи отъ турки окаянной!
«И пособи да Пресвята Мать Богородица,
«И побѣдить этыхъ злодіевъ-супостатыихъ,
«И рѣшить званіе-то вѣдь Туркамъ все проклятымъ;
«И какъ страженьице-война да уходилась бы,
«И порóзнесло бы дымъ да по чистѣмъ полямъ,
«И горесть-чадъ да по лугамъ бы по зеленымъ,
«Мы увидѣли бы свѣтъ да во ясны очи,
«И мы обóзрѣли бы красно это солнышко.
«И прилегли бы на матушку сыру землю,
«И на здохъ да мы на травушку муравую,
«И на спокой да на дубравушку зеленую!
И ты послушай-же, родитель-моя матушка;
И хоть на́-своей родимой я на родникѣ,
И во своей да я крестьянскоей во жирушкѣ.
И во сердечномъ во любимомъ я гостибщѣ,
И у своей да я у родителя у матушки,
И у своей да я безчастной молодой жены;
И съ того гля́-того ретлйвое сердечушко.
И у меня да вѣдь солдатушка походнаго
И все щемитъ да во бѣлыхъ грудяхъ;
И какъ долитъ да вѣдь великая кручинушка.
И мою зяблую безчастную утробушку.

Мать къ солдату:

И послушай-же, безчастно мило дитятко:
И какъ ты сказывашь, дитё, да выговариваешь.
И про свое да ты солдацкое живленьице.
И мое — рву́чи-рветъ ретливое сердечушко,
И моя трескае вѣдь материна утробушка.
И объ тобѣ да вѣдь безчастномъ миломъ дитяткѣ:
И какъ до́-этой поры да этой времечки.

II тосковала хоть печальная головушка,
И все не знала я, горюшица, не вѣдала,
II про твою да злодій-службу Государеву,
II про побоюшки твои да про тяжолыи.
II нонь узнала я, горюшица, сировѣдала,
И про твою да бѣдну жизнь я про солдацкую:
II было за мёртво дитё мое колочено,
II до-кровавыхъ ранъ вѣдь плечушки изломаны,
II до уломовъ-то вѣдь костьица надсажены,
II все подбиты-то безсчастны твои очушки;
II ты послушай-же, безсчастно мое дитятко,
II ты повысказалъ побѣдной мнѣ головушкѣ,
II про злодійну ты про службу Государеву,
II мнѣ-ка на-тоску, горюшицѣ, великую,
II на обидушку, побѣдной, мнѣ неспосную;
II какъ посли тебя, сердечно мое дитятко,
II тосковать буду печальная головушка,
II какъ кокошица горюша во сыромъ бору,
II буду плакать подъ косѣвчатымъ окошечкомъ.
И лѣтной день да я, побѣдная, до вечера.
II не забыть буде печальной мнѣ головушкѣ,
II мнѣ не въ день, не въ ночь, сердечно тебя дитятко,
II не на Владычный-то Господень Божій праздничекъ.
II ты послушай же, рожоно мило дитятко;
II да што я скажу побѣдная головушка:
II вы корились бы безсчастныи солдатушки,
II вы безумному начальству неразумному,
II вы пали бы побѣдны во рѣзвы ноги,
II да вы этымъ злодіямъ суностатымъ,
II вы молили бы, злодіевъ, отъ желаньица.
II сговорили-бы единое словечушко:
«II вы не бейте понапрасну, не терзайте-тко,
«II вы не мучьте безповинно, не таскайте-тко:
«II съ нашихъ плечь да вы вѣдь не кровь проливайте-тко
«II запрасной намъ смерётушки непридавайте-тко:

«И вы оставьте-тко намъ душу на пока́яніе:
И пораздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И оны бе́зъ души — судьи неправосудныи,
И оны бе́зъ-креста,-злодіи супостатыи,
И не чустуютъ Владыки милосердаго,
И не жалію́тъ-то солдатушковъ безсчастныихъ,
И за пропа́щу ихъ собаку почитаютъ,
И не вѣруютъ слезамъ да горегорькіимъ,
И знать, што роду-то оны да не крещенскаго.
И еще слушай же рожоно мило дитятко:
И вы бы ду́-друга, солдатушки, не выдали,
И вы бы на́шли писаречка хитромудраго,
И съ своей сто́роны бы вы да съ Новагорода,
И вы съ обидой челомъ бпли бы великоей,
И да вы этому царю да благовѣрпому,
И ужъ вы этоей Царицѣ милосердоей,
И вы на́-этыхъ злодіевъ супостатыихъ,
И вы на́-этыхъ судей неправосудныихъ.
И тутъ раздумаюсь безсчастнымъ умомъ-разумомъ:
И скрозекозны эты судьи страховитыи,
И штуковаты эты власти немилосердыи;
И нѣту страху у злодіевъ въ ретливомъ сердчѣ,
И нѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ,
И не допустятъ-то прошеньица безсчастнаго,
И какъ до этого царя да до великаго,
И все до матушки царицы милосердоей;
И оны съ ду́-другомъ, злодіи, увидаются,
И тутъ изо́рвутъ-то гербовую бумажеиьку;
И тутъ обманутъ вѣдь солдатушковъ безсчастныихъ,
И все предъ этымъ царемъ-богомъ Русіискіимъ,
И предъ матушкой царицей благовѣрноей;
И горевать, видно, безсчастнымъ вѣкъ и по́-вѣку.
Да вы слушайте народъ-да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи!
И да што я скажу, побѣдная головушка,

И я про этыихъ злодіевъ супостатыихъ,
И я про этыхъ вертуновъ да самохватыихъ,
И я про этыхъ тонкопоґъ да вихреватыихъ;
И какъ безсчастны вѣдь, злодіи исталапныи;
И какъ у этыихъ хватовъ—да подтяни нога,
И какъ у этыхъ вертуновъ—да поссшиби рука.
И пѣту душеньки у ихъ да во бѣлыхъ грудяхъ,
И пѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ;
И пѣтъ ума-то у ихъ да въ буйной го́ловы;
И гордо го́лову несутъ да все посвистываютъ,
И во мамоны-то у ихъ да все побурливае;
И ужъ какъ этыи ярыги скрозекозныи,
И подольщаются ко тщерямъ оны матерныимъ,
И съ ума сводятъ оны дѣвушекъ молодыихъ;
И своей збрусей-то оны да все-позваниваютъ.
И во кругяхъ-то́нцахъ оны да ихъ завертываютъ;
И какъ безумны эты дѣвушки молодыи,
И оны вирятъ-то ярыгамъ скрозекозныимъ;
И на ричяхъ оны, злодіи, чваковитыи,
И во умяхъ оны, ярыги, все дурливыи;
И во устахъ да вѣдь-соты у ихъ медвяныи,
И во сердцахъ у ихъ—змія да подколодная:
И усмѣхаются оны да посмѣваются,
И падъ красой—басой дѣвочьей потѣпаются.
И падъ родителью вѣдь ихъ да падрыгаются;
И судилъ Господи-велико безталапьице,
Ужъ какъ этыимъ злодіямъ супостатыимъ:
И вѣдь казнилъ да ихъ Господи безумьицемъ,
И какъ за ихно за велико беззакопіе;
И не жалѣютъ ихто солдатушковъ безсчастныихъ,
И за пропяцу ихъ собаку почитаютъ,
И всё бьютъ да ихъ безсчастныхъ до умертвія.
И еще слупайте, народъ да люди добрыи:
И я спросила у сердечнаго у дитятка,
И какъ у этого солдатушка походнаго:

II ты въ котору лучше шолъ бы во дороженьку,
II ты во матушку бы шолъ да во сыру землю,
II лучше принялъ бы вѣдь скорую смеретушку.
Аль пошолъ бы ты въ полки да новобраныи,
II во солдаты бы пошель да во походныи.
II пріотвѣтитъ тутъ, сердечно мое дитятко.
II ты послушай же, родитель моя матушка,
II да ты глуная старушка, неразумная:
II пока Богъ души не вынётъ, такъ сама душа не выдетъ;
II я не знаю же, солдатъ бѣдной, не вѣдаю,
II уже гди—да моя жизнь бѣдна скончается,
II гди помретъ моя солдацкая головушка,
II гди схоронится побѣдно тѣло грѣшное:
II я жадалъ бы-то, родитель—родна матушка,
II помереть да на родимой своей родинкѣ,
II столько лечь бы къ Пресвятой да Богородицѣ;
II не радѣлъ бы я, солдатъ бѣдной безсчастной,
II какъ по дальной ходить широкой дороженькѣ,
II все принять да вѣдь смерётушку напрасную.
II я отъ этыхъ властей неправосудныхъ,
II я отъ этыхъ судей да скрозекозныхъ,
II я отъ этыхъ злодіевъ супостатыхъ;
II впереди судьба безсчастна уродилася,
II безталанна мнѣ-ка жизнь да-прилучилася.
II какъ служить да въ грозной службѣ Государевой,
II вѣкъ коротать на великомъ мученьицѣ,
II на великомъ мученьѣ—не удольноемъ.

Мать къ сусѣдямъ:

II што сижу, да бѣдна мать, я призадумалась,
II я гляжу да вѣдь, горюша, пріослухалась,
II на сердечныхъ рожоныхъ своихъ дѣтушекъ,

И въ собину̀ да на солдатушка безсчастнаго?
И съ горя ходить по хоромному строеньицу,
И со обиды по дубовымъ мостиночкамъ,
И ужъ онъ горькіи-то слезы проливае.
И онъ высказывае братцамъ—выговаривать,
И объ своей бѣдной онъ жизни горегорькоей:
И што болить, да скажс, буйная головушка.
И што тоскуютъ-то солдацки бѣдны плечушка,
И стонутъ бѣдны эты костьица изломаны:
И въ чистомъ полюшкѣ погодушка подбймется,
И буйны вѣтры не помѣрны поразвіются:
И какъ отъ этыхъ побоюшковъ тяжолыхъ,
И у меня да у солдатушка походнаго,
И разболится да тутъ спинушка безсчастная,
И станетъ сипь да все подъ ясны подъ очушки,
И печаль-горе на ретливоемъ сердечушкѣ;
И меня страхъ долить солдатушка безсчастнаго,
И все страшить да меня служба Государева,
И тутъ наздынетъ-то безсчастны бѣлы рученьки,
И онъ на̀-свою на буйную головушку,
И сговорить еще, побѣдной, таково слово:
«И ты побѣдная головка, неталанная!
«И на бѣломъ свѣтѣ вѣдь ты да зародилася,
«И много горюшка, головушка, видаютца,
«И много слезъ да ясны очи проливаютца;
«И по бѣлу̀ свѣту солдать бѣдной таскается,
«И безъ на̀виду, побѣдной, призамается,
И вы послушайте, народъ да люди добрыи,
И вы милыи сусѣди спорядовыи!
И надо каменной вѣдь бѣдной быть утробушкѣ.
И столько гля̀дячи на мило свое дитятко,
И какъ на этого солдатушка безсчастнаго!
И кабы знали вы, народъ да люди добрыи,
И вы бы вѣдали, сусѣди спорядовыи,
И какъ што дістся въ моемъ да ретливо̀мъ сердчѣ,

И на безсчастноей на матерной утробушкѣ:
И быдто лютая змїя да тамъ свивается,
И въ родѣ пляцїи огни да разгоряются,
И быдто горькая смола да роскипляется.

Мать къ солдату.

И ты послушай же, сердечно мило дитятко,
И ты просился жъ у Царя да у великаго,
И ты вѣдь на́—свою родиму хоть сторонушку,
И во любимо хоть сердечпо ты гостибище,
И съ чего-гля чего, сердечно мое дитятко,
И не-надолго ты просился поры—времечки;
И не поспѣлъ да ты, сдовольной бѣлой свѣтушко,
И ты на добрыихъ людей да насмотритися,
И съ родомъ-племенемъ, нашъ свѣтъ, да ты спознатися,
И поскорёшеньку тебѣ нынь розставатися,
И со своей да со родимой со сторонушкой,
И со печальной со безсчастной молодой женой,
И съ горегорькоей побѣдной родной матушкой.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка:
И не туманъ да вѣдь на улушкѣ туманится.
И все безсчастной-то солдатъ сидитъ—печалится.
И при злодїйноей великоей кручинушкѣ,
И сожалїетъ онъ родимой своей сто́роны,
И онъ безсчастную, горюшу, молоду́ жену.
И намъ не годышекъ вѣдь съ имъ да годовать:
И какъ пройдетъ эта учётная недѣлюшка,
И во слезахъ пройде недѣля во горючихъ,
И во тоски пройдутъ Господни Божьи де́нечки,
И розставаться на-бъ побѣдными головушкамъ
И съ дорогой милой скачпоей жемчужпикой.
И наглядитесь-ко безсчастны наши очушки,
И про запасъ да вы на красно наше солнышко!

II еще слушай-ко, сердечно мило дитятко:
II ты садись, да ко столу, свѣть, ко дубовому,
II ты на стулъ да вѣдь садись тутъ на кленовой.
II у мня нанять писарёчикъ хитромудрой;
II ты высказывай мой свѣть да выговаривай,
II ты про бѣдну свою жизнь да про солдацкую,
II про безсчастно горегорькое живленьице,
II ты про дальнее свое да похожденьице;
II не утай-скажи, безсчастно мое дитятко,
II ты вѣдь этому писаречку хитромудрому.
II ты вѣдь слушай, писаречикъ хитромудрой:
II ты повыспроси его да хорошохонько,
II ты повыпиши, мой свѣть, да умильнешенько;
II слово къ словечку вѣдь ты да на бумаженьку,
II про его да горегорькое живленьице,
II про его да вѣдь безсчастно похожденьице.
II какъ посли тебя, сердечно мило дитятко,
II отпущу какъ соколочка златокрылаго,
II со своихъ да я побѣдныхъ со ясныхъ очей,
II со своей да я безсчастной со бѣлой груди,
II я во дальную дорожку, не въ любимую,
II не въ веселую сторонку, не въ гульливую,
II я во эту злодій-службу Государеву,
II ворочусь буде путь-широкой дороженькой,
II тутъ я во-свое хоромное строеньице,
II буде долгой вѣкъ горюшицы протянется,
II коковать буду, горюша, какъ кокошица,
II я возму да тутъ, кручинная головушка,
II запростѣйшей я возму да листъ-бумаженьку,
II я схожу да къ писаречку хитромудрому,
II помолюсь да прочитать эту бумаженьку,
II што на память-то у дитятко высказано,
II слово къ словечку вѣдь тутъ да приписано,
II я послушаю, побѣдная головушка,
II на роздій соби великосй кручинушки,

И на великое себѣ да доброумьице:
И я держать буду, горюша, листь бумаженьку,
И во своихъ носить безсчастныхъ буду рученькахъ
И у побѣднаго ретливаго сердечушка,
И у пристаршаго, горюша, блёкла личушка,
И я смотрить буду, кручинная головушка,
И поминутно на гербовой листь бумаженьку,
И на тебя точно, сердечно мило дитятко.
И ой, раздумаюсь побѣдна родна матушка:
И не на радость то вѣдь миѣ, не на весельице,
И миѣ-ка на́-тоску, великую обидушку,
Ужь какъ эта миѣ злодѣйная бумаженька,
И не убавится кручины миѣ—прибавится.

Мать къ солдату:

И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И взвесели свою побѣдную утробушку:
И прикажи да тепло-красно мое солнышко,
И обсѣдлать себи ступистую лошадушку,
И пріубрать да во сѣделышко черкаское:
И привязать да звонъ—унылы колокольчика—
И все ко этымъ дугамъ да расписа́нымъ;
И ты одѣнь свое бурлацко прежне платьице,
И ты пройдь, бѣдной, по широкой по у́личкѣ,
По раздольицу, нашъ свѣтъ, да по чисту́ полю;
И да ты съизди-тко, сердечно мое дитятко,
И ты во эту Божью Церковь посвященную,
И помолись да ты Бладыкѣ отъ желаньица,
И прослужи да ты молебенъ отъ раденьица.
И тебѣ путь пройти широкая дороженька,
И все во доброемъ тебѣ бы во здоровьицѣ;
И ты сердечное рожопо мое дитятко,
И ты пройдь да ко породы именитой,

II промѣняй свою кручину на весельице,
II ты обидушку, нашъ свѣтъ, на доброумьице;
II взвеселись хотя жъ у сродичевъ милыхъ сродничковъ,
II у добротушекъ желанныхъ родныхъ тетушекъ;
II ты вѣдь идь да путь-дороженькой тихонько,
II обочá пойдемъ, печальны мы головушки,
II со твоей пойдемъ печальной молодóй женой;
II хоть мы пóглядимъ, печальныи головушки,
II на тебя мило сердечно мое дитятко,
II говорить столько печально мое дитятко:
«II ты послушай же, родитель — моя матушка,
«II можеть нé-любо вѣдь братьицамъ родимыимъ,
«II пожалѣютъ то ступистоей лошадушки,
«II миѣ-ка бѣдному солдатушку безсчастному,
«II попроѣхать-то по шúрокой по уличкѣ.
II ты послушай-же, сердечно мое дитятко:
II роспорѣжусь я, печальная головушка,
II надъ сердечнымa, рожонымa надъ дѣтушкамъ:
«II ужъ вы подьте-тко, дѣти, да поскорёшеньку,
«II обсѣдлайте коня дóбра суравёшенько.
«II про обидное сердечно мое дитятко,
«II про печальнаго про братца про родимаго.
«II пусть пронде на ступистоей лошадушкѣ,
«II хоть не-пéрво, да нашъ свѣтушко, послѣднее;
«II вы возмите-тко сердечны мои дѣтушки,
«II вы возмите-тко вѣдь сладкой этой воточки,
«II вы налейте сму чару зелена̀ вина;
«II вы подобрите-тко, братца все родимаго:
«II онъ не вѣкъ да съ вама буде вѣковать,
«II онъ не годышекъ вѣдь съ вама годовать.
II ты послушай же, печально мое дитятко:
II добрый конь да вѣдь у братьицевъ обсѣдланой.
II у родной сестры къ крылечику подведéной;
II у побѣдной у твоей да молодóй жены.
II молодецко прежне платьице приненéсено.

И сговорить да тутъ сердечно мило дитятко:
И мнѣ не гля-чего, родитель, заниматися,
«И мнѣ въ бурлацкое-то платье одѣватися.
«И знаютъ-вѣдаютъ народъ да люди добрыи,
«И я не холостъ молодецъ ѣду—женатой,
«И я солдатушко вѣдь ѣду все служивой:
«И попривыкнулъ я къ солдацкому-то платьицу,
«И примѣнился я къ мундерамъ суконъ сѣрыихъ.
«И погляди еще, родитель-родна матушка:
«И какъ солдацкіи сапожки обувать буду,
«И надѣвать буду мундеры суконъ сѣрыихъ,
«И буду на́крѣпко вѣдь мо́лодецъ подтягивать,
«И я печально молодецкое сердечушко,
«И застегну я плотно пугички фрунтовыи;
«И тутъ я выду же, солдатъ бѣдной безсчастной,
«И я на этое крылечко перёное.
«И ужъ до́брой конь стоитъ да при кручинушкѣ.
«И я безсчастной-то солдатъ да при обидушкѣ:
И замѣчаю я, сердечно мило дитятко,
И ты не въ цвѣтно, бѣдной, платье одѣваешься,
И ты горючима слезама обливаешься:
И мы пойдемъ, тепло-красно мое солнышко,
И да ты, на́-этой ступистоей лошадушкѣ,
И да ты на́-этомъ сѣделышкѣ черкасскоемъ:
И какъ тобѣ да свѣты братьица родимыи,
И оны шолковъ тобѣ поводъ подаваютъ.
И во солдацкіи безсчастны твои рученьки.
И какъ печальная горюша-молода́ жена,
И во лѣвой-руки́ вѣдь плеть несе шолковую,
И за руку́, веде́ сердечно мало дитятко,
И она ве́дучи дитю да выговаривать:
«И ты гляди мало сердечно мое дитятко,
«И на желаннаго гляди да ты на батюшку!
И хотя жъ сѣлъ да нашъ гостюшко любимой,
И на удалую ступистую лошадушку,

И хоть поѣхалъ въ путь—широкую дороженьку,
И по прогулушкѣ по ши́рокой по уличкѣ,
И по роздольицу. солдать, да по чисту́ полю:
Подъ имъ доброй конь идё да спотыкается,
И мать сыра земля отъ добра коня подгибается;
И какъ безсчастной тутъ солдатушко походной.
И онъ не ньянъ да на-добромъ конѣ мотается.
И онъ горючима слезама обливается,
И сговорить да мос ди́тё таково слово,
И мнѣ побѣдноей безсчастной родной матушкѣ:
И хоть идешь, моя родитель жалосливая,
И побочась идешь ступистоей лошадушки,
И меня держишь за безсчастну бѣлу рученьку,
И слезно плачешь ты, родитель, причитаешь,
И ты высказываш, родитель, выговариваш,
И мнѣ безсчастному солдату неталанному:
И ты послушай же, сердечно мило дитятко,
И мы подыдемъ къ Божьей церквы посвященной,
И мы зайдемъ да тутъ Владыкѣ помолится,
И штобы далъ да Господь добраго здоровьица.
И великой бы Господней Божьей милости,
И какъ поѣхать со родимой тебѣ родинки;
И по благому въ путь-широкую дороженьку,
И штобы далъ Господь талану теби участи.
И во полки да теби, дитятко, явится,
И строгу-грозпому начальству поступится.
И вотъ онъ и́де путь-ши́рокой дороженькой,
И мимо сво́п-то роспашисты полосушки,
И говоритъ столько сердечно мое дитятко:
‹И полоса-ль моя полосушка непаханая,
‹И безъ меня бѣдна солдата новобранаго;
‹И какъ у мо́ихъ-то у братьицевъ роди́мыихъ,
‹И не удобрена вѣдь матушка сыра земля,
‹И задернили вси роспашисты полосушки,
‹И лѣсомъ за́росли луговы эты пожешьки;

«И мои братьица теперь видно лѣпивыи,
«И не заботны, свѣты-братцы, не сухотныи,
«И объ домы да объ крестьянской оны жирушкѣ;
«Все гляжу—смотрю солдать бѣдной безсчастной;
«Измѣнилася крестьянска у их жирушка,
«И я бы поиѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
«И миѣ-бы отпуски хоть были на два годышка,
«И я бы жилъ да во крестьянской поиь-бы жирушкѣ.
«И день роботалъ бы, вѣдь тему эту почеиьку.
И уже слушай же, сердечно мое дитятко.
И мы у этоей ограды обиесеиоей,
И у священаго крылечика церковнаго.
И подобѣгаютъ тутъ народъ да люди добрыи,
И какъ глядятъ-смотрятъ сусѣди спорядовыи,
И сожалѣютъ-то солдатушка служилаго,
И тутъ стоятъ да добры людушки-дивуются:
«И на полетъ, знать, теперечко ясеиь соколъ,
«И на пойзди, знать, солдатушко безсчастной.
«И видно, со своей родимоей сторонушки:
«И со сторонь да глядя—плачутъ люди добрыи.
И хоть спустился, да нашъ свѣтъ, тутъ со добра коня.
И онъ на матушку спустился на сыру землю.
И онъ снялъ да со безсчастной буйной головы.
И онъ не шляпоньку снималъ да все пуховую.
И онъ безсчастны кивера снималъ солдацкіи,
И на крыльцы да крестъ-отъ клалъ онъ по писаному,
И на переиоемъ поклонъ да по ученому,
И сотворилъ прежде Iсусову молитовку;
И оборотился сердечно мое дитятко,
И онъ на этомъ на крылечикѣ перёиоемъ,
И увидалъ да въ слезахъ добрыихъ тутъ людушекъ,
И онъ поклонъ воздалъ, скачоная жемчужника.
И онъ на вси на три-четыре на сторонушки,
И всимъ окольнымъ спорядовымъ сусѣдушкамъ,
И сговорить столько безсчастно мое дитятко:

«Ужъ вы здрастуйте народъ да люди добрыи,
«И вси примилыи сусѣди сопорядовыи!
«И посмотрить пришли солдатушка безсчастнаго:
«И спасеть Богъ-то вамъ, народъ да люди добрыи.
«И какъ на вашемъ-то великоемъ желаньицѣ;
«И у меня жъ да у солдатушка безсчастнаго,
«И какъ сегодня, сего дѣнечка Господняго,
«И розобидилась какъ буйная головушка.
«И запечалилась безсчастная утробушка.
:И текуть слезы у солдата изъ ясныхъ очей,
«И какъ я ѣхалъ путь-широкоей дороженькой,
«И я къ этой церкви Божьей посвященноей,
«И со кручинушки сидѣлъ бѣдной шатался.
«И конь пройти надо солдатушку безсчастному,
«И мнѣ во Божью пройти церковь посвященную,
«И попросить было попа отца духовнаго,
«И прослужить столько молебенокъ походной.
«И моя милая родитель-бѣдна матушка,
«И по правѣ, бѣдна горюша, стоить рученьку;
«И какъ безсчастна горегорька молода жена,
«И супротивъ моихъ безсчастныхъ ясныхъ очушекъ:
«И слезно плачуть-то оны да возрыдаютъ,
«И оны горьки да тутъ слезы проливаютъ,
«И сожалѣютъ-то солдатушка безсчастнаго.
И ты послушай же сердечно мило дитятко:
И не могу терпѣть, печальная головушка,
И содержать да я безсчастнаго сердечушка,
И на утробушкѣ—злодѣйноей зазнобушки;
И мнѣ-ка жаль-тошно побѣдноей головушки,
И потошнѣе жаль сердечно тебя дитятко;
И можешь знать—вѣдать, скачоная жемчужинка,
И мы не къ праздничку тебя да снаряжаемъ.
И не въ бурлакушки тебя мы отправляемъ,
И не въ топорную работу да зажи́вную,
И мы во дальную дорожку безъизвѣстную,

И во злодійну эту службу Государеву.
И сговоритъ да тутъ сердечно мое дитятко:
«И перестань моя родитель слезно плакать.
«И ты во этоей церквы да посвященноей:
«И ужъ ты милая моя да молода жена,
«И ты не-дай тоски-кручины ретливу сердчу:
«И лучше Господу молитесь отъ желаньица.
«И обо мни да вы безсчастноемъ солдатушкѣ.
И тутъ повышли на широкую на уличку,
И мы со этой Божьей церквы посвященноей.
И сговоритъ столько родитель-родна матушка:
— И ты садись мое сердечно теперь дитятко.
— И на сѣдёлышко садись да на черкасское,
— И ты на этую ступистую лошадушку.
И на отвѣтъ скаже рожоно это дитятко:
«И ты послушай же, родитель—моя матушка.
«И не-неволь меня солдатушка безсчастнаго.
«И мнѣ-ка систь да вѣдь, родитель, на добра коня:
«И я пройду да лучше чистымъ этымъ полюшкомъ,
«И я за по́водъ проведу да коня добраго,
«И лучше про́йдемъ мы, родитель, по-тихошеньку.
«И сколько этой да путь-шйрокой дороженькой:
«И мнѣ со добрыма пройти да все со людушкамъ:
«И пусть посмотрятъ добры люди поликуются,
«И пусть спорядныи сусѣдки натоскуются,
«И пусть посмотрятъ на солдатушка безсчастнаго.
«И быдто на́-своихъ сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
«И у которыхъ же безсчастныхъ родныхъ матушекъ.
«И тоже отданы сердечны есть вѣдь дѣтушки,
«И въ злодійную во службу Государеву.
«И можетъ, думаютъ народъ да люди добрыи:
«И што солдатъ идё, дороженькой ликуется.
«И кабы знали вы народъ да люди добрыи,
«И про мою тоску-великую кручинушку,
«И про безсчастну горьку жизнь мою солдацкую:

«И я съ кручинушки не вижу людей добрыхъ,
«И во глазахъ да не замичу сродичевъ-сродничковъ.
«И сговоритъ еще родитель-бѣдна матушка:
— Охъ, несчастное сердечно мое дитятко:
— И отъ тебя бѣдна солдата неталапнаго,
— И путь дороженька теперь да подгибается,
— И отъ солдацкихъ слезъ тропинки заливаются:
— И все безъ вѣтрынка идё солдатъ, шатается,
— И безъ воды да его ножки подмываются.
— И вы глядите-тко народъ да люди добрыи!
— И передъ имъ да въ полѣ травка преклоняется,
— И вси вѣдь разныи цвѣточики мѣшаются.
— И со чиста̀ поля вѣдь птиченыки слетаются,
— И оны у́пыло вѣдь птичи причитаютъ,
— И надъ безсчастнымъ солдатункомъ походнымъ;
— И какъ не пыль да въ чистомъ полѣ подымается.
— И какъ тоска его кручина розгоряется,
— И все у мо́его сердечнаго у дитятка,
— И вы глядите еще до́бры столько людушки:
— И передъ мо́имъ же безсчастнымъ теперь дитяткомъ
— И темны лѣсушка къ зени да приклонилися,
— И сожалѣютъ-то темны лѣса дремучіи,
— И какъ безсчастнаго солдата новобранаго;
— И не могли стерпѣть катучи бѣлы ка́менки,
— И устоять да на горахъ вѣдь на высокіихъ,
— И поглядить да на тоску вѣдь на солдацкую,
— И со высокихъ горъ вѣдь ка́менки скатилися,
— И все безсчастнаго солдата сожалѣютца.
И мы подходимъ хоть, печальныи головушки,
И мы ко этому селу да деревенскому,
И мы ко доброму хоромному строенъицу,
И мы ко этому крылечику перёному,
И на крыльцѣ стоитъ сердечно мое дитятко,
И какъ отда́на моя бѣлая лебедушка,
И зове—чёстуе любимаго вѣдь гостюшка,

И ко собѝ да соколочка злотокрылаго,
И она свѣтушка вѣдь братца все родимаго.

Мать къ дочери.

И попѣняю бѣдна мать я горегорькая,
И на тебя жъ да моя бѣлая лебедушка:
И разгнѣвила свѣтушкà братца родимаго,
И не стояла край-пути да ты дороженьки,
И не брала да въ руки повода шолковаго,
И ты къ крылечику коня не подводила,
И свѣтушкà братца вѣдь ты не почестила,
И видно, гордая, дитё ты, непокорная,
И состоронь давно жалѣютъ люди добрыи,
И слезно плачутъ вѣдь сусѣди спорядовыи;
И у тебя, знать, у сестрицы у родимой,
И плотно-каменно ретливое сердечушко;
И не жалѣешь свѣтушкà-братца родимаго,
И дорогой милой скачоной жемчужники;
И не могу да знать, печальная головушка,
И уже зàйдетъ ли, скачопая жемчужинка,
И ко тобѝ да ко сестрицы ко родимоей:
И ты отдáна хоть с, бѣлая лебедушка,
И вѣдь не дальна твоя чýжая сторонушка,
И не за-мòряма, лебедушко, глубокима
И не за-гóрама, дитс, да ты высокима,
И кругъ единаго мы чистаго вѣдь полюшка,
И да мы óдного попа отца духовнаго,
И мы единаго приходу все церковнаго.
И хоть ты вышла на крылечико перёное,
И ты стоишь да на мостиночкѣ дубовоей,
На перекладинкѣ, лебедушко, кленовоей,
И не попустишь ты, лебедка, жалкòй гóлосокъ,
И ты умильна лебедина причитаньица,

И ты не съ причетью вѣдь братца-то стричаешь;
Таки-ль нѣтъ да теби вольной, видно, волюшки,
Али добрыихъ людей да ты стыдишься,
Али грознаго ты мужа да страшишься.
И позади да Богодана стоитъ матушка,
И посторонь стоятъ невѣстушки голубушки,
И впереди стоитъ надежа-мужъ головушка:
И ты вѣдь добрыихъ людей да удивила,
И свѣтушка̀ братца вѣдь ты да розгнѣвила;
И закатился-то катучей бѣлой ка̀мешокъ,
И на его бѣдномъ солдацкоемъ сердечушкѣ.
И ты послушай еще, бѣлая лебедушка:
И уже въ томъ бѣдной солдатъ да порозгнѣвался,
И на тебя да на сестрицу на родимую,
И што ты не́-пришла во церковь посвященную,
И ты ко общеей обидни богомольноей,
И ты ко этыимъ молебнамъ ко спасёныимъ;
И со сторонь пришли народъ да люди добрыи,
И становили всю крестьянскую работушку,
И поспѣшились ко обидни богомольноей,
И на солдацки оны слёзушки смотрили,
И на солдацкое моленьице глядили,
И за походнаго солдатушка молились;
И столько ты да моя бѣлая лебедушка,
И да ты не́-пришла во церковь посвященную,
И съ того гнѣвъ несе да красно твое солнышко—
И на тебя да на сестрицу-свѣтъ-родимую.
И посмотри да столько бѣлая лебедушка;
И онъ не пьянъ да иде, братецъ, все шатается,
И не хмѣлёнъ да на дорожкѣ подтыкается;
И призастынуло побѣдно ретливо̀ сердчѐ,
И за кручинилась безсчастная утробушка,
И какъ страшитъ да путь вѣдь дальная дороженька,
И столько эта грозна служба Государева.
И уже слушай того, бѣлая лебедушка:

«И не убойся прими братца ты родимаго.
«И во сердечное любимо же гостибище,
«И не надолго же поры да этой времечки,
«И угости свою скачопую жемчужпику,
«Хоть не первое теперечко послѣднее:
«И ты поддерни-тко вѣдь стуль ему кленовой,
«И ты во этой-то во свѣтлой своей свѣтлицѣ
«И во столовоей теперь да новой горенкѣ;
«И ты сади да ко столу его дубовому,
«И наливай да чаю-кофею горячего.
«И ты налей да стакань сладкой ему воточки,
«И поднеси да во стаканѣ золоченоемъ,
«И на подносѣ поднеси да на серебряномъ;
«И ты иди да моя бѣлая лебедушка,
«И во стаканѣ бы вино да не шаталося,
«И по подносу бы вино не розливалося.

Сестра—къ солдату:

Ужъ ты послушай, свѣтушко-братецъ родимой:
И я ужъ думала печальнымъ своимъ разумомъ.
И не зайдешь да тепло-красно мое солнышко,
И не зайдешь, свѣтъ—скачопая жемчужпика.
И ты во мóе-то хоромпое строспьице;
И уже вдругъ да у крылечика нерёнаго,
И быдто красно это солнышко порóспекло,
И быдто бѣлой свѣтъ теперь да порозсвѣтился,
И во моемъ да во хоромпоемъ строспьицѣ,
И во свѣтлоей у насъ да теперь свѣтлицѣ,
И въ моей столько столовой новой горенкѣ;
И не часты звѣзды теперь да возсіяли;
И какъ сего-дня сего-дéпечка Господняго,
И впереди да свѣта братца вѣдь родимаго,
И по пути да по широкоей дорожепькѣ,

И прилетала перелетна мала птичепька.
И ко крылелику она да ко перёшому
И все ко этому косѣвчату окошечку,
И ко туманпоей стекольчатой околенкѣ,
И опа у́пыло вѣдь птичка причитала
И опа жалобно, печальна, розсказала:
—И все вѣдь мни опа, кручинпоей головушкѣ:
—И во пути да тепло-краспое солнышко,
—И па полётѣ златокрылой мой ясень соко̀лъ,
—И на пойздѣ свѣтушко̀-братецъ родимой:
—И опъ послидпїи денечки вѣдь гуляетъ,
—И на добромъ копи, мой свѣтъ, да розъѣзжаетъ,
—И опъ съ родимоей сторопушкой прощается
—И съ родомъ-племенемъ онъ, свѣтъ, да розставается,
—И нынь прiѣхалъ опъ, скачопая жемчужинка,
—И не надолго-то поры да столько времечки.
—И ужъ опъ гостюпкомъ ко мни да все любимымъ.

Мать—къ сусѣдямъ:

И вы глядите-тко, пародъ да люди добрыи,
И вы смотрпте-тко, сусѣди спорядовыи:
И его любушка-сестрица свѣтъ родпмая
И побоча̀ стоитъ у братца у родимаго,
И все по правую стоитъ она подъ ручепьку;
И прпназдынуты вѣдь бѣлы у ней рученьки
И на служивы па безсчастны его плечушка.
И волокидную побѣдную головушку;
И опа гладитъ хоть сестрица-свѣтъ родимая
И по его да безталанпоей головушкѣ,
И во горя́хъ она рути́тъ да горючи́и слезы:
И столько гля́дячи на братца на родимаго,
И сговорить бѣдна сестрица таково слово:
«И мни во снях ли-то, горюшѣ, показалося,

«И на яву ли-то въ дому да обчудилося:
«И быдто бѣлой свѣтъ-теперь да порозсвѣтился.
«И красно солнышко съ за-облачки порóсекло;
«И во мосмъ да во хоромносмъ строеньицѣ,
«И во мосй да во столовой новой горенкѣ,
«И свѣтушкò да мой братецъ угощается;
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы смотрите-тко, сусѣди спорядовыи:
И его любушка сестрица—свѣтъ родимая.
И не медвяныи питья да наливаетъ:
Она горючима слезама обливается;
И все не ѣствушки сестрица составляетъ:
И ю великая кручина удоляетъ:
И сожалѣетъ свѣта-братца вѣдь родимаго.
И соколочика она да златокрылаго.
И вы глядите-тко, народъ да люди добрыи,
И вы смотрите-тко, сусѣди спорядовыи:
И какъ сего-дня, сего дóнечка Господняго,
И подъ туманомъ, напе дúтё, подъ великимъ,
И во обиды, оно дúтё, во злодѣйноей;
И хоть въ гостяхъ гостить сердечно мило дитятко,
Хоть у любушки сестрицы у родимой,
И на стульицахъ сидитъ да на кленовыихъ,
И хоть у столика сидитъ да у дубоваго
И за чадмъ сидитъ да свѣтушко за кофесмъ,
И буйна гóлова солдацка приклонивши;
И ясны очушки въ дубовой полъ утуплены;
И горьки слезы изъ очей да проливаются;
И онъ ѣствушковъ теперь не искушаетъ;
И онъ медвяныихъ питьевъ не испиваетъ;
И все тоскуетъ-то побѣдно ретливò сердце—
И какъ у этого у гостюшка любимаго,
И все у этого солдатушка походнаго.
И онъ высказывать вѣдь лáсковы словечушка,
И выговаривать при добрыихъ онъ людушкахъ,

И опъ на память-то сестрицѣ все родимой:
«И ты послушай-же, сестрица—свѣтъ родимая,
«И спамяти бѣдна, солдатушка безсчастнаго:
«И не начаюсь я солдать, да не надіюся,
«И я бывать да на родимой своей сторонѣ,
«И съ родомъ-племенемъ вѣдь я да увидатися;
«И какъ съѣду со родимой со сторонушки,
«И поступлю да во полки я новобраныи,
«И постановя во казармы во казенныи:
«И я не знаю же, солдатъ бѣдной, не вѣдаю,
«Установя гдѣ солдатушка побѣднаго;
«И можетъ, выплютъ-то за горушки высокіи;
«И за синіи моря да за глубокіи;
«И памъ солдатушкамъ вѣдь смерть да во темномъ лѣсѣ;
«И живетъ смерть да все солдату во своихъ рукахъ—
«И во оружьицахъ у насъ да завоенныхъ,
«И въ пистолетикахъ у насъ да зарукавныхъ,
«И на страженьицѣ солдату на великоемъ,
«И на большомъ, да памъ безсчастнымъ, кроволитьи;
«И спамяти да ты сестрица—свѣтъ родимая,
«И своего да ты вѣдь гостюшка любимаго;
«И я еще прошу, солдатъ да все безсчастной,
«И объ своихъ да объ сиротныхъ прошу дѣтушкахъ;
«И я вобче прошу вѣдь сродчевъ—милыхъ сродничковъ,
«И за едино всѣхъ сусѣдей спорядовыхъ:
«И не спокиньте-тко сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
«И вы солдацкихъ бѣдныхъ дитей горегорькіихъ.
«И мнѣ-ка жаль бѣдну солдатушку безсчастному.
«И жаль родимоей теперечко сторонушки,
«И пожальчіе жаль сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
«И во вторыхъ да жаль печальной молодой жены,
«И потомнѣе жаль желанной родной матушки.

Мать къ дочери:

II ты послушай, моя бѣлая лебедушка,
II его милая сестрица-свѣтъ родимая:
II у тобя да у сердечнаго у дитятка,
II нынь е да золотой казны по надобью:
II ты сходи, дитё, во улички рядовыи.
II ты зайди, дочи, во лавочку торговую.
II закупи да листъ бумаженьки гербовыи,
II ты пайми да писаречковъ хитромудрыихъ:
II пока у-тобя—любимой столько гостюшко,
II во твоемъ доми—хоромосмъ строеныцъ.
II ты спиши да его бѣло это личушко,
II ты солдатскую служивую головушку,
II ты оружїю-то спиши да завоеную,
II ты покрутушку спиши его солдацкую.
II спиши ласковы прелестныи словечушки,
II ты печальныи его ясны спиши очушки,
II на патретъ да на гербовую бумаженьку:
II какъ уйде со родимой онъ со родинки,
II мы проводимъ да въ путь-шйроку дороженьку.
II мы свою, милу скачоную жемчужинку;
II какъ придемъ да во хоромное строеныце,
II мы воспомнимъ тепло-красно наше солынко,
II мы возмемъ да листъ гербовую бумаженьку,
II мы патретъ возмемъ во бѣлыи во рученьки.
II тутъ мы прйжмемъ ко ретивому сердечушку,
II мы приложимъ-то ко блёклому ко личушку,
II будемъ горькима слезама обливатися,
II мы глядить будемъ, печальныи головушки,
II точно на-его на красное на солышко,
II на сердечнаго болѣзнаго на дитятка,
II на безчастнаго солдата горегорькаго.

Къ сусѣдямъ:

И какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ дѐнечкомъ,
И какъ у насъ да у печальныихъ головушекъ,
И наставала теперь тёмна будто тученька,
И со громо̀мъ да быдто тученька со молвїей,
И все со страстью будто туча со великоей:
И какъ сердечное болѢзно наше дитятко,
И быдто деревцо теперь да надсѢченое,
И быдто травонька въ лужечку надкошоная,
И быдто вёшпая земля да воронона;
И такъ сердечное безсчастно наше дитятко,
И на полётѢ со родимой своей родинки.
И какъ у насъ да у печальныхъ у головушекъ,
И унывать столько ретливое сердечушко,
И столько гля́дячи на красное на солнышко:
И чѢлой день да мы побѢдны разставаемся;
И жаль тошнёшенько печальнымъ намъ головушкамъ,
И отпустить да со родимой со сторонушки,
И быдто ясна сокола̀ да со правой руки,
И быдто бѢлой свѢтъ теперь да со ясныхъ очей.

Солдатъ становится на колѣни и проситъ у матери благословенія:

И по суду ли-то теперь да все по Божьему,
И по закону ли вѢдь нонь да по Господнему,
И я прошу, бѢдной солдатъ—да все безсчастной.
И у своей прошу родителя—у матушки,
У ей вичнаго солдатушку прощеньица—
И я родительска себѢ благословленьица.

Мать благословляетъ иконою Николы Чудотворца.

Да хранитъ тебя Микола многомилосливой.
И отъ бури да хранитъ тебя-отъ на́дары,
И отъ хо́лода тебя да Онъ отъ го́лода,
Отъ тычко́въ-пиковъ вѣдь Онъ да отъ затыльниковъ!
Во бою́ да сохранитъ Онъ съ непрія́телемъ,
Отъ оружьица вѣдь Онъ да завоеннаго:
И отъ искры сохранитъ тебя трескучей,
И отъ этого огня да Онъ отъ пляцаго!
Впереди́ да Онъ Микола щитомъ берё,
Позади́ да Онъ Микола мечемъ сѣкё,
Посторонь да Онъ Микола огнемъ палитъ:
Тучи нѣтъ, а бывъ какъ громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, а искры сыплются.

IV.

ПЛАЧИ ПРИ ПОБЫВКѢ СОЛДАТА НА СМЕРТЬ СВОЕГО ОТЦА.

Ирины Ѳедосовой.

И пріузнала тутъ родитель его матушка,
И паздыпула тутъ безсчастны бѣлы рученьки,
И на обпдпу на печальную головушку:
Она сдіяла съ нимъ доброе здоровьице,
И плотнёшенько къ сердечку прижимала,
И личё къ личушку она да прилагала,
И ко солдатскімъ устамъ да припадала,
И она съ радости родитель-то сказала:
«Слава Богу-то теперь да слава Господу!
«Слава Вышнему Царю да все небесному!
И сговорила тутъ во добры она людушки:
Все со радости она да со весельица,
Какъ мнѣ бѣлой свѣтъ теперь да порасвитился,
И красно солнышко теперь будто поро́спекло,
Какъ свитлёшенько-то мѣсяцъ поразсвѣтился,
И часты звѣздочки теперь да розсвѣтать стали:
И сговорила тутъ сердечнымъ она дѣтушкамъ:
И што стоѝте да вы дѝти остоло́пились,
И вы клонѝте теперь буйную головушку,
Все ко свѣтушку ко братцу ко родимому,
Да мы до́ждались скачоной жемчужинки,

И я сердечнаго рожонаго вѣдь дитятка,
И мы со дальной пути широкой дороженьки.
И съ заграничной чужой дальней сторонушки:
Десять лѣтъ да мы письма не принимали,
И мы слыхомъ про его да не слыхали,
Мы во живности его да не считали;
Аль гора да со горо́й, свѣты, не со́йдется,
Человѣкъ живо́й со ро́дышкомъ свидается.
Тутъ спахну́лася порода именитая;
Оны дю́тъ съ нимъ вѣдь доброс здоровьицо;
Вси собралися сусѣды спорядовыи,
Межу ду-другомъ оны да разсуждаются:
Все про гостюшка видь е да наслухаются:
И раздѣвать-да стали—родь племя любимое,
Вси вѣдь ра́ницы отъ его да отби́раютъ,
И передъ ду́-другомъ шепель да скидываютъ.
Какъ судилъ—Го́споди солдатушку побѣдному,
И ему быть да на родимой своей ро́динѣ,
И повидать еще желанныихъ родителей,
И при послѣди при родителѣ при батюшкѣ,
Проводить да къ Божьей церкви посвященной.
И тутъ спахну́лася родитель-родна матушка,
И вдругъ на радости она да на весельицѣ,
И она ставила столы скоро дубовыи,
И она сла́ла скатерти́ да шито-браныи,
И она на́несла-то ѣствушковъ сахарнихъ,
И она на́лила вѣдь питьица медвяныи;
Тутъ садила вѣдь за столъ да за дубовыи,
И сама сѣла-то на стулъ подлѣ кленовыи:
И она по́дчивать сердечно свое дитятко,
И она гладить все по бладой по голувушкѣ,
И она дро́чить по солдатскимъ по плечушкамъ,
И она ласково его да уласкать;
И она у́пыло-печально причитаетъ;
И говорить столько родитель-родна матушка

Всему роду да спорядным сусѣдушкамъ:
«И вы послушайте, народь да люди добрыи!
«И не сдивуйте-ко, сусѣды спорядовыи,
«Што прозабыла я надёжную головушку,
«И зрадовалась на сердечнаго я дитятка;
«И буде вирите, народъ да люди добрыи,
«И разумѣете сусѣды спорядовыи,
«Ужъ я такъ, бѣдна горюша, взрадовалась,
«Какъ я дóждалась годова будто праздничка,
«И точно свѣтлаго Христова воскресенья.
И да ты ѣшь, мило сердечно мое дитятко,
И напивайся, мое дитятко, ньянёшенько;
И я пойду, бѣдна кручинна нонь головушка,
И воскликать пойду надёжную головушку,
И стану радовать, печальная головушка;
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
И да мы сядемъ-ко, побѣдныи головушки,
Мы на эту на брусову бѣлу лавочку;
И припади ты ко родителю ко батюшку;
И можетъ, дитятко, вѣдь ты да поталапиѣе,
И родитель до тебя да пожелапиѣе;
И воскликай да желаннаго ты́ батюшка:
«Ты повыстань, свѣтъ-надежная головушка,
«И отвори да свои ясны эты очушки,
«Ты на свóе на сердечное на дитятко,
«И на обиднаго солдатушка походнаго;
«Со пути, какъ свѣтъ, пришолъ да со дороженьки
«И поспѣшился на родимую на родинку,
«И онъ ко свóимъ ко желаныимъ родителямъ!
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обиднаго сердечнаго у дитятка:
И ты не вѣдаль про велику, знать, незгодушку,
И ты про эту про злодѣйскую кручинушку,
И ты про свóего родитель про батюшка,
И што при трудной при болѣзной былъ постелюшкѣ,

И што онъ при́-этомъ тяжеломъ неможеньицѣ.
И памяти̇лъ столько сердечно тобя дитятко,
И говорилъ да онъ, побѣдная головушка:
— Кабы далъ Господи да добраго здоровьица.
— И мнѣ дожда́ться бы сердечно свое дитятко,
— И мнѣ обиднаго солдата новобранаго,
Говорилъ еще желанной родной батюшко:
— И не дождаться мнѣ сердечнаго, знать, дитятка,
— И не видать мнѣ-ка во я́сны его очушки
Ты послушай же, сердечно мило дитятко:
«И хто сказалъ тѣ про великую незгодушку,
«И на пути ль хто на ши́рокой на дороженькѣ?
И отвѣчатъ столько солдатъ да новобраной.
И говоритъ да онъ во до́брыи во людушки:
— И да я шолъ какъ путемъ-ши́рокой дороженькой,
И унывало тутъ солдатско ретливо̀ сердчѐ,
И подломилися солдатски ножки рѣ́звыи;
И радъ я систь былъ на пути да на дороженкѣ,
И соби думалъ я вѣдь крѣпку эту думушку,
Што видь чу́встуе побѣдно ретливо̀ сердчѐ;
И не пачаюсь я соби какой незгодушки,
Кажись, пе́-болитъ у мня да буйна го́лова;
Я вѣдь и́ду на родимую сторонушку—
Все на радости итти бы на весельицѣ;
И прихожу да ко селу я деревенскому
И я гляжу да вѣдь на красное на солнышко,
Я съ остатку да на бѣ́лой гляжу свѣтушко,
И на деревеньки вѣдь я да становлюсь,
И подъ окошечкомъ, солдатъ, стою-стучаюсь,
У знакомыхъ почевать да я даваюсь;
И я думаю, солдатъ, соби походной,
И почевать да у людей вѣдь у знакомыихъ:
Я запомню-то крестьянъ да полномочныихъ:
Ко крылечушку я сталъ да подвигатися,
Со пути стала лошадушка казатися;

И я на уличкѣ теперь да устоялся,
И я ступистыи лошадушки дождался:
И вижу-йдетъ человѣкъ да все знакомый,
А мой прежній-то сусѣдъ да спорядовой;
Человѣкъ да туто йде потихошеньку,
Ужъ смотритъ на меня да все вострёшенько;
И хоть въ бѣлò личо меня не признавае,
Ужъ онъ добраго конѝ да поставляе;
Я пришелъ да къ этымъ саночкамъ дубовыимъ,
И честь воздàлъ ему я точно енеральскую:
Какъ во службы-то къ чему да пріучали,
Што умильную бы честь мы воздавали.
И сталъ я спрашивать сусѣда спорядоваго,
И далеко ль это селенье въ разстояньицѣ?
И говоритъ столько сусѣдъ да спорядовый,
Ужъ вточь глядитъ во ясны мни-ка очушки
«Солдатъ, скажетъ, теперечка знакомой,
«Ты скажись-ко вѣдь солдатъ да мни знакомой,
«Ты по имечки скажись да по изотчинкѣ?
— Мое имечко вѣдь есть да все тяжолое,
— И назовусь да я сусѣдомъ спорядовыимъ;
Тутъ я сдѣялъ съ нимъ вѣдь доброе здоровьице.
Я про всихъ спросилъ сусѣдей спорядовыихъ,
И не сказался тутъ спорядному сусѣдушку;
И повинюсь да вамъ, желанна рóдна матушка,
Я нàзвалъ да васъ сусѣдмы спорядовыма,
И я сказался, мнѣ-ка люди тамъ знакомыи,
И вси во добромъ ли оны да во здоровьицѣ,
И въ исправности ль крестьянска у нихъ жирушка?
И отвѣчалъ да мнѣ сусѣдъ да спорядовый:
Оны живýтъ да вѣдь теперечко попрежнему,
И не измѣнена крестьянска у нихъ жирушка;
Какъ вчерашніимъ Господнимъ Божьимъ дéнечкомъ.
У ихъ сдѣлалась великая незгодушка,
Переставился сусѣдъ нонь спорядовый.

Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь ши́року дороженьку посматриваю:
И не пойду я на спокойну эту ноченьку.
Я направлюсь въ путь широкую дороженьку,
И поспѣшусь да на родимую на родинку;
Я застану-то родителя вѣдь батюшка.
Пока во́-своемъ хоромноемъ строеньицѣ,
Пока па́-своей брусовой бѣлой лавочкѣ.
И подобралъ да я шинель тутъ суконъ сѣрыихъ,
И подынулъ рапе́цъ на плечушки солдатскїи;
Я отправился въ путь ши́року дороженьку,
Шахи дѣлаю вѣдь я да по звѣриному,
Ужъ я хо́боты даю да по лисицыному,
Я военнымъ ружьемъ да подпираюся;
Путь-дороженькой иду да поспѣшаюся;
И я дороженькой вѣдь шолъ да призамаялся,
У перёнаго крылечка порасплакался;
Хоть постучался у крылечика перёнаго,
Подивился у косѣвчата окошечка,
И доложился у дверей да у дубовыихъ:
И вы пустите-тко солдатушка походнаго,
Отдохнуть да съ пути ши́рокой дороженьки,
И на спокойну вы пустите темну ноченьку,
И отдохнуть да съ пути ши́рокой дороженьки,
Обогрить да мнѣ солдатски ножки рѣзвыи,
Приростаять бы ретливое сердечушко;
Какъ въ окошечко вѣдь вы да отвичали,
И на перёное крылечко не пущали,
И дубовы̀ двери вѣдь вы да запирали;
И отвичала мни сестрица тутъ родимая:
‹Все не та пора̀ у насъ да пора-времечко,
‹Што пустить да намъ побѣдныимъ надслежничковъ,
‹И не до васъ да намъ, солдатишко походный:
‹У насъ е въ домы великая незгодушка,
‹Е злодійская великая тоскичушка;

И скрозь околенку глядить да мила сватьюшка,
И сговорить да она рячь-то умильнёшенько:
«Онъ не иведь-то, вѣдь с да не татаринъ.
«И почлегу за собой да добры людушки не носять:
«И со пути да со дороженьки пустите-ткось,
«И вы отъ темной его почи сохраните-тко,
«И да ужиной его вы покормите-тко,
«И родителя вѣдь есть да спомяните-тко.
«И разумійте-тко вы дòбры того людушки,
«Человѣкъ можеть идеть да онъ кручинной,
«И солдатушко идеть да не богатой,
«И можеть нѣть да золотой казны по надобью.
Поскорёшеньку видь онъ да ворочается,
Онъ на-этое крылечико перёпое;
Тутъ заполъ какъ во хоромное строеньице,
Расповнялъ да тутъ солдатъ поросказался,
Онъ вѣдь прò-свою-то жизнь да про несчастную,
И какъ путемъ да онъ шолъ широкой дороженькой,
И гдѣ провѣдалъ про великую незгодушку.
Гдѣ сердечушко его да взвѣщевало,
Про кручинушку его да розсказало.
И сговорилъ да тутъ солдатушко походной.
И какъ усталъ да путемъ широкой дороженькой,
И заболили крѣпко рѣзвы его ноженьки.
Тутъ вѣдь устлали пуховую перинушку,
Положили на тесову на кроваточку:
И склонилася родитель подлѣ матушка,
Какъ ко эту круту складисму сголовыцу,
И припакрыла соболиным одѣялышкомъ;
И просидѣла темну поченьку до утрышка,
И ублаждала по солдатскімъ по плечушкамъ;
И бывъ кокона въ сыромъ бòру вскоковала,
И темну поченьку она протосковала,
И все горючима слезама обливалася.
Тутъ повыстала поутрышку рапёшинько.

Затопила она печь да поскорёшеньку:
Она сладила тутъ ѣствушки хорошіи,
И по разуму вѣдь питьица медвяныи;
Она на́пекла блиновъ да деревенскіихъ:
И подходила ко тёсовоей кроваточкѣ,
Тутъ Іисусову молитву сотворила,
И она Господа Владыку попросила,
Соболино одѣяло пріоткрыла,
И она правоей рукой да побудила,
И она съ причетью дитё да воскликала:
«Хоть и жаль будить сердечно тебя дитятко,
«Хоть усталъ да путемъ ши́рокой дороженькой,
«И притомился вѣдь рѣзвы твои поженьки,
«Примахался вѣдь бѣлы твои рученьки.
«Испаталася вѣдь буйная головушка,
«И настучалося ретливое сердечушко,
«Столько этой путемъ-ши́рокой дороженькой:
«Кабы знала я, горюша, про то вѣдала,
«Какъ вчерашнимъ бы Господнимъ Божьимъ де́нечкомъ,
«И про тебя мило сердечно это дитятко,
«Што въ пути́ идешь широкоей дороженькой,
«Такъ бы впря́гла я ступистую лошадупку,
«Я во этыи во санки во дубовыи,
«Снарядила бы любимаго извощичка;
«Я бы встритила, побѣдушка, за тысящу,
«Я сердечно бы рожоно тебя дитятко:
«Да ты стань-востань, рожоно мое дитятко,
«Ты вѣдь на́-свои на рѣзвыи на поженьки;
«Нонь ты на́-своей родимоей сторонушкѣ
«Пока у́-своей родителя-у матушки:
«И не ротной по фатеры-то похаживать,
«Не-кума́ндеръ васъ солдатушковъ побуживаетъ,
«И воскликать тебя родитель-родна матушка,
«Ѣсть за столъ да за дубовой хлѣба ку́шать,
«И за столомъ да сиди дитятко полакомься:

«У мня кушанья теперь да не салдатскіи,
«У мня пи́тья про тебя да не артельныи:
«Сыто идется теби да долго выспится.
«Ты поро́скажи-сердечно мое дитятко,
«Ты на долго ль по билету пріотпущенъ е,
«У Великаго Царя да на слободушку?
«И на сколько на учётныхъ да ты годышковъ,
«Пришолъ па́харемъ па чисто-ли на полюшко,
«И сѣнокосцемъ ли луговыи на поженки,
«Аль рыболовушкомъ па сине на Онегушко?
«Нынь раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
«И не вовсежъ я, горюшица, безсчастная,
«И сирота въ люда̀хъ вѣдь я небезталанная:
И роставаюсь хоть съ надёжной я головушкой,
И себи до́ждалась сердечно это дитятко,
Я во свой да домъ-крестьянскую во жирушку,
И большàкомъ да по дому̀ я настоятелемъ.
«Спаси Господи Царя да со Царицею,
«И со наслѣдствомъ со сердечныимъ со дѣтушкамъ
«Какъ отъ этыхъ непріятелей невѣрныихъ!
«Што спустилъ да вѣдь сердечно мило дитятко,
«Ужъ Онъ на̀-свою родимую сторонушку!
«И ты послушай же, рожоно мое дитятко:
«И да ты стань теперь, дитё, да пробудися:
«И бѣлой свѣтъ да все на у́личкѣ разсвитился.
«И красно со̀лнышко съ за облачки выгля́дае,
«И выше лѣсушку дремуча подымается;
«И добры людушки теперь да собираются,
«И на часу́ да сродчи-сроднички съѣзжаются:
«Во первы̀хъ да вѣдь сего̀-дня-сего де́нечка,
«Хоронить будемъ великое желаньице,
«Какъ спацливаго родителя вѣдь батюшка:
«И во вторы̀хъ еще порода собирается,
«И посмотрить тебя сердечно мило дитятко:
«Идутъ тетушки вѣдь къ намъ да все добротушки,

«И катять-жалують сестрицы сдвуродимыи,
«И повидать да тепло красно тебя солнышко.
«И проводить да вѣдь родителя-то батюшка.
«Што до этой Божьей Церкви посвященной,
«Какъ до этой Пресвятой да Богородицы:
Я пойду, бѣдна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строеньицу.
Я ко своéй ко надежноей головушкѣ:
И не могу ли я. побѣдна, допытатися.
Я едина-то словечка доспроситися,
Я у своéй у надежной у головушки:
«Ты послушай-ко, надёжная головушка,
«И сговори да съ нимъ хоть малое словечушко,
«Ты съ любимымъ со сердечнымъ своимъ дитяткомъ,
«Со печальнымъ со солдатушкомъ походнымъ:
«Ты повыспроси надёжная головушка,
«Про безсчастну его жизнь да про солдатскую,
«Про его да похожденье горегорькое,
«Какъ про эту грозну службу Государеву,
«Какова да эта служба Государева.
Лучше матушка вѣдь с да родíла бы,
И на бѣлой свѣтъ она не попустила бы;
Такова да эта служба Государева!
«Какъ на этыхъ караулахъ на всеночныхъ,
«Какъ по этымъ студёнымъ холодíмъ зимамъ:
Отъ земли да зябутъ рѣзвы эты ноженьки,
Какъ отъ вѣтра подвѣвае личе бѣлое;
Ужъ какъ въ будку вѣдь солдатъ да заберается,
Не познобить бы столько бѣлаго вѣдь личушка,
И не отстать бы-то отъ рѣзвыихъ отъ ножекъ;
И розсказался тутъ сердечно наше дитятко,
И ріоткрылся мнѣ желанной родной матушкѣ:
«И какъ въ похóдны мы солдаты спарядилися,
«И со родимой своей стóроной простилися;
«И намъ присягу вѣдь попы-отцы читали,

«И выше плечь да мы тутъ рученьки здымали,
«И выше го́ловы кресты мы поднимали,
«И свою сто́рону да мы тутъ проклинали,
«И соху—бо́рону вѣдь мы тутъ забывали:
«И на страженье насъ солдатовъ отправляли,
«И намъ причастьице солдатушкамъ давали:
«И мы стояли за Русію подселенную,
«И не дробили мы за вѣру христіанскую:
«И сожалили мы Царя да превеликаго
«И сожалили мы Царицу благовѣрную.
«И на страженье-то Наслѣдникъ пріѣзжае,
«И ужъ онъ честь да память, солдатамъ, воздавае,
«И говоритъ да тутъ Наслѣдникъ умильну́ю рѣчь:
— И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
— И послужите-тко за вѣру Христіанскую,
— И пожалійте-тко Царя—бога Русійскаго,
— Прогоните-тко злодія непріятеля;
— Вы безъ мѣрушки-то пійте зелена̀ вина,
— Вы безъ счоту получайте золоту казну:
— Принимайте вы, солдаты, сперальску честь:
— Какъ за ваше услуженье да за вѣрное,
— Какъ за храбрость за вашу за великую,
— И будутъ отпуски вѣдь вамъ да подомовыи:
— Какъ Россійскій царь да васъ пожалуетъ,
— Онъ отпуститъ на родимую сторонушку,
— И на отдо́хъ васъ ко желанныимъ родителямъ.
И сажалили мы Царя—бога Русійскаго,
И наслѣдника Его да милосердаго:
На плеча̀хъ у насъ мондѐры сукопъ сѣрыихъ,
На головушкахъ-то ки́вера пудовыи;
Опоясьемъ, у насъ сердче о́брестовано:
Тутъ оружье да мы держимъ на право́мъ плечѣ,
Саблю—вострую мы держимъ во лѣво́й рукѣ,
И тутъ мы брякнемъ-то оружіемъ завосныимъ
И да мы топи́немъ—этой правой бѣлой ножонькой;

Шаги дѣлаемъ вѣдь мы да по звѣриному,
Ужъ мы хо́боты даемъ да по лисицыному;
И гдѣ нѣтъ пути-дороги, тутъ протариваемъ,
И гдѣ мхи да болота, тутъ орломъ летимъ.
И на злодія мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли;
И кабы вы, да-вѣдь желанныи родители,
И увидали бы вѣдь пасъ да на стражеиьицѣ,
И на великоемъ вѣдь пасъ да кроволитьѣ;
И такъ вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы по́мерли, побѣдны, да вѣдь со́-страсти!
Какъ Наслѣдникъ-отъ вѣдь есть да милосердой,
И во дыму́ да межу нама онъ поѣзживае,
И какъ ясѐнъ соколъ, межъ нама онъ пролетывае,
И ужъ проситъ-то Бладыку все Небеснаго,
Покорить да вѣдь злодія—супостатого,
И сберечи да вѣдь Русію подселенную.
И какъ война да въ чистомъ полѣ уходилась,
И непріятель-то Царю да покланяется,
И на семь лѣтъ, пи́ше Ему, да замиряется.
И на стражеиьицѣ пасъ Господи помиловалъ,
И пасъ великій Царь мидалями пожаловалъ,
И што мы бились-то за правду за великую,
И што стояли за Русію подселенную.
Тутъ, солдатушки, пошли мы взрадовалися.
Непріятелю вѣдь мы да надсмѣхалися;
И подходить стали къ двору да мы ко Царскому,
И пасъ со радостью великой Царь стрѣтаетъ,
И онъ по чары сладкой водки наливаетъ,
И онъ походныхъ насъ, солдатовъ, угощаетъ:
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы Русійскому Царю честь воздавали.
И поси́вшались на родиму свою родинку.
И походить да сталъ солдатушко походной,
И хоть по вечеру я къ родинѣ поздпёшенько,

И добры людушки того да испугалися,
И родна матушка ко мнѣ да непризналася.
И тутъ спрого́воритъ-родитель его матушка:
«И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
«И ты не гнѣвайся, скачоная жемчужишка
«И да ты на́—своихъ желанныихъ родителей!
«И знать, судьба тебя, дите́, да повзыскала,
«И какъ злодійпа эта служба сустигала,
«И кабы нынѣшнимъ умомъ да теперь разумомъ,
«Не пожалили мы любимой-бы скотинушки,
«И заложили бы луговы эты поженки,
«И въ закладъ о́тдали-бъ роспашисты полосушки,
«И мы бы на́жили безсчо́тну золоту казну,
«И мы бы на́няли охо́тна до́бра мо́лодца,
«И слободили бы бурлацкую головушку,
«И не спустили бъ въ злодій-службу Государеву.
«И теперь—но́нѣчи сердечко мило дитятко,
«И не-неси гнѣвъ на родителя па батюшка,
«И ты простись да при послидней поры-времечки,
«И пока на́-своей брусовой онъ на лавочкѣ,
«И пока во́-своемъ хоромносмъ строеньицѣ;
«Какъ сегодпишнымъ Господнимъ Божіимъ де́нечкомъ,
«И понесутъ да все родителя вѣдь батюлка,
«И какъ ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
«И как ко этой Церквы Божьей посвященной
«И какъ до этой до ограды обложенной.
«Хоть судилъ Господь Бладыко многомилостивой,
«Ужъ какъ быть тобѣ сердечну милу дитятку,
«И при послидпемъ у родителя прощаньицѣ,
«И хоронить да все великое желаньице:
«Укрывается родитель, родной батюшко,
«И онъ не въ дальную дорожку—безъизвѣстную.
«И онъ во по́греба, родитель во глубоки́п!
И подойду да я къ колодѣ бѣлодубовой,
И я просить буду надёжную головушку:

«И ты послушай-ко, надёжная головушка,
«Благослови да ты сердечно это дитятко,
«Ты обиднаго солдатушка походнаго;
«Надѣли его талаюмъ столько участью,
«Надѣли да ты участкомъ деревенскимъ.
«И ты прости, прости, родитель-родной батюшко,
«И ты во всей вины прости да насъ во глупости.
«И во всемъ тяжкомъ великомъ согрѣшеньицѣ!

РЕКРУТСКІЙ ОБРЯДЪ.

1). Обрядъ рекрутскихъ проводъ самъ по себѣ очень не сложенъ. Какъ скоро въ суёмъ (на сходкѣ) будетъ вынятъ рекрутскій жеребей, въ домъ того удáлаго добраго мóлодца, начинается *печальный пиръ*. Тотчасъ пекутъ и пряжатъ, что могутъ, собираютъ на столъ—и утощаютъ рекрута водкой, чтобы облегчить его горе. Въ домъ приглашается *вопленица*, эта священная народная жрица—истолкователь семейнаго горя, облегчительница скорбящей души; изображая это горе во всей его глубинѣ и широтѣ, она своимъ заунывнымъ и монотоннымъ пѣснопѣніемъ пробиваетъ слезы у каменнаго сердца и чрезъ то облегчаетъ дыханіе груди, угнетенной внутреннею тоскою.

Въ домъ этотъ тотчасъ же сбѣгаются сосѣди и сосѣдки, и старыя старухи, и малые ребята, красныя дѣвицы и удáлы добры мóлодцы, чтобы посмотрѣть на рéкрута, послушать вопленицы и раздѣлить сосѣднее горе. Это живое соучастіе въ бѣдѣ особенно со стороны тѣхъ, которые уже прежде испытали подобное горе — также не мало облегчало родительское сердце, удручаемое обидой.

Послѣ стола рекрутъ начинаетъ ходить по комнатѣ, а вопленица начинаетъ свои пѣсни и изливаетъ въ нихъ думы и чувства сначала матери, а потомъ родныхъ и затѣмъ сосѣдей.

2). Затѣмъ начинался разгулъ рекрута, вмѣстѣ съ своими сверстниками; они катались на копяхъ по улицамъ иногда не

только своей деревни, но и другихъ ближайшихъ. Напиваться при этомъ не только не считалось предосудительнымъ, но даже какъ бы обязательнымъ. Лучшимъ объясненіемъ этого обстоятельства служила пѣсня, которая начиналась словами: «Ужъ мы гулять-то, не гуляемъ, свое горе заливаемъ». Пѣсенъ при этомъ пѣлось множество: одинъ изъ нихъ мрачныя и подавляющія, другія—веселыя и плясовыя, которыя характиризовали быстрый переходъ русскаго человѣка отъ горя къ необыкновенному веселію.

3). Далѣе слѣдовало прощаніе съ родными: ѣздили къ братьямъ, къ теткамъ, роднымъ и двоюроднымъ, къ сватовьямъ, кумовьямъ и вообще объѣзжали все родство кровное и духовное; вездѣ происходило то же, что въ родительскомъ домѣ: посильное угощеніе съ обыкновенными слезами и жалобными причитаніями. Волненица сопутствовала удалому доброму молодцу при этомъ прощаніи.

4). Поѣздка въ церковь для отправленія молебна о сохраненіи отъ злодѣйной — пріемной палаты бѣлокаменной: ставили свѣщу воску ярова Владыкѣ Свѣту истинному, клали пелену или полотенце пречистой Богородицѣ, молились отъ желанья Николѣ многомилосливу. Можно себѣ представить, какъ искренна и глубока была эта молитва бѣдствующей крестьянской семьи!

5). Наконецъ родительскимъ благословеніемъ рекрута завершался этотъ печальный обрядъ. Причетъ даетъ понять, какъ величественна и священна была эта минута.

Приводимъ здѣсь нѣкоторыя пѣсни, которыя распѣвались при этомъ обрядѣ. «Противу меня писецъ не быть: будетъ отвѣчать Господу Богу», говорила намъ Осдосова; «знала больше ста, а теперь всѣ забыла». И дѣйствительно, передавая намъ тѣ, кои здѣсь прилагаются, она то и дѣло сбивалась, поправлялась и едва припомнила. Вотъ эти пѣсни:

1.

Не ясепь соколъ съ тепла гнѣзда слетаетъ,
И добрый мо́лодецъ изъ дому поѣзжаетъ;
Не отецъ, не мать рекру́та провожаетъ,
Провожала душа, красная дѣвица
И назва́па его ро́дная сестрица;
И на поѣздѣ таково слово сказала:
И не куютъ хоть у бурлака ноги рѣзвыи,
Все во саночки садя̀тъ да во дубовыи,
И лошадей пару вкладу́тъ коней воро̀ныихъ,
Ему извощичковъ даютъ да не по разуму,
И ко городу везутъ да ко Петровскому,
И во полатушку ведутъ да въ бѣлокаменну,
И становя̀тъ его подъ мѣру Государеву,
И принимаютъ-то во службу Государеву,
И тутъ на стульица садя̀тъ да на кленовыи,
И вершала̀ берутъ теперь да бритвы острыи,
И оны брїютъ у его да кудри желтыи;
И волоса его падутъ да на дубовый полъ,
И подбирае волоса̀ да родна матушка.

2.

И какъ по славному по Невскому прошпекту,
И туды шли-прошли солдаты молодыи,
И вслѣдъ за има идутъ матушки родныя,
И по боча̀ да идутъ жонки молодыя;
И во слезахъ пути дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечка не спромолвятъ.
И спрого́ворятъ рекру́та молодыи:
И вы не плачьте наши матушки родныя,
И не тужите бѣдны жоны молодыя;

И не смочить да вамъ сырой земли слезами,
Не исполнить сѝня моря—горючѝма,
Што-ль измочить сыру землю-мать дождями,
И пришаполнится синё море рѣками,
И вы простите наши мамеиьки родныя,
И воротитесь наши жоны молодыи.

3.

Собирайтесь, бѣдны ребятушка, на зелёный лугъ,
Становитесь-ко, бѣдны—солдатушки, во единой кругъ;
Ужъ вы думайте, бѣдны солдатушки, думу крѣпкую.
Думу крѣпкую вы за единую,
И запѣвайте-тко, бѣдны солдатушки, пѣсню новую,
И мы которую, бѣдны ребятушка, вечёръ пѣли,
И мы вечеръ пѣли на синёмъ мòрѣ,
И мы на сóколѣ на чорномъ кáраблѣ;
И мы не писенки, братцы, спѣвали-то, горе мыкали,
И горе мычачи—бѣдны солдатушки—слезно плакали,
И слезно плачучись словцо смолвили,
Словцо смолвили— рѣчь говóрили:
И не бывалъ-то нашъ полковничекъ на синёмъ мòрѣ,
И не видалъ-то бладъ полковничекъ страсти-ужасти.
Што есть ли-то, братцы, на семъ свѣтѣ,
Што на семъ свѣтѣ— на синёмъ мòрѣ такова ладья,
Што-бы пó морю ходила не шаталася:
Што есть ли-то, братцы, на бѣлóмъ свѣтѣ таковая мать
И отдастъ сына во солдатушки, сама не плакала?
Еще есть ли, братцы, въ чистомъ полѣ такова трава,
Што безъ кóрешка трава выросла, безъ цвѣтовъ цвѣла?
Ужъ какъ большая сестра братцу кóня подвела,
Середняя сестра братцу кóня сѣдлала;
И меньшая сестра плётку братцу подала:
И молодà жена, бѣдна горюшица,

И горюшица въ воротѣхъ стоитъ,
И въ воротахъ стоитъ, слезно плачетъ,
И въ рукахъ держитъ бладенчика ровно трехъ недѣль;
И возрыдать бѣдна, какъ порокъ шумитъ,
И она плачетъ-то, какъ ручей бѣжитъ;
И слезно плачуци, словцо смолвила,
И возрыдаюци, рѣчь говорила;
И подходя жъ да къ своему мужу,
И со своимъ дитёмъ со младенчикомъ,
И во глаза смотритъ, точно бѣлочка:
«И ты когда жъ, моя надёженька, домой будешь?
И отвѣчалъ да добрый молодецъ молодой жены,
И скрозь обидушку онъ великую,
И скрозь тоскичушку онъ злодѣйную;
И проливалъ онъ горючи слезы,
И горючи слезы молодецкій;
И сговорилъ жены таково слово:
— И ты ходи, бѣдна, молода жена,
— И середи лѣта ко синю морю,
— И ко синю морю на крутой бережокъ;
— И ты смотри, бѣдна, на синё море:
— И на морѣ волна расходится,
— Когда покажется изъ синя моря,
— Изъ сиця моря синь горючь камень,
— И когда вырастетъ на каменькѣ частъ ракитовъ кустъ,
— И какъ на кустышкѣ соловьюшко совьетъ гнѣздушко,
— И когда выведетъ соловьюшко малыхъ дѣтушекъ,
— И я тогда жъ-то доброй молодецъ домой буду.
Пороздумаюсь я, добрый молодецъ, умомъ-разумомъ,
Умомъ-разумомъ молодецкимъ,
И своима мыслима и рекрутскима,
И разговорама и салдатскима:
И родна маменька плачетъ до гробныхъ досокъ,
Сестры родныя-то плачутъ до замужьица,
А молодая-то женка плачетъ, какъ на травы роса:

И когда солнышко утромъ о́печетъ,
И со травы росу повысушитъ:
И какъ молода́ жена поживетъ безъ меня,
И поживетъ она прозабудетъ все;
И малы дѣтушки-то плачутъ до полна возрасту.
Ихна матушка наживетъ мужа,
Какъ моимъ малымъ дѣтушкамъ не видать отца:
И малы дѣтушки сиротать пойдутъ,
Сиротать пойдутъ жизнь несчастная,
Жизнь несчастная, горегорькая.

4.

Полно, солнышко, изъ за́—лѣсу печи,
И полно, кра́сно, въ саду яблоневъ сушить:
Полно дѣвушка съ по мо́лодцѣ тужить,
Еще какъ же мнѣ не плакать не тужить,
Больше во́-вѣки такова не нажить,
Мнѣ не волосомъ, не ростомъ—красотой,
Не походочкой молодецкой—чистотой,
И не свѣтелъ мѣсяцъ вдоль улички свѣтѣлъ,
И часты звѣздочки до утренней зари,
И што-ль на мо́лодца непогодушка пришла,
И на уда́лаго солдацина большая.
И нонь сударушка-то очень-но гнѣвна,
Што-ль гнѣвнымъ гнѣвна сердита на меня,
И въ стрѣту стритится—не кланяется мнѣ,
И хоть поклонится, нечего не говорить.
И заря бѣлой день въ окошечко взошла,
И ко мнѣ любушка незвана въ гости пришла,
И при послѣди въ окошечко бѣлы ручки подала,
И подавши ручки уласкала молодца,
И вси утѣхушки, вси забавы принесла,
Увѣряла добра мо́лодца меня:

«И чернобровой, черноглазой милый мой,
«И жаль разстаться милъ на вѣки мнѣ съ тобой,
«И слышу, дѣвушка, я незгоду надъ тобой.
«И тебя, миленькой въ солдаты отдаютъ,
«И во горе-горькое солдатцкое житье,
«И поѣзжай-ко, милъ, дорожкой столбовой,
«И заѣзжай, дружокъ, проститься милъ со мной.

5.

Тебѣ полно, Ваня, по лужку ходить,
Полно, милый, по зеленому гулять,
И при долины соловьемъ въ полѣ свистать,
По сумелышкамъ *) въ гуселышка играть.
И моему сердцу назолушки давать;
И мое сердце буде больно тосковать,
И хочетъ батюшко за стараго отдать:
И за старого не хотѣлось бы пойти;
И мнѣ хотѣлось бы-то все за одного,
И мнѣ за прежного-та дружка своего,
И хотѣлось бы съ тобой, милой, въ походъ пойти,
И съ тобой, милой, вместях слезы проливать.
И съ тобой—вкупѣ, мой любезной, тосковать.
«И для чего, милой, не-зайдешь посидѣть?
—И я не знаю, въ кою пору доложить:
—И ввечеру притти, въ бесѣдушки сидишь:
—И во полночь притти, ворота заперты.
—И заперты—крѣпко заложены;
—По утру притти, отецъ—мать не спятъ,
—И все дѣвушку стерегутъ и берегутъ,
—И красовицу уберёгиваютъ.

*) Въ потемнѣ, въ сумеркахъ.

6.

При послѣди провожу дружка мила,
И провожу я дружка мйлаго,
И я до города Данилова,
И до пути той до дороженьки.
До заставушки Московской.
На заставушки съ дружкомъ розставалися.
И розставались слезно обливалися,
И на насъ людушки да дивовалися:
Это што жъ есть теперь за парочка.
Таки ль брать съ сестрой, али мужъ съ женой.
И доброй мо́лодецъ съ красной дѣвушкой.
И на прощаньицѣ онъ наказывалъ,
И честью—лестью мни уговаривалъ:
«И посмирйе живи, любушка,
«И повыслужу доброй мо́лодецъ,
«Я во этой службы царской,
«И двадцать лѣтъ да безъ измѣнушки.
«Я тогда жъ то вѣдь домой буду,
«Я домой буду тебя за мужъ возму;
Я наказу его не послушала,
Я любовь-то его всю порушила,
И со инымъ дружкомъ я гулять пошла;
Я гулять пошла, пораздумалась,
И пораздумалась—порасилакалась.
И слезно плачучи себя про́клята:
Буди проклята я красна дѣвушка,
И прозабыла я дружка прежняго.

7.

Еще што, братцы, за мисяцъ,
Ночью пе́четъ, днемъ и нѣтъ?

Еще што же, дружокъ милой,
Лѣтомъ любишь, зимой такъ?
«И радъ бы, миленька, любить,
«Зимой холодно ходить,
«И зимой холодно—морозливо,
«Дороженьки торной нѣтъ,
«У солдата шубы нѣтъ,
«И нѣтъ ни шубы, ни кафтана,
«Безъ подошевъ сапоги.
—Сходи, миленькой на рынокъ,
—Купи шубу – сапоги,
—Купи новеньки козловы
—Рострочоны задничкѝ.
«Радъ давно бы я купить,
«Да при себѣ же денегъ нѣтъ,
«И насъ не спустя работать,
«Веля на́-часахъ стоять.

Любопытно сравнить съ этимъ сѣверо-русскимъ рекрутскимъ обрядомъ проводы *казака* на службу.

Обычай проводовъ *однообразенъ* по всему войску, вездѣ *жена* ведетъ коня и несётъ плеть, а чрезъ плечо повѣшено ружье, самъ казакъ *несетъ* младшаго сына, старшій сынъ несетъ отцовскую пику и шашку, а мать съ отцомъ идутъ позади коня,—причемъ мать *причитываетъ* жалобныя пѣсни.

Замѣчательно, что по условіямъ казачьей жизни—жена казака провожая мужа *не должна* плакать и причитывать.

Пѣсни поются при этомъ слѣдующія:

1.

Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка,
Не плачь, не печаль добраго молодца;
Ты не жди, ты не жди младца чрезъ три года;
На четвертый годъ самъ письмо пришлю,

Въ письмѣ пропишу строку черную,
Строку черную—печальную,
Поминай ты меня тогда, родная матушка, хлѣбомъ-
солью.

2.

Какъ во садику, во зеленому, ни кукушечка тамъ ку-
куетъ.
Во теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ.
По единому, по родимому тяжелехонько вздыхаетъ:
Ты чадо мое, чадо милое, ты почто, мое чадушко со-
старилося?
Или я тебя, мое чадушко, состарила, или мои долги
вѣки,
Или душечка молода жена, или малыя твои дѣтушки?
Какъ отвѣтъ держитъ сынъ матери:
Мать моя—матушка, мать моя родная!
Не ты меня состарила и не твои долги вѣки,
И не душа молодая жена, и не мои малыя дѣти.
Какъ состарила меня чужа дальная сторонушка;
Да разъѣзды были частые,
Карауды были крѣпкіе,
И переходы были долгіе.

3.

Всѣ полки домой идутъ,
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой милый мнѣ письма не пишетъ,
Да и самъ нейдетъ;
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку,
Въ рубачкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:

«Ты побань, *) Дуня, черпую рубашечку,
Не въ быстрой рѣкѣ, не въ колодезѣ,
Ты побань, Дуня, своею горючею слезою!
Ты высуши ее, Дуня, не не па жердочкѣ, не па грубочкѣ, **)
Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ;
Выкачай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ!

4.

Какъ и сталъ-то младецъ я на возрастѣ,
Сталъ конемъ владать, изъ ружья стрѣлять;
Записали молодца въ дальню службу Государеву.
Какъ никто-то младца провожать нейдетъ;
Провожала его родная матушка,
Провожала—ублажала, слезно плакала:
Ужъ-ты сынъ-ли мой, сынъ возлюбленный!
Когда-же ты, сынъ, домой будешь?
Какъ есть у моего роднаго батюшки садъ зеленькій;
Въ томъ-то саду стоитъ яблопка,
Во той-то яблонкѣ *суха* маковка,
Когда она разцвѣтать будетъ,
Вотъ тогда-то я домой буду.

Пѣсни эти записаны Г. Троилинымъ, Наслѣдниковымъ и Тимощенко. Оригиналъ ихъ хранится въ Московскомъ публичномъ музеѣ. Въ какихъ селеніяхъ и отъ кого именно записаны эти пѣсни, для насъ остается неизвѣстнымъ. Для желающихъ ближе познакомиться съ подобными казацкими пѣснями, считаемъ не излишнимъ указать здѣсь на *Донскія Областныя Вѣдомости*, гдѣ представлено не мало подобнаго матеріала. (см. 1875 г.).

Для сравненія приводимъ здѣсь еще нѣсколько «западнорусскихъ пѣсенъ», распѣваемыхъ при проводахъ молодца на службу Государеву.

---

*) *Побань*—вымой; мѣстное донское выраженіе.
*) *Грубочка* — печникъ въ малороссійской печкѣ.

1.

Ой у поли верба,
Подъ вербою вода,
Тамъ дзечина воду бере,
Хороша, молода.
Дзечка воду бере,
Козакъ коня ведзѣ,
Пытается козакъ дзечки:
Дзѣ дороженька идзѣ:
Дороженька идзѣ,
На той бокъ рѣки,
На той бокъ рѣки,
Дзѣ стояли полки.
Тамъ палкоуникъ стоитъ,
Переписки дзержитъ,
Своѣ хлопцы новобранцы,
Да усе у радъ становитъ.
Ахъ вы хлопцы маѣ,
Новобранцы маѣ,
Занѣйцѣ тую пѣсыю,
Што подобная мнѣ.
Я не буду пѣць,
Ано волю чинить,
Только будемъ молодзенькіе,
Дробны слезоньки лиць.
По садочку хожу,
Черешеньки сажу,
Доколь, доколь мой татеньку,
Не женаты хожу?
Женися мой сынку,
Озьми собѣ жонку,
Озьми собѣ жонку,
Удовину дочку.

Ой удовина дочка,
То не роуня моя:
Вона ходзитъ по рыночку,
Якъ цесароуная.
Передъ ею стаци,
Ни заговорици,
Передъ ею шапку зняци,
Дай дзендобры даци.
Ой дзендобры маци,
У твою хату,
Ой чи рада, чи нерада,
За менѣ свою дочь отдаци.
Жаль мнѣ сынку,
Твого милаго слоуца:
Моя дочка свавольничка,
Не ночуе дома.
Естъ у менѣ маци,
Нагайка у дома:
Буду боци научаци,
Будзе дома спаци.

2.

Калина малина чемъ не зеленѣешъ?
Чи суши бонпса, чи лугу жалѣешь?
Суши небоюса, лугу не жалѣю,
На горѣ выросла, то тымъ не зеленѣю.
Козачѣ, Чумачѣ, чого смутны ходзишь,
Чи войны бонпса, чи ойца жалѣешь?
Войны не боюса, ойца не жалѣю,
Полюбила дзеучина—покидаць жалѣю.
Писала листоньки на бѣломъ папэри,
Писала до козака у цецверъ по вечери.
Козакъ рано устауши, листъ перечитауши,

Сильненько заплакау, коханѣ здумауши.
Ѣдзѣ козакъ-ѣдзѣ, дзеучина горуѣ,
Узяуши за рученьку, у личенько цалуѣ.
Цаловала бъ цѣбѣ лихая годзина,
Пересъ цѣбѣ козачѣ зрекласа родзина.
Дзеучина, Дзеучина, Господь Богъ съ тобою,
Якъ я выслужуса озьму, шлюбъ съ тобою.
Брала бъ цѣбѣ—брала бъ лихая годзина,
Пересъ цѣбѣ, козачѣ, зрекласа родзина.
Дзеучино, дзеучино, дурны розумъ маешъ:
Чомъ ты коло себѣ дохтороу не маешь?
Козачѣ, Чумачѣ, смѣешь говорици,
Семь недзель лежала, нихто недау пицы.

Пѣсни эти сообщены были намъ какъ предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла — Антропологической Выставки въ 1879 году отъ Гродненскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онѣ записаны Приставомъ 4-го стана, Пружанскаго уѣзда, Г. Лепинымъ отъ крестьянки той же мѣстности *М. Шерешовой*, которая считается тамъ замѣчательной пѣсенницей. Дѣйствительно, судя по приведеннымъ пѣснямъ, М. Шерешева вполнѣ достойна вниманія собирателей народнаго пѣсенотворчества. Было бы вполнѣ желательно, еслибы г. Лепинъ нашелъ для себя возможнымъ, какъ можно болѣе, позаписывать отъ нея подобныхъ пѣсней. Мы съ удовольствіемъ дали бы имъ мѣсто въ слѣдующихъ частяхъ „*Прчитаній Сѣвернаго Края*“.

СВѢДѢНІЯ О ВОПЛЕНИЦАХЪ, ОТЪ КОТОРЫХЪ ЗАПИСАНЫ ПРИЧИТАНІЯ.

1. Ирина Ѳедосова.

Творцемъ помѣщенныхъ здѣсь завоенныхъ плачей является опять также знаменитая вопленица Ирина Ѳедосова, біографія которой помѣщена нами въ 1 части «Причитаній Сѣвернаго края» (см. стр. 312—324). Лишь четыре рекрутскихъ плача, изъ всего собранія составляющаго этотъ томъ, принадлежатъ другимъ «плакальщицамъ». Біографическія о нихъ свѣдѣнія, по принятымъ правиламъ для нашего изданія, также считаемъ нужнымъ приложить здѣсь.

Въ дополненіе къ біографіи Ѳедосовой приведемъ еще нѣсколько характерныхъ выраженій, оборотовъ и пословицъ, которые то и дѣло льются въ ея рѣчахъ и которые удалось записать намъ.

1. Хоть и честенъ солдатъ, да пипель на немъ воръ.
2. Въ Кіевѣ кобыла пропала и хвостъ въ зубахъ.
3. Виси въ лисѣхъ насміются.
4. Голоду да холоду засики стоятъ, голоты да босоты гряды ломятся.
5. Не наѣшься у бѣднаго куса хлѣбнаго, а ино у бѣднаго и пообѣдать нечего.
6. Ни въ сани, ни въ дровни, не въ печь, не въ колоду, ни въ лѣсъ, ни въ воду.
7. Носъ отсталъ, дакъ хвостъ присталъ.

8. Маломошной, какъ може, а богатой, какъ хоче.

9. На силу да красѣешь.

10. Не все съ болѣсти, а ино и съ горести, а ино и съ досады.

11. Не изъ семи овчинъ брюхо што, што десять разъ ѣсть.

12. Не было писку, зачадило съ вереску.

13. Не выплакать на могилы, не выискать въ лядины.

14. Всяко намыкалось, всими кнутами пересѣченось.

15. Держимо держится.

16. Живетъ на кучкѣ, а чвакаетъ по горничному.

17. Въ какую валельную сторону на-бъ ходить въ лаптишкахъ.

18. Ходы-то, бѣготни-то.

19. Наказы описины, а люди каменны.

20. Мы гулять-то не гуляемъ, свое горе запиваемъ.

21. Вкругѣ береза ломится, а исповоль и ольха гнется.

22 Не все, што медъ, то и ковшемъ.

23. Свѣтъ дорогой, сего-дня день не такой.

24. Случилося видать, да нечего дать.

25. Долго продолжи́лся, отдать не бо́жился.

26. За отвѣтъ не пойдемъ въ подклѣтъ.

27. Первый день Пастухъ не трубитъ, другой не заводитъ.

28. Въ жаркѣ огонь нас, будутъ гости.

29. Ковшемъ почерпнула, двумя вычерпнула.

30. Далъ Богъ ума—два гумна да ригачь.

31. Здравствуй ягода моя, жилъ я два годы безъ тебя; теперь пять лѣтъ, какъ и въ умы нѣтъ: достатки самъ смотри.

32. Сошлися съ Москвы да съ Вологды и оба голодны.

33. Доходы Онежески, а расходы Соловецки.

34. Сколько черта не крести, а онъ все въ воду лезетъ.

35. Кинь колачъ на лѣсъ, пойдешь,—найдешь.

36. Чей бережокъ, того и рыбка.

37. Ставай рано, кони придано.

38. На долгихъ на высокихъ собакъ вѣшаютъ; толстыма далёныма конписль гнетутъ, малыма дѣло дѣлаютъ.

2. *Афросинія Ѣхалова, (Евплова).*

Афросинія Семенова Ѣхалова, 54 лѣтъ отъ роду, росту средняго. Отецъ ея Семенъ, крестьянинъ Ольховской волости, слободки *Паршино*, мать Устинья Петровна — поповна изъ Андоги отъ Пречистой. Но пусть далѣе разсказываетъ сама.

«Отъ родителя отъ батюшка осталась я одинёхонька: вотъ «ужъ тридцать годовъ, какъ батюшко сосланъ на поселеніе: «купили коней краденыхъ; дѣдушко купилъ то—безсудной «попъ, да батюшка и просилъ принять на себя такой грѣхъ; «онъ и принялъ; его и сослали. Оттуды одно письмо писалъ, «што ему больно хорошо тамъ; отвѣтили чрезъ годъ, што «матушка умерла; больше не писалъ; а я въ ту пору была «лѣтъ десяти. Дѣдушко отдалъ меня за мужъ лѣтъ 19-ти, «силой, не по разуму:

Причитала Фокишна съ Избишнаго: куды умильная была *причетница;* нынь и на слуху такихъ нѣтъ; отъ ей и я научилась «причитывать», да какая я причетница: манёхонько помню. Больше по свадьбамъ ходила, а по некрутамъ рѣдко плакала: сами матки больше причитали; и не слышать бы лучше; ужъ больно сердце забираетъ; навоешься до кровавыхъ слезъ: и въ жаръ и въ ознобъ бросаетъ: жаль—тошно безсчастныхъ некрутовъ.

Какъ за́-мужъ меня выдавали, сама причитывала.

Оттворю да я окошечко,
Напишу да письмо грамотку,
Своимъ да горючимъ слезамъ,
Запечатаю горемъ-кручиною,
Пошлю по матушкѣ по быстрой рѣкѣ,
Снесите-тко да рѣки быстрые,
Въ города-те во дальные,
Въ села-те Украйные,
Въ слободы-те подселенные.
Найдите-тко моего кормилица батюшка,
Штобы пришелъ да кормилецъ батюшко,

И онъ снялъ бы волю великую,
Со своего кормилица батюшка,
Съ моего кормилица дѣдушка:
Верстаетъ раденіе—дѣдушко:
Выбралъ мнѣ чужаго-то чужанина,
Не на славушку да людямъ добрымъ,
Не по мысли красной дѣвицы;
Онъ повыбралъ-то изъ дому вѣдь изъ нищаго,
Онъ изъ роду-то вѣдь выбралъ изъ послѣдняго.
Отца—матери дурацкаго;
Словно я да красна дѣвица,
Свой домъ-то обезечестила,
Красоту да опорочила,
Своимъ личемъ да въ грязь удар ила;
Ужъ какъ я да красна дѣвица,
Кажись, домъ не обезсчестила,
Красоту не опорочила,
Своимъ личемъ въ грязь не ударила.
Я не знаю, красна дѣвица,
За каку жъ вину да мнѣ повыбрали,
Ужъ такого добра молодца.
Кабы у меня да у горюшицы;
Былъ кормилецъ да вѣдь батюшка,
Поверсталъ бы меня бѣдную,
Онъ на славушку людямъ добрымъ.

Вотъ и живу теперь и маюсь; тогды какъ за мужъ выходила, перину продала за 2 рубли и кокошникъ. Ой, ушла бы куды отъ житья-то горегорькаго.

3. Ирина Калиткина.

Ирина Калиткина—крестьянка, родомъ Новгородской губерніи, Череповскаго уѣзда, деревни *Хмѣлины*. Отца ея зовутъ Адріаномъ Ивановичемъ, а мать Лукерьей Петровной. Любопытны ея разсказы про своихъ родителей. «Барыня

—Татьяна Михаиловна Грекова; вотъ она и продала батюшка-то въ солдаты; никто и не зналъ домашніе-те, что онъ и проданъ: вотъ разъ барыня и пріѣзжаетъ изъ Пошехонья за оброкомъ въ нашу деревню и говоритъ моему дѣдушку: «что, Иванъ, сынъ дома живетъ? У меня онъ проданъ.» А онъ и говоритъ: какъ же,говоритъ, проданъ да куды же? Она сказала, что въ судѣ у меня и купчая совершена въ Пошехоньѣ: «подьте, говоритъ, розыскивайте тамъ». Дѣдушко ходилъ въ Пошехонье и розыскалъ тамъ купчую; въ купчей сказано, что «купилъ Андріяна Иванова купецъ Василій и что отнынѣ онъ Андріянъ Божей да Государевъ и ни кому дѣла до него нѣтъ». А кто этотъ купецъ Василей, такъ и по-сю пору не знаемъ. Барыня заявила только, что безъ земли проданъ и што земли для него у сй нѣтъ. У насъ съ того покупная земля-то. Отецъ матушкинъ также былъ господской; а ихъ господа крестьянъ раздилили; матушки-то отецъ—за брата барина, а дѣтей-то за сестру; съ отцемъ-те врозь дѣтей-то отдѣлили. Ну, вотъ она только четырнадцати годочковъ, а се и стали за мужъ сватать; а отцу-то се не захотѣлось отдать-то, што молода четырнадцати годовъ; вотъ онъ деньги господамъ-то и внесъ; ихъ три сестры, по сту рублей, чтобы ихъ на волю выкупить; а барыня на то не согласилась, деньги въ оброкъ заворотила; приказала выдать ему; ну, вотъ за ней и пріѣзжаютъ поимкой брать; пріѣхали зимой; а пріѣхали, что се взять; люди-то сказали, поимщики входятъ, а онѣ въ подполье опустились, да на дворъ, да въ чужую избу спрятались; ну, ихъ и не могли найти; онѣ такъ и остались до другаго разу; ну, вотъ до лѣта она и жила такъ, лѣтомъ опять на сѣнокосѣ ихъ ловили, все равно, какъ въ солдаты: ну, поимщики и спрашиваютъ у людей, гдѣ онѣ сѣно косятъ! они розговариваютъ, а другіе сосѣдки вистъ то и подаютъ, что мотрите, опять за вамъ пришли поимкой брать: ну, вотъ онѣ и побѣжали съ матерью-то въ лѣсъ болотомъ, а тѣ за нимъ бѣгутъ, а ихъ двое ловить пріѣхало: а мать - то на плеча, то одного на - скочитъ,

да на другаго, што бы она убѣжала- то: мать-то глѝ—того гораздо прибили, а все таки она убѣжала; сколько не бѣжала, а все таки не могла отбѣгать; приказали господа, штобы отдать за мужъ. Не хотѣлось дѣдушку-то, да вѣдь што подѣлаешь, до осени и упросилъ. На 15 году и отдали; а семья-та была не-мала; три деверя четвертой свекоръ а бабъ-те не было; одинъ-то овдовѣлъ а тутъ холостые были два-те. Ну, вотъ она и живетъ, стряпать-то не умїетъ, а свекровь—то безъ ноги; руки и ноги отнялись у свекрови-те. Ну всё и спрашивала и дѣлала; она была такая молодинькая и мужу-то было 22 года. Она была легкая, на дѣло ловкая, и любили ее старики-те. Всѣхъ дѣтей было шестеро—два брата да двѣ сестры въ живыхъ, да двое умерло.

Я была третья - братъ да сестра были старшіи. 5-ти лѣтъ на миня восница напала; семь недиль я глазами не глядѣла; со всѣмъдумали, што я ослѣпну; потомъ Богъ простилъ. Мы обѣ сестры въ одно время въ этой бо́лѣсти были; мать придетъ, и мы ровно въ *о́пашнѣ* лежимъ, всѣ въ кровѣ, росцарапались; няньки нѣту, а баушка безъ рукъ безъ ногъ сидѣла. Помню только, какъ мнѣ легче стало: та сестра померла, а я осталась. Ну, вотъ посадили на шестокъ, а тетушка и даетъ мнѣ яицо: Иришенька, згляни-тко ты глазкамъ-то; на-тко вотъ тебѣ яичко; ну вотъ я и увидѣла, какъ мнѣ яицо-то даютъ; ну, вотъ онѣ и обрадовались: слава Богу, што я не ослѣпла. Ну, вотъ потомъ и стала я рости; помню, какъ батюшка отдилили; онѣ выстроились, домъ поставили дви избы; семь годовъ прожили въ этой избѣ, а потомъ мы и выгорѣли; а пожаръ былъ около Миколы; тутъ—уледица была такая: мы босикомъ выбѣжали: ищемъ сапоговъ, не попадаетъ. Ну вотъ убѣжала ко своимъ-те къ дядьямъ-те; а ужъ я была по семому году, какъ пожаръ-отъ былъ: прибѣжала: ой—дяденька, ой, ужъ пожаръ—отъ близко; ой, вся деревня-та горитъ; а онъ былъ безрукой: ой, дѣвки, молитесь вы Богу-то, говоритъ. А мы Богу молимся: *помилуй Господи*. А пожаръ-то больно великъ; я подъ лѣстницу сѣла, да выглядываю; поси-

дѣла, опять убѣжала на край въ чужую избу; думаю—убѣгу подальше. У насъ все пригорѣло, весь домъ; а матушка и думаетъ, што я сгорѣла; ой, нѣту дѣвки-то; ищутъ меня и воютъ. Ну, вотъ люди ей и сказали, что я убѣжала въ тотъ конецъ; ну, вотъ и нашли меня; ну, вотъ на подворьѣ-то у дяди мы три года и жили. Тутъ вотъ я семи-то лѣтъ водилась съ ребенкомъ – въ нянькахъ была у двоюроднаго брата. Ну, вотъ онѣ на сѣнокосъ уйдутъ, а мы укладемъ робятъ-то, да убѣжимъ на рѣку рыбку ловить. А дядюшко былъ безрукой—руки отнялись какъ волокошки, совсѣмъ не служили; строгой былъ: мы боимся-то его; разъ я пришла, а у меня робёнокъ-отъ и плачетъ. А вотъ онъ поималъ меня да взялъ вересъ, и выстегалъ, не больно, а только колко вересомъ, вотъ и топеря помню; безрукой—а выстегалъ какъ-то. Ну, вотъ и стала расти; потомъ въ три года выстроились; опять стали въ своемъ домѣ жить. Потомъ хлѣбъ - отъ былъ дорогой: тутъ бѣдно жили: ужъ такъ жили-съ пудика на пудикъ, и горбушечкамъ-то займовали, и закройками-то займовали, а иное и безъ ужина спать ложились. А потомъ кузло-то стало дорого и стали поправляться и хлѣбомъ не стали биться: у насъ, какъ хлѣбомъ не бьются, такъ и хорошо живутъ. Маленькая-то пряла; выпрядешь пять копѣекъ—а батюшкото на хлѣбъ и возметъ. Потомъ и стала выростать; до пятнадцати-то годовъ дожила, ну, стала и ямы жечь. А на ямы дрова рубятся въ длину-то двѣ сажени; а яма копается печатная сажень—въ глубжину, а три сажени въ долину; а въ вышину кладется яма въ полтары сажени; ну, вотъ эты ямы мы и жгёмъ, человѣкъ по пяти у ямы-те поджигаемъ мы снизу; кругомъ ямы и ходимъ; какъ огонь выскочитъ въ концы, мы снѣгомъ закидываемъ, штобы огонь въ середину шолъ; какъ въ середину огонь идётъ, такъ она ладомъ горитъ; а снизу-то подколачиваемъ, штобы туды головеньки-то обваливались въ яму-то. Потомъ, какъ эта яма огоритъ: все опущаемъ, опущаемъ, и какъ костеръ въ аршинъ будетъ мы перебирать станемъ, штобы головеньки-те ровно горѣли всѣ.

Потомъ въ одинъ край головеньки станемъ уберать, а уголье запрыснемъ, да землей заваливаемъ; а хорошо, какъ на талую-то снѣгъ нападетъ, такъ ничего, а какъ она замерзнетъ да потомъ снѣгъ на нее нападетъ, такъ ужъ больно трудно ее доставать-то; иное такъ розрубаемъ, што до талой-то земли въ аршинъ не можемъ добраться; только огонь ворызжетъ, какъ землю-то рубишь; все ровно, какъ изъ камня огонь стрѣкаетъ,, такъ и изъ мерзлой земли; такъ ужъ больно трудно рубить-то, а вѣдь сила-то дѣвочья; ну, вотъ мы этой земли навыкидываемъ да коробчикомъ на ямы и носимъ, да это уголье землей и заваливаемъ; иное далеко носить-то сажень тридцать, а мы коробчикомъ все и таскаемъ. Такъ мы пристанемъ у этой ямы, ужъ ой какъ! А денегъ мы получимъ за эту яму только 6 копѣекъ. Ну, вотъ какъ на бесѣду сойдемъ и говоримъ: ты, дѣвонька, сколько ямъ сожгла; а я ужъ пять ямъ сожгла: ужъ я 30 коп. выжгла: иное скажутъ: ой, дѣвоньки не тихо ли? Тихо, скажутъ; ой, ямы скоро позовутъ жечь. А иное — надо свою работу справлять: за сѣномъ, али за дровами ѣхать; за́видно-то: ямы-то зовутъ жечь, а нельзя. То уголье поѣдешь возить: день отвозишь — десять копѣекъ; коробовъ двинадцать насїешь—патью (мелочь) высѣваешь рѣшоткой; такъ рукъ-то и не слышишь; ужъ больно-то руки-то устанутъ; хоть устанутъ, да раденьхоньки, што гривенникъ выработаемъ: ой, слава Богу, говоришь, я сегодня десять копѣекъ выроботала; а уголье-то возишь, замараешься-то, ровно трубочистъ, только глаза однѣ бѣлѣютъ. Прїѣдешь, да розуешься, да поужинаешь, да надо на бесѣду итти. Вымоешься такъ глаза-те чорные будутъ. Разъ я поѣхала за сѣномъ; возъ наклала; стала увязывать ужищемъ; задъ-отъ увязала; а у меня лошадь-то и зафыркала; я гляжу, а изъ лѣсу волкъ и выходитъ; вотъ она какъ скочила да побѣжала, а я съ возу-то и ковырнулась въ снѣгъ; она у мня убѣжала и все сѣно ростеряла; послѣ того ѣздила да сѣно-то и зберала по дорогѣ.

Ну, вотъ ужъ 16 лѣтъ мнѣ; я батюшка и стала просить

батюшка: наймите меня въ роботницы; а батюшко говоритъ, мы тебя не неволимъ; а я говорю, нѣтъ, наймите, только сукна на шубу купите; ну вотъ онѣ меня и наняли за шесть рублей въ лѣто. Петровка-то была долгая: мы все дрова и рубили; ходили на мохъ дрова-то рубить; рубимъ да рубимъ; руки-те устанутъ а и жарко-то и овадно,—кусаютъ-то. На солнышко-то глядишь да глядишь; думаешь, штобы скорѣе до обѣда-то; пообѣдаемъ да отдохнемъ съ часокъ-отъ да опять рубить станемъ дрова-те; а тутъ до вечера-то глядишь, да глядишь, штобы опустилось-то поскорѣе; больно день-отъ дологъ; думаешь, ужъ завтра и не порубить будетъ не-сколько. Утромъ-те пойдешь, спать-то охота; идешь — да дремлешь; розмаешься, опять тамъ рубишь да на солнышко поглядываешь. До лѣта дожила, стала въ роботницахъ косить учиться: бьюсь, бьюсь; ужъ такъ пристану; спаровки-то нѣту и кошу худо; потомъ научилась—и легко стало. Лѣто и прожила, слава Богу, и сукна купили на шубу. На другое лѣто опять жила въ работницахъ; другой косой—литовкой учплась косить; а лопского году горбушей косила. Какъ покосила литовкой, такъ отбилась, спину-то всю разворочала и плеча-та; изъ силъ вся выбилась; больно ужъ и трава-та была не коска. Тутъ зиму дома жила: женихи стали сватать; меня стали уговаривать, а только што въ барщину, а мы вольно - отпущенные были: изъ себя женихъ такой хорошой, одинъ сынъ у матери. Ну, я и подумала; нѣтъ, не пойду я въ барщину; а батюшко съ матушкой и слово дали. Пріѣзжаютъ—и Богу молиться; а я поѣхала по сѣно, туды ѣхала—плакала и оттуды ѣхала—плакала:

Богъ судья кормилецъ батюшко,
Родимая ты моя матушка,
Вы на што да роспрогнѣвались?
Развѣ я да красна дѣвица,
Не раба вамъ не роботница,
Не слуга да была вѣрная,
Не посылка была скорая!

Пріѣхала да глазами взглянула да и сказала: вѣдь святая-та земля не клиномъ пришла: не пойду замужъ; онѣ деньги берутъ, а меня въ неволю отдаютъ. Пріѣхала, лошадь выпрягла, сѣна дала, пришла домой. А матушка и говоритъ: ой, дѣвушка, ты поди-тко озябла. Нѣтъ, говорю, не озябла. Подчиваютъ: сядь да поѣшь: такіе ласковые. А невѣстка мнѣ тихонько:-мотри вѣдь, Иринья, совсѣмъ вѣдь пріѣхали Богу молиться: вѣдь свадьба будетъ. А я и говорю: Парасковья: скажи—мотри, што я имъ не невѣста, да и скажи батюшку: святая земля не клиномъ сошлась, не пойду замужъ. А она меня уговариваетъ: да вѣдь, глупая, говоритъ, вѣдь мѣсто то хорошее: вѣдь одинъ сынъ, смирной, хорошой. Говорю: не пойду и не пойду. Такъ и отказали, не попеволили. А тутъ другіе сватались; да то батюшкѣ не полюбились, то самой не приглянулись. Такъ и отстала отъ всѣхъ жениховъ и, слава Богу, што Богъ отнесъ. Съ тыхъ поръ все по людямъ живу. Разъ мнѣ въ людяхъ жизнь наскучила; безъ причины отъ хозяевъ отойти было совѣстно; вотъ я и стала просить отца съ матерью, штобы они вытребовали меня къ себѣ домой; они и пріѣхали и взяли меня съ собой и пришли же мнѣ въ голову такіе глупые слова и стала я пенять своей матушки: «родимая ты моя матушка, почто же ты меня родила, да въ добрые люди отпустила; лучше бы ты меня теленкомъ родила, да въ лѣсъ бы пустила; телепка бы волки съѣли, и никакой бы нужды я не видала». А мнѣ матушка и говоритъ: охъ, ты глупая—неразумная; какіе же слова пришли тебѣ въ голову; перекрестись, дитятко, да помолись Пресвятой Богородицѣ, штобы спасъ тебя Господи отъ такихъ думъ недобрыихъ и отъ лихаго слова грѣшнаго.

4. Марья Ѳедорова.

Біографическія свѣдѣнія о ней сообщены въ 1-й части *Причитаній*. См. стр. 324—325.

5. Святозерская крестьянка.

Кто эта Святозерская крестьянка, для насъ остается неизвѣстнымъ. Плачь ея записанъ воспитанникомъ Олонецкой гимназіи Г. Гроховскимъ.

РАЗСКАЗЫ ПРО БѢГЛЫХЪ РЕКРУТЪ.

В. П. Щеголенкова.

I.

Первоначально сдѣлаютъ *сумъ* въ деревнѣ: «Ну, што сусѣды, вѣдь Государь наборъ открылъ; съ пяти сотъ душъ по три человѣка беретъ. Завтро на скопъ приходите—въ *«Земскую.»* Соберется скопъ многолюдной, съ каждова двора по человѣку: 25-ть десятниковъ одныхъ. Голова сядетъ за столъ съ своими вѣрноподанными. Вынетъ Указъ: «Слушайте мiръ православной! Государь наборъ открываетъ съ 500-ти душъ по 3-ри человѣка.» Когда этотъ день будетъ? Спрашиваютъ его. Послѣ Козмы-Демьяна, 2-е число, отвѣчаетъ онъ. Приходитъ этотъ день, и какъ соскопуютъ, означатъ семейства на скопѣ, пройдутъ все старощенье, какому домохозяину ставать служба съ дѣтмы.

Приходитъ со скопу домохозяинъ—отецъ: одинъ или два или три въ семействѣ и вси въ разбѣгъ.

Голова опять собираетъ скопъ съ каждаго двора по человѣку: ставятъ этыхъ отцевъ въ ширинки па улицы—съ дясятниками, и спрашиваетъ староста: «Дома ли эты дѣти у этыхъ отцевъ? Нѣту, скажутъ, въ бѣгахъ». Искать надо завтрешній день. Ищутъ день, ищутъ два, ищутъ три; найти не могутъ. Голова опять посылаетъ старосту въ это селеніе,

гди нужно взять рекрутовъ. Спрашиваютъ у домохозяиновъ: гди дѣти? Отвѣчаютъ: не знаемъ. Староста отворачивается; заутра отправляется къ головы съ поясненіемъ и со словомъ: «не находятся рекрута́ дома—сбѣгли; не знаютъ родители, гди оны хранятся. Приказываетъ голова старосты собрать скопъ съ каждова двора по человѣку. Соберутъ скопъ съ каждова двора по человѣку. Спроситъ самъ голова у этыхъ отцевъ и рыкнетъ: «*служба надо*». «Не знаемъ, скажутъ батюшко, гдѣ дѣти, въ бѣгахъ». Ступайте нынь домой, говоритъ до завтрея: завтра приходите въ «*Земскую*»: я съ вами роспоряжусь. Приходятъ эты отцы въ «*Земскую*» черезъ ночь. У головы старосты приказъ дань-вотчинному. И спрашиваетъ отцевъ староста: гди дѣти? Одинъ, другой и третей отвѣтъ держатъ: не знаемъ. «Ступайте на улицу и сапоги разувайте и одёжу скидавайте съ себя до одной рубашки. Скинутся, розуются, и босыма ногама на снѣгъ выставятъ отцевъ въ ширинки. «Позябни тко, постой-дакъ скажешь про дѣтей; а если не скажешь, не то еще будетъ». Приходятъ они съ улицы съ обидою и со слезамы, обуваются и надѣваются. Вдругъ староста и говоритъ десятнику. «Возми, собери завтрешней день сусѣдей въ суёмъ и обыщите всю деревню эту: есть ли рекрута дома, али нѣту; и если дома есть, желѣза на-ноги кладите и въ земскую ведите; а если дома нѣту, сусѣдамы распорядись: крыши ворочай на домахъ, скотъ гладомъ морѝ на дворахъ: послѣ трехъ день допусти какую-ли сусѣдку: пусть скотъ кормитъ. И еще дѣтей не окажутъ родители, приказъ данъ: «идите на-рѣку, выпѣшайте пролубу и отъ той выпѣшайте другую: разстоянія отъ пролубы 5-ть саженъ. И кладутъ верёвку за шею родителямъ, угпѣтаютъ ихъ за ду-другомъ въ пролубу, перетягиваютъ верёвку слабкую́ю и родителей изъ пролубы въ пролубу—тащатъ на веревкѣ за дѣтей. Дитей нѣту; взять не́-кого съ того дому. Ой. горе отъ этыхъ мученій! Не могутъ родители смотрѣть на́тоску: за дитей мучатъ и скотъ, гладомъ морятъ. И родители на убѣгъ, и бѣгаютъ, и дома пустые. И въ побѣгахъ жи-

вуть и докуда наборъ копчается. Въ досюльное время опъ копчался, отъ числа-и до числа, годъ. Виновниковъ дома нѣтъ; беруть и одинокаго сына у родителей и провожаютъ; виновники дома оставаются. а провожеиъ тотъ, которому и лѣтъ нѣту.

II.

Однажды, въ нашу память—были 3 брата *Ошевни*: Петро Олексѣевъ, Михаило Олексѣевъ, и Петро Олексѣевъ. Отецъ ихъ Олексѣй Степановичъ имѣлъ три сына: отъ службы оны не менѣе 15 годовъ бѣгали; раззорился отецъ до основанія съ домомъ своимъ. Поимали Петра Олексѣева на-воли въ Корелы, въ Святозерѣ и привели его въ Кижское обчество въ «Земьску». Много народа было набравши, съ каждаго двора по человѣку. Головой былъ Петро Лазаревъ Ольхинъ; наказъ далъ Голова сельскому старосты. По тому времени въ земьскомъ доми водились стулья, въ ширину аршинъ, а въ долготу-полтора аршина; и въ этомъ стулѣ-забитой пробой и чепь—съ сажень желѣзная; и кладаваютъ ю-эту чепь, на шею-конецъ, и замкомъ. И по наказу Головы распорядился Сельской староста, десятнику своему отдаваетъ приказъ—класть его, мошенника, къ стулу, да и чепь на шею да и замкомъ замнуть: озлился міръ на этихъ людей, што много изъ-за нихъ правыхъ людей въ службу сдали. Пятисоцкой подполъ отворилъ—и міръ рыкнулъ: «кидай туды стулъ въ подполъ».—Какъ стулъ кинутъ въ эту дыру и его туды сдернетъ: сломайся голова, сломайся рука, хоть нога, никто не жалѣетъ этихъ людей. Подполъ заперли; міръ сталъ расходиться со скону. Вѣдь, пятисоцкой говоритъ, дверь надо запереть и замнуть; оны, мошенники, хитры: опъ выдётъ. И это время было въ великомъ пости; «Земская была у пристани противо Спаса, отъ остока на Одины (деревни близко нѣтъ.) Заперли и замнули; народъ вышелъ со скопу весь.

Онъ въ подполье сидитъ и думаетъ, што поп я сдѣлаю. И этотъ стулъ береть онъ себѣ въ беремя и пробуетъ его здымать: сила у него застигас; и этотъ стулъ по стремянки вынелъ—и онъ выздынулъ его въ беремени, и думаетъ: што я пынь, какъ выду? двери заперты и замнуты; такъ надо вытти, окопницы бы не сломать. Умыслился онъ раму вынять съ окна и стеклъ не сломалъ; стулъ подялъ изнутра-низъ фатеры на окошко, и самъ сталъ на окошко и спустился съ окна на землю и этотъ стулъ выдернулъ онъ съ окна, здынулъ стулъ на себя и пополъ домой, а до дому отъ этой «Земской» до Опевня Петра Олексѣева полверсты. Наборъ уничтожился; братья его дома; отецъ его въ старыхъ лѣтахъ—дома. Приходитъ онъ въ само то время, какъ печка топится; братья съѣхали въ лѣсъ; отецъ сидитъ противо печки на скамейкѣ—и видитъ: сынъ приполъ изъ «*Земской*» и принесъ этотъ стулъ. Отецъ и говоритъ: ну, парень—Петруха, какъ ты смогъ вынести.—А сила, батюшко, забрала.—«А што намъ будетъ за это дѣло, отвѣчаетъ отецъ сыну.—А ничево не будетъ. «Да какъ же, говоритъ, тебя со стула выручитъ.»—Возми топоръ, возми другой, возми курикъ и росколи этотъ стулъ; и пробой выйдетъ со стула и я сбуду; и эты околки срой въ печь: огонь все прикростъ.—«Какъ же цѣпь съ шея сбивать?» Возми подпилокъ дома, а нѣтъ-такъ у Митрія проси; перепели душку въ замки, да я и сбуду.—

За утро вдругъ староста приходитъ къ головѣ—къ Петру Лазареву къ Ольхину, на Глѣбово. Петрей Лазаревичъ, говоритъ, што мы поп съ Опевнемъ сдѣлаемъ? Онъ у насъ оставленъ въ *Земской* почевать, въ стулѣ скованъ и въ подполъ спущенъ. Голова отвѣчаетъ старосты: ступай возми Пятисоцкаго, да возми Россыльнаго, да возми Десятника и двухъ человѣкъ—крестьянъ съ ихъ же селенія: вытащите его изъ *Земской*. Приходятъ; замокъ не сломанъ, староста ключь вынялъ изъ кормана и замокъ отмыкаетъ да и дверь отпераетъ; приходятъ въ фатеру; подполъ заперть. Пятисоцкой подпольницу оттворяе и говоритъ: «Петрей Олексѣевичъ! Выходи на волю: на-

боръ кончился, воля всимъ и радость; не будутъ болѣ эты стулья въ обчествахъ по *Земскимъ* и не будутъ больше людей сажать въ подполье, и цѣпью ковать и замыкать замкомъ къ шеи; указъ, штобы не было этыхъ стульевъ въ «Земскихъ домахъ.» Нётрей голоса съ подполья не даваетъ. Староста и говоритъ: «ступайте къ нему три человѣка Разсыльныхъ да простой человѣкъ: што онъ голоса не дастъ». Туды пришли эты люди въ подполье, глядятъ по всимъ сторонамъ; его нѣту. «Вотъ, робята, чудо-то; пятьнадцать лѣтъ бѣгалъ отъ военной службы со всими дѣтмы, да и нупь сдѣлалъ на память всему Кижскому обчеству; какъ-только могъ онъ сдѣлать это дѣло одинъ. Дивуются; не знаютъ, гди нупь искать его; стекла въ рамы не сломаны. Ну, говоритъ старо́ста; подёмьте къ отцу: нѣтъ ли ихъ дома всихъ. Приходятъ—Староста, Пятисоцкой, Розсыльной, Десятникъ, два человѣка посторонихъ; глядятъ: и Ошевень—дома—Олексѣй и съ сыномъ съ Петромъ, котораго нужно было на военную службу взять. Удивился староста этому дѣлу, руками о себя: «какъ ты могъ это сдѣлать? хто тебя оттуль выручилъ? А самъ я вытелъ, Иванъ Иваповичъ. «Да какъ же ты, говоритъ, рамы не сломалъ? И гди же стулъ?» — Да тутъ же, гди я.—«Да какъ же ты отъ него сбылъ?»—А я домой пришолъ да и стулъ принесъ.—«Да какъ же ты принёсъ, да одинъ ли ты нёсъ.» Да одинъ, да горе силу даетъ; прихожу домой; братъ съѣхалъ въ лѣсъ; отецъ сидитъ противу печку на скамьѣ, да и говоритъ: Пструнько, кто тебя привезъ съ медовой бадьей да и съ крепделямы съ «Земской. Самъ, говорю, батюшко, пришолъ. Староста и отвѣчаетъ: «ну, Нетрей, настояще-то вы—Ошевни: отъ службы-то вы отлытали да и стульё въ «Земской перевели.»—Отвѣчаетъ Нетрей старосты: да, Иванъ Иваповичъ: горе велитъ дѣло дѣлать: мы отъ бѣговъ-тыхъ и домомъ розворились. «Ну, Нётрей въ разъ ты этотъ стулъ досталъ съ Земской да перевёлъ; нупь указъ дало вышне начальство, штобы эты стулья не были бы при *Земскихъ домахъ*; а ты рѣшилъ, такъ и съ Богомъ.

III.

Какъ было не бѣгать! На службы было тѣсно: служба—велико мученье. Рекрутовъ еще у полаты въ желѣза ковали; бьютъ и мучатъ и есть пастояще не даютъ; били на умертвіе; если солдатъ стоитъ въ ширинкѣ на ученьѣ, и не могъ слова начальническаго сотворить, да и крестъ ему мѣломъ на плеча: а тамъ ступай-ко къ распоряженію: поставятъ солдатъ улицей отъ ду-друга двѣ сажени въ ширинки; рубашку виноватому прикажутъ скинуть, штаны на ногахъ, и ступай въ эту улицу солдатъ; передъ каждымъ онъ остановку дѣлаетъ; у каждаго по три вицы завязаны вмѣстѣ, и каждый такъ ударь, какъ можешь, не жалѣй; и это мѣсто называется «*Зелена улица*».

У насъ въ деревни *Боярщины*—жила Дарья Ѳедорова; братъ у ней былъ. Онъ не имѣетъ крестьянства; взять его, говорятъ, на военную службу. А и итти ему и не отъ кого и не за кого и не охота. Она—эта Дарья порабатывала у Головы, косила и жала, и пожалѣлъ онъ: пусть, говоритъ, онъ сбѣжитъ. «И это дѣло было осенью около Филипова заговѣнья. И вотъ пришла эта Дарья къ погосту къ Спасу спрашиваетъ у крестной матери у Агафьи Андреевны: Крестная матушка! Гди бы намъ спастись съ братомъ?» —Дарухо! подите вы подъ церковь къ Спасу, а я хлѣбъ-отъ ти стану носить. Они и сошли и жили отъ заговѣнья до Миколы подъ Спасовской церквой и носила ихъ крестная хлѣба имъ—съ братомъ. Молва прошла; гди же она живетъ наша Дарья съ братомъ? Кто-ни ю скрываетъ, говорятъ. И послали скрытно къ этой крестной десятника спросить: не слыхала ли, гди эта Дарья съ братомъ? А въ то время десятниковъ опасались люди: она не по незнанію отвѣчала ему: да гди же храниться у насъ, Михаило Петровичъ, бѣглымъ людямъ? Кроми Спаса—кажись не гди: туды входъ подъ цер-

ковь; пожалуй, можно бѣглымъ прикрываться тамъ, да вѣдь только хлѣбъ надо.—Вы, говори, Андреевна, людей пропитывать можете. Межъ тымъ, приходитъ онъ въ деревню Боярщину и говоритъ: «сусѣды! Я слышалъ молва: не надо-ть ли намъ посмотрѣть подъ церквой.» А Андреевна, какъ десятникъ отъ нее вышелъ, скорѣй въ ограду: «Дарухо! говоритъ да выдьте вонъ, бѣдныи оттуль.» Оны вышли съ братомъ съ подъ церквы въ темноты въ ночной и приходятъ къ этой Андреевны-къ крестной матери ночевать. Утренной зарей Андреевна и говоритъ: «Дарухо! сядьте, закусите да подите вы отъ насъ вонъ; я вамъ дамъ записочку въ Сѣпной губы къ священнику къ о. Василью, штобы онъ васъ прихранилъ бы». Накормила ихъ завтракомъ и отправились оны—семь верстъ отъ Спаса до этого прихода до Сѣпногубского до Микулы. Приходятъ оны въ зорю въ утренную и приносятъ записку отъ этой Андреевны, а ейной сынъ былъ женатъ у этого священника. Михаило Нетровичъ - этотъ священникъ записку беретъ и спасти ихъ хочетъ: «ну, говоритъ, скидывайся, Дарья да и ты доброй молодецъ; спасу я васъ отъ злыхъ людей: буде, домъ мой розворочаютъ, либо сожгутъ, а то по волѣ нельзя скоро пайти. Она и спрашиваетъ у него: «Отецъ Василей! вѣдь нынь што ваше старощепье, што наше: одинъ староста управляетъ обыма приходамы; пожалуй, ваши - то окрестныи жители могутъ меня сыскать. Молва идѣ: посылаютъ обыскать священника въ Сѣпномъ приходѣ: онъ спасаетъ бѣглыхъ. Вдругъ и говоритъ отецъ Василей: «ну, Дарья, ступайте вы въ *люкъ* съ братомъ на время, штобы поимщики не обстали около дому. Оны жили тутъ сутки; На другіи сутки пришли поимщики; домъ его обстали: ну, отецъ Василей, не можемъ найти въ твоемъ доми бѣглыхъ». Вдругъ отецъ Василей выходитъ на улицу; работникъ навозъ нагребаетъ, другой возитъ—дѣло дѣлаютъ по хозяйскому велѣнью. Выходитъ на иной разъ на улицу свѣтъ сталъ большой—и видитъ: съ Кижъ на пяти лошадяхъ ѣдутъ люди; догодался онъ, што ѣдутъ люди недобрыи:

сбору ноньнѣтъ; вѣрно, ѣдутъ понмщики. Приходитъ онъ на дворъ къ нагребальнику и говоритъ: «Иванъ, смотри я пошлю изъ дому двухъ человѣкъ сбѣглыхъ къ тобѣ на дворъ; ты затяни дровни на дворъ, клади навозу немного на постельникъ и прикажи лечь одному человѣку, а верёхъ замѣти навозомъ; ну, и другова — такжс; два человѣка у меня есть спрятаны, докуда Богъ пособляетъ мнѣ хранить; бѣдному — и потти-то не за кого въ военную службу. Годъ тотъ побѣгамы-то ему укрыться и годы ему рѣшились. «Приходитъ отецъ Василей къ этому *локу*, оттворяс и говоритъ: «Дарья выходи, оба съ братомъ выдьте бѣдные, закусите малѣюнце—малѣюнце: ѣдутъ понмщики съ Кижъ, а нѣтъ такъ, понадья, дай имъ по овсянику хлѣба. «Взяли оны по овсянику въ назуху—и вонъ отъ отца Василья на дворъ. Работникъ пріѣхалъ, нагребальникъ дровни тянетъ на дворъ—съ улицы, бросилъ по крупицы навозу на постельникъ: ну, ложитесь, тотъ на тыи, другой—на другіи—дровни; я васъ замечу; отвести васъ надо на поляны. Возы окончаетъ, вдругъ наѣхали понмщики съ Кижъ, обступили священской домъ; вдругъ пріѣзжае извощикъ съ Поляны на порожнихъ дровняхъ; въ эты дровни, нто ва дворн, одну лошадь впрягае нагребальникъ, а другую вощикъ. Нскальники говорятъ: Богъ помочь, молодцы! Нѣтъ ли какихъ гостей у васъ въ домн?—А мы, добрые люди, нро-это знать не можемъ; мы сами роботники—днёвные». И это домъ у отца Василья обыскиваютъ-кто на сарай, кто въ сѣняхъ, кто на вышкѣ, кто въ подполѣ, кто въ хлѣвахъ. Сусѣдъ Вагановъ и говоритъ: робята, Кижана, у нашего попа вамъ нé-найти! Люкъ е у него; надо, какъ попроще сказать, домъ розворочать, али сожгать, а то нто и бѣглыхъ нáйдешь. Священникъ говоритъ имъ: «ну, дѣти, домъ вамъ далъ на обыскъ; да гди я въ стары годы укрывалъ сбѣглыхъ и то мѣсто могу вамъ показать; я вамъ прямо говорю, нто попъ нихъ у меня не находится въ домн». А этотъ вощикъ потантывается на улицѣ съ возамы; Иванъ—нагребальникъ про-

водилъ его до пролубы и говоритъ вощику: смотри, на двори сказать было нельзя, а я тобѣ нонь скажу: на поляну пріѣдешь, погляди по всимъ сторонамъ, нѣтъ ли гди людей; такъ ты спѣгъ-отъ разрой на поляны, куды возъ опружить, да пружь да не круто; тамъ есть живая кладь—сбѣглые Кижскіе; прихранены у отца Василья: велѣлъ онъ замѣтать въ навозѣ и отвести на поляну.

СКАЗКА

о Солдатѣ и Смерти.

Въ одномъ Государствѣ жилъ былъ славный и сильный король; у него было очень много войска и онъ сильно полюбилъ одного солдата, который служилъ ему вѣрою и правдою и былъ главнымъ его конюхомъ. Прошло срочное время, отслужилъ солдатъ службу королю и сталъ проситься у короля на родину съ родными повидаться. Сначала было король не спускалъ его, но потомъ согласился, надѣлилъ его златомъ-сéребромъ и отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Вотъ получилъ солдатъ отставку и пошелъ съ товарищами прощаться, а товарищи и говорятъ ему: неужъ-ли на прощанъе-то не поднесешь, а прежде вѣдь мы хорошо жили. Вотъ солдатъ и началъ подносить своимъ товарищамъ, подносилъ-подносилъ, глядь а денегъ-то осталось у него только пять пятаковъ. Вотъ идетъ нашъ солдатъ, близко ли-далеко ли, видитъ стоитъ въ сторонѣ кабачекъ,—зашелъ солдатъ въ кабачекъ на конѣйку выпилъ, на грошъ закусилъ и пошелъ далѣе. Подошелъ эдакъ не много, встрѣтилась ему старуха и стала милостину просить, солдатъ и подалъ ей пятакъ. Подошелъ опять немного, смотритъ: а та же старуха опять идетъ на встрѣчу и проситъ милостину; солдатъ подалъ другой пятакъ, а самъ и дивуется, какъ это старуха опять очутилась напереди, межъ тѣмъ, какъ не видѣлъ, чтобы она прошла мимо его. Смотритъ, а старуха опять напереди и проситъ

милостину; солдатъ и третій пятакъ подалъ. Подошелъ опять эдакъ съ версту смотритъ, а старуха опять напереди и проситъ милостинку; разозлился солдатъ, нестерпѣло ретивое. выдернулъ тесакъ да и хотѣлъ было разкроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила къ его ногамъ котомку и скрылась. Взялъ солдатъ котомку, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и говоритъ; куда мнѣ съ этой дрянью? У меня и своей довольно! и хотѣлъ было ужъ бросить,—вдругъ откуда не возьмись, явились предъ нимъ, какъ изъ земли два молодца и говорятъ ему: что вамъ угодно? Солдатъ остолбенѣлъ отъ удивленія и ничего немогъ имъ сказать; онъ думалъ, что это привидѣніе да и закричалъ: что вамъ отъ меня надобно? Одинъ изъ нихъ-цеголь собой, подошелъ поближе къ служивому и говоритъ: мы служители твои покорные, по слушаемся не тебя, а вотъ этой волшебной сумочки, и если тебѣ что нужно, приказывай, я все сдѣлаю! Солдатъ думалъ, что это всё ему грезится, протеръ глаза, рѣшился спробовать да и говоритъ: если ты говоришь правду, то я приказываю тебѣ, чтобы сейчасъ же была койка, столъ, закуска, водка и трубка съ табакомъ! Не успѣлъ солдатъ еще и окончить, а ужъ всё и явилось, какъ будто съ неба упало. Выпилъ солдатъ, закусилъ, повалился на койку и закурилъ трубку. Полежалъ онъ такъ довольно времени, потомъ махнулъ котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдатъ и говоритъ: а долго ли я буду здѣсь лежать на этой койкѣ и курить табакъ? Сколько угодно, сказалъ лакей»:— «Ну, такъ обери всё, сказалъ солдатъ и пошелъ дальше. Вотъ шелъ онъ, послѣ этого, близко ли—далеко ли, и пришелъ къ вечеру въ одну усадьбу и тутъ славный барской домъ, да баринъ въ этомъ дому не жилъ, а жилъ въ другомъ,—въ хорошомъ-то дому черти водились. Вотъ и сталъ солдатъ спрашивать у мужиковъ спрашивать: гдѣ баринъ живетъ.»— «А мужики и говорятъ: да что тебѣ въ нашемъ баринѣ?»— «Да ночевать бы надо попроситься!»—«Ну, говорятъ мужики: только поди, такъ онъ ужъ отправитъ тебя чертямъ на

обѣдъ!» — «Ничего, говоритъ солдатъ: и съ чертями раздѣлаться можно, а это въ сторону, а скажите, гдѣ баринъ-то живетъ?» — Мужики показали барской домъ и солдатъ пошелъ къ нему; а какъ пришелъ къ барину и сталъ у него ночевать проситься. Баринъ и говоритъ: пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня тамъ не тихо!» — Ничего, говоритъ солдатъ! Вотъ баринъ и повелъ солдата въ хорошій домъ, а какъ привелъ, солдатъ махнулъ своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велѣлъ приготовить столъ на двухъ человѣкъ. Не успѣлъ баринъ повернуться, а ужъ и явилось всё. Баринъ, хоть и богатъ былъ, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а баринъ и укралъ золотую ложку; вотъ какъ кончили закуску, солдатъ махнулъ опять котомочкой и велѣлъ обрать всё, а лакей и говоритъ: я не могу обрать — не всё на столѣ. Солдатъ посмотрѣлъ, да и говоритъ: ты, баринъ, для чего ложку взялъ? Я не взялъ, говоритъ баринъ. Солдатъ обыскалъ барина, отдалъ ложку лакею, а самъ и началъ благодарить барина за ночлегъ, да такъ его изрядно помялъ, что баринъ, со злости поѣлъ да и заперъ на замокъ всѣ двери. Солдатъ заперъ всѣ окна и двери изъ другихъ покоевъ, закрестилъ и сталъ чертей дожидаться. Этакъ около полуночи вдругъ слышитъ, что кто-то у дверей пищитъ. Пождалъ еще солдатъ немного и вдругъ набралось множество нечистой силы и подняли такой крикъ, что хоть уши затыкай! Одинъ тамъ кричитъ: напирай,-напирай, а другой на мѣсто ему кричитъ: да куда напирать, коли крестовъ наставлено!..... Солдатъ слушалъ, слушалъ, а у самого волосы такъ-таки дыбомъ и встаютъ, даромъ что нетрусливаго десятка былъ. Наконецъ и закричалъ: да что вамъ тутъ отъ меня надо, босоногіе?» — «Пусти, кричатъ ему изъ за дверей черти.» — «Да на что я васъ пущу сюда?» — «Да такъ, пусти!» — Солдатъ посмотрѣлъ кругомъ и увидѣлъ въ углу мѣшокъ съ гирями, взялъ мѣшокъ, вытряхнулъ гири, да и говоритъ: а что много ли васъ босоногихъ войдетъ ко мнѣ въ мѣшокъ?» — «Всѣ войдемъ, гово-

рять ему изъ за дверей черти!» Солдатъ надѣлалъ на мѣшкѣ крестовъ углемъ, пріотворилъ немного дверей да и говоритъ: ну-ка я посмотрю, правду ли вы говорили, что всѣ войдете? Черти всѣ до одного залѣзли въ мѣшокъ, солдатъ завязалъ устье мѣшка-перекрестилъ, взялъ 20-ти фунтовую гирю да и давай по мѣшку бить. Бьётъ, бьетъ да и пощупаетъ, мягко-ли? Вотъ видитъ солдатъ, что, наконецъ, мягко стало, отворилъ окно, развязалъ мѣшокъ, да и вытряхнулъ чертей вонъ;—смотритъ, а черти всѣ изуродованы и никто съ мѣста не двигается. Вотъ солдатъ какъ крикнетъ: а вы что тутъ, босоногіе, расположились-то? другой бани что ли дожидаетесь, а? черти всѣ кой-какъ разбѣжались, а солдатъ и кричитъ имъ въ догонку: еще придите сюда, такъ я вамъ не то еще задамъ! На утро пришли мужики и отворили двери, а солдатъ пришелъ къ барину и говоритъ: ну, баринъ, переходи теперь въ тотъ домъ и не бойся ужъ ничего, а мнѣ за труды надо на дорогу дать! Баринъ далъ ему сколько-то денегъ, и солдатъ пошелъ себѣ дальше. Вотъ шолъ онъ такъ счастливо и весело ужъ долгонько, и до дому не далеко оставалось-всего какихъ либо на три дни ходьбы! Вдругъ повстрѣчалась съ нимъ старуха такая это худая да страшная, несетъ полную котомочку ножей, да пилъ да разныхъ топориковъ, а косой подпирается! Дошла она до солдата да и загородила ему дорогу, а солдатъ не стерпѣлъ этого, выдернулъ тесакъ да и закричалъ: что тебѣ надо отъ меня, старая? Хошь я тебѣ голову разскрою? Смерть (это была она) и говоритъ: я послана Господомъ взять у тебя душу! Сдрогнуло солдатское сердце, упалъ онъ на колѣна да и говоритъ: смилуйся, матушка смерть, дай мнѣ строку только на три года,—прослужилъ я королю-батюшкѣ свою долгую солдатскую службу и теперь иду съ родными повидаться.»—«Нѣтъ, говоритъ смерть, не видаться тебѣ съ родными и не дамъ я тебѣ сроку на три года!»—«Дай хоть на три мѣсяца?»—«Не дамъ и на три недѣли!»—«Дай хоть на три дня?»—«Не дамъ тебѣ и на три минуты, сказала смерть, махнула косой и уморила

солдата! Вотъ очутился солдатъ на томъ свѣтѣ да и пошелъ было въ рай, да его туда не пустили, недостоинъ, значитъ былъ! Пошелъ солдатъ изъ раю да и попалъ въ адъ, а тутъ прибѣжали къ нему черти да и хотѣли было въ огонь тащить, а солдатъ и говоритъ: вамъ что надо отъ меня? Ахъ вы, босоногіе, аль позабыли ужъ барскую-то башю, а? Черти всѣ и побѣжали отъ него, а сатана и кричитъ: вы куда́, дѣтки, побѣжали-то?» — «Ой, батько, говорятъ ему чертенята, вѣдь солдатъ-то тотъ здѣсь!» — Какъ услыхалъ сатана это да и самъ побѣжалъ въ огонь. Вотъ солдатъ походилъ, походилъ по аду,— скучно ему стало, подошелъ въ рай, да и говоритъ Господу: Господи, свѣтъ милостивой, куда ты меня пошлешь теперь, раю я не заслужилъ, а въ аду всѣ черти отъ меня убѣжали; ходилъ я ходилъ по аду, скучно стало да и пошелъ къ Тебѣ, Господи, дай мнѣ службу какую либо! Господь и говоритъ: поди служба, выпроси у Михайла Архангела ружьё и стой на часахъ у райскихъ дверей! Пошолъ солдатъ къ Михайлу Архангелу, выпросилъ у него ружьё да и сталъ на часы къ райскимъ дверямъ Вотъ стоялъ онъ такъ долго ли, коротко ли, и видитъ, что идетъ смерть да и прямо въ рай. Солдатъ загородилъ ей дорогу да и говоритъ: а тебѣ что тамъ надобно старая? Пошла прочь! Господь безъ моего докладу никого не приметъ! Смерть и говоритъ: я пришла къ Господу спросить, какихъ на этотъ годъ велитъ людей морить. Солдатъ и говоритъ: давно-бы такъ, а то лѣзешь не спросясь, а развѣ не знаешь, что и я что либо да значу здѣсь, на́-ко ружьё-то подержи, а я схожу спрошу. Пришелъ служивой въ рай, а Господь и говоритъ: зачѣмъ ты, служба, пришелъ?» — «Пришла смерть, Господи, и спрашиваетъ: какихъ Ты на слѣдующій годъ велишь людей морить?» — «Господь и говоритъ: пусть морить самыхъ старыхъ!» — Пошелъ солдатъ назадъ, да и думаетъ: самыхъ старыхъ велитъ Господь людей морить, а что, если у меня еще отецъ теперь живъ, а она его уморитъ, какъ и меня, такъ вѣдь, пожалуй, я и не повидаюсь

больше! Нѣтъ, старая, ты не дала мнѣ вольготушки на три года, такъ поди-ко погрызи дубовъ! Пришолъ да и говоритъ смерти: смерть, Господь велѣлъ тебѣ на этотъ годъ не людей морить, а дубы грызть, такіе дубы, которыхъ старѣе нѣтъ! Пошла смерть старые дубы грызть, а солдатъ взялъ у ней ружьё и сталъ опять у райскихъ дверей ходить. Прошелъ на бѣломъ свѣтѣ годъ, смерть опять и пришла спросить: какихъ на этотъ годъ велитъ ей Господь людей морить. Солдатъ отдалъ ей ружьё, а самъ и пошолъ къ Господу спросить: какихъ на этотъ годъ велитъ смерти людей морить? Господь велѣлъ морить самыхъ матёрыхъ, а солдатъ опять и думаетъ: а вѣдь у меня тамъ есть еще братья да сестры и знакомыхъ много, а смерть какъ уморитъ, такъ мнѣ съ ними и не повидаться больше! Нѣтъ, пусть же и другой годъ погрызетъ дубовъ, а тамъ быть можетъ нашего брата солдата и миловать станетъ! Пришелъ да и послалъ смерть грызть самыхъ (ядрёныхъ) матёрыхъ дубовъ. Прошелъ и другой годъ, пришла смерть на третій разъ. Господь велѣлъ ей морить самыхъ молодыхъ, а солдатъ послалъ её самыхъ молодыхъ дубовъ грызть. Вотъ какъ пришла смерть на четвертый разъ, солдатъ и говоритъ: ну, тебя старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: *опротивьла, надоѣла!* Пошла смерть къ Господу, а Господь и говоритъ ей: что ты, смерть; худая такая стала?» — «Да какъ худой-то не быть, цѣлыхъ три года дубы грызла, всѣ зубы-то повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня такъ прогнѣвался?» — «Что ты, что ты, смерть, говоритъ ей Господь: съ чего ты взяла это, что я посылалъ тебя дубы грызть?» — «Да такъ мнѣ солдатъ сказалъ, говоритъ смерть.» — «Солдатъ?-да какъ онъ смѣлъ это сдѣлать!? Ангелы, поди-ко приведите ко мнѣ солдата. Пошли Ангелы и привели солдата, а Господь и говоритъ: съ чего ты взялъ, солдатъ, что я велѣлъ смерти дубы грызть?» — «Да мало ей, старой, этого! Я просилъ у ней *вольготушки* только на три года, а она не дала мнѣ и на три часа; помолился бы я тогда Тебѣ, Господи, такъ и въ раю теперь

былъ-бы, а то вотъ теперь стой тутъ на часахъ, а все изъ за нее. Вотъ за это-то я и велѣлъ ей три года дубы грызть.» — «Ну, дакъ поди-ко теперь, говоритъ Господь, да откармливайко её три года! Ангелы! выведи-те его на бѣлой свѣтъ. Вывели Ангелы солдата на бѣлой свѣтъ и очутился солдатъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уморила его смерть. Видитъ солдатъ какой-то мѣшокъ лежитъ, взялъ онъ мѣшокъ да и говоритъ смерть! садись въ мѣшокъ! Сѣла смерть въ мѣшокъ, а солдатъ взялъ еще палокъ да каменья наклалъ туда, да какъ пошагалъ по-солдатски, а у смерти только косточки хрустятъ! Смерть и говоритъ: да что ты, служивой, потише!» — «Вотъ еще потише, еще чего не скажешь, а по моему-такъ: сиди, коли посажена! Вотъ шелъ онъ такъ два дня, а на третій пришелъ къ свату-цоловальнику да и говоритъ: что, братъ, дай выпить, всѣ деньги пропилъ, а я тебѣ на днях занесу, вотъ тебѣ мой мѣшокъ, пусть у тебя положитъ. Взялъ солдатъ выпилъ водки, а цоловальникъ взялъ у него мѣшокъ, да и бросилъ подъ стойку. Пришелъ солдатъ домой, а отецъ еще живъ,—обрадовался, что благополучно добрался до дому, а еще больше обрадовались родные! Вотъ жилъ такъ солдатъ и здорово и весело цѣлой годъ. Тутъ онъ услыхалъ, что прежній его благодѣтель король мимо проѣзжаетъ, вотъ и пошелъ солдатъ еще разикъ на короля посмотрѣть, а идти-то было недалеко! Вотъ увидалъ онъ короля, а тотъ и сталъ его разспрашивать, какъ онъ шелъ домой и каково ему гостить? Солдатъ разсказалъ ему всё отъ слова до слова, да и спомнилъ тутъ, что смерть-то и посихъ поръ всё еще подъ стойкой, а королю этого не сказалъ. Сталъ онъ съ королемъ прощаться, а король и наградилъ его ужъ чисто по-Королевски! Вотъ пришелъ солдатъ въ тотъ кабакъ и сталъ спрашивать свой мѣшокъ, а цоловальникъ едва и отыскалъ его. Вотъ солдатъ развязалъ мѣшокъ да и говоритъ: смерть, жива ли-ты?» — «Ой, говоритъ смерть: едва не задохлась!» — Ну, ладно, говоритъ солдатъ, а онъ, какъ пошолъ отъ короля, денегъ-то у него много было, вотъ онъ

и купилъ табакерку съ табакомъ, а теперь понюхалъ да и чихнулъ. Смерть и говоритъ: служивой, дай-ко мнѣ?! Она всё просила, что только увидитъ у солдата. Солдатъ и говоритъ: да что, смерть, вѣдь тебѣ мало одной щепотки, а поди сядь въ табакерку да и нюхай, сколько захочешь. Только что смерть помѣстилась въ табакерку, солдатъ захлопнулъ да и послалъ опять ее цѣлой годъ. Потомъ онъ опять отворилъ табакерку да и говоритъ: что, смерть, напюхалась?» — «Ой, говоритъ смерть, тяжело!» — «Ну, говоритъ солдатъ: пойдемъ я теперь покормлю тебя! Пришелъ онъ домой да посадилъ её за столъ, а смерть ѣла, да ѣла да за семерыхъ и съѣла. Разсердился солдатъ да и говоритъ: ишь, *прорва*, за семерыхъ съѣла, эдакъ на тебя не наполнишь, куда я дѣнусь съ тобой, проклятая. Посадилъ потомъ въ мѣшокъ да и понесъ на кладбище; вырылъ въ сторонкѣ яму да и закопалъ ее туда. Вотъ прошло три года, Господь и спомнилъ про смерть и послалъ Ангеловъ отыскивать, гдѣ смерть. Ходили, ходили Ангелы по міру, отыскали солдата въ кабакѣ да и говорятъ ему: куда ты, служивой, смерть-то дѣвалъ?» — «Куда дѣвалъ? а въ могилу зарылъ!» — «Да вѣдь ее Господь на лицо къ себѣ требуетъ, говорятъ Ангелы. Пошелъ солдатъ на кладбище, разрылъ яму, а тамъ смерть ужъ чуть-чуть дышетъ. Взяли Ангелы смерть и принесли её къ Господу, а Онъ и говоритъ: что ты, смерть, такая худая? Смерть и разсказала Господу всё, а Онъ и говоритъ: видно тебѣ, смерть, отъ солдата не хлѣбы, поди-ко кормись сама! Пошла опять смерть по міру, да только того солдата больше не посмѣла морить. Прожилъ онъ цѣлыхъ 100 лѣтъ, а потомъ пошелъ на войну, тамъ его и убили!

Записана однимъ изъ моихъ учениковъ В. Пименскимъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКѢ ПРИЧИТАНІЙ.

Въ нашихъ „Замѣчаніяхъ“ объ особенностяхъ языка Причитаній сѣвернаго края, (см. ч. I, стр. XXII — XXXIII) мы отчасти указали и самыя причины, отъ коихъ зависятъ эти особенности. Не повторяя здѣсь этихъ указаній, мы восполнимъ лишь наши замѣчанія новыми данными.

I.

Произношеніе.

Само собою разумѣется, что здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ тѣ отличія Новгородскаго говора и мѣстныхъ подпарѣчій, о которыхъ упомянуто нами въ „1-й части“. Отмѣтимъ здѣсь лишь новыя особенности.

Б переходитъ въ мягкое *г*: *гумага* вм. бумага (85, 40).

Г переходитъ въ *в*: *вербовый* вм. гербовый (85, 40).

В въ словѣ *два* выпадаетъ, какъ скоро оно принимаетъ уменьшительную форму: *дьдушка* вм. дѣвушка (86, 77) Иногда же *в* появляется между двумя гласными, какъ придыханіе: *каравульщикъ* вм. карауьщикъ (30, 161). Не рѣдко также *в* переходитъ въ *л*: *слободять* вм. свободять; и въ *р*: *скрозь* вм. сквозь (34, 83, 84).

Н удерживается въ такихъ словахъ, гдѣ обыкновенно этотъ звукъ выпадаетъ: напр. *принёмъ* (17, 109) *напёмщикъ* (48. 55) приёмной (55, 220).

О переходитъ въ *ы: травынька* вм. травонька (165, 4).

Р переходитъ въ *н:* въ Новгород. губ. говорятъ *„некрутъ“* вм. рекрутъ (86, 77).

У замѣняется *ы: быдто* (46, 15) *не забытьте* (45, 113).

Х не всегда смягчается въ *ш:* въ Новгородской губерніи встрѣчаемъ *„горюха“* вм. обыкновеннаго: горюша (87, 15).

Изъ сокращеній достойно вниманія выраженіе *быди прокля* эта служба Государева! вм. буди проклята (107, 122).

Изъ полногласій обратимъ вниманіе на слова *содержать* вм. сдержать (42, 29) и *соймутъ* вм. съимутъ (75, 26).

Слова иностраннаго происхожденія въ особенности легко поддаются разнообразнымъ измѣненіямъ въ произношеніи; такъ напр. встрѣчаемъ: *жандары* (13, 75) *мондеры* (30, 154; 74, 23) *шариночка* (32, 205) *камендеры* (32, 218) *кумандеры* 202, 682) и *камандеры* (38, 409) *музыканы* (34, 280) *троура* (93, 227) *фатерушка* (96, 51) *патретъ* (122, 111) и т. п.

II.

Словообразованіе.

Въ ряду именъ существительныхъ здѣсь встрѣчаемъ мы слово *дяденька* въ первоначальной его формѣ: *дяйна*—тетка (152, 37). Достойны также вниманія по своему образованію существительныя: *уломъ* (224, 16) *удохъ* (155, 139) *поростъ* (7, 10) *измѣна* въ значеніи замѣна (23, 210) *проща* (204, 759) *живность* (185, 87) *поушенье* (36, 351) *потыченье* (36, 350) *зарѣчье* (83, 41 *напрснина* (208, 868) *прибоинка* (84, 5) *подтычина* (41, 51) *хорошество* (145, 33) *дольщикъ* (25, 27) *ходатель*—вѣтеръ (90, 104) *поровечникъ* (195, 445) *стыдитель* (28, 58) *умертвіе* (220, 20).

Изъ именъ прилагательныхъ въ данномъ случаѣ достойны вниманія: *вѣтляный* общаго корня съ словами вѣчать, привѣчать—привѣтливый (193, 374) *спацливый*—общаго корня съ словомъ спахнуться, попечительный (31, 170) *щегольли-*

вый 9, 40) *дерлиный* (160, 313) *отристалый* (155, 134) *отришенный* (180, 76) *мижеиьскій* (123, 132) *грязовитый* (28, 63) *станливый* (143, 139) *ступистый* (8, 4) *умолёный* (204, 743) *отеческій* (180, 77) *сусѣдскій* 178, 34) *дѣтиный* (122, 101) *конивый* (22, 169) *дурливый* (129, 39) *воскресенскій* въ знач. воскресный (198, 547) *перный* (6, 2) *перистый* (201, 652) *ворошоный* (18, 29).

Прилагательныя сложныя: *пріодьный* (199, 575) *изутробный* (32, 238) *подселенный* (30, 116) *скрозекозный* (6, 76) *завосный* (26, 59) *занапрасный* (224, 42) *подомовый* (185, 96) *розмолодый* (3, 79) *старо-древній* (3, 82) *тепло-красный* (189, 228) *стозаплатній* (22) *хитро-умный* (5, 49) и т. п.

Глаголы съ производными примѣтами: *корить* въ значеніи покарять (190, 265) *рутить* (102, 20) *студьть* (106, 65) *обрѣщаться* (48, 39) и т. п. Любытенъ глаголъ *дробить* по своему образованію; онъ произошелъ отъ сложнаго взробѣть съ выпаденіемъ *в*, *з* перешло въ *д*; *дробить*—значитъ робѣть.

Какъ и въ 1-й части „Причтаній“ здѣсь всего чаще употребляются глаголы, сложенныя съ предлогами.

Таковы напр. глаголы:

Съ предлогомъ *воз: возбудить* въ значеніи разбудить (183, 9) *возжидать* (109, 187) *возжуплять* (64, 96) *воспокаяться* (10, 4).

Съ предлогомъ *за: засулять* (46, 41) *заморять* (221, 55).

Съ предлогомъ *из: изъѣзжаться* (35, 396) *изнасіяти* (140, 17) *искушать* (12, 36) *испивать* (12, 37).

Съ предлогомъ *на: наставить* въ значеніи уставить (32, 213) *начаяться* (12, 46) *наглядывать* (102, 28) *напинаться* (128, 17) *надивоваться* (143, 136) *надрыгаться* (32, 226).

Съ предлогомъ *о: одубѣть* (191, 290) *окинуться* (39, 2) *оглядѣться* (184, 37).

Съ предлогомъ *об: оббранить* (120, 28) *обрестовать* (2 37; 203, 722) *обмендерить* (45, 115) *обстановиться* (137, 54).

Съ предлогомъ *от: откачнуться* (133, 213) *отшатиться* (143, 127).

Съ предлогомъ *по: потурять* (61, 24) *потужать* (61, 25) *потряхать* (137, 49) *поразвыться* 114, 81) *повыставать* (12. 60) *поразрыться* (134, 243) *подрожать* (39. 459) *подивовать* (1, 8) *порасплaстать* (41, 53) *подѣватися* (114. 56) *поотложиться* (56, 253).

Съ предлогомъ *под: подтягать* (31, 203) *подвіять* (74, 26) *подхаживать* (21, 145).

Съ предлогомъ *при: придѣлять я* (144, 158) *приплакать* (190, 244) *пріотерѣть* (131, 110) *пріотперѣть* (20, 97) *прихранить* (127, 14) *пріобидѣть* (36, 357) *пріотмѣнить* (63, 67) *призакатиться* (134, 248) *прикоротать* (114, 62) *принакрыть* (5, 39) *призадвинуть* (5, 40) *пріотправить* (5, 42) *пріужахнуться* (5, 19) *пріотрекнуться* (27, 22) *приростре-скать* (33, 256) и т. п.

Съ предлогомъ *про: проглупать* (49, 2) *прогладить* (192, 320) *пролюбоваться* (192, 323) *прокоротать* (109, 189) *прознать* (143, 120) *проплывывать* (157, 208).

Съ предлогомъ *роз: роспалиться* (44, 88) *розшумляться* (133, 197) *росказаться* (142, 91) *росполохаться* (184, 34).

Съ предлогомъ *съ: спамятить* (35, 312) *сколыбаться* (77, 79) *сустигать* (40, 36) *сукрашаться* (147, 83) *содержать* (42, 29).

Съ предлогомъ *у: ущемлять* (34, 277) *улещать* (205, 786) *уписывать* (103, 58) *укуволить* (155, 141).

Встрѣчаются глаголы сложенныя и съ именами существительными; напр: *горековать* (17, 101).

Изъ нарѣчій, достойныхъ вниманія по своему образованію, отмѣтимъ: *изкоса* (134, 224) *изрыхла* (134, 245) *заобче* (132, 156) *ноньку* (96, 39) *одинова* (37, 402) *вмистяхъ* (98, 122) *отъ-тошна* (69, 44), *по́-тиху* (198, 530) *вдавнѝ* (178, 18) *по́-ряди* (190. 270) *съ того-съ-мала* (178, 25) *при-послѣди* (33, 240) *до́-гола* (26, 43) *по-за-глазью* (25, 30) *небглядью* (189, 224) *не́-вѣсто* (205, 794).

III.

Словопзмѣненіе.

Какъ и въ 1-й части „Причитаній". имена существительныя здѣсь всего чаще встрѣчаются въ умеиьшительной формѣ; каковы напр: *пасточка* (80, 13) *ломинка* (80, 11) *улушка* (81, 38) *надпяточка* (122, 104) *моготушка* (69, 39) *сточка* (11, 28) *молитовки* (77, 92) *веревчонка* (22, 161) *бурлаченочко* (119, 17) *судышечки* (32, 228) *шенельчишки* (31, 201) *шубеночка* (119, 18) *житьишечко* (41, 45) *почёточекъ* (187, 148) *питьице* (203, 697, *питемьице* (22, 171) *употьице*, (203, 700) *пденьице* (203, 698) *удальице* (36, 365) *дроворубчикъ* (209, 901) *чужанинокъ* (219, 68) *водоношичка* (166, 20) *костьица* (221, 53).

Собирательныя формы: *дружьё-братьица* (7, 10) *подружьё* (25, 21) *дружьё-братьё* (58, 317).

Усиленіе значенія прилагательныхъ большею частію опредѣляется наставкою предлоговъ; напр: *розмолодый* (3, 79) *розбезсчастный* (24, 4) *пристарший* (204, 743) и т. п.

Любопытна еще форма въ данномъ случаѣ на „*сконный*": *малый* напр. переходитъ въ *малехонный* (89, 82).

Числительное „*единый*" также, какъ и прилагательныя, усиливается окончаніемъ: *ешенекъ*: *единёшенекъ*. (24, 220).

Степени усиленія нарѣчій обозначаются окончаніями *нько*: *суровенько* (188, 179); и *ешенько*: *суровешенько* (4, 10).

Въ послѣднемъ случаѣ любопытно нарѣчіе: *не-вьсто*, которое принимаетъ форму *невьстёшенько* (125, 62).

Для большей изобразительности, къ этимъ формамъ приставляются еще предлоги; напр. *поскорёшеньку* (4, 10) *понизёшеньку* (70, 14) *поранёхоньку* (91, 127).

Но всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе въ данномъ случаѣ, что нарѣчіе *поодиночкѣ* здѣсь обозначается формою „*по-единушкѣ*" (32, 206).

Роды именъ также представляютъ нѣкоторое своеобразіе; напр. слово *путь* принимается въ женск. родѣ: *въ кую-путь* (33, 268) *съ коей пути* и т. п.

Ласкательное: „*лада*“ относится не къ женѣ только, но и къ мужу:

Умолёная лада милая,
Лада милая любимая!
Провожаю тебя горюшица.
Во солдаты новобраныи. (87, 1—4).

Здѣсь, какъ и въ 1-мъ „томѣ“ встрѣчаются слова съ такими падежными окончаніями, которыя указываютъ, что эти слова въ именительномъ падежѣ имѣютъ другой родовой признакъ, чѣмъ въ какомъ принято употреблять ихъ; какъ напр. *времечка:*

Приносльди то. походь—этой времечки (33, 240) *оружья: оружью завоенную.*

Встрѣчаются имена прилагательныя, кои родит. пад. ед. ч. женскаго рода—оканчиваются на *ыи:* какъ напр.;

Изъ новыи, да новы горницы (84, 15).

Въ дательномъ падежѣ имена прилагательныя того же числа и рода иногда оканчиваются на *ю* вм. *ой:* напр.:

Систь было мнѣ горюшицъ,
Бѣдною, да горегорькою,
Мнѣ подъ красное окошечко.
Ко прибойнкъ кленовою. (84, 1—5).

Имена существительныя муж. род въ винит. пад. множ. числа оканчиваются не только на *а*, но и на *ы*. Такъ встрѣчаемъ *во глаза* и *во́глазы* (43, 64).

Нѣкоторыя изъ именъ существительныхъ въ родит. пад. множ. числа также принимаютъ своеобразныя окончанія: напр. *дядьковъ* (55, 232) *христіанушковъ, дёнъ* (145, 32).

Мѣстоимѣніе *оный* принимаетъ форму: *эноӥ.*

Какъ откуль эноӥ солдатъ идё прохожей? (189, 219).

Мѣстоимѣнія *сеӥ*—встрѣчаемъ въ народной формѣ *сесь:*

На сесь день (195, 484).

Мѣстоименіе другъ-друга всегда, безъ изключеній, употребляется въ сокращенной формѣ „*ду-друга*“ и склоняется такъ:

Род. *ду-друга* (29, 81).
Дат. *ду-другу* (110, 205).
Вин. на-*ду-друга* (29, 84).
Твор. *между ду-другомъ* (42, 25).

Мѣстоименіе каждый принимаетъ народную форму „*кажинный*“:

Кажинную минуточку (39, 459).

Мѣстоименіе „этотъ“—звучитъ какъ *эвтотъ*: въ *эвты* (43, 58).

Бытный глаголъ въ повелит. наклон. спрягается такъ:

Быди (107, 122).
Бывте (74, 1).

Глаголы, оканчивающіяся на *ать*, *вать*, и *ивать* выкидываютъ послѣдпюю гласную *е* не только въ 3-мъ лицѣ един. числа, о чемъ нами замѣчено въ 1-мъ томѣ, но и во 2-мъ лицѣ; такъ, здѣсь встрѣчаемъ: *обижаешь* вм. обижаешь. (23, 190) *не подаишь* вм. не подашь (216, 92).

Но особенно часто здѣсь эти глаголы въ 3-мъ лицѣ множ-числа отмѣтаютъ конечное *тъ*: *подхватя* вм. подхватятъ ('3 76) *посадя* вм. посадятъ (13, 78) *глядя* вм. глядятъ (38. 418—419) *оттустя* (63, 77) *обмундеря* (120, 57) *не повиря* (33. 252) и т. п.

Въ Новгородской губерніи въ возвратныхъ глаголахъ въ 3-мъ лицѣ настоящ. и будущ. вр. сд. ч. *ся* переходитъ въ *ци*: напр. *стосковатци сгорюхнетци* (85, 29).

Само собою разумѣется, что всѣ другія измѣненія въ склоненіяхъ именъ и спряженіяхъ глаголовъ, указанныя нами въ 1-мъ томѣ „Причитаній“ встрѣчаются и здѣсь; снова говорить о нихъ и подтверждать примѣрами считаемъ излишнимъ.

IV.

Словосочиненіе.

Любопытны синонимы и эпитеты, обыкновенно усвоемые

въ „Прпчптаніяхъ“ тѣмъ или другимъ предметамъ. Такъ напр. здѣсь часто встрѣчаются:

Часовни богомольныи (46, 36).
Церквы посвященныи (46, 37).
Живленьице сесвѣтное (69, 46).
Хлѣбушки довольныи (128, 33).
Дожди сыпучіи (39, 450).
Снѣжки перистыи (74, 10).
Морозы студёныи плящіе (74, 11).
Тученька грядовитая (28, 63).
Кльточка мелкорубленая (52, 111).
Крылечико пёрёное (51, 72).
Стопочка точоная (52, 111).
Ларцы окованыи (121, 81).
Санки самокатныи (51, 69).
Улички рядовыи (24, 217).
Лавочки торговыи (16).
Годышокъ учётныи.
Недѣлюшка урочная (51, 65).
Обѣды полудённыи (22, 174).
Полосушки роспашисты (28, 48).
Пожеики луговыи (28, 47).
Личушко блёклое (35, 319).
Языкъ рѣчистъ (47, 60).
Кудёрышка жолтыи (20, 85).
Словечушки прелестныи (21, 114).
Русія подселенная (30, 124).
Людушки казенныи (23, 208).
Солдатушки походныи (29, 88).
Палата приемная.
Стулъ забревальный (81, 29).
Оружья завосныи.
Пистолеты зарукавніи (109, 199).
Начальство всевышнее (37, 390).
Судьи скорозкозныи (45, 121).

Служба злодійная.
Перстни— жуковенья (66, 171).
Солнышко закатное
Звѣздочка ненаглядная (83, 24—25).
Наживная головушка (84, 1—2).
Умолёная лада милая (87, 1).
Жена семья любимая (97, 97).
Миженьское солнышко и т. п.

Весьма часто соединяются два синонимическія выраженія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ: *въ мóемъ пóросту да было въ возрастаньицѣ* (7, 10) *и хоть усталая дойду да опристалая* (155, 134) въ глаголахъ: *я гляжу-смотрю* (1, 13) *схичу-спрячу* (5, 33) *ты корись-просись* (88, 52, въ нарѣчіяхъ: *плотнокаменно* (116, 128) *трудно-тяжело* (161) 13) *жалобно-уныло* (106, 93) и т. п.

Не рѣдко встрѣчаются предложенія, въ коихъ бытный глаголъ совсѣмъ опускается:

«*И съ горя не мила крестьянска эта жирушка,*
«*И мнѣ-ка нé люба пустыла эта свѣтлица.* (129, 64—65).

И какъ вы пóйдете на шúроку на уличку,
И тамъ вамъ уличка ходить да не широкая,
И путь-дороженька безсчастнымъ не торнёшенька (128 24—26).

Глаголы средніе употребляются въ значеніи дѣйствительныхъ; каковы напр. *грубить: И не грубилъ да спорядовыихъ сусѣдушекъ* (59, 20) *ложить: И спородили какъ, родитель, меня матушка, И не въ большой уголъ—на стульце ложили* (144, 161—166).

Въ особенности средніе глаголы, сложенные съ предлогами легко принимаютъ дѣйствительное значеніе; каковы напр. *разговаривать: И малы дѣтушки безсчастны какъ малёшеньки и не толкуютъ-то безсчастну разговаривать* (108, 157, 160).

б. *Заплакать: штозаплакала вѣдь ясны свои очушки* (131, 122).

г. *Призаплакать: призаплачу я безсчастны свои очушки* (131, 160).

д. *Разгуляти: разгуляти кручину* (113, 54).

Средніе залоги употребляются вмѣсто возвратныхъ напр.

«Помѣшалъ то умъ со разумомъ;

«Пристарѣла ты спорядная сусѣдушка (55, 213).

Разболѣла все безсчастна буйна—голова (110, 225).

И наоборотъ возвратные вмѣсто среднихъ: напр.

И не ликуемся, побѣдны, мы тоскуемся (112, 8).

Именительный падежъ, согласно древнему употребленію, удерживается и при глаголахъ дѣйствительныхъ; напр.

И намъ спасти да вѣдь Русія подселенная (205, 792).

Ладить ли-то ужина вечорная (155, 151).

Для усиленія дѣйствія или состоянія выражаемаго глаголомъ, онъ не рѣдко соединяется съ дѣепричастіемъ тогоже глагола; какъ напр.

«Я бы прячучи роботушку припрятала (154, 95).

«И мое рвуци рветъ ретливое сердечутко (108, 162).

Точно также для большей изобразительности дѣйствія или состоянія, глаголы, не рѣдко являются въ предложеніяхъ въ страдательномъ залогѣ—въ формѣ безличной:

«И въ крѣпкой сонъда у солдатушковъ не забранось (31, 191).

Равнымъ образомъ, для того, чтобы оттѣнить тотъ или другой моментъ дѣйствія, рядомъ съ предложеніями въ дѣйствительномъ залогѣ, ставится предложеніе — въ залогѣ страдательномъ:

«И добрый конь нонь-ко идетъ да спотыкается,

«И лошадина голова да принаклонена (9, 20—21).

Онъ не держивалъ бурлацка цвѣтна платьица,

И была не́-дана ступистая лошадушка (21, 122—123).

Въ зависящихъ предложеніяхъ, глаголъ вмѣсто сослагательнаго наклоненія съ союзомъ *чтобы*—допускается въ неопредѣленномъ наклоненіи; напр.

Не навидли свѣты братьица родимыи,

И за столомъ его сидѣть да за дубовыимъ, (21, 117—119).

Вмѣсто причастія, относящагося къ имени существительному и зависящаго отъ главнаго глагола, допускается дѣепричастіе:

«И не видѣли бы вѣтляныи нешушки,
И слезно плачутца горюши причитаютца (173, 165—166).

Глаголъ *„подивовать“* сочиняется съ дательн. пад. *Подивуютъ мнѣ-ка добры эты людушки* (1, 8).

Глаголъ *„отложить“* сочиняется съ творит. пад. *Штобъ подальше жеребьямъ да отложили бы* (50, 46).

Глаголъ *„привѣчать“* сочиняется съ дополненіемъ не только на вопросъ *кого*, но и *во что*: *Оны въ пай играть вѣдь васъ не привѣчаютъ* (179, 63).

Точно также глаголъ *„дойти“* сочиняется не только съ падеж. винит. но и съ дательн. *И може, въ честь дойду я братцамъ богоданыимъ* (154, 99).

Нѣкоторые глаголы употребляются въ своеобразномъ значеніи; каковы напр. *красоваться: мы бы ростили дѣтей да красовалися* т. е. радовались (128, 36) *зажать: и крѣпко зажала ретливое сердечушко* т. е. поджала. (137, 33) *крестить: и во слѣзахъ глаза солдатушки крестили* т. е. творили крестное знаменіе (31, 195) *сочиниться: и сочинилась грозна служба Государева* т. е. завелась, затѣялась (1, 18).

Къ глаголамъ въ повелит. наклоненіи присоединяются иногда частицы: *то-ко. И молчи-то-ко спорядной мой сусѣдушко.* (36, 346).

Отрицаніе *не* ставится не только при глаголѣ—но и при отрицаемомъ предметѣ:

И не уписывалъ родителю я матушкѣ,
Я не низкое поклонно челобитьице (201, 638—639).
И не пожалѣлъ бы я.... не дому бы я (208, 893).

Имена существительныя употребляются иногда вмѣсто нарѣчій съ предлогомъ *за* въ падежѣ винит. или творит.

За гульбищечко дорожку коротали (109, 180).
За весельицемъ дорожку коротали (62, 41).

Существительное *„часъ“* не имѣетъ опредѣленнаго значенія

И показался бы хоть на минутной бы часочикъ (64, 112).
И я не мѣшкаю часовъ да все минутныихъ (154, 93).

Имена прилагательныя, зависящія отъ существительныхъ иногда согласуются съ ними въ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ ихъ предикаты. Таково напр. выраженіе: *живой эта разлука луще мертвой;* т. е. разлука съ живымъ тяжелѣе разлуки съ мертвымъ. (4, 103).

Въ именахъ числительныхъ дробныхъ, какъ и въ древнемъ церковномъ языкѣ, единицы ставятся прежде десятковъ.

И пятой ни-десять учётной иде годышекъ (195, 434).

Чрезъ пять на десять учетныхъ долгихъ годышковъ (167, 157).

Для усиленія степени дѣйствія, предложеніе повторяется съ нарѣчіемъ—въ сравнительной степени:

«И прилиай слово къ ретливому сердчишку,

«И полотные ты ко зяблой утробушкѣ. (59, 344).

Иногда въ одномъ и томъ же предложеніи, для большей изобразительности повторяется одно и тоже нарѣчіе но лишь въ иной нѣсколько формѣ:

Столько не-вьсто вѣдь, сѣты, невьстимо (205, 794)

Предлогъ *предъ* сочиняется съ падеж. винит. вм. творит.

«Передъ Господа глаза да вѣдь крестили (2, 29).

Иногда вмѣсто предлога *предъ* ставится предлогъ *надъ:*

И мы стоимъ да надъ косьвчатымъ окошечкомъ (194, 395).

При вопросительныхъ предложеніяхъ употребляется союзъ, *таки:*

«Таки ль пыль въ поль-погода, буйны-ль вытрынки? (193, 351).

«Таки ль ни-воды ли мы да теперь ни-земли? (197, 515).

Особеннаго вниманія, заслуживаетъ здѣсь то что почти каждый стихъ начинается союзомъ *и.* Союзъ этотъ не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія и является лишь какъ признакъ эпической рѣчи. Подобныя союзы, безъ всякаго значенія, какъ извѣстно, весьма употребительны въ и эпосѣ Гомерическомъ.

СѢВЕРНО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

А.

Абрамъ, представитель бороды. По бородѣ Абрамъ, а по дѣламъ Хамъ.

Адрѣть тя къ лохани. (Поставить тебя къ лохани. Каргон).

Ажно, какъ будто. (Морозъ таки морозъ, ажно съ выльо морозъ).

Ай-ай-ай — выраженіе испуга. Ай-ай-ай, а пособить нечѣмъ (пословица).

Анголъ—Ангелъ. (Заонеж.)

Анъ, какъ, между тѣмъ, вдругъ. (Я снижу ли молодешенька, Анъ подворотенька застукала).

Арьшникъ, слой булыжнику или мелкихъ валуновъ.

Аси— каргон. Ой, аси дѣва, вѣдь у ней нарядовъ-те много. Ой, аси дѣва, поглень-ко басъ-те какая.

Б.

Бажа́ть-желать, хотѣть.

Балахонъ-лѣтняя одежда изъ бѣлаго холста.

Бара́нъ, складенные вмѣстѣ два суслона овса.

Басье, краса (Басъ-та какая— кормилицы!) Н. Г. Ч. У).

Бахвалить—щеголить.

Бахвалъ—хвастунъ, хвастливый человѣкъ, щеголь.

Бахилы сапоги съ подошвами кругловатые.

Бахторма, верхняя не съѣдобная кожица гриба.

Бездённый, не имѣющій дна бездонный. (Бездённый адъ). (Н. Г. Ч. У.).

Безподобные люди, скоты, дикари.

Берёжа—беременная лошадь.

Бережьй, ближе къ берегу.

Бесьдуйте, здравствуйте. Привѣтствіе. *Компаніи вашей!* (Н. Г. Ч. У.).

Бе́тенцы, снарядъ на судахъ для поднимапія якоря.

Битка,—желѣзная платка для игры въ коренье. (Н. Г. Ч. У).

Благо, довольно много. Здѣсь змѣй на сучье щенится, а здѣсь сучья благо.(Н.Г. Ч.У.).

Благой день, удачной день по дѣламъ, или порядочный по хорошей погодѣ,

Благолимъ выглаголемъ. (Н. Г. Ч. У.).

Благочинничать—быть въ благочинныхъ (30 лѣтъ благочинничалъ т. е. исправлялъ должность благочиннаго).

Блазнить—слово, употребляемое большею частію въ святки и значитъ видѣть привидѣніе.
Блазникъ, соблазнитель.
Блинникъ, пирогъ, начиненный *блинами*—масляными и пересыпанными сыромъ или какой-либо крупой. (П. Г. Ч. У.).
Блудить — трогать что-нибудь безъ позволенія.
Блудня—шалунъ.
Богатыревать, силенъ.
Большмоя, по большей части.
Бральщикъ, воръ.
Брать Пасху—проводить пасхальные дни. (У Якова преподобнаго Пасху брали да и пробрали; т.-е. всю Св. недѣлю тамъ захватили, пробыли такъ долго).
Бредець ручная рыбная ловушка:
Брязга тотъ, кто постоянно проситъ чего-нибудь.
Брязжать—надоѣдать.
Бузурýнка, вязаная шерстяная фуфайка.
Булóнко—соловой конь.
Бусурманъ мальчикъ, который руководитъ дѣтскими играми.
Бухарка—зимняя шапка изъ оленьей или овечьей шкуры.
Бухмарно см. Бухмарь.
Бухмáрь, пасмурно, мглисто.
Бѣдúтый, бѣдовый.
Бѣлъ, Бѣлжи пѣна на волнахъ.

В.

Вàландать—медленно или небрежно дѣлать что.
Валенцы—теплые рукавицы.
Валить сукú, рубить лѣсъ.
Вально—бурно. (Вально на озерѣ). (П. Г. Ч. У.)
Варака, гора (употр. въ окрестностяхъ Колы) у Даля и въ Акад. словарѣ нѣтъ.
Варя, Варька, достаточное количество рыбы для варенія.
Вачи, рукавицы изъ толстаго сукна.
Ввернуться броситься (буди, ввернется въ это озерко).
Вдругорядь, въ другой разъ. (П. Г. Ч. У.)
Веретнó, веретено.
Верещáть говорить звонко и скоро, и наперекоръ другимъ.
Верстать, сравнивать.
Вéтошь запущенная, поросшая лѣсомъ поляна.
Ветхой, плохой здоровьемъ. (Ветхой старикъ).
Взабыль, правда, дѣйствительно. Отвѣтъ на вопросъ: *вре?*
Взводень см. Взводъ.
Взводъ, волненіе на морѣ(Взводневато).
Витрянка, отверстіе на сараяхъ и въ хлѣвахъ.
Вѝца, длинное березовое прутье.
Вичье см. Вица.
Владшей, младшій. П. У.
Вóденная осень, сырая, дождливая.
Востужка, вой, плачь, крикъ.
Вожеватый,обходительный,разговорчивый. (Н. Г. Б. У.).
Волочить, брать. (Не ужъ-та на гумно волочатъ т.-е. неужели беруть тебя молотить).
Воронецъ—полка отъ стѣны къ печкѣ.
Восевосе—уже; восевосе пріѣдетъ онъ.
Востріе вм. острѣе. (П. Г. Ч. У.).
Впосльди, наконецъ.

Врё—вм. врешь. (Н. Г. Ч. У.).
Встокъ, востокъ.
Всякоякій, разный. (Люди всяко яки есь).
Втапорь—тогда.
Въ гладку́ю, гладко.
Въ тонку́ю, тонко.
Въ суху́ю, сухо.
Въ ровную, ровно.
Въ курьяхъ, въ кустахъ.
Въ кость, въ прокъ на крѣпкое здоровье. (Душа не творитъ худо, а тѣлу, что хуже то и въ кость).
Въ лапаря́хъ, у лопарей.
Въ обиды вм. въ обидѣ (мѣст. пад.) (Въ обиды родители).
Въ самоѣдяхъ, у самоѣдовъ.
Въ этомъ разѣ, въ такомъ случаѣ.
Вызбить (вызбленный) посредствомъ выдергиванія нитокъ дѣлать узоры на полотенцѣ или салфеткѣ.
Выкидникъ — недоносокъ, извергъ.
Выпихаться, выдвинуться, (онъ выпихался напередъ).
Выра́нда—куча хворосту для сожженія.
Выскать скрутить.
Выстать, встать.(Высталъ рано по утру).
Вытрать, вытерѣть рыло-то вытралъ (вытеръ).(Н.Г. Ч. У.).
Выступки—женская обувь.
Вѣки вѣкущіе—очень давно.
Вячкать—часто напоминать о чемъ нибудь.
Вячять, кокуить. (Плачетъ да вячитъ) (Н. Г. Ч. У.).

Г.

Гайно́—горло.
Гала́нка—брюква.
Галентурникъ—женская одежда.
Галитьміромъ – быть предметомъ насмѣшекъ.
Га́ха (птица).
Гахунъ, самецъ.
Гвёрста, дресва (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Гемеря, то время, что тьма свѣтъ покрываетъ; смеркаетъ.
Глупыши—бѣлыя оладьи.
Глупышь—тѣсто пряженное въ маслѣ.
Гинути, погибать. (Гине несчастной).
Гнильтина—согнившее дерево.
Го́гомень, открытое море.
Голова—Эпитетъ человѣка. *Эка ты голова!* Н. Г. Ч. У.
Голова, мысъ, носъ, оконечность острова. Н. У.
Голодовка—голодное время.
Голосанъ, дьяконъ.
Голцить, разговаривать. Экъ, голова, какъ голцятъ! (Н. Г. Ч. У.). (Голцила, да голцила съ дѣвцонкамъ). (Н. Г. Ч. У.).
Гольтепа, бѣдность.
Голью ѣсть, не закусывая хлѣбомъ. (Голью хлѣбатьмолоко). (Н. Г. Ч. У.).
Гора́, берегъ.
Горній вѣтеръ, береговой съ берега.
Гоститать, гостить. Н. У.
Грабать—щупать.
Граблевище, рукоять у граблей. (Н. В. Ч. У.).
Гребро—насаженная на длинную палку широкая доска.
Грибовикъ, пирогъ съ грибами. (Н. Г Ч. У.).
Грубъ, скученъ, надутъ. (Вси гости на весели, а ты грубъ; у всихъ кровь въ личѣ играе).

Грядка, жердь въ избѣ вмѣсто вѣшалки.
Гулить, литься (кровь гула, гула т.-е. лилась).
Гумага вм. бумага. (П. Г. Ч. У.).
Гуня, балахонишко.
Гурій, куча сложенная изъ камня.
Гуселый (хлѣбъ) заплѣсневшій.
Гуща, творогъ (П. Г. Ч. У. въ Заб.).

Д.

Дачи, взятки. (На дачи прельстился).
Двинянка—житной хлѣбъ.
Двоима, вдвоемъ. (Живу съ женой, двоима).
Делянки, шерстяная перчатка.
Деревянный огонь—огонь, добываемый треніемъ деревъ.
Держить, носить. Мы держимъ такіе сапоги, прежде держали такое платье.
Дешевизень, дешевизна.
Дивья тебѣ—блаженство тебѣ.
Докудова—см. покуда.
Долонь—ладонь. (П. Г. Ч. У. въ Заб.).
Домовикъ, пріемышь.
Дорóдень (о пищѣ) вкусенъ, готовъ.
Дорóдно (о мѣстѣ) удобно, покойно.
Дохать—кашлять (што ты *дохаешь*) (П. Г. Ч. У.).
До-стали, въ досталь (хлѣба дать).
Дошникъ—щапъ, въ которомъ варятъ пиво.
Дракица, дракунъ. (Экой ты дракица, то же, что экой ты разбойникъ). Н. Г. Б. У.).
Драть задать—выпороть. (Я тебѣ такую драпь или деру задамъ).
Дребь, мхи не проходные, добры.
Дробовка, ружье.
Дрѣбнуть трупѣть.
Дуброва, трава коротенькая, какъ будто мошекъ маленькой.
Дубъ, лубъ, заболонь. Березовый дубъ, сосновый дубъ.
Дутри—сопли. Выпустить дутри-те ровнышко червяки; сопли моржевые; косица паршивая; любо ему долгоносому псу. (П. Г. Ч. У.).
Дѣленки—вязаные рукавицы.
Дѣльницы—(см. дѣлéшки).
Дѣтно, много дѣтей.
Дюжо, сильно. (Дюжо болитъ). (П. Г. Ч. У.).

Е.

Ёкаетъ бьется сердечко—т.-е. предчувствуетъ что-либо.
Елпесить—неспокойно сидѣть или скоро говорить.

Ж.

Жарёха, жареная рыба.
Животы—имѣніе, богатство.
Живье—живая рыба.
Жировой чертъ, живущій въ дому или домовикъ.
Жихорь—злой духъ.
Жольпать—низко кланяться, на молитвѣ.
Жудко—трудно.
Журавлика, клюква. (Н. Г. Ч. У.)
Заворотъ, затѣя. (По силы заворóть дѣлать).

З.

Завтреня, утреня. (Чу, къ завстренькѣ благовѣстять) (П. Г. Ч. У.).

Завѣча̀ть, дать обѣтъ. (Я завѣчалъ эти деньги на свѣчу Богу).
Загибенъки, пироги, разсученныя и загнутыя, съ начинкою внутри, изъ брюквы, картофеля, гороху. (Н. Г. Ч. У.).
Загнета — горячее уголье въ печкѣ.
Загнешка—мѣсто, сдѣланное въ ошосткѣ для загребанія пепла.
Заднее время, прежнее время. (Помнишь ты, въ заднее время говорилъ-то).
Зажгать, зажигать. (Зажгалъ свѣщу).
Зажимай-тя—выраженіе ругательное.
Заколье, остожье.
Закопырилось, загорѣлось. (Н. Г. Ч. У.).
Зако̀уски, пряники.
Запалки, спички (Н. Г. Б. У.).
Запрашское лѣкарство, хи́трое, хорошо сдѣланное.
За̀рево, костеръ у Даля и въ Акад. нѣтъ.
Зарежайдать, трещать. (Ально кости зарежайдали т.-е. затрещали).
Заскать, скрутить.
За̀спа, круна житная.
Затеплить овинъ, развести огонь для сушки хлѣба, посаженнаго на овинъ.
Заховà̀ть см. Похова̀ть.
Здись, *Здисъ*, *Здиспва*. } Здѣсь.
Здынуть—желать. (Цѣлуй, буде душа здыне).
Земелька любить потъ.
Зимникъ—зимняя дорога.
Зобать (напр. онъ зоблетъ ягоды.
Зобаться, заботиться безпокоиться.
Зобльться, заботиться Петр. У.
Зыбаться—играть (зыблются, зыблются — играютъ, играютъ).
Зыбель—качель.
Зыкать, кричать.
Зыкъ, отголосокъ. (Слышь, какой зыкъ—отъ даетъ по водыто).

И.

Изводъ, бранное слово.
Изматеряться, сказать сквернное, матерное слово. (Н. Г. Ч. У.).
Инда, вода. Петр. У.
Инной, другой. (Приходи на инной день).
Инно́е, иногда, въ другой разъ. (Н. Г. Ч. У.).
Исподки—теплые рукавицы.
Исподомъ—то подшутили т.-е. малосплентъ. (Н. Г. Ч. У.).
Истопель — количество дровъ для истопленія одной печки.
Исгудобить—уладить.

К.

Казачина, кафтанъ изъ крашенины. (Н. Г. Ч. У.).
Кайковалъ—говорилъ, хвасталъ.
Калапирь—священникъ.
Калапайка—сильная пощечина.
Калега, сѣтка (жить-ловить рыбу калегой).
Калитка—сочень, на которой полагается какая-либо круна, разведенная въ молокѣ.
Калякать—говорить.
Канюнъ, клянча, хонжа.
Ка́постить, накостить.

Кàра (лопар.) деревянный лотокъ для пищи.

Кàра, въ рѣкахъ не большой заливъ. П. У.

Кастлѝво, *Кáсто*, *Кастъ*, } грязь, грязно.

Каталось, да валялось, мѣшкалось. (Это (дѣло) каталось да валялось года три).

Каюры, прозвище деревни Никифоровской (Ухотской волости, Вытегор. уѣзда, на р. Ухтѣ. Прозваніе это не нравится жителямъ; это потомки оставшихся здѣсь Литовцевъ; языкъ русской, но съ страннымъ удареніемъ; типъ оригинальный, чистоплотнѣе русскихъ, ходятъ въ плисовыхъ штанахъ; населеніе около 100 душъ.

Квакýша, лягушка.

Квашéнникъ—худой ножикъ для очистки квашни.

Керста, могила.

Кирза т.-е. топкое мѣсто, бывающее весной.

Кистать, кой какъ дѣлать.

Кичила—длинный еловый сукъ съ осколкомъ ствола въ $1^1/_2$ чет. длины, 1 или $1^1/_2$ въ шир. и $^1/_2$ в. тол.

Клай, клади. (Клай-ко побольше коровьяго хвоста-то на полосу, такъ небось выростетъ) П. У.

Клейнò, клеймо, фамильная печать.

Клыть, подстраивать.

Клытать, дѣлать, (клѣлютъ ли здѣсь палитушки).

Князекъ,—см. охлупень.

Кова, посѣвъ.

Когдашній, давній ли (Н. Г. Ч. У.).

Кое-же-зачѣмъ (кое-же, чертъ, слизень дьявольскій.) (П. Г. Ч. У.) *Кой же къ прахамъ*. Ib.

Кóжа, морскіе звѣри. Мы *кожу* видѣли. *Кожа* весной приходитъ.

Кожанки—кожанныя рукавицы.

Кожухъ — немощеныя стороны гумна, куда валится солома.

Козляки, моховики грибы. (П. Г. Ч. У.).

Кокóра—какая-либо палка въ водѣ, запутавшая ловушки рыбныя.

Кокошá, чепецъ для женщинъ.

Колокóла ударъ. (Вышелъ изъ дому, какъ колоколъ ударитъ т.-е. рано, съ благовѣстомъ къ утрени).

Колокóлка—верхушки у льна.

Колотиться—просить: Петрухины колотятся—просятъ милостыню,—живутъ милостыней.

Колубсь, качель.

Комы велики, куски сахара (у васъ комы велики). П. Г. Ч. У.).

Канáться, униженно просить.

Коникъ—лавка у той стѣны, въ которой дверь.

Ковайничекъ, подойникъ (Н. Г. Кирил. у.).

Копошить—тревожить: что тебя такое копошитъ.

Корба—болото.

Коробка см. буракъ.

Корга, груда подводныхъ камней.

Кореновóй, коренной.

Кормной, (олень) кормленный домашній.

Конобоиться, безпокоиться.

Коровáтики, бѣлые грибы. Такъ называются они потому, что ихъ любятъ ѣсть коровы. (Въ Лидосѣ, Ч. У. П. Г.).

Коскѣ см. *кошмы* косякъ 2 аршина. (Н. Г. Ч. У.).
Костяникъ, червякъ грибной въ корнѣ. (Н. Г. Ч. У.).
Котцавейка—женская одежда.
Коты—деревенскіе башмаки съ черною или красною оторочкою.
Кочь, (игра кочомъ).
Кошка, песчаная мель.
Кошмы, гонки лѣса, проводимыя съ Севѣра на низъ, по судѣ, Шекснѣ и Волгѣ; въ каждой гонкѣ 20 косяковъ. *Кошма* 6 аршинъ по чуркѣ. (Н. Г. Ч. У).
Кошуля, полушубокъ, поволоченный крашениной. (Н. Г. Ч. У.).
Крёсъ—крестъ.
Крица, большая льдина.
Кростихонный—маленькій.(Кростихонная баенка) (Н. Г. Ч. У.).
Кротить (рыбу), убивать ударомъ палкой по головѣ.
Крохотка бѣдная—малая частичка. (Сглянь, у меня у самой, крохотка бѣдная осталась т.-е. оч. мало). (Н. Г. Ч. У.).
Крылато плыть моремъ, быстро.
Кстить, крестить.
Кувшинъ, круглый высокій островъ.
Кувыркаться—перевертываться чрезъ голову.
Кудлина, верхушки у конопля.
Кудесить—кую комуху кудесить-то тутъ?—Что ты дѣлаешь?
Кужлявый, кудрявый (Кужлявая липа). (Н. Г. Ч. У.).
Кужонка—берестяная корзинка, въ которой держать муку.
Куймъ—нѣмой.
Куйпога } время наинизшаго у-
Куйпола } ровня воды при отливѣ.
Кукшинъ—вм. кувшина. (Н. Г. Ч. У.).
Куколь, мѣшокъ для ногъ въ мѣховомъ одѣялѣ, наз. *рóба*.
Курикъ, дровяная палка.
Курма—рыболовная сѣть.
Курма, мережа.
Курочки, почки.
Курья, заливъ.
Кутíха, самка собачья.
Кутышкать — щекотать бока или пятки.
Кíжта, изморозь, туманъ.
Кушевейка—кофта.
Кярба, стая собакъ во время течки. П. У.

Л.

Лавась, ловушка для медвѣдя.
Лагунъ, бочка.
Лагунъ—кувшинъ, въ которомъ держать деготь.
Ладомъ—порядкомъ, по настоящему какъ слѣдуетъ.
Ладо́й—согласіе.
Лапаухъ, дѣлающій безъ толку, бранное выраженіе. П. У.
Лафа—удача, счастіе, прибыль.
Лёжанка—рыбка съ виду похожая на менка живетъ въ лому.
Лёжетъ вм. ляжетъ (Н. Г. Ч. У.)
Лембой бы тебя взялъ—чертъ бы тебя побралъ.
Лехтúть, тяжело дышать.
Либайдать, трястись. (Заонеж.).
Липина колода, въ окнахъ и дверяхъ. П. У.
Липнуть—пнуть погою что нибудь.

Личники—украшеніе окопъ со внѣшней стороны.
Ловцае, вм. ловчѣе. (Н. Г. Ч. у. въ Зад.) Въ Заболотьѣ говоговорятъ съ *ростяномъ*.
Лозомъ— грудой, не въ порядкѣ.
Ломкой вытеръ, встрѣчный (въ Акад. и у Дали нѣтъ).
Лонись, прошлаго лѣта. Н. Г. Ч. у.
Лонскій: прошлогодней (*Лонская* книжка).
Луковникъ, пирогъ съ лукомъ. (Н. Г. Ч. У.).
Луковщина, хлѣбный сборъ въ пользу причта съ каждой рабочей души ½ маленки.
Лупкій— съ корой легко отдѣляемой. (Н. Г. Ч. У.)
Лытка, голень.
Лысовàть, охотиться.
Лючіе вм. лютѣе. (Н. Г. Ч. У.).
Ляга, лужа, мокрое мѣсто, П. У.
Лàдъ, (ладъ тя возми, гдѣ у ладовъ), П. У.
Лякать—лоскутъ.
Ляха, и *кыха* узкая полоса.

М.

Магазея—магазинъ.
Макýра—ничего.
Малекъ—мѣсто сухое, покрытое небольшимъ лѣсомъ и притомъ можно проѣзжать по нему.
Мало-мальски—сколько нибудь.
Мамъ—мама.
Манить, сдавать мячекъ. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Манко, привлекательно, пріятно, вкусно. (Ой, манко же и хлѣбать-то). (Н. Г. Ч. У.).
Матóрой, большихъ размѣровъ. (Н. Г. Ч. У.).
Махóвка, флюгеръ.
Махонькій, маленькій. (Играть, робята, камешкамъ махонькимъ). Н. Г. Ч. У.).
Микула. Вотъ тѣ микула. Божба. (Н. Г. Ч. У.).
Минилокъ, бабочка (Н. Г. Ч. у.).
Минуть вм. минуть. (ib).
Морда—рыбная ловушка.
Молошники, молодые зубы, выпадаютъ у маленькихъ ребятъ (Н. Г. Ч. У.).
Молотовище, рукоять у молотила. (Н. Г. Ч. У.).
Морóкъ, туманъ.
Морянникъ, *Морянка*, множеств. *Моряне* } вѣтеръ съ сѣверной стороны.
Мульнуть, взмутить, взболтать воду движеніемъ. (Щучка мульнула) (Н. Г. Ч. У.).
Мшарúна, сырая, мшистая полянка въ лѣсу. (Собирать ягоды по мшарипамъ).
Мышь (въ имен. пад. съ нуж. окончаніемъ). Кошка взять мыша не може.
Мянда, сосна.
Мяржюдать—ревѣть.
Мясникъ, горшокъ въ которомъ варятъ говядину. П. У.

Н.

Набалмошь—на авось.
Наволожить, хорошо намазать.
Наварка, конецъ желѣза въ горнѣ. (Н. Г. Ч. У.).
На вякàхъ, встарину.
Надвынить—напомнить.
Наджабрить—повредить.
Надодонить, накормить. „Э какъ ты матушка надодонила).
Надолызнуть, наскучить.
Надостали—наконецъ.

На ересь, на зло.
Назыкнуть—наузкать (я на тя собакъ назыкну). (II. Г. Ч. у.).
Назюкнуть, тоже, что *назыкнуть*. (II. Г. Ч. У).
На ладáхъ—согласно.
Намутиться, на лбединчать.
На по́лой воды этотъ камень снимаетъ, т.-е. приливъ его закрываетъ на другой стороны.
Нарѣзаться, напиться, (Экъ, нарѣзался!)
Нарядихи—маскированныя.
Настилальникъ, простыня.
Настъ—весенній снѣгъ, подмерзшій въ ночные заморозки такъ, что можно ходить по немъ.
Натакать—склонить кого на что.
На́ткось—возми.
Натодильный—отвѣчающійсвоему назначенію.
Натореть—привыкнуть.
Натранезиться наобѣдаться: наѣсться. (II. Г. Ч. у. въ Заб.).
На-што, за чѣмъ. (II. Г. Ч. У.).
Не́видаль, диковина.
Негудяй, вм. негодяй.
Недержаный, невинный (см. новый).
Незнаткій, не ясный. (Какое зеркало-то незнаткое). (Н. Г. Ч. у.).
Необезсудьте, то же что „извините“. II. Г. Ч. У.).
Необстоячей — неблагополучный (Нараходъ видитъ, что дѣло *не обстоячее*; далъ ходъ на песокъ. (II. Г. Ч. У.).
Не снятся селгоду т.-е. не справиться. II. у.
Нечередникомъ, безпорядочно.
Не што вьдь—такъ себѣ. (II. Г. Ч. у.).
Нивья, нивы (нивья рубилъ).
Ничью ткнулся, ничкомъ. (II. Г. Ч. у.).
Новый, молодый (въ фатеры три женщины; третьяя совсѣмъ нова, недержана).
Ночувать, почевать.
Нюня—непроворный, не удалый.
Нюня—плаксивый.
Нѣлый—непроворный.

О.

Обивъ, обѣихъ. (II. Г. Ч. У.).
Обложный (такъ называется дурной человѣкъ; чаще называется продажная вещь, дурная въ самомъ дѣлѣ, но подкрашенная и поддѣльная до того, что она легко признается хорошею.
Обмели́ться, сѣсть на мель.
Обназемить—удобрить землю.
Оболокаться—одѣваться.
Оборы—веревки для привязыванія лаптей къ ногамъ.
Обрящиться, явиться (человѣкъ обрящился).
Обсалить усъ, такая худая стрижка.
Обугальникъ, одѣяло.
Обугаться одѣваться во время сна (обугаются, когды спать ложатся). (II. Г. Ч. у.).
Объѣда, объѣданіе. (Объѣды нѣту, т.-е. дѣти не объѣдаютъ) (II. Г. Ч. у.).
Обывъ вм. обоихъ. (II. Г. Ч. у.).
Обымъ вм. обоимъ.
Обѝдникъ, вѣтеръ Ю. В.
Овсянникъ, медвѣдь. (II. Г. Ч. у.).
Овьска, занавѣсъ. II. Г. Б. у.).

Огорѣвать—съ горемъ что-либо сдѣлать. (По гривеннику съисть огорюемъ).
Огуменникъ, загороженный лугъ, на которомъ построено гумно.
Огуменокъ — огороженое мѣсто вкругъ гумна.
Оземляковъ—оземлю (стегнулъ оземляковъ).
Окоёмъ—докучливый.
Оконать, потерять,
Окошеливаться—долго справляться.
Окрылья летыть, т.-е. на крыльяхъ.
Омманить, вм. обмануть.
Опасъ, проводникъ.
Опристалъ—усталъ.
Опружился (о кораблѣ), свалился на бокъ, опрокинулся.
Ортюха (умнш.) Ортемій.
Особи, отдѣльно.
Остоятся, постоять. (Остоялся противу огня).
Остуда, непріятель.
Отава—трава, выросшая послѣ кошенія.
Отвѣдать, провѣдать, навѣстить. (Дочку отвѣдать отданую Н. Г. Ч. у. Заболотье).
Отекъ (о кораблѣ), погрузился въ воду; въ Акад. и у Даля нѣтъ.
Отень, лѣнивая.
Отростели, отростки на рогахъ у лоси. (Н. Г. Ч. У.).
Отрушай хльба, отрѣжь ломоть.
Отрубать, отрѣзать или отломить. (Съ ломтя хлѣба отрубала).
Отъ въ знач. послѣ. (Попли отъ обѣда-то въ знач. послѣ обѣда.)
Охирять, поправляться. (Охиряетъ т.-е. поправится) (Н. Г. Ч. У.).
Охлупень — бревно, соединяющее верхъ крыши.
Ошелепить—ударить.
Ошуровить, вскружить.

П.

Набъдовать, третьи выть справлять.
Навина, лава.
Налая вода, отливъ.
Парнушки, пироги, которые пекутся такъ: въ густое тѣсто съ загнутыми краями наливаютъ тѣсто жидкое. (Н. Г.Ч.у.).
Парочка, дѣвица — подружка. П. у.
Пасмо—18 нитокъ намотанныхъ на мотовило.
Патровать—вынимать изъ сѣтей рыбу.
Пахта, скала, каменный обрывъ, утесъ.
Пахтать—шевелить (пахтать смѣтану, шевелить мутовкой, палкою съ рожками на концѣ изъверщины дерева (Н.Г.Ч.у.).
Пачулки, носки.
Пашной день, въ который пашуть.
Первожены, молодые. (Сплы знаете, не первожены).
Перепоны, тенета. (Н. Г. Ч. у.).
Перневи, трещина.
Пелева, мелкая мякина.
Переводница—сплетница.
Перевязка — дѣвичій головной уборъ съ широчайшими лентами позади.
Передница — женская одежда, тоже что передникъ.
Пережівъ, перехватъ казакина.
Перекокшать, перебить.

Перечапить—перевѣсить.
Перла, бусы, ожерелья.
Перубъ—комната за заборкой.
Перхоть, чешуя въ головѣ.
Пестѐрь — котель плетеный изъ берéста.
Пестроня, корова, покрытая пестрою шерстью.
Пехтеря, дуракъ неотесанный; толстякъ, брюханъ.
Пилужка—кожучекъ.
Пипать, пипать.
Пишетъ вм. пишется. Въ Библіи пишетъ: если Богъ далъ немощь, не ищи у нечистаго духа здоровья.
Плавать, ловить рыбу поѣздомъ.
Плавни́къ, деревья выбрасываемыя на берегъ моремъ.
Плàшка, барка.
Плашка, палочка, на которой назначаютъ нарѣзками количество привезенной для молотья муки. Также о кожахъ. П. У.
Платно́къ, полотенце.
Плете́нка, плетенная изъ береста, корзинка, гдѣ хранится мука.
Плúца, черпакъ для выкачиванія воды на лодкѣ.
Пльверь—подвелъ (плѣверъ сѣетъ дьяволъ).
Подволо́ка—полаты подъ крышею для сѣна и соломы.
Подпечье—мѣсто подъ печью для курицъ.
Побережникъ, вѣтеръ С. З.
Повали́ться, лечь спать.
Поволока, полушубокъ, поволоченный бѣлымъ холстомъ. (П. Г. Ч. У.).
Повора, поперепникъ на гонкахъ 9-ти аршинъ. См. Кошмы. (П. Г. Ч. у.).
Полуночникъ, вѣтеръ С. В.
Полусундучье, сундучекъ.
Полый домъ, пустой; *полыя окна, ворота*, т.-е. открытыя настежъ.
Помазни, пироги, помазанные смѣтаной. (Н. Г. Ч. у.),
Помазь—нѣсколько перьевъ для помазыванія пироговъ.
Помо́ристый см. поморѣй.
Поморйй, дальше отъ берега.
Помшилось—ужъ видно, что-либо помшилось во дворѣ, што скотина не здорова.
Понитникъ, кафтанъ изъ холста (П. Г. Ч. у.).
Понять,, брать. (Не попялъ съ собой, т.-е. не взялъ вмѣстѣ съ собой). (П. Г. Ч. у. въ Заб.).
Пооначье, получше.
Понюра—вялая, задумчивая.
Понява—верхній летучій кафтанъ.
По́пить, священствовать (по́пилъ 40 лѣтъ).
Попритчилось, сдѣлось, лихо приключилось.
Попытаться, сходить къ знахарю или ворожеѣ (П. Г. Ч. у.).
Порный, крѣпкій, въ силѣ (лошадь *порная*, дюжа́, гладка, забрала пору; долго, знать не ѣздили, и хорошо кормили.) (П. Г. Ч. у.).
Поро́зный, порожній.
Пороситься—о свиньѣ съ поросятами.
Порозилко, быкъ не леченый.
Порочка, цилиндрическая корзинка изъ береста, употребляемая для переноски жидкостей.
Поршень—родъ сапоговъ.
Поршни—сапоги безъ подошвъ.

По-ряду, по близости, подлѣ. II. у.
Посѣдни—намедни.
Поскотина—загороженное мѣсто для скота, гдѣ опъ пасется цѣлое лѣто.
Потиться, серчать.
Похвастать, побѣжать. (Похвостнетъ, словно кошка). (II. Г. Ч. у.).
Поховáть (вещь), утаить, зажилить, украсть.
Похóдъ, хорошій уловъ.
Похолстникъ, то же, что понитникъ. (II. Г. Ч. у.).
Пощувать, поуговаривать. (II. Г. Ч. у.).
Правдайтесь любящіе гости—садитесь за столъ и кушайте.
Прахъ въ выраженіяхъ *на кой прахъ*; т.-е. ни къ чему; поды къ прахамъ; т.-е. вовсе не нужно. (Н. Г. Ч. у.).
Приборъ, собраніе (приборъ гостей, собраніе, балъ).
Приглубый, глубокій.
Пригорьться, влюбиться (Пригорѣться къ ней).
Прикиснуть (о рыбѣ или о мясѣ), загнить.
Прилипиться, прислониться (Этотъ прихожей человѣкъ къ стѣнки прилипился, какъ будто въ обиды).
Примарить пригрѣло или клонитъ ко сну.
Припóнъ, пологъ.
Приступокъ—доска при печкѣ, для вспоможенія взлѣзать на нее.
Приторомко приторно. (II. Г. Ч. у.).
Прихмыливать, подсмѣиваться (см. усмѣхница).
Прихотути, прихотничать (тѣло прихотуетъ, а душа не любитъ прихоть).
Пріопнуться, загнуться (пынѣчь гвоздь-то пріопнулся) (II. Г. Ч. у.),
Пріотлегчитъ душеньки; легче станетъ на душѣ.
Пріузъ—молотило.
Поглянуться, понравиться. (II. г. Ч. у.).
Погонялка—кнутъ.
Погорьй, держи! направляй лодку ближе къ берегу.
Подáно, удобао.
Подбой, воспаленіе глазъ весной отъ сверканія снѣга.
Подволока—верхній чердакъ.
Поди-вздай, узнавай, пожалуй.
Подоплеки, подкладка подъ рубашкою на плечахъ. Петр. у.
Подхоже кстати. (Дѣло то не подхоже, т.-е. не подъстать. О. Г. II. у.
Подызбица—хлѣвъ подъ избой.
Подынъ—хлѣбъ, (печеный) даваемый прихожанами священнослужителямъ о праздникахъ.
Пожинаха, замѣшанная на маслѣ и жареная круна, приготовляется обыкновенно послѣ жнивы.
Пожитой, пожилой.
Позавсямъ—въ будни.
Позаочи, заочно. II. у.
Пойматься, посулиться. (Поймаешься поѣхать т. е. посулишься).
Покосить судномъ, лавировать, плыть противъ вѣтра.
Полáца, вязальная доска.
Покотуха, деревянное продолговатое блюдо.
Полохало. чучело,(Н. Г. Вѣл. у.).
Пробрать, (см. *брать*.

Проворой—бойкой, удалой.
Прорва,бранное выраженіе,обращаемое къ женщинамъ (ой, вы—прорвы). (П. Г. Ч. у.).
Простокíша, простокваша.
Пронура хитрый мужикъ.
Проспать, просыпать. (П. Г. Ч. у. въ Заб.).
Про што-што, такъ что.
Прямь дома насупротивъ.
Прясло—столпъ съ дырами, въ который кладутся жерди (до 14-ти).
Пудáсъ заливъ или узкій проливъ въ рѣкѣ.
Пудра—родъ каши изъ рѣпы и муки.
Пулкачъ, у дровень, или иначе кобыла. П. у.
Пысконить—портить.
Пытать, пробовать. (Сосну никто и не пыталъ т.-е. не скоблилъ соку). Н. Г. Ч. у.).
Пьварь, пѣвецъ.
Пявзать, говорить долго и тихо бездѣлье.
Пялить надѣвать (кафтанъ пялить).
Пѣтка, четверть.

Р.

Рабъ, человѣкъ.
Ражёво—довольно.
Ражевой, сильный, красивый.
Разбóйный корабль, разбившійся.
Разгуляться, прогулять. (Пошелъ, знать, разгуляться). (П. Г. Ч. у.).
Разпло-бы-тя—выраженіе ругательное.
Райка (лоп.) дыра.
Райно, колъ.
Рахманный,расторопный—(рахманнымъ или расторопнымъ называется человѣкъ бойкій, при случаѣ не жалѣющій денегъ, но не расточительный.
Рвать—таскать за волосы. (Мама-то почнетъ его рвать ровнышко пса мерзящаго). П. Г. Ч. у.).
Ребейка, костица. П. у.
Репсай, лей.
Рѐчейдать, трещать.
Рисикать, бѣжать тихо.
Робить—работать.
Рогáтка—мутовка.
Родъ, поколѣніе (гдѣ какой родъ, такіе и люди).
Рой, брось.
Роздънусь на одну рубаху, т.-е. сниму съ себя все и останусь только въ рубашкѣ.
Разобрать, разузнать (цѣсъ не разбере).
Рокань (норв. камзолъ, поддевка.
Ронная, вм. родная. (П. Г. Ч. у. въ Заб.).
Росадникъ, нива. Ол. Г. Нет. у.
Росолъ, напитокъ изъ сырой рѣпы.
Ростань—парникъ.
Рѐхлый (о ягодахъ), сырой, незрѣлый.
Рудная изба, домъ, въ которомъ во время топки печи дымъ опускается до воронца.
Рукотѐрть, полотенце.
Рукотеря, полотенце, утиральникъ. Н. Г. Ч. у. Въ др. мѣстахъ: *рукотерникъ*.
Рѐусскіе вьтрá, южные теплые.
Рушать, рѣзать хлѣбъ.
Рыбачить, ловить рыбу.
Рякать, медлить.
Рядовикъ, мужская одежда.
Ряжки, тряпицы.
Рѣщиться, потеряться.

С.

Са́лма, проливъ въ морѣ между островомъ и материкомъ.
Самозря, самъ по себѣ (Самозря не смѣлъ этого сдѣлать).
Сарпать (во время скорой ѣзды лошадь сарпаетъ).
Свóлокъ, валъ на который навивается основа.
Свѣжій, новый (свѣжей человѣкъ пришелъ).
Сгóды, угодье.
Сгонилъ, согналъ (Н. Г. Ч. у.).
Собрядить, спрятать (собряжу сапоги, уберу спрячу сапоги,
Сгоношиться, собраться. (Н. г. Б. г.). (сгоношился жить).
Сдержа—головной уборъ женскій,
Сдѣлаешцы—вм. стся. (Н. Г. Ч. У.).
Со-зыку,—съ призору. (Н. Г. Ч. У, въ Заб.).
Созыку, тоже, что со́зыку;—*слазили*.
Севодный, свѣжій. (Севодная вода т.-е. свѣжая вода).
Сектать — часто говорить, а иногда еще съ насмѣшкой.
Сельтной годъ, нынѣшній текущій.
Сибирка—(см. поддевка).
Синятки, безъ боровъ, вм. сарафана. (Н. Г. Ч. У.)
Ситушка (лоп. сейда), лопар. богъ.
Скало, выпуклый на срединѣ цилиндръ, употребляется для высыканія сочней.
Скакýха, лягушка.
Скать, я ску, ты *скишь*, онъ скитъ. Н. У.
Сквозникъ—обжора.
Скипа—ломоть хлѣба.
Складни, загнутые личио житные блины, въ средину коихъ полагается или крупа или вишно.
Скобкарь, большая деревянная изъ корня сдѣланная чаша.
Сколóтокъ, незаконнорожденный.
Скопъ—собраніе холостыхъ и дѣвицъ, для игры на гульбищѣ.
Скоркать / *Скыркать* } скоблить.
Скосокъ, ломоть хлѣба. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Скрѣтка, ручная гармонія.
Скудá, скудость. Н. У.
Славотница—первая на славѣ. Н. Г. Б. У.).
Словстся—считается.
Словутный—знатный.
Служилой, инвалидъ.
Слота, мокрая похода съ вѣтромъ и снѣгомъ.
Смонуться—чесаться.
Смотрея, нянька.
Собинка—лакомый кусокъ, приготовленный кому особенно.
Соврульки, бусы выкапываемыя изъ земли (въ зимней золотицѣ). Въ Акад. и у Даля—нѣтъ.
Совыту ватему — привѣтствіе бесѣдующимъ. (Н. Г. Ч. У.).
Согрыть, пустить на ночлегъ (нельзя насъ согрѣть добрые люди, т.-е. пустить ночевать.
Содомить, кричать, браниться.
Солностанъ, восходъ солнца.
Соломенница, постель, набитая соломой. Н. У.
Солянки, пироги, насоленные сверху. (Н. Г. Ч. У.)
Спалить—обжечь что нибудь.
Спóлохи—сѣверное сіяніе.

Спорный — прибыльный; мука эта спорорна въ квашнѣ.
Ссу, сосу (ссетъ конфетку. Н. Г. Ч. У.).
Ссягать, добывать, доставать (Волѣ года попа ссягаемъ, не даютъ). Н. Г. Ч. У.).
Ставецъ — деревянная чашка изъ корня.
Стайка, отгороженное въ хлѣвѣ для овецъ и телятъ мѣсто.
Стамая гора, отвѣспал скала.
Станъ, раскидная дорожная палатка.
Старая коркота—старуха.
Стебнить, гляйко дождь-то стебнитъ.
Стегнуть, сильно бросить.
Стельми, рыбная ловушка.
Стельна, беременная корова.
Сталикъ см. Стамая гора.
Стрекать (уголь изъ печки стрекнулъ—гости будутъ).
Столопъ—столбъ.
Стыда, стужа (Это ужъ къ стыдѣ т.-е къ стужѣ.
Стырить, остро говорить.
Стырь—гвоздь у дошника—вставляется онъ сверху въ средину дна.
Стьна—количество холста съ однихъ кросенъ.
Стьнокъ дѣлать, дѣлать отпечатокъ своего тѣла на землѣ при гаданіи на святкахъ.
Стягивать пятаки. (Пятаки стягиваешь т.-е. деньги умѣешь брать).
Стянить, украсть.
Строки, изъ рода комаровъ, длинныя съ 4-мя крыльями. (Н. Г. Ч. У.).
Стрыкала, крапива. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Стряня, хозяйство. Куды коровей хвостъ махнетъ, и стряпя хорона).
Судомойка, мочалка, которою моютъ посуду.
Сузѣмки, чаща, глухое мѣсто въ лѣсу.
Сузѣмъ, лѣсное мѣсто.
Супрятки, вечеринка у хозяина, когда прядутъ хозяйское.
Суруска, маленькая часть чего-нибудь.
Сурта—дѣлается изъ сосновыхъ дранокъ (на подобіе конусообразнаго лукошка) и употребляется для задержанія солода при спускѣ *сусла* (сусломъ называется тоже пиво? только безъ хмѣля).
Суселень, зябель.
Сусорить—болтать, что придетъ въ голову, пустословить.
Сутычки—уголь.
Сучить (Ты все сучишь, навираешь, наговариваешь). (Н. Г. В. У.).
Суяна—беременная овца.
Схлизить, слузать, отстать отъ игры, не оканчивая ее (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Сционять, склонять, подстрекать.
Съ вона, снаружи (корабля, избы).
Съвной день, въ который сѣютъ.
Съдуть вм. сядутъ. (Поточки на сутки сѣдутъ.) (Н. Г. Ч. У.)
Съружникъ, пирогъ, начиненный солеными сѣрухами (Н. Г. Ч. У.).
Съткa, шейный шарфъ.

Т.

Тамотко—тамъ.
Творожникъ, пирогъ изъ жит-

ной муки, съ начинкой изъ творогу и смѣтаны. (П. Г. Ч. У.).
Тепѣтся, стремится.
Теплынь, тепло.
Теребить—взыскивать.
Терусь, вм. трусь. (П. Г. Ч. У.).
Тѣ вм. тебѣ. (Новг. Г. Ч. У.).
Тожно—тогда.
Токило, точило. П. У.
Тольне (толи не) такъ, эдакъ.
Тонкій, 1, молодой, (тонкое молоко) т.-е. прѣсное 2, мелкій (тонкая мука т.-е. мелкая).
Топлый (о мукѣ), затонувшій.
Топтанье бабье, хлопоты.
Топтаться, переминаться съ ноги на ногу.
Торбаться, барахтаться, биться.
Торнуть, ткнуть. (Ой, же онъ его люто торнулъ) (Н. Г. Ч. У.).
Торондать—гремѣть.
Торосá, плавающія льдины на морѣ *о́торось*—весною.
Торъ, накатанное, гладкое мѣсто на пути.
Трапеза—теплая церковь.
Тремочьи шти, уха изъ трески.
Треногъ, сосудъ, въ которомъ держится вода для питья.
Треножить, вертѣться на одной ногѣ.
Трожды вм. трижды.
Трýдится—къ смерти гонитъ. (Н. Г. Ч. У.).
Трунь, перхоть на головѣ. П. Г. Ч. У.).
Трусить, сыпать просыпать П. У.
Трынать—дергать.
Трянýща рыбка — трепещущая рыбка.
Тузить, бить. (Ужъ онъ тузилъ, тузилъ).
Тупа, русское названіе лопарской избушки, имѣющей вмѣсто печи очагъ (камин).
Тупица—тупой топоръ.
Тýкковить, стучать. (Тýккує сердце бьется, стучитъ). П. У.
Турнуть, пѣхнуть. (Экъ, ты меня турнула пѣхнула). П. Г. Ч. У.).
Туровить — торопить (Теперя оброкъ туровятъ—т.-е. сѣзжать взыскивать, торопятъ).
Ту-ру туру постушокъ,
Рябиновой батожекъ,
Далеко ли ты трубишь?
Отъ моря до моря,
До Кіева города.
Что царь дѣлаетъ?
Туру-ногу пишетъ.
et coet. П. У.
Тутакова—тутъ.
Тусь—берестяное ведерочко.
Тыки, али лапы,—Чего желаешь, того ли, чтобы брошенная кверху палка, концемъ ткнулась о землю, или чтобы ударилась плашмя; угадавшіе владѣютъ городомъ при игрѣ въ лапту. П. Г. Ч. У.
Тырайдаетъ — дрожитъ, трещитъ.
Тюкать—строить. (Домъ тюкать).
Тюлькать, не внятно говорить; больше употребляется въ отношеніи къ маленькимъ дѣтямъ.
Тюфтяники, пироги, начиненные брюквой. (Н. Г. Ч. У.
Тюфтяникъ, медвѣдь толстой. (П. Г. Ч. У.).
Тюкать—мять въ рукахъ что либо мягкое.
Тяжáчь, толстый несоразмѣрно. О. Г. П. У.
Тяпки, ловки. (Тяпки бабы Ладорскіе т.-е. ловки).

У.

Угаръ, мѣсто, гдѣ кузленицы. (Н. Г. Ч. У.).
Угрюмый—суровый, пасмурный (когды погода угрюма, упруго пожитому, какъ будто все на веселѣ).
Удохъ—отдохъ.
Ужный, южный.
Укотерникъ, тоже что *рукотерникъ*. См. рукотеря. (Подай, говорятъ, укотерникотъ. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Укуволить, успокоить,
Укутать, укрыть. (Укутайте парня-то совсѣмъ размѣтался).
Упетаться—утрудиться.
Уповодъ—сутки (Н. Г. Ч. У.).
Упруго, не ловко, не въ духѣ. (См. угрюмый.
Упружился. см. окружился.
Уразиться, ушибиться или уколоться (овца уразилася) (Н. Г. Ч. У.).
Урындать—воять.
Усмѣжница, надемѣшница. (Усмѣхница хмылитъ да прихмыливаетъ, какъ обѣдъ подаетъ)
Усторо́нокъ—въ гумнѣ.
Устосать — сильно замазать платье.
Усухутить, спрятать.
Утиральникъ—полотенце.
Утрифить, приладить.
Утушки, водяныя растенія П. У.
Уходился (о кораблѣ), разбился.
Уходить, *ухо наварить*—потерять или пропить.
Учивыживаться, охарашивается. (Экъ очи выживается котъ-отъ) Н. Г. Ч. У.).

Ф.

Ферези, изъ крашенины, съ разрѣзомъ впереди до подолу, съ лентами и пуговками. (Н. Г. Ч. У.).
Фукать—укать, кричать по филиному (филинъ фукаетъ) (Н. Г. Ч. У.).
Фурайдать, скоропить.
Фурить, пылить пескомъ. (Не фури, не шали пескомъ). (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Х.

Хазъ, позументъ.
Хаѐндать—смѣяться.
Халява—человѣкъ разсѣянный.
Халяндать—шататься изъ стороны въ сторону.
Хватило бы тя—выраженіе ругательное.
Хворостина—дубинка.
Хи́нить, худо отзываться.
Хинькать, хыкать.
Хирость, болѣзнь. (Хирость пристаетъ). Н. Г. Ч. У.).
Хитить въ избу мыть избу. (Хитить въ избѣ, мостъ въ избѣ). (Н. Г. Ч. У.).
Хлыня́ть, отклоняться отъ дѣла.
Хода (она все въ ходахъ да въ бродахъ.
Ходить чьмъ, бить. (Ужь какъ я почну ходить тебя дугой).
Холоде́нка, лягушка.
Хрибъ, хребетъ. (Хрибъ сломлю.) Н. Г. Ч. У. въ Заб.).

Ц.

Цё—что.
Цыножа́ютъ, подведжены цыпгѣ.

Ч.

Чабàръ, дѣтеныш чайки.
Чамкать, шлепать (о ночахъ).
Чамкать, жевать. П. У.
Чаша, человѣческій черепъ.
Чево-то умерло; чево-то завереща́ло т. е. кто-то взрослой или ребенокъ, мущина или женщина, умеръ.
Челесникъ—мѣсто надъ устьемъ печи, покрытое сажею.
Челядь, мальчики.
Че́резъ, ремень, какъ будто надутой; до сюль деньги въ немъ держали.
(Злато было въ черезу, потерялъ).
Черемецъ, поносъ—болѣзнь.
Чѐрна бо́лъзь—ругательное слово.
Чернязь, особый видъ утокъ. (Н. Г. Ч. У.).
Черяндать, плевать.
Чечуля—большой кусокъ хлѣба.
Чивье—рукоятка ложки.
Чипецъ—повойникъ.
Чисменица—значки.
Чолпакъ—небольшой овсяной хлѣбъ.
Чурокъ, отрубокъ бревна.
Чухарь—глухарь.

Ш.

Шабарчить, шелестѣть.
Шавить—съума сходить.
Шавунъ—обманщикъ.
Шашта зеленый мохъ на деревѣ.
Шарахнуть—ударить.
Шелòнникъ, вѣтеръ Ю. З.
Шибать, бросать.
Шиликуни́чать маскироваться.
Шиликунъ—маскированный въ святки.
Шипищникъ—дикая роза.
Шишъ, разбойникъ.
Шлипа́чить, трепать по щекамъ, давать оплеухи. П. У.
Шмыкъ | борозда на снѣгу отъ
Шмычекъ | вѣтру.
(Держать зимой путь по шмыка́мъ.
Шоломъ—изъ холста котомка.
Шо́мба (въ неводѣ) наплавки изъ бересты.
Шормуша—маленькая горница.
Шоршень, изъ рода оводовъ (Н. Г. Ч. У.).
Шпанки—житныя оладьи.
Шпань—тѣсто пряженное въ маслѣ.
Шпыни—растрепаные волосы.
Шти вм. щи. (Н. Г. Ч. У.).
Шубнякъ, полушубокъ, нпчѣмъ необтянутый нагольной. (Н. Г. Ч. У.).
Шугай—короткая до колѣнъ шуба.
Шушпаны, вялые, непроворные. недѣятельные люди. П. У.
Шушунъ—женская одежда.

Щ.

Щекотать—стрѣкотать (сороки щекочетъ). (Н. Г. Ч. У.).
Щелковатое мѣсто, крупно окаменистое.
Щель, большой камень.
Щи,—вм. што?? Щи удала ходбой. (Н. Г. Ч. У. въ Заб.).
Щуры—черви.

Э.

Экой?! вм. такой-то.(Н. Г. Ч. У.).
Эсколько длинень, такъ настолько.
Эчки—кличка овецъ.

Я.

Ядъ—ворчаливый человѣкъ; такого названія болѣе удостоивается какой-нибудь властитель.

Ялся—хотѣлъ.

Яндова—оловянная чашка, изъ которой пьютъ пиво.

Яруга, гнѣздо волчье, медвѣжье. Н. Г. Чер. У. село Ольхово.

Яхидной вм. Ехидной.

Въ сей Словарь вошли лишь не многія слова изъ тѣхъ, кои встрѣчаются въ настоящемъ томѣ „Причитаній“. Такъ какъ большая часть ихъ уже занесена въ словарь, приложенный къ 1-му тому.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Стихи*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ исправить:*
XI	—	тучи	туги.
17	— 108	Петровкому	Петровскому.
22	— 157	цвѣтио	цвѣтиа.
25	— 33	ко краснымъ	ко краснымъ.
35	— 325	целовалися	цѣловалися.
99	— 13	скозь	скрозь.
116	— 3	сегодышнимъ	сегодняшнимъ.
148	— 128	со надёжной	съ надёжной.
153	— 86	я и горюша, оутрышку вѣдь ранёшенько	я, горюша, вѣдь по утрышку ранёшенько
103	— 71	и на отдмхъ	и на отдохъ.
176	— 27	дядюшки	дяденьки.
200	— 609	за глубокима	за высокима.
206	— 817	родныи	ро́дныи.
208	— 877	миомилосливой	многомилосливой.
224	— 41	не кровь проливайте-тко	кровь не проливайте-тко.
232	— 38	суравёшенько	суровёшенько.